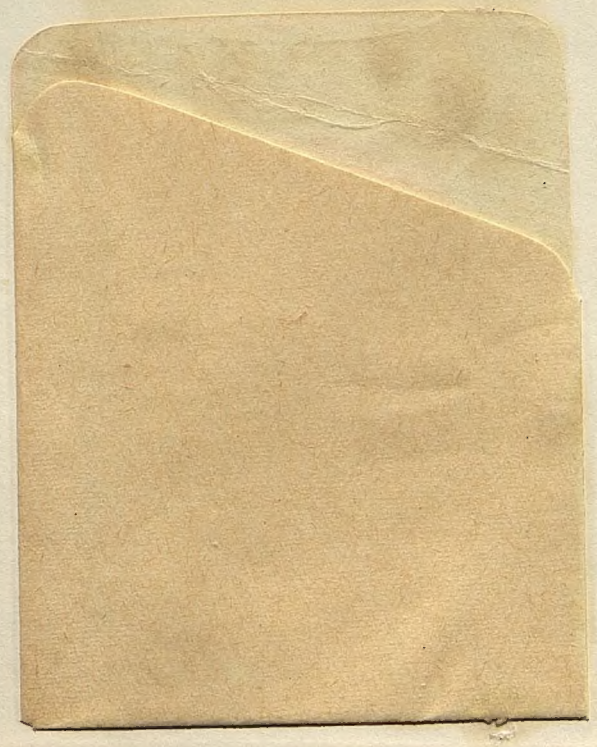
9(47)
Г60

Н. Б. ГОЛИКОВА

Политические процессы при Петре I

Издательство
Московского Университета
1957



9/47)
Г60

Н. Б. ГОЛИКОВА

Политические процессы при Петре I

По материалам Преображенского приказа

Издательство
Московского Университета
1957

ПЕЧАТАЕТСЯ ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКОГО СОВЕТА
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

~ ~

Под редакцией
Г. Н. АНПИЛОГОВА

285663

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее исследование посвящено малоизученной в исторической и историко-юридической литературе теме, а именно истории преследования политических преступлений и описанию политических процессов, имевших место в конце XVII и первой четверти XVIII века. Тема эта имеет важное значение для выяснения многих сложных вопросов, связанных с историей образования Российской империи, классовой борьбой и теми противоречиями внутри господствующего класса, которые остро проявились в это время.

Активная внешняя и внутренняя политика правительства Петра I и его разнообразная реформаторская деятельность, направленная на дальнейшее укрепление феодально-крепостнического государства, способствовала более быстрому развитию промышленности, сельского хозяйства, торговли, науки и культуры. Но развитие товарно-денежных отношений, рост производительных сил страны и ее успехи в области культуры сопровождались укреплением феодальной собственности на землю и усилением крепостнического гнета. Это приводило к обострению классовой борьбы в городе и деревне.

Борьба против крепостнического гнета принимала различные формы. Недовольство крестьян и посадских людей проявлялось в резкой критике правительства, в неподчинении указам, подаче жалоб, массовых побегах от помещиков и из посадов, в открытых восстаниях.

Основная задача феодального государства, удержать в повиновении эксплуатируемые народные массы, становилась все более сложной и требовала укрепления государственного аппарата. В первой четверти XVIII века в России окончатель-

но оформляется и укрепляется абсолютистское государство. Старая приказная система управления сменяется новыми централизованными учреждениями с точно определенными функциями. Создается регулярная армия. Интересам укрепления господства феодалов-крепостников служили и новые юридические нормы и понятия, направленные против растущего сопротивления крепостническому гнету.

Одновременно вокруг проводившихся правительством Петра I реформ развернулась ожесточенная борьба группировок внутри господствующего класса. Основной опорой абсолютизма являлось среднее и мелкое дворянство, получавшее от преобразований наибольшие выгоды. Для отдельных же представителей боярства и высшего духовенства утверждение абсолютизма означало потерю былых прав и привилегий, и они оказывали реформам ожесточенное сопротивление.

Против преобразований выступают в конце XVII века и стрельцы, недовольные политикой правительства, заменявшего стрелецкие войска полками регулярной армии и лишавшего тем самым стрельцов их привилегий.

Классовая борьба и противоречия в лагере господствующего класса нашли яркое отражение в политических процессах того времени, а поэтому изучение их представляет большой интерес для советской исторической науки.

Значение материалов политических процессов как исторического источника совершенно бесспорно. Однако они остаются до сего времени мало изученными. Данное исследование, посвященное рассмотрению политических процессов, слушавшихся в Преображенском приказе, ставит своей целью хотя бы частично заполнить имеющийся в современной исторической литературе пробел и содействовать расширению научных знаний об одном из ярких, богатых внешними и внутренними событиями периодов истории нашей Родины.

Основным источником для данного исследования послужили хранящиеся в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА) в Москве материалы фонда Преображенского приказа, центрального учреждения конца XVII—начала XVIII века, ведавшего следствием и судом по политическим преступлениям. Из этого фонда автором были изучены все судебно-следственные дела политического характера и приказные книги 1690—1720 гг. Были также изучены и те дела Преображенского приказа, которые вошли в состав других фондов как фонд Госархива, фонд Розыскных дел, фонд Секретных дел и др.

Некоторым дополнением к ним послужили такие печатные источники, как «Полное собрание законов Российской империи», «Письма и бумаги Петра I», «Розыскные дела о Фе-

доре Шакловитом», сборник документов «Слово и дело государево», составленный Н. Новомбергским, а также отдельные относящиеся к деятельности Преображенского приказа документы, изданные советскими и буржуазными историками. Были использованы и записки современников Петра I, содержащие сведения о политических процессах и Преображенском приказе.

Что касается специальной литературы по данной теме, то она весьма ограниченна.

В дворянской и буржуазной исторической литературе политические процессы не являлись предметом специального изучения, так как дворянские и буржуазные ученые стремились в своих работах затушевать вопросы классовой борьбы и сознательно избегали подобных острых тем. Отдельные процессы ими использовались только как источник, дающий ценный фактический материал для других тем по истории России. Так, крупнейший буржуазный историк С. М. Соловьев, не интересуясь ни самими процессами, ни причинами, их породившими, обычно использовал содержащиеся в протоколах следствия данные в качестве иллюстративного материала. Рисуя, например, настроение русского общества и его отношение к реформам Петра I, он подтверждал выдвинутые им положения отрывками судебных протоколов.

Рассматривая историю России как историю развития государственности, недооценивая классовой борьбы и не выясняя, с каких принципиально разных позиций выступают против политики Петра I народные массы и реакционно настроенное боярство или духовенство, С. М. Соловьев объединял всех недовольных лиц в единый лагерь «ревнителей старины» и для характеристики настроений этой искусственно созданной им группы в равной мере пользовался протоколами показаний крестьян и дворян, солдат и офицеров, посадских людей и холопов [1]. Такой надклассовый подход, вытекавший из существа его исторической концепции, приводил к неправильному освещению исторических событий и создавал неправильное представление о народных движениях того времени, оставляя неизученными политические процессы и их классовую природу.

Материал отдельных политических процессов привлекали в своих трудах Н. Г. Устрялов, А. Г. Брикнер, Г. В. Есипов и др. Большинство из них, как правило, уделяло внимание крупным процессам, как дело Циклера, дело старца Авраамия, процесс участников стрелецкого мятежа, дело Талицкого. Наиболее подробное и развернутое изложение стрелец-

[1] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, т. XV. Изд-во «Общественная польза», стр. 1368—1375.

кого процесса 1698—1699 гг. дал историк М. М. Богословский, описавший весь ход судебного следствия, но не сделавший попытки дать процессу, и самому стрелецкому движению какую-либо социальную характеристику [1].

Что касается буржуазных историков-юристов, как В. Н. Латкин, А. Н. Филиппов и другие, изучавших уголовное право XVIII в., процесс судопроизводства, систему наказаний и т. п. специальные вопросы, то они, уделяя обычно основное внимание законодательству, не занимались описанием конкретных процессов и не анализировали их. Не подвергались специальному изучению политические процессы конца XVII — первой четверти XVIII века и в советской юридической литературе.

Богатый фактический материал крупных политических процессов, привлекал внимание советских историков. Так, В. И. Лебедев, занимаясь историей Астраханского восстания, использовал, наряду с другими источниками, отдельные судебные протоколы и другие следственные документы из дела участников этого восстания и опубликовал часть из них. Б. Б. Кафенгауз в своей работе о И. Т. Посошкове подробно описал процесс старца Авраамия и издал основные протоколы судебного следствия по этому делу. С. В. Бахрушин в статье о торгах гостя Никитина использовал следственное дело Никитина, слушавшееся в Преображенском приказе [2]. В целом же исследование политических процессов петровского времени не носило специального характера и было в значительной мере отрывочным и случайным.

Мало изучена также история возникновения и деятельность Преображенского приказа, как централизованного органа, осуществлявшего преследование политических преступлений на всей территории русского государства и сыгравшего видную роль в создании и укреплении Российской империи. Большинство ученых-историков касалось деятельности Преображенского приказа мимоходом при изучении других, связанных с концом XVII и первой четвертью XVIII века проблем, и ограничивалось обычно сообщением о нем только кратких сведений.

Единственная попытка определить значение деятельности Преображенского приказа в области политического сыска

---

[1] М. М. Богословский. Петр I, тт. III и IV. Госполитиздат, 1946—1948.

[2] В. И. Лебедев. Астраханское восстание 1705—1706 гг. («Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 9—10, «Историк-марксист», 1935, № 4, «Ученые записки Московского городского пед. ин-та», т. 2, вып. I, 1941), Б. Б. Кафенгауз. И. Т. Посошков. М., 1950. С. В. Бахрушин. Научные труды, т. 3, ч. I. М., 1955.

была сделана В. И. Веретенниковым, который рассматривал Преображенский приказ как одно из предшествовавших Тайной канцелярии учреждений. Исходя из положения, что Тайная канцелярия являлась первым центральным учреждением, не имевшим других обязанностей, кроме преследования политических преступлений, Веретенников полагал, что она вообще была первым централизованным органом политического надзора. Поэтому он крайне умалял значение Преображенского приказа, считая, что это был обычный многофункциональный приказ, между прочим, занимавшийся и политическими преступлениями. Такая трактовка вопроса не позволила Веретенникову заметить те новые черты, которые отличали Преображенский приказ от старых многофункциональных приказов, а поэтому данная им Преображенскому приказу характеристика оказалась односторонней и неправильной [1].

Занимаясь изучением политических процессов конца XVII — первой четверти XVIII века по материалам Преображенского приказа, автору настоящей работы приходилось фактически изучать деятельность Преображенского приказа. Поэтому он счел своим долгом поставить и разрешить в своем исследовании вопрос о роли и месте этого учреждения в преобразованиях Петра I.

Изучение истории организации и деятельности Преображенского приказа, типичного учреждения переходного периода, создание которого диктовалось самой конкретной исторической обстановкой и было тесно связано с задачей укрепления аппарата государственной власти, также представляет значительный интерес для понимания всей истории создания новой системы государственных учреждений в XVIII веке.

Полагая, что изучение политических процессов, проходивших в конце первой четверти XVIII века в Тайной канцелярии, может стать предметом самостоятельного исследования, автор не касается ее деятельности.

Необходимо заметить, что предлагаемое исследование не претендует на исчерпывающее описание всех слушавшихся в Преображенском приказе политических процессов. Общее количество их настолько велико, что описание каждого судебного дела привело бы к значительному увеличению настоящей работы. Поэтому автор оказался вынужденным выбрать из просмотренных им дел только те, которые наиболее полно освещают сложную политическую обстановку, классовую борьбу и противоречия внутри господствующего класса в конце XVII и первой четверти XVIII века.

---

[1] В. И. Веретенников. История Тайной канцелярии Петровского времени. Харьков, 1910.

ГЛАВА I

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРЕОБРАЖЕНСКОГО ПРИКАЗА

В конце XVII и первой четверти XVIII в. русское государство, развиваясь по пути дальнейшего укрепления абсолютизма, превратилось в мощную Российскую империю. В эти годы были достигнуты большие успехи в области внешней политики и осуществлены многие преобразования в государственной, хозяйственной и культурной жизни страны.

К числу важнейших преобразований, осуществленных правительством Петра I, относилась реорганизация органов центрального управления, целью которой являлась централизация и упорядочение деятельности правительственных учреждений. В ходе реформы старые многофункциональные громоздкие приказы были заменены стройной системой отраслевых централизованных ведомственных учреждений, компетенция которых простиралась на территорию всей страны.

Реорганизация органов центрального управления была осуществлена не сразу. Она затянулась на длительный период, сопровождалась поисками новых, более удобных организационных форм, перестройкой старых и созданием новых учреждений. В процессе этих сложных исканий в конце 80-х годов XVII в. возник и Преображенский приказ.

Первое новое учреждение, с основания которого следует начинать историю административных реформ конца XVII — первой четверти XVIII в., — Преображенский приказ — был создан, когда у правительства еще не было ясного плана преобразований и изменения в существующую систему управления вносились главным образом под влиянием требований текущего момента. Поэтому Преображенский приказ был типичным учреждением переходного периода, в котором новое тесно

переплеталось со старым. Это накладывало на организацию приказа отпечаток, придававший ему большое своеобразие.

Подобно старым приказам Преображенский приказ был учреждением многофункциональным. Но он коренным образом отличался от них тем, что в области политического сыска его деятельность не ограничивалась рамками какой-либо части или области страны, а распространялась на все государство и ставила в подчиненное ему положение, по этой линии, все остальные центральные и местные учреждения. Это совершенно новое свойство Преображенского приказа позволяет считать его первым централизованным органом управления, непосредственным предшественником Ратуши и Сената.

Дата образования Преображенского приказа точно неизвестна, так как никакого акта о его основании не сохранилось. Весьма вероятно, что особого, письменного указа о нем и не было, так как это учреждение возникло в результате постепенного расширения круга деятельности Преображенской Потешной избы, созданной в селе Преображенском еще в годы правления царевны Софьи. Процесс его складывания продолжался несколько лет.

Преображенская Потешная изба была основана весной 1686 г., когда в селе Преображенском, где постоянно жил Петр, «учали прибирать потешных конюхов» в потешные полки и началось оживленное строительство. Само название «Потешная изба» показывает, что правительство царевны Софьи вначале не придавало ей сколько-нибудь серьезного значения, так как она несла чисто дворцовые функции, обслуживая резиденцию Петра I и его матери — Преображенский дворец. Но вскоре положение изменилось. Преображенская Потешная изба стала фактически штабом сторонников Петра I в их борьбе за власть с царевной Софьей.

К сожалению, источники, в которых мы находим достаточно данных о том, что в селе Преображенском формировались и обучались солдатские полки, устраивались военные игры и сооружались многочисленные постройки, сохранили крайне скупые сведения об органе, который руководил всеми этими работами. А. А. Матвеев, оставивший наиболее подробные записки о том времени, сообщает только, что при образовании потешных полков к ним «были приставлены тогда штаб и обер и унтер офицеры из фамилий изящных, комнатные его в. величества люди, для содержания... их в... том воинском обучении, как бы к прямой какой, впредь ожидаемой с неприятелем войне» [1].

---

[1] «Записки русских людей. События времен Петра Великого». Избрал И. Сахаров. СПб., 1841, стр. 48.

Опираясь на это известие, можно предположить, что во главе Потешной избы также были поставлены близкие, «комнатные люди» Петра. По-видимому, ими являлись те же лица, которых мы находим на этом посту непосредственно после прихода Петра I к власти, в августе 1689 года, когда Потешная изба стала важным правительственным учреждением. Это были ближние стольники Петра кн. Ф. Ю. Ромодановский, кн. И. И. Бутурлин-Большой и спальник А. Головин.

Функции Потешной избы были довольно разнообразны. Она являлась по существу тем центральным исполнительным органом, через который сторонники Петра осуществляли в годы правления царевны Софьи свои мероприятия. Потешной избой проводилась вся работа по комплектованию, обучению, снабжению и управлению потешными полками. Она же занималась вопросами охраны Преображенского дворца и осуществляла на территории села Преображенского суд и расправу.

После прихода Петра I к власти личный состав потешных полков был сильно увеличен и в связи с этим состоялось решение о создании специальных органов управления для каждого полка в отдельности. Потешная изба была реорганизована и вместо нее были созданы две съезжих избы: Преображенская и Семеновская. С этого времени обе они получили официальное признание и заняли соответствующее место среди других административных учреждений [1].

Однако разделение управления полками между двумя избами не было осуществлено полностью. Преображенский и Семеновский полки как будущая гвардия представляли собой единый военный организм и общее управление ими оставалось централизованным. Поэтому распределение обязанностей между Преображенской и Семеновской съезжими избами произошло неравномерно. Семеновская съезжая изба получила все функции управления Семеновским полком, за исключением военной. За Преображенской же съезжей избой были сохранены все функции управления Преображенским полком, а также общее командование обеими полками.

Во главе Преображенской съезжей избы были поставлены кн. Ф. Ю. Ромодановский и А. М. Головин, а во главе Семеновской — И. И. Бутурлин. Несколько позже Ромодановский и Бутурлин получили звания генералиссимусов, а Головин — генерала.

На новом этапе своего существования Преображенская изба выступает перед нами как обычное военно-административное учреждение XVII века. Являясь органом управления

[1] Центральный государственный архив древних актов, далее именуемый ЦГАДА, ф. Преображенского приказа, кн. 1.

Преображенского полка, она прежде всего, согласно общему принципу административного управления XVII в., выполняла в отношении преображенцев функции, присущие судебной и административной власти.

Преображенская изба принимала и расследовала жалобы и денежные иски как преображенцев, постоянно бивших челом друг на друга и на «разных чинов людей», так и посторонних лиц, обвинявших преображенцев в совершении всевозможных неблаговидных поступков, и выносила по ним судебные решения. Количество челобитных подобного рода было довольно велико. За период с декабря 1692 г. по декабрь 1694 г. от одних только преображенцев в съезжую избу поступило семьдесят две жалобы [1].

Преображенцы обращались в свою съезжую избу не только с жалобами, но и за разрешением самых разнообразных жизненных вопросов: с просьбами о наделении землей и об утверждении в правах наследства, с заявлениями о побеге крепостных или кабальных холопов, с просьбами об оформлении разного рода рядных сделок, а также за регистрацией поступных и пожилых записей [2].

Преображенская съезжая изба занималась расселением солдат, отведением им участков земли под постройку домов, а также следила за тем, чтобы помещики, чьим крестьянам удавалось поступить на службу в Преображенский полк, беспрепятственно отпускали в Москву членов их семей.

Одновременно Преображенская съезжая изба осуществляла руководство военной жизнью Преображенского и Семеновского полков. Она занималась комплектованием полков, заботилась о снабжении их необходимым снаряжением, ведала финансовой частью и выдачей жалования. Она же руководила организацией регулярного, «в неделю по трижды» проводимого военного обучения солдат и подбирала офицерские кадры [3].

Но этим круг деятельности Преображенской съезжей избы не ограничивался. С весны 1690 г. по осень 1694 г., когда село Преображенское стало своеобразной военной школой для многих воинских частей, на Преображенскую съезжую избу были возложены все организационные работы по подготовке военных игр, маневров и известных «потешных походов», систематически проводимых правительством Петра I.

Часто Петр I давал Преображенской съезжей избе поручения, которые не имели никакого отношения ни к управлению

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., кн. 2.
[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., кн. 2 и кн. 4.
[3] «Архив кн. Ф. А. Куракина», т. I. СПб., 1890, стр. 65—66.

Преображенским полком, ни к организации военных маневров. Так, ей поручались постройка яхты, проведение подготовительных работ к очередному празднеству, устройство фейерверков, отправка каких-либо материалов в Переяславль-Залесский или в Архангельск для строительства флота и т. п. Особенно много поручений стала получать Преображенская изба в период подготовки к Азовскому походу. Через нее Петр часто посылал свои распоряжения Оружейной и Мастерской палатам, Пушкарскому двору, Разрядному приказу и другим учреждениям. Таким образом Преображенская съезжая изба постоянно выполняла и функции дворцовой канцелярии.

Кроме того Преображенская съезжая изба получила еще одно — совершенно новое поручение. Ей была вверена охрана Новодевичьего монастыря, где находилась в заточении царевна Софья [1].

Выполнение важных государственных поручений и близость к царю способствовали дальнейшему расширению круга деятельности Преображенской съезжей избы. В начале 1695 года в ее ведомство было передано право следствия и суда по делам, заслуживающим особого внимания, а также охрана порядка в Москве. С этим новым расширением обязанностей Преображенской избы и связано переименование ее в приказ.

Письменного указа об изменении названия Преображенской избы и о ее новых функциях, как уже упоминалось, не сохранилось. Но некоторые косвенные данные позволяют предполагать, что соответствующее распоряжение было отдано Петром не позже 15 марта 1695 года. Об этом свидетельствует состоявшаяся во второй половине марта передача дела боярина Кондырева из Стрелецкого в Преображенский приказ.

Дело это, возбужденное по доносу холопа боярина Кондырева Григория Тарлыкова, утверждавшего, что боярин резко критиковал поведение царя, было признано важным, «великим царственным делом» [2]. Факт передачи его на расследование Ф. Ю. Ромодановскому из Стрелецкого приказа, где подобные дела слушались ранее неоднократно [3], мог произойти только после того, как царем были сделаны какие-то новые указания о разбирательстве таких дел. Кроме того, в пере-

[1] «Записки русских людей...», стр. 57.

[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 10 (388).

[3] В Стрелецком приказе слушались процессы таких политических противников Петра, как духовника царевны Софьи Сильвестра Медведева, сообщников Шакловитого, стрельцов Стрижева и Кондратьева, а также боярыни Акулины Хитрово виновной в словесном оскорблении государя.

писке по этому делу Преображенская съезжая изба уже официально именовалась приказом.

Дело боярина Кондырева было, по-видимому, первым, не имеющим отношения к преображенцам, делом, переданным на рассмотрение Ф. Ю. Ромодановскому, что и заставило одного из современников Петра И. А. Желябужского отметить этот факт в своих записках [1].

К лету 1695 года название приказа прочно утвердилось за Преображенской съезжей избой. Тот же самый И. А. Желябужский, перечисляя в июне месяце в своих записках приказных судей, упоминает и о Ф. Ю. Ромодановском [2].

В 1695 и 1696 гг. судебная деятельность Преображенского приказа, так же как и других приказов, протекала беспорядочно. Ясных указаний со стороны царя дано, по-видимому, не было, и поэтому на расследование в Преображенский приказ в эти годы отсылались из других приказов не столько самые важные, сколько запутанные дела, требующие длительного и тщательного разбирательства. Отсылались туда и те дела, ответчиками в которых явились члены наиболее влиятельных боярских и дворянских фамилий. Содержание же самих дел не играло сколько-нибудь заметной роли. Желябужский, давая характеристику судебной деятельности Преображенского приказа в это время, писал, что розыски там бывали всякие.

Так, в июне 1695 года из Стрелецкого приказа в Преображенский был прислан для следствия и суда известный в те времена разбойник Осип Старчонок, пойманный на реке Белой [3].

В июле 1695 г. Петр I приказал Ромодановскому заняться разбором жалобы комиссара А. Бутмана на Олонецких жителей и проследить «дабы во оным деле справедливость ему на оных бунтовщиков немедленно учинено было, понеже едва не годишное время прошло во оной ево напасти» [4].

В сентябре 1695 года из Разрядного приказа в Преображенский был прислан козловец Матвей Грашевский, сделавший извет на родственницу Ф. Шакловитого, якобы писавшую «тайным способом» письмо в Новодевичий монастырь [5]. В октябре 1696 г. там велось расследование жалобы стольника В. Желябужского на А. Апраксина, нанесшего истцу и его сыну побои. В том же году в Преображенском приказе велось следствие по

---

[1] «Записки русских людей...», стр. 19.
[2] Там же, стр. 23.
[3] Там же.
[4] «Письма и бумаги Петра Великого», т. I. СПб., 1883, стр. 43.
[5] ЦГАДА, ф. Преоб. пр., стб. 8 (375) и 9 (376).

челобитной жителей Смоленска, обвинявших «в грабительстве и во взятках» местные власти [1].

Одновременно в Преображенском приказе систематически велось судебное разбирательство по мелким уголовным преступлениям, которые обнаруживались солдатами, несшими караульную службу в Москве [2].

Однако такое положение продолжалось недолго. Вернувшись из второго Азовского похода, Петр I четко определил дальнейшую судебную деятельность Преображенского приказа, передав в его ведомство исключительное право следствия и суда по политическим преступлениям [3].

Мера эта была вызвана тем, что политическая обстановка в стране к этому времени резко осложнилась. Политика правительства встречала ожесточенное сопротивление политических противников Петра I из среды бояр и духовенства. Росло недовольство и брожение среди стрельцов. Увеличилось количество антиправительственных выступлений. Подавление недовольства стало одной из важнейших очередных задач правительства Петра I, от решения которой во многом зависел успех всей его деятельности. Успешное осуществление этой задачи требовало создания специального органа государственной власти по борьбе с политическими преступлениями. Таким органом стал Преображенский приказ.

Таким образом, к началу 1697 г. в Преображенском приказе оказались соединенными: руководство борьбой с политическими противниками Петра, управление Преображенским и Семеновским полками и охрана общественного порядка в Москве.

Передача в ведомство Преображенского приказа исключительного права суда по политическим преступлениям сразу поставила его выше других приказов. В то время как они лишились права расследовать важнейшие государственные преступления, Преображенский приказ получил огромные права и полномочия, позволявшие ему отдавать распоряжения всем

---

[1] «Записки русских людей...», стр. 45 и 47.

[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., кн. 5.

[3] Мнение, выраженное историком Веретенниковым в его книге «История Тайной канцелярии Петровского времени», будто бы исключительное право суда по политическим преступлениям было передано Преображенскому приказу только в 1702 г., является ошибочным. Основанное на сохранившемся указе Петра I от 25 сентября 1702 г., оно полностью опровергается материалами судебного архива Преображенского приказа, по которым ясно видно, что передача в его ведомство политических дел была произведена гораздо раньше. Указ же 1702 г., как он сам гласит, был издан только в дополнение к прежнему, не дошедшему до нас указу, и преследовал цель окончательно пресечь сохранявшуюся еще кое-где практику производства первичного следствия по политическим преступлениям на местах.

центральным и местным учреждениям независимо от их подчиненности в тех случаях, когда дело касалось политических преступлений. Таким образом, все приказы, все приказные избы и другие учреждения должны были подчиниться в этой области Преображенскому приказу.

Исключительное право следствия и суда по политическим преступлениям дало Преображенскому приказу право по доносу подвергнуть аресту любое лицо независимо от его социального и служебного положения. Таким образом, в ведомство Преображенского приказа попало боярство и духовенство, стрельцы и посадские люди, дворяне и солдаты, государственные и крепостные крестьяне, кабальные холопы и гулящие люди, казаки и даже иностранцы. «До кого б какой квалиты и лица, женского полу или мужеского не пришло, мог всякого взять к розыску, арестовать и розыскивать и по розыску вершить» — писал о власти главы Преображенского приказа кн. Ф. Ю. Ромодановского один из его современников [1].

Таких полномочий еще никогда не имел ни один приказ.

Новое, общегосударственное значение Преображенского приказа было особенно подчеркнуто Петром I в конце 1697 года. Уезжая в длительное путешествие заграницу, он приказал Ф. Ю. Ромодановскому «править Москву, и всем боярем и судьям прилежать до него, Ромодановского, и к нему съезжаться всем и советовать когда он похочет» [2].

С другой стороны, Преображенский приказ наряду с новыми централизованными функциями и после 1697 года, подобно старым приказам, выполнял не только судебные, но и административные и финансовые функции. В дополнение к основным обязанностям ему было, например, поручено ведать «судом и расправою и всякими податьми» некоторые дворцовые села [3] и Новодевичий монастырь, а также контролировать табачную торговлю и собирать табачный сбор [4].

Но подобные поручения, даваемые Преображенскому приказу, уже не оказывали существенного влияния на его основную деятельность. Многие из них к тому же носили временный характер и только обременяли приказ, придавая ему излишнюю громоздкость. Таким образом, можно считать, что к 1697 году длительный процесс складывания Преображенского приказа как нового органа государственной власти, ведавшего

---

[1] «Архив кн. Ф. А. Куракина», т. I. СПб., 1890, стр. 77.

[2] Там же.

[3] В разные годы в ведомство Преображенского приказа были переданы дворцовые села: Тайнинское, Покровское, Мытищи и Александровская слобода.

[4] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., кн. 7, стр. 7, 11—15 и 115.

борьбой с политическими преступлениями во всероссийском масштабе, завершился.

Характерной особенностью Преображенского приказа была его внутренняя структура. Соединение в одном учреждении таких разных и сложных функций, как управление Преображенским и Семеновским полками, руководство полицейской службой в Москве и организация судебного преследования политических преступников, привело к тому, что внутри приказа образовались три соответствующих части, объединявшиеся общим руководством главного судьи приказа, получившего звание генералиссимуса. Этими частями были: Генеральный двор, Потешный двор и главная канцелярия, за которой сохранялось общее название Преображенского приказа.

На Генеральном дворе, возглавляемом генералом Головиным, сосредоточивалось все управление Преображенским и Семеновским полками. Составленные царем Петром I для А. Головина статьи, «кои надлежат генералу к управлению полком», гласили, что генерал обязан ведать обучением солдат, устройством смотров и маневров, заботиться о полковом снаряжении, имуществе, хозяйстве и выдаче офицерам и солдатам хлебного и денежного жалования. Генерал должен был ведать солдатскими слободами, расселением новоприборных солдат и имел право произвести передачу тому или иному солдату «выморочного или опального двора», находившегося на занимаемой полком территории. Он имел право предоставлять солдатам и офицерам отпуск, наказывать их за нарушение дисциплины и другие проступки, а также разбирать в судебном порядке все конфликты, возникавшие между офицерами, урядниками и солдатами или членами их семей. Им же рассматривались жалобы, поступавшие на преображенцев и членов их семей извне. Генерал командовал полками во время военных походов [1].

Компетенции генерала не подлежали и разрешались генералиссимусом: вопрос об отводе под солдатские слободы новых земель, приписка офицеров и солдат к ротам, производство в чины, определение наград, увольнение в отставку, назначение офицерам персональных окладов и установление пенсий инвалидам и вдовам [2].

Центром Генерального двора, в котором сосредоточивалось все делопроизводство по Преображенскому и Семеновскому

---

[1] Азанчевский. История Преображенского полка. Приложение № 19. СПб., 1859; ЦГАДА, ф. Преобр. пр., кн. 2 и 4.

[2] Азанчевский. История Преображенского полка. Приложение № 19. СПб., 1859; «Письма и бумаги Петра Великого», т. I—VII, СПб., 1887—1918; тт. VIII—IX, М.—Л., 1946 — переписка Петра I с Ромодановским и Головиным. ЦГАДА, ф. Преобр. пр., кн. 2 и 4.

полкам и все судебные дела преображенцев, была Преображенская полковая изба, возглавлявшаяся генеральным писарем. Должность эту поочередно занимали Иван Инехов и Иван Суворов.

Помимо управления Преображенским и Семеновским полками, Генеральный двор с ноября 1699 г. по апрель 1702 г., пока не был учрежден приказ Военных дел, проводил в центральных областях наборы даточных и занимался формированием и обучением новых солдатских полков, а также ведал их обмундированием и снаряжением. В этот период времени новоприборные солдаты были подведомственны Генеральному двору и в судебном отношении. Там же принимались деньги, вносимые вместо даточных теми землевладельцами, которые не хотели отдавать своих крепостных. Иногда Генеральный двор руководил и обучением дворян [1].

Потешный двор являлся тем отделением Преображенского приказа, которое выполняло полицейские функции. Там получали наряды на несение караулов «в Кремле и в Китае и в Белом городе» солдаты, бравшиеся для этой цели с Генерального двора, а также из Лефортовского и других, расположенных в Москве, солдатских полков поочередно. Туда же солдаты доставляли всех задержанных ими во время дежурств нарушителей порядка и подозрительных лиц. Принимались на Потешном дворе и лица, приводившиеся туда московскими жителями, обвинявшими задержанных в совершении разных преступлений: краж, уличных грабежей, корчемстве, незаконной продаже табака и т. п. [2].

Потешный двор действовал круглые сутки и обслуживался специальным штатом из пяти подьячих [3].

Подьячие Потешного двора производили опрос и осмотр пострадавших, снимали показания с обвинявшихся, расспрашивали солдат и в зависимости от вины задержанных одним тут же определяли наказание, других отсылали в разные московские приказы, третьих оставляли для следствия и суда в Преображенском. Они же вели регистрацию всех приводов и взыскивали «за привод» штрафы от 6 денег до 16 алтын [4]. Контроль над деятельностью подъячих Потешного двора осуществлялся одним из дьяков главной канцелярии.

Доходы Потешного двора были довольно велики, так как приводов было много. В 1696 г. с 10 марта по 30 июля подьячими было зарегистрировано 603 привода, в 1697 г. за 7 ме-

---

[1] «Записки русских людей...», стр. 66—70.
[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., кн. 5.
[3] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., кн. 7, стр. 54.
[4] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., кн. 5.

БИБЛИОТЕКА

сяцев — 1185, в 1698 г. за 9 месяцев — 1204, в 1699 г. за 4 месяца — 390, а в 1700 г. за 8 месяцев — 1490 приводов [1]. Собранные на Потешном дворе деньги шли на свечи, бумагу, чернила, дрова и другие расходы Преображенского приказа [2].

Деятельность Потешного двора продолжалась до 1711 года [3].

Главная канцелярия являлась основным судебным центром Преображенского приказа. Ее главной обязанностью было расследование «секретных дел», то есть дел, связанных с политическими преступлениями.

Там же велось судопроизводство и по «несекретным делам», то есть делам, поступавшим в Главную канцелярию с Потешного двора, а также передававшимся в Преображеский приказ по специальному распоряжению царя или по особой просьбе знатных лиц [4] из других приказов.

Там же было сосредоточено управление вверенными в ведомство Преображенского приказа дворцовыми селами и выполнялись царские поручения.

Через главную канцелярию осуществлялась связь Преображенского приказа со всеми другими учреждениями и отдавались все необходимые внутренние распоряжения. Она же ведала колодниками и колодничьими избами приказа, руководила деятельностью Потешного двора, распоряжалась всем хозяйством и финансами приказа. Работой главной канцелярии руководили два дьяка, в распоряжении которых находилось от 5 до 8 подьячих [5].

Первым дьяком Преображенского приказа был Петр Тютчев, переведенный туда из Московского Судного приказа в 1695 г. Но он проработал в Преображенском приказе только около двух лет, после чего был отослан на службу в Дворцовый Судный приказ [6].

В конце 1696 г. в Преображенский приказ был взят новый дьяк, Яков Никонов, человек уже немолодой, опытный

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., оп. 289.

[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., кн. 5.

[3] С 1711 г. Преображенский приказ перестал нести полицейские обязанности, которые перешли к другим образовавшимся в Москве учреждениям.

[4] В качестве примера такого рода процессов можно привести: дело дьяка Разрядного приказа С. Ступина, виновного в подлоге (1699 г.), дело Колычева, за взятку освободившего от работы в Воронеже Д. Дивова, дело стольника Протасьева, виновного во взяточничестве (1700 г.), дело дьяка Е. Украинцева (1703 г.), дело кн. Борятинского (1708 г.) и дело Д. Тверитинова (1713 г.). «Записки русских людей...», стр. 68, 71, 72; Тихонравов. Московские вольнодумцы. Соч., т. II, М., 1898.

[5] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., кн. 7.

[6] С. К. Богоявленский. Приказные судьи XVII в. М.—Л., 1946.

приказной служитель с большим стажем, получивший звание дьяка в 1683 г. До Преображенского приказа он служил во Владимирском Судном, Московском Судном, Печатном, Стрелецком и Сыскном приказах [1]. Несколько позже в помощь Якову Никонову был назначен служивший ранее в Поместном и Стрелецком приказах дьяк Василий Мануйлов [2]. Оба они бессменно проработали в Преображенском приказе: первый до февраля 1707, второй до августа 1708 года [3].

В 1707 г. на место выбывшего дьяка Я. Никонова был назначен дьяк Василий Нестеров, а в 1708 г. на место Мануйлова — Яков Былинский, до этого проработавший несколько лет в Преображенском приказе в должности старшего подьячего [4].

Дьяки были обеспечены очень высоким для того времени окладом денежного и хлебного жалования, который был сохранен за ними и после того, как в 1704 г. было проведено снижение окладов всем приказным служителям. Они получали по 160 руб. деньгами и по 100 юфтей [5] зерна в год [6].

Дьяки были в курсе всех приказных дел, и в тех случаях, когда главному судье Преображенского приказа приходилось отлучаться, вели их самостоятельно [7]. Распределения обязанностей между ними не было.

Специализации по отдельным вопросам делопроизводства не было и среди подьячих, делившихся на старших и младших. Каждый выполнял любую поручавшуюся ему дьяком работу. Поэтому даже «секретные дела» попадали к разным подьячим и велись ими параллельно с другими делами. Так, например, подьячий Петр Исаков в 1698 г. вел 13 дел, из которых 4 было секретных, а подьячий И. Суворов — 5 дел, из которых одно было секретным. В июле 1704 г. старший подьячий Я. Былинский занимался делами 45 колодников, из которых 33 человека привлекались к суду за политические преступления, а остальные за мелкие уголовные дела. В октябре 1705 г. подьячий А. Томилов вел 4 дела: одно секретное, два — кражи и убийство, одно — о взыскании оброка с крестьянина села Тайнинского. В сентябре 1708 г.

---

[1] С. К. Богоявленский. Приказные судьи XVII в., М.—Л., 1946. «Дворцовые разряды», т. IV, стр. 834.

[2] С. К. Богоявленский. Приказные судьи XVII в. М.—Л., 1946. «Дворцовые разряды», т. IV, стр. 484.

[3] Позже их помет и скреп в делах и книгах Преображенского приказа не встречается.

[4] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., кн. 7, стб. 188 (877), д. 452.

[5] Юфть — мера сыпучих тел, в 1-й четверти XVIII в. равнялась четверти.

[6] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., кн. 7, стр. 53.

[7] Н. Новомбергский. Слово и дело государево, т. II, Томск, 1909, стр. 345.

у того же Томилова были дела 20 колодников, из которых 8 человек привлекались за политические, а остальные — за другие преступления [1].

Кроме дьяков и подьячих в штат Преображенского приказа входили: дозорщик, два лекаря и лекарский ученик, заплечный мастер, четыре сторожа, четыре конюха и шестнадцать рабочих — токари, плотники и кузнецы [2]. В случае необходимости лекари и рабочие обслуживали Генеральный и Потешный дворы.

Должность генералиссимуса Преображенского полка и главного судьи Преображенского приказа, в руках которого объединялось все руководство и управление, занимал, как уже упоминалось, князь Федор Юрьевич Ромодановский, один из приближенных Петра I, выдающийся государственный деятель того времени, прослуживший на этом посту около 30 лет.

На этом посту князь Ф. Ю. Ромодановский проявил преданность царю Петру и незаурядные способности администратора. Он сумел в необычайно короткий срок заставить считаться с Преображенским приказом и с собой всех без исключения приказных судей, воевод и других должностных лиц, что в условиях упадка приказного управления и организации новых централизованных учреждений было нелегким делом. К своим обязанностям Ф. Ю. Ромодановский относился очень внимательно и обычно сам разбирал все наиболее сложные следственные дела. Даже в тех случаях, когда ему приходилось отлучаться из Москвы, он продолжал руководить всей деятельностью приказа, оставляя дьякам подробнейшие инструкции, обязывая их систематически писать ему о своей работе и сообщать о всех новых делах.

После смерти Ф. Ю. Ромодановского в 1717 г. Петр I назначил на его место его сына, Ивана Федоровича Ромодановского [3].

Выделение политических преступлений из ведомства приказов и передача права следствия и суда по ним в Преображенский приказ явились первым шагом правительства Петра I по пути к созданию централизованных отраслевых учреждений и ведомств. Это мероприятие имело важное значение для дальнейших административных преобразований.

Специализация Преображенского приказа в области поли-

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 80 (716), 393 (1143), 406 (1156), 413 (1165).

[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., кн. 7, стр. 53—54.

[3] Н. Воскресенский. Законодательные акты Петра I, т. I, М.—Л., 1945, стр. 181—182.

тического сыска выразилась, прежде всего, в том, что в нем с 1697 г. стал производиться систематический отбор изветов [1]. Необходимость проведения этой работы вызывалась тем, что состав преступлений «государево слово и дело», которое в практике приказов употреблялось для обозначения политических преступлений, не был точно установлен.

В Соборном Уложении 1649 г., впервые узаконившем приказную практику отделения политических преступлений, как наиболее важных, от других уголовных преступлений, формула «слово и дело государево» не раз использовалась в текстах статей. Но Уложение, употребляя эту формулу, не установило точных границ ее применения. Поэтому наряду с выработавшейся в приказах практикой относить в разряд государевых дел только те дела, в которых шла речь о действиях, враждебных царю, направленных против его личности, власти или целостности его владений, продолжало существовать другое, обычное толкование понятия «государево слово и дело».

Согласно этому обычному толкованию, «государевым делом» считалось все, что, по мнению народных масс, должно было интересовать царя, а поэтому в приказные избы и в центральные приказы с предварительным объявлением «слова и дела» поступала чрезвычайно пестрая масса изветов. Одни содержали доносы на лиц, совершавших поступки, задевающие престиж царя и его власть, другие — сведения о хищениях государственной казны или государственного имущества, третьи — сообщения о злоупотреблении властью или взяточничестве должностных лиц.

Широко распространенные суеверия, вера в колдовство, ведовство, порчу и т. п., порождали множество доносов царю на колдунов, ворожей и знахарок.

Случалось, что, заявляя «государево дело», изветчик сообщал вообще не о преступлении, а о находке клада, залежей серебряной или медной руды. В силу патриархальной веры в справедливость царя и убеждения в его готовности заботиться о благе своих подданных очень часто заявляли «слово и дело» крепостные и кабальные холопы, надеявшиеся найти управу на жестоких помещиков. Кричали «государево дело» притесняемые воеводами и приказными чинами горожане, объявляли за собой «государево слово» колодники, годами ждущие суда, а также лица, приговоренные к смертной казни, которые надеялись добиться пересмотра дела. Часто заявля-

---

[1] Возбуждение следствия против политических преступников начиналось обычно с извета, то есть доноса, которому предшествовало публичное объявление доносчиком «государева слова и дела».

ли «слово и дело» монахи, сурово наказанные «крутым» игуменом [1].

Для судей старых приказов, которым приходилось ведать всеми следственными делами, недостаточная точность законодательства была даже удобной, так как это позволяло им самим решать, каков характер многих судебных дел. Но с тех пор, как дела по «государеву слову и делу» стали предметом ведения только одного учреждения, точная квалификация этих дел стала необходимостью. Иначе Преображенский приказ мог оказаться заваленным посторонними для него делами и не смог бы выполнять своих прямых обязанностей.

Работе по отбору доносов в Преображенском приказе придавалось большое значение, так как ошибка в квалификации дела или недооценка доноса могли повлечь за собой серьезные последствия. Поэтому отбор всегда производился самим судьей.

Изучение деятельности Преображенского приказа по отбору изветов (доносов) позволяет составить гораздо более точное, чем дается Соборным Уложением, представление о том содержании, которое вкладывало в понятие «слово и дело» правительство Петра I.

Дела Преображенского приказа дают возможность проследить, в каких случаях преступление по своему составу не считалось политическим и признавалось подсудным другим приказам.

Так, например, Ф. Ю. Ромодановский отослал в другие приказы: холопа кн. Македонского, сообщившего, что его помещик присвоил казенных лошадей (1698 г.); колодника Гор-

---

[1] Н. Новомбергский. «Слово и дело государево», т. I—II. Томск, 1909—1911.

Разнообразная масса изветов, поступлению которых в приказы предшествовало заявление «слова и дела», дала повод Новомбергскому оспаривать давно установившееся в исторической литературе мнение, что «государево слово и дело» обозначало только политические преступления. Новомбергский утверждал, что выражение «слово и дело» имело гораздо более широкое применение и служило «своеобразным обеспечением законности внутреннего управления и даже самой верной гарантией для личности» (Н. Новомбергский. Слово и дело государево, т. II. Предисловие). Ошибка Новомбергского проистекала из того, что он изучал, главным образом изветы, а не процесс следствия по ним. Поэтому он не видел, что даже в XVII в. далеко не всякое дело, которому предшествовало заявление изветчиком «слова и дела», признавалось «государевым» и приказным судьей. Особенно ясно ошибочность мнения Новомбергского видна при изучении деятельности Преображенского приказа по отбору изветов, в процессе которой применение выражения «слово и дело» было совершенно точно ограничено сферой политических преступлений. В 1714 г. сложившаяся практика Преображенского приказа была официально закреплена указом Сената.

талова (1699 г.), казака Соколова (1700 г.), посадского Зиновьева (1704 г.), принесших жалобы на судей и подьячих разных приказов; посадского Филиппова, донесшего, что данковский воевода разбирает городскую стену ради отопления своих хором (1699 г.); священника Евдокимова, сделавшего извет на пятерых козловских дворян, скрывающихся от службы, торгующих вином и державших в своих вотчинах людей без записи (1705 г.); крестьянина помещика Квашнина, который «за помещиком своим иного государева дела, что он, помещик, ево, Василья, бивал плетьми и кнутом и морил голодом никакова не ведает» (1702 г.) и многих других [1].

Неоднократно отсылались из Преображенского приказа в Патриарший, а затем в Монастырский приказы монахи, обвинявшие своих игуменов в хищениях, корчемстве, превышении власти и других нарушениях указов [2]. В другие приказы отсылались и изветы о кладах.

Некоторое исключение в начале своей деятельности Преображенский приказ делал только для изветов о колдовстве. Так, в 1699 г. там велось следствие по делу обвинявшегося в колдовстве аптекарского ученика Маркова. Там же расследовался и извет на крестьянина Блошонка, который подозревался приказчиком в сношениях «с нечистой силой» [3].

Однако с 1703 года подобные изветы в Преображенском приказе уже не оставлялись. Извет крепостного крестьянина Никонова, обвинявшего своего помещика в чтении и хранении «чернокнижной тетрати», после предварительного расследования был передан в Судный приказ на том основании, что «по тому извету о государеве здоровье и бесчестье к его, государеву лицу ничего не явилось». Не причислено было к числу «государевых дел» и дело крестьянина Кондратьева, обвинявшегося в «порче» людей [4].

Постепенно в практике Преображенского приказа стали применяться репрессивные меры в отношении лиц, чьи изветы не соответствовали официальному толкованию понятия «слово и дело». Изветчиков начинают подвергать наказанию не только в тех случаях, когда выяснялось, что извет ложный или что «слово и дело» ими заявлялось «избывая от кого побои или пьяным обычаем», как было установлено Собор-

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 17 (492); 37 (616); 133 (795); 393 (1143); 66 (993); 354 (1100); д. 274.

[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., дд. 41, 294.

[3] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 100 (760), 71 (699).

[4] Документы первичного следствия по этим изветам опубликованы Новомбергским. (Н. Н. Новомбергский. Слово и дело государево, т. II, № 10 и 11. Томск, 1909).

ным Уложением, но и тогда, когда изветчик самочинно расширял круг «государевых дел» и обращался не по адресу.

Первым, еще в 1698 г., был бит кнутом крестьянин Михайлов, который осмелился объявить «государево дело» потому, что помещик изнасиловал его дочь и жестоко преследовал его за жалобу митрополиту [1]. С 1709 г. битье кнутом применяется в практике Преображенского приказа систематически.

Весной 1709 г. Ф. Ю. Ромодановский приказал «наказать плетьми» священника Ростовского уезда, применившего выражение «государево слово и дело» к делу об оскорблении игумена. Был бит плетьми и подьячий Федоров, закричавший «слово и дело», когда его незаконно арестовали. Летом 1709 г. к наказанию кнутом были приговорены крестьянин Троице-Сергиева монастыря, сделавший извет на соседа, торговавшего табаком, и крестьянин, донесший, что его помещик бежал с военной службы и кроме того, утаил при рекрутском наборе годных в рекруты крестьян. В 1712 г. присланный из Владимира колодник также был бит кнутом за то, что сказал «государево дело», хотя он принес сообщение о найденной им железной руде. После наказания все они были отосланы для расследования сделанных ими изветов в другие приказы [2].

Какого же рода изветы оставлялись в Преображенском приказе?

Правовое понятие о составе политических преступлений представляет собой явление исторически обусловленное и изменяющееся в зависимости от экономического строя общества и свойственных ему производственных отношений. В феодальном обществе, основой которого являлась феодальная собственность на землю, преступными признавались деяния, угрожавшие власти, собственности и привилегированному положению феодалов. Наиболее важным видом преступлений считались преступления против феодального порядка управления, защищавшего интересы помещиков-крепостников, то есть деяния, посягающие на политическую власть феодалов.

В XVII — XVIII вв. выражением господства феодалов-крепостников являлась абсолютная монархия. Поэтому важнейшими политическими преступлениями в этот период считались посягательства на власть, неприкосновенность владений и личность государя, а также всякие антифеодальные движения, которые подрывали существующий порядок управления.

В России такое понимание политических преступлений зародилось задолго до Петра I и досталось ему в наследство от

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 73 (702).
[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., дд. 537, 544, 559, 568, 690.

его предшественников вместе с другими элементами абсолютизма, слагавшегося и развивавшегося в течение всего XVII века. Но при Петре I оно достигло наибольшего развития.

В законодательстве состав политических преступлений получил наиболее четкое определение в Воинском Уставе 1716 г. В его статьях вслед за определением прав государя, гласивших, что «Его Величество есть самовластный монарх, который никому на свете в своих делах ответу дать не должен, но власть и силу имеет свои Государства и земли яко Христианский государь по своей воле и благомнению управлять» [1], — были отмечены все основные деяния, признанные преступным посягательством на верховную власть и порядок управления.

Воинский Устав 1716 г. устанавливал смертную казнь за покушение на жизнь и свободу государя. Он вводил то же наказание и тем, «кто против его Величества особы хулительными словами погрешит, его действо и намерение презирать и непристойным образом о том рассуждать будет». Воинский Устав предписывал карать за прямую измену и «бунт», а также и за «все непристойные и подозрительные сходбища и собрания», имеющие своей целью совет «хотя и не для зла». Он признавал преступным деянием составление групповых челобитных, а также поступки «словом или делом», которые могут стать причиной недовольства действиями властей. Целые главы Воинского Устава посвящены преступлениям, связанным с изменой родине [2].

В Воинском Уставе 1716 г. не делалось никакого различия между совершенным преступлением и преступным умыслом. Оба явления признавались совершенно равнозначащими и карались с одинаковой строгостью. Так, за статьей, которая устанавливала наказание за убийство царя, было помещено характерное для того времени примечание: «такое же равное наказание чинитца над тем, которого преступление хотя к действу не произведено, а только воля его и хотение к тому было» [3].

Именно такие дела и относили в разряд «государевых дел» в Преображенском приказе задолго до издания этого устава. Там неизменно оставляли все изветы, содержащие данные о заговорах на жизнь царя, о государственной измене, шпионаже и самозванстве. В разряд «государевых дел» относились и так называемые «непристойные речи», которы-

[1] Полное Собрание Законов Российской империи, далее именуемое ПСЗ, т. V. Воинский Устав Артикулы, гл. III. СПб., 1830.

[2] ПСЗ, т. V, Воинский Устав, гл. XV, XVI, XVII. Артикулы 19, 20, 133 и 135.

[3] ПСЗ, т. V. Воинский Устав, толкование к артикулу 19.

ми нередко считались многие, иногда даже безобидные, разговоры о царе, его поведении, его отношении к окружающим и т. п. «Непристойными речами» считались и разговоры о жене, детях и других членах царской фамилии. В Преображенском приказе рассматривались также все доносы на лиц, подозревавшихся в сношениях с царевной Софьей или выражавших сочувствие другим политическим противникам Петра.

«Государевым делом» считали и действия, которыми выражалось неуважение к царю, как например: порча царского изображения, искажение царского титула, употребление имени царя в брани и т. д. Безоговорочно относились к «великим царственным делам» и всякие действия, направленные против порядка управления, от подачи коллективных челобитных до открытых восстаний включительно.

За такого рода преступления все лица привлекались Преображенским приказом к судебной ответственности задолго до издания Воинского Устава 1716 г. Таким образом, карательная деятельность этого приказа значительно опережала законодательство.

Но отставание законодательства могло быть только временным. В январе 1714 г. официальное толкование выражения «государево слово и дело» было закреплено указом Сената. В нем был точно определен состав политических преступлений и установлена мера наказания за необоснованный извет.

«Кто напишет или словесно скажет за собой государево слово или дело»,— гласил указ,— «и тем людем велено писать и сказывать в таких делах, которые касаютца о здравии царского величества, или к высокомонаршеской чести или ведают какой бунт или измену; а о протчих делах, которые к вышеписанным не касаютца, доносить кому надлежит, а в тех своих доношениях писать им ежели на кого какия дела ведают, сущую правду, а письменно и словом в таких делах дела или слова царского величества за собою не сказывать; а кроме помянутых притчин, дело и слово станут писать или сказывать и за то тем быть в великом наказаньи и разореньи и велено ссылать на каторгу» [1]. Указ был «сказан всенародно и кликан биричем во всех городах» [2].

Однако в Преображенском приказе при установлении наказания продолжали руководствоваться старой практикой. Лица, виновные в нарушении указа 1714 г., приговаривались обычно к наказанию кнутом и отпускались. Практика эта на-

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., дд. 848 и 935.
[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., д. 880.

столько укоренилась, что в декабре 1717 г., приговаривая рекрута Гуляева к наказанию кнутом за то, что он, объявив «слово и дело», принес жалобу на вологодских должностных лиц, И. Ф. Ромодановский ссылался прямо на приговоры своего отца: «а в прошлых и в нынешних 1717 годех, в Преображенском приказе, при ведомстве ближнего стольника, князя Федора Юрьевича Ромодановского, с товарищи таким людем, которые в Преображенский приказ присланы ис приказов и из городов, а сказывали за собой государево дело, а по распросным их речам государева слова и дела не явилось, чинено наказанье, биты кнутом и отосланы в те же приказы и в городы, откуда присланы»[1].

После издания указа 1714 г. количество изветов не соответствующих составу политических преступлений, поступавших в Преображенский приказ, резко уменьшилось и работа по их отбору постепенно утратила свое прежнее значение.

Вторым, не менее важным, следствием специализации Преображенского приказа по политическому сыску было возникновение новых отношений между ним и всеми остальными центральными и местными учреждениями, свидетельствующих о том, что Преображенский приказ действительно стал централизованным учреждением общероссийского масштаба.

Указы царя о передаче в ведение Преображенского приказа суда и следствия по политическим преступлениям привели к тому, что туда стали регулярно передаваться дела из других приказов. При этом количество их вскоре сделалось довольно значительным. Так, если в 1695 г. в Преображенский приказ поступило из других приказов всего два дела, а в 1696 г. ни одного, то с 1697 по 1699 г. их было передано туда уже 26, а с 1700 по 1701 г.— 50 дел.

Дела, передававшиеся в Преображенский приказ из центральных приказов, частично были местными, то есть возникшими в Москве, и касались московских жителей, а частично — периферийными, то есть возникшими в подведомственных приказам уездных городах. За период, истекший с 1697 по 1701 г., в Преображенский приказ были переданы дела из 16-ти приказов: Разрядного, Посольского, Стрелецкого, Судного, Сыскных дел, Сибирского, Новгородского, Малороссийского, Земского, Казанского Дворца, Устюжского, Большого Дворца, Большой казны, Патриаршего, Монастырского, Адмиралтейского и из Ратуши[2].

Наряду с центральными приказами, дела по «государеву

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., д. 935.

[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., Секретные дела 1697—1701 гг., столбцы и дела.

слову и делу» начинают передавать в Преображенский приказ и местные приказные избы, независимо от своей подчиненности другим приказам. Первыми, в 1697 г., непосредственно в Преображенский приказ прислали дела воеводы Ельца, Пскова и Старой Руссы, а в 1698 г.— Арзамаса, Архангельска, Дмитрова, Курска, Севска, Старой Руссы и Чухломы. В 1699 г. непосредственную связь с Преображенским приказом установили приказные избы Азова, Вологды, Новгорода. Пошехонья и Холмогор, а в 1700 г.— Киева, Переяславля Залесского, Переяславля Рязанского, Тамбова, Тулы, Ярославля, а также ратуши Тверская и Шацкая. С 1701 г. в Преображенский приказ поступали дела из Зарайска, Козельска, Козлова, Кунгура, Мещовска, Нижнего Новгорода, Ростова, Смоленска, Самары, Серпухова, Юрьева Польского, Усмани и других городов [1].

Одновременно в Преображенский приказ являлось большое количество изветчиков, предпочитавших приносить свои изветы непосредственно, минуя местные учреждения. Такие изветчики приходили не только из Москвы и ближних городов, как Коломна, Серпухов, Тула, Тверь или Переяславль Рязанский, но и из дальних городов, как Казань и Харьков, Азов и Астрахань, Архангельск и Тобольск. Большое количество изветчиков было из уездных сел и деревень [2].

Таким образом, сфера деятельности Преображенского приказа, начиная с 1697 г. непрерывно расширялась. Скоро приток дел с периферии стал даже превышать количество дел, поступавших в Преображенский приказ из Москвы. Так, из 175 процессов, слушавшихся там с 1697 по 1701 г., 101 процесс был возбужден по изветам уездных жителей, а 74 — по изветам жителей Москвы и Московского уезда. В 1702 г. из 40 слушавшихся в Преображенском приказе процессов по «государеву слову и делу» по изветам уездных жителей возникло 29, а по изветам москвичей — 11 дел. В 1703 г. из 37 процессов уезды дали 32 дела. В 1704—1705 гг. из 80 процессов 58 дел было возбуждено по изветам уездных жителей и 22 по изветам москвичей [3].

В связи с необходимостью вести судебное расследование по изветам уездных жителей перед Преображенским приказом возникли большие трудности. Обвиняемых и свидетелей часто надо было доставлять в Москву за несколько сот верст, причем чаще всего не всех сразу, а поочередно, так как надоб-

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., Секретные дела за 1697—1701 гг., столбцы и дела.

[2] Там же.

[3] Подсчет сделан мной по материалам ЦГАДА.

ность в свидетелях выяснялась только в процессе следствия. Требуемых к суду лиц нередко приходилось разыскивать по всей округе и не только в населенных пунктах, но и в прилежащих к ним лесах, везти их специальным транспортом, под усиленной охраной, чтобы они не бежали с дороги [1]. Немало трудностей представляло и проведение необходимых по ходу дела мероприятий на местах преступления, как например, осмотр помещения, наложение ареста на имущество, производство поголовных опросов и т. п.

Выезды на места на лошадях по плохим дорогам приводили к тому, что даже близкие командировки длились неделями. Успешно выполнять всю эту работу силами небольшого штата служащих Преображенского приказа было невозможно. Поэтому Ф. Ю. Ромодановскому пришлось изыскивать такие средства, которые позволили бы выполнять эту работу, как можно меньше отвлекая на нее своих приказных служителей.

В начале деятельности Преображенского приказа Ф. Ю. Ромодановский обращался в приказы, ведавшие уездами, в которых находились интересовавшие его лица, и требовал от них соответствующих распоряжений на места. Но такой порядок связи с местными органами власти в стране был неудобен, во-первых, тем, что между Преображенским приказом и непосредственными исполнителями его заданий стояли третьи лица, а, во-вторых, тем, что такой порядок вызывал неизбежное затягивание разбирательства судебных дел.

Для устранения этих недостатков Ф. Ю. Ромодановский добился установления прямой связи с местными учреждениями и права обращаться к ним с указами непосредственно, минуя промежуточную инстанцию в виде других приказов. Это укрепило авторитет Преображенского приказа среди судей других приказов и привело к тому, что приказные избы наряду со своими обычными обязанностями стали выполнять и его распоряжения.

По указаниям из Преображенского приказа воеводы производили аресты, организовывали поимку скрывавшихся от суда ответчиков и свидетелей, а также бежавших колодников, переправляли арестованных в Москву, наряжая для перевозки и охраны их местных жителей, составляли на местах описи имущества, устраивали распродажи конфискован-

[1] Особенностью судопроизводства того времени было то, что лица, вызывавшиеся в качестве свидетелей, в течение всего следствия содержались под арестом на тех же правах и в тех же условиях, что и обвиняемые. Поскольку следствие часто затягивалось на долгие месяцы и даже годы, перспектива стать свидетелем была очень непривлекательной. К тому же свидетели подвергались не только допросам, но и пыткам.

ных домов и домашней «рухляди» преступников, наводили всякие справки и т. п. Иногда воеводам поручался опрос свидетелей, производство «повальных обысков» и даже полное расследование дел незначительного характера.

Так, например, в 1699 г. по распоряжению Преображенского приказа вологодский воевода кн. Мещерский вел следствие по делу крестьянина, обвинявшегося в употреблении царского имени при брани. В 1700 г. он же вел следствие по делу вологодских тюремных целовальников, бранивших царя за его манеры, одежду и дружбу с немцами. В 1701 г. по приказу Ф. Ю. Ромодановского козельский воевода проводил на месте опрос свидетелей, присутствовавших при разговоре бранивших Петра I крестьян Григорьева и Анофреева [1].

В апреле 1702 г., получив от Нижне-Ломовского воеводы сообщение, будто бы солдат Гусев сказал, что «за очи де и царя бранят», Ф. Ю. Ромодановский приказал воеводе «того солдата в тех речах пытать» и «буде учнет говорить, что он те слова от кого слышал и тех людей имать и расспрашивать, и давать очные ставки, а с очных ставок розыскивать, а что по розыску явитца, о том к великому государю, к Москве в Преображенский приказ писать» [2].

Заставляя воевод и земских бурмистров исполнять распоряжения Преображенского приказа, Ф. Ю. Ромодановский строго следил за тем, чтобы они не превышали своих полномочий и выполняли бы только то, что им поручалось. Особенно упорно он добивался, чтобы местные власти, а также и судьи центральных приказов не проявляли бы никакой самостоятельности в разбирательстве «государевых дел» и без его санкции не выносили по ним никаких решений.

В 1701 г., узнав, что изюмские таможенные бурмистры отослали кричавшего «слово и дело» казака Растворова в Московскую Ратушу, а московские бурмистры, вместо того, чтобы передать его в Преображенский приказ, расследовали дело сами, Ф. Ю. Ромодановский вызвал их всех к себе и, подвергнув самому придирчивому допросу, заставил написать письменное объяснение об этом самоуправстве. К сожалению, конца у дела не сохранилось [3].

В том же году Ф. Ю. Ромодановский приказал доправить 100 руб. пени на ярославском воеводе и 50 руб. на его подьячих за то, что, произведя по его указу следствие по делу посадских людей Антипина и Розета, они, прежде чем сообщить о результатах следствия ему, известили о них Мос-

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 102 (763), 189 (878), 204 (896).
[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., д. 334.
[3] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 293 (1024).

ковскую Ратушу. Взыскать и выслать в Преображенский приказ пени Ромодановский поручил ростовскому воеводе [1].

В 1702 г., стремясь полностью пресечь всякую самостоятельность приказных судей, городовых воевод и других должностных лиц в области «государевых дел» и подчинить их своему контролю, Ф. Ю. Ромодановский добился издания нового указа, не только подтвердившего исключительное право Преображенского приказа вести следствие и суд по «государеву слову и делу», но и запрещения остальным учреждениям и должностным лицам принимать такие дела к производству.

Указ, изданный 25 сентября 1702 г., обязывал приказных судей, городовых воевод, дьяков, подьячих, а также монастырские власти и помещиков «таких людей, которые учнут за собой сказывать государево слово и дело, присылать к Москве не росспрашивая» и передавать непосредственно в Преображенский приказ «к стольнику, ко князю Федору Юрьевичу Ромодановскому» [2].

Значение указа 1702 г. было очень велико. Прежде всего он закрепил и узаконил практику прямого общения Преображенского приказа с центральными и местными учреждениями, еще раз подчеркнул широту его полномочий и обязал всех оказывать его судье полное повиновение. Он был важен еще и тем, что позволил Преображенскому приказу за любое даже мелкое вмешательство в сферу его действий привлекать любых должностных лиц, независимо от их рангов и положений, к судебной и административной ответственности. Этим правом Ромодановский пользовался неоднократно.

В 1704 г. по его указу дьяк Ярославской приказной избы Угримов был бит батогами «за то, что он росспрашивал в государевом деле колодников». В 1707 г. за такой же проступок был сделан выговор зубцовскому воеводе. В 1709 г. Ромодановский потребовал объяснений от воеводы г. Шуи, отпустившего из приказной избы кричавшего «слово и дело» посадского Сеченова. В том же году привлекался к ответу и судья Сибирского приказа, который без ведома Преображенского приказа сослал в Сибирь солдата Пасынкова, заявившего «слово и дело» [3].

Строго взыскивалось с воевод и в тех случаях, когда они недостаточно точно и своевременно выполняли указы и распоряжения Преображенского приказа. В 1708 г. костромской воевода, затянувший с выполнением распоряжения об осмотре двора крестьянина Кондратия Броса и задержавший присылку свидетелей по его делу, был оштрафован. «За его ослушание,

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 210 (902), 256 (950).
[2] ПСЗ, т. IV, № 1918.
[3] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., дд. 137, 447, 539, стб. 417 (1170).

что он по тем грамотам не писал и колодников не присылал», Ромодановский приказал, «доправить пени, сто рублев, а о правеже тех денег послать грамоту к ярославскому воеводе» [1].

Связь Преображенского приказа с воеводами осуществлялась через «нарочных посыльных» солдат, а иногда и офицеров Преображенского и Семеновского полков.

Помимо должностых лиц, Ромодановский использовал монастырские власти, а также живущих в Москве владельцев поместий и вотчин. Нередко, если дело касалось монастырских и частновладельческих крестьян, в Преображенский приказ вызывались их хозяева или приказчики, которым вменялось в обязанность доставить требовавшихся к следствию лиц к определенному сроку под угрозой штрафа [2].

Свое значение и влияние Преображенский приказ продолжал сохранять и после учреждения губерний, Сената и коллегий, так как никому из них его функции переданы не были. В отношении губернаторов Преображенский приказ действовал так же, как и в отношении воевод, используя когда требовалось, весь их аппарат, и контролировал выполнение ими полученных от него распоряжений.

В 1716 г., узнав о том, что киевский губернатор Голицын, прежде чем передать колодников в Преображенский приказ, допрашивал их, Ф. Ю. Ромодановский отказался принять колодников «для того, что киевский губернатор колодниками розыскивал, а по указу теми колодниками не токмо розыскивать, а роспрашивать не велено» и потребовал, чтобы Сенат призвал губернатора к порядку [3].

Вскоре после этого именным указом царя был вновь подтвержден указ 1702 г. Губернаторам разрешалось допрашивать каждого, заявившего «слово и дело», только о том, какого рода извет он хочет сделать. Если оказывалось, что извет касается «государева здоровья и чести, и бунта и измены»,— указ обязывал губернаторов «не роспрашивая, оковав им руки и ноги присылать к Москве, в Преображенский приказ немедленно» [4].

Юстиц-коллегия, попытавшаяся было в 1719 г., под предлогом жалоб на Преображенский приказ подчинить его себе не получила поддержки Петра I. В 1722 г. исключительное право следствия и суда по политическим преступлениям, данное Преображенскому приказу, было подтверждено вновь [5].

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 363 (1110), д. 464 и др.
[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 417 (1170), 418 (1171) и 419 (1172).
[3] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., д. 865.
[4] Там же.
[5] Н. Воскресенский. Законодательные акты Петра I. М.— Л., 1945, стр. 254, 380—381.

Дела из Преображенского приказа без именного указа царя не выдавались даже в Сенат. Не допускались к просмотру дел Преображенского приказа и состоящие при Сенате фискалы [1].

Не оказало значительного влияния на деятельность Преображенского приказа и создание Тайной канцелярии. Образованная для расследования дела царевича Алексея, Евдокии и их сторонников, она носила, по-видимому, характер особой, чрезвычайной комиссии и не должна была превращаться в постоянный правительственный орган. В пользу этого мнения говорит, во-первых, отсутствие каких-либо указов, разграничивающих деятельность Тайной канцелярии и Преображенского приказа, во-вторых,— подтверждение прав и полномочий Преображенского приказа в 1722 г. и, наконец, факт передачи дел Тайной канцелярии при ее ликвидации в Преображенскую канцелярию, как стал называться тогда Преображенский приказ. Однако в период своей деятельности Тайная канцелярия, несомненно, вторглась в известной мере в сферу деятельности Преображенского приказа и взяла на себя часть дел, подлежащих его компетенции. Но это носило временный характер.

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 439 (1192) и 484 (1237).

ГЛАВА II

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ПРЕОБРАЖЕНСКОГО ПРИКАЗА

Прежде чем переходить к рассмотрению отдельных политических процессов, слушавшихся в Преображенском приказе, необходимо хотя бы кратко остановиться на законодательстве, которым руководствовались судьи Преображенского приказа, а также на тех отступлениях от действующих правовых норм, которые возникли в их практической деятельности. Последние, систематически повторявшиеся, получили силу закона и придавали политическим процессам свою специфику.

Известно, что в царствование Петра I не было создано единого свода законов для общегражданских судов. Попытки правительства составить новое Уложение оказались безуспешными, а специальные Воинский и Морской уставы, которые могли бы послужить существенным дополнением к старому законодательству, появились только в последние годы его правления. Основным сводом законов для общегражданских судов оставалось Соборное Уложение 1649 г., дополнением к которому служили новоуказные статьи, изданные в последующие годы.

При определении состава политических преступлений главным руководством для судей служила вторая глава Соборного Уложения, которая носит название: «О государской чести и как его государево здоровье оберегать». В этой главе впервые в истории русского законодательства политические преступления были выделены из числа других уголовных преступлений, как наиболее важные.

К такого рода преступлениям составители Соборного Уложения отнесли следующие: «кто каким умышлением начнет мыслити на государское здоровье злое дело», кто «хотя Московским государство завладеть и государем быть, и для

того своего злова умысла начнет рать собирать», «кто Царского Величества с недруги начнет дружитися и советными грамотами ссылатися и помочь им всячески чинить, чтобы тем государевым недругам по его ссылке Московским государством завладеть или какое дурно учинить», «кто город сдаст изменою» и кто «учнет к Царскому Величеству или на его государевых бояр и окольничих и думных и ближних людей, и в городех и в полкех на воевод и на приказных людей, или на кого ни буди, приходить скопом и заговором и учнут кого грабити и побивати» — и установили, что преступники подлежат смертной казни, а их имущество конфискации [1].

Недонесение о таких совершенных или готовящихся преступлениях также каралось смертной казнью [2].

Соборное Уложение 1649 года уже не могло полностью удовлетворять правительство Петра I. Недостатки этого свода законов особенно остро ощущались судьями Преображенского приказа в их судебной практике, так как они оставляли безнаказанными многие проявления недовольства действиями правительства. Хотя в заглавии второй главы Соборного Уложения говорилось о «государской чести», в ее тексте не было ни одной статьи, которая устанавливала бы наказание за словесное оскорбление царя или членов его семьи, за порицание поведения государя или осуждение его мероприятий, за составление «прелестных писем», за искажение царского титула, за осквернение царского изображения и другие подобные деяния. Кроме того, в это время в связи с обострением классовой борьбы и противоречий среди господствующего класса появились новые виды политических преступлений, не предусмотренные Соборным Уложением.

Консервативно настроенное боярство и духовенство открыто и тайно выступало против политики правительства Петра I. Ими распространялось множество разных порочащих царя легенд и слухов, осуждались его указы, преувеличивались симпатии Петра I к иноземцам и его личные недостатки. Эти настроения оказывали влияние и на другие слои общества.

Благодаря сопротивлению консервативной оппозиции многие мероприятия Петра встречали противодействие. Указы правительства нарушались, саботировались или выполнялись плохо. Оппозиция, защищая реакционные идеи, распростра-

---

[1] «Уложение государя и великого князя Алексея Михайловича», гл. II, стб. 1, 2, 3 и 21. СПб., 1913.

[2] Там же, стб. 18 и 19.

ные слухи, порочащие царя и проводимую им политику, препятствовала быстрому усвоению новых передовых идей и задерживала ход реформы. Поэтому правительство вынуждено было стать на путь решительной и непримиримой борьбы с ней.

Одновременно росло и ширилось недовольство среди крестьянства и посадских низов. Рост налогов, введение новых прежде невиданных повинностей, постоянные наборы рекрутов и работных людей нередко вызывали враждебное отношение к Петру I и проводимой им политике.

Задачей Преображенского приказа являлось пресечение подобных выступлений путем привлечения виновных к судебной ответственности. Разрешение этой задачи затруднялось тем, что в его распоряжении не имелось соответствующих статей закона.

Некоторым дополнением ко II главе Соборного Уложения могли бы послужить указы, изданные правительством Софьи Алексеевны вскоре после подавления стрелецкого движения 1682 г. в Москве. В этих указах определялись наказания за составление и хранение «прелестных и смутных писем», а также за произнесение «непристойных слов о государях» и «смутных и похвальных речей Московскому смутному времени». Первый указ, изданный в декабре 1682 г., предписывал за эти преступления «казнить смертию безо всякого милосердия». После расправы правительства царевны Софьи с активными участниками стрелецкого движения смертная казнь за «непристойные речи» была заменена битьем кнутом и ссылкой. В мае 1683 г. городовым воеводам было дано указание о виновных в подобных преступлениях, которые «объявятся в больших винах», писать в Москву, «об указе к себе», а «за малые вины чинить наказанье, бить кнутом и батоги смотря по вине и по человеку и давать на поруки, чтоб им впредь таких дел не затевать» [1].

Эти указы о борьбе с политическими преступлениями рассылались по всем приказам и городам и в 80-х годах XVII в. были хорошо известны представителям центральной и местной власти. Однако следов применения их в Преображенском приказе обнаружить не удалось. По-видимому, это объясняется тем, что они исходили от правительства, враждебного Петру I, относились к «Московскому смутному времени» и воспринимались как чрезвычайная мера. О том, что эти указы были скоро забыты, свидетельствует относящаяся к 1697 году помета Ф. Ю. Ромодановского, отрицающая существование

[1] ПСЗ, т. II, № 978, 1002, 1014.

каких-либо указов, карающих за «непристойные речи о государе». «А за непристойные слова что чинить»,— читаем в ней,— «того в государеве указе и в Соборном Уложении не напечатано и в новоуказных статьях не написано»[1].

Отставание законодательства от судебной практики было типичным для XVII века явлением. Поэтому в практике старых приказов постепенно вырабатывались новые, дополняющие Соборное Уложение, юридические понятия, нормы и методы, которые значительно облегчали судопроизводство. Некоторые из них вошли в практику судьи Преображенского приказа. Такую вспомогательную роль сыграло, в частности, возникшее в результате практической деятельности приказа юридическое понятие «государево слово и дело», которое помогало Ф. Ю. Ромодановскому определить состав политических преступлений с большей точностью, нежели соответствующие статьи II главы Соборного Уложения. Из судебной практики старых приказов Ф. Ю. Ромодановским было заимствовано и понятие «непристойные речи», охватывающее целую группу не отмеченных Соборным Уложением политических преступлений, выражавшихся в словесном поругании государственной власти.

Но если при определении состава политических преступлений Ромодановскому помогали в известной мере восполнявшие пробелы законодательства юридические понятия, установившиеся в приказной практике, то значительно большую сложность представляло собой определение виновным наказаний, которые соответствовали бы степени их виновности. В этой области с 1649 г. до создания Преображенского приказа почти ничего не было сделано, и систему наказаний приходилось разрабатывать в ходе судебной практики.

Неполнота законодательства заставляла приказных судей обращаться к царю или Боярской Думе, так как в своей судебной практике они часто сталкивались с такими вопросами и делами, по которым не находили соответствующих указаний закона и не могли или не хотели принимать самостоятельных решений.

Для оформления этой практики в законодательном порядке в 1694 г. Петр издал указ, который предписывал судьям «судных и всяких розыскных дел», если им «указу за чем чинить будет не мочно», обращаться в Боярскую Думу. Дума должна была выносить по таким делам особые решения и

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 57 (673).

только в том случае, если это затрудняло ее, передавать их на рассмотрение государю [1]. Этот указ распространялся на все приказы.

Однако специфический характер политических преступлений, нежелание давать им широкую гласность, а также недоверие царя ко многим участникам Боярской Думы заставили его сделать для Преображенского приказа исключение. Передавая дела по «государеву слову и делу» в ведение Преображенского приказа, Петр I дал Ромодановскому определенные устные указания о том, чтобы он во всех важных и затруднительных случаях обращался непосредственно к нему. Об этом свидетельствует то, что Ромодановский, как правило, к Думе не обращался. Единственным исключением были 1697 и 1698 годы, когда Петр I находился за границей, но и тогда Ромодановский обращался в Думу только в трех случаях, причем два раза по одному и тому же делу.

После возвращения в Россию, Петр принял весьма деятельное участие в работе Преображенского приказа. Он не только требовал от Ромодановского отчета о работе приказа, но и сам выступал в роли судьи. Чаще всего он слушал чтение выписок или устный доклад Ромодановского по делам, после чего выносил приговор или решение произвести дознание [2]. Интерес, проявляемый Петром I к политическим процессам, и его постоянные наезды в Преображенский приказ способствовали возникновению и распространению слухов, что он не только присутствовал при допросах, но чуть ли не лично пытал и даже казнил обвиняемых.

Из протоколов Преображенского приказа, в которых всегда с большой тщательностью фиксировалось кем и в присутствии кого велся тот или иной допрос, явствует, что Петр действительно принимал участие в допросах, но это бывало крайне редко. Он брал на себя роль следователя обычно только тогда, когда в ходе дела оказывалось необходимым подвергнуть допросу кого-либо из членов царской семьи. Так, Петр лично допрашивал царевен Софью и Марфу, оказавшихся причастными к стрелецкому процессу 1698—1699 гг., а также царевну Екатерину Алексеевну, у которой бывал и с которой переписывался поп-расстрига Григорий Елисеев, задержанный по подозрению в «злом умысле на государево

---

[1] ПСЗ, т. II, № 1491.

[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 103 (764), 170 (837), 175 (843), 177 (845), 301 (1034), 387 (1136) и др.

здоровье», но оказавшийся просто авантюристом и шарлатаном [1].

Однажды Петр присутствовал на допросе крепостного князя Хилкова Родиона Семенова, который, заявив, что знает за своим помещиком слово и дело, категорически отказался сообщить его Ромодановскому. В своем упорстве он выдержал ряд пыток, что и вынудило князя просить Петра прибыть на допрос, как требовал изветчик [2]. Чаще всего, если дело особенно интересовало Петра или представлялось ему неясным, он составлял специальные вопросники, по которым предлагал допрашивать, а затем знакомился с показаниями по протоколам [3]. Записей о присутствии Петра I на пытках в делах Преображенского приказа не встречается.

Приговоры Петр I выносил по самым разнообразным как крупным, так и мелким политическим процессам. За период с 1700 по 1705 год сохранилось более пятидесяти решений Петра. Приговоры, вынесенные царем, во многих случаях восполняли недостатки законодательства и являлись тем руководящим началом, которое определило развитие всей судебной деятельности Преображенского приказа.

Для помощи Преображенскому приказу Петр I создал постоянную судебную коллегию из бояр, которая должна была, по мере надобности, давать Ромодановскому советы и выносить решения по тем делам, которые он найдет нужным предложить ее вниманию.

Впервые бояре были назначены в помощь Ромодановскому как следователи в сентябре 1698 года, когда начался процесс участников стрелецкого мятежа, с которым он один физически не мог справиться [4].

В октябре 1699 г. Петром I был дан указ боярам регулярно принимать участие в работе Преображенского приказа, съезжаясь туда еженедельно в определенный день. В 1699 г. «октября в 10 день, велено по именному указу, чтобы ездили

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 302 (1035) и 95 (751). Оба столбца опубликованы Н. Новомбергским в сборнике документов «Слово и дело государство», т. II, за № 1 и 9, как два отдельных дела. Дело Г. Елисеева описано и С. М. Соловьевым (История России, т. XV, стр. 1375—1377, изд. Общ. Польза).

[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., д. 277.

[3] Так, Петр составил вопросник для судей, которые вели допросы участников стрелецкого мятежа 1698 года; давал указания относительно допроса участников Астраханского восстания, а также по ряду других дел.

[4] Это были судьи: Разрядного приказа Т. Н. Стрешнев, приказа Б. Казны П. И. Прозоровский, приказа Казанского дворца Б. А. Голицын, Стрелецкого приказа И. Б. Троекуров и бояре М. А. Черкасский, А. С. Шеин, князь В. Д. Долгорукий, окольничий князь Ю. Ф. Щербатый и думный дьяк Н. Зотов.

судьи в Преображенское на генеральский двор по пятницам», — сообщает современник Петра I И. А. Желябужский [1].

Чаще всего бояре-судьи слушали составленные по распоряжению Ромодановского выписки из дел и выносили по ним свои заключения. Иногда в их присутствии производились допросы обвиняемых или свидетелей. К боярам же Ромодановский обращался в тех случаях, когда ему в интересах следствия было необходимо отступить от норм, установленных Соборным Уложением.

Практически боярская коллегия собиралась реже, чем раз в неделю, но все же достаточно часто. Так, например, летом и осенью 1700 г. бояре заседали в Преображенском приказе 12 и 15 июня, 5 и 25 июля, 12 сентября и 30 октября [2]. В зависимости от сложности материала бояре рассматривали от одного до семи дел в день [3]. Боярская коллегия действовала

[1] «Записки русских людей...», стр. 65.

Основываясь на этом замечании Желябужского, Забелин высказывает предположение, что в Преображенский приказ еженедельно выезжала вся Боярская Дума (З а б е л и н. Преображенское. М., 1883). Это предположение не соответствует действительности. Во-первых, Желябужский говорит не о Думе, а только о судьях. Поскольку он относится к числу авторов, заслуживающих доверия, так как его лаконичные записи обычно подтверждаются и другими источниками, то нет никаких оснований предполагать, что в данном случае Желябужский, употребляя слово судьи, имел в виду Думу. В протоколах Преображенского приказа также не упоминается о Думе, употребляется только термин бояре. Во-вторых, выезды всей Думы в Преображенское явились бы событием из ряда вон выходящим и непременно нашли бы отражение в других источниках. Однако таких сведений не имеется. В-третьих, общеизвестно, что именно в это время начинается резкий упадок Думы, а затем наступает полное прекращение ее деятельности. Медлительность, громоздкость и консервативность Думы, а также явно недоброжелательное отношение многих ее членов к преобразованиям, заставляли Петра обращаться к более узким и оперативным боярским совещаниям, состав которых определялся им самим. В них принимали участие судьи приказов, близкие к Петру сановники и опытные думные дьяки. Эти боярские совещания не были постоянно действующим органом, не имели своей канцелярии и собирались обычно в том месте или приказе, где требовало дело. Там же, при деле, сохранялись и их решения. Такие совещания собирал не только сам Петр, но и назначаемые им при отъезде из столицы наместники — Ф. Ю. Ромодановский, Т. Н. Стрешнев, которые управляли Москвой во время его отсутствия. Впоследствии эти совещания стали собираться в Ближней канцелярии и получили название консилий. Такие консилии в большей степени нежели чем Дума, отвечали требованиям помощи Преображенскому приказу и сохранения государственной тайны при расследовании политических преступлений.

[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 105 (766), 171 (838), 128 (790), 137 (799).

[3] 12 июля 1700 г. бояре вынесли 7 обвинительных приговоров. 21 февраля 1701 г. они рассмотрели всего одно дело, 13 января 1702 г. — два дела, а 9 февраля 1705 г. — 6 дел.

довольно значительный период времени, и ее решения встречаются в делах Преображенского приказа вплоть до 1706 года.

Образовав боярскую коллегию, Петр I постоянно интересовался ее деятельностью и контролировал ее решения. Из 36 сохранившихся боярских приговоров он проверил 18, причем дал в 12 случаях иное решение: в двух случаях усилил наказание, а в остальных смягчил.

Приговоры Петра I позволяют установить, что он относился к политическим преступлениям несколько иначе, чем составители Соборного Уложения.

Голиков сообщает, что однажды в разговоре Петр заявил: «на беспорядки и преступления надлежит конечно налагать наказания, однакож и сберегать жизнь подданных сколь возможно»[1]. В эту короткую фразу вложено новое для предшествующего законодательства положение, согласно которому обвиняемые рассматривались не только как преступники, но и как подданные, чья жизнь представляет известную ценность.

Эта точка зрения, получившая некоторое отражение в приговорах, вынесенных царем, давала новое направление судебной практике по политическим процессам. Оно выразилось прежде всего в том, что к политическим преступникам, подлежащим, по Соборному Уложению, физическому истреблению, стали применяться наряду со смертной казнью и другие меры наказания.

Считая смертную казнь в ряде случаев единственной достойной мерой возмездия, Петр, однако, стремился сузить границы ее применения. Он полагал, что суд должен преследовать не только карательные и устрашающие, но и исправительные цели, а преступников, чье преступление не вышло за определенные пределы, можно использовать в государственных интересах как рабочую силу. Прямым результатом его воззрений было разделение всех политических преступлений на две категории по степени их важности.

Преступлениями наиболее опасными Петр считал измену и «бунт». К преступлениям менее опасным он относил «непристойные речи» и другие поступки, подрывающие престиж царской власти.

Бунтом Петр, как и составители Соборного Уложения, признавал массовые выступления против власти государя и его наместников, заговоры, возникавшие с целью убить государя или совершить государственный переворот. Кроме того, он считал разновидностью бунта всякие совместные дей-

---

[1] И. И. Голиков. Деяния Петра Великого, т. V, М., 1788, стр. 97.

ствия против властей, даже тогда, когда они не выходили за рамки подачи коллективной жалобы.

Основным видом наказания за эти преступления была смертная казнь, которая применялась со всей беспощадностью. Так, в 1698—1699 гг. были утверждены смертные приговоры 799 стрельцам, принимавшим участие в стрелецком мятеже 1698 г., а в 1705 году — 320 участникам астраханского восстания. Вид смертной казни устанавливался в зависимости от степени виновности: более жестокий, как колесование, или менее мучительный, как повешение.

К лицам, чья степень виновности признавалась менее значительной, применялись и другие меры наказания. Еще в 1689 году часть лиц, привлекавшихся по делу Ф. Шакловитого, была приговорена к битью кнутом, урезанию языка и ссылке «в Сибирские города на вечное житье»[1]. В 1699 г. 269 стрельцов-мятежников по приказу Петра I были биты кнутом, запятнаны и сосланы на каторгу.

Сурово наказывались участники и зачинщики коллективных жалоб. В 1704 г., узнав из письма стрелецкого полковника Шеншина, полк которого стоял на Украине, что стрельцы его полка послали челобитчиков с жалобой на полковника в Преображенский приказ, Петр, даже не поинтересовавшись ее содержанием, приказал Ромодановскому следствия не производить, а Шеншину «первых заводчиков казнить смертью, а достальных бить кнутом нещадно»[2].

Были наказаны и тринадцать дворцовых крестьян, явившихся к Петру в Переяславль-Залесский «с именным челобитьем о вытной збавке». Все они были биты кнутом, а крестьянину, признанному зачинщиком, кроме того, урезан язык[3].

Государственной изменой считались: прямой переход на сторону врага, выдача военных секретов и шпионаж, всякая помощь врагу, а также враждебная русскому государству агитация, под влиянием которой люди покидали пределы родной страны. Единственной мерой наказания за измену была смертная казнь. Весьма показательными в этом отношении являются приговоры Петра I по делу Я. Янсена и по процессу лиц, способствовавших бегству кызыкерменского бея.

Яков Янсен, который «был народу галанского, а служил в бомбардирах»[4] принадлежал к числу тех иностранных авантюристов, которые устремились из Европы в Россию в

---

[1] ПСЗ, т. III, № 1349, 1359.
[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., д. 185.
[3] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., д. 203, л. 10.
[4] «Архив кн. Ф. А. Куракина», т. I, стр. 253.

поисках чинов и легкой наживы, прослышав о склонности русского царя к иноземцам. Служба в русских войсках не оправдала надежд Янсена. Скромная должность бомбардира не принесла ему ни особой славы, ни больших доходов. Во время первого Азовского похода он перебежал к туркам и вступил на турецкую службу [1].

Вскоре после его побега турки совершили удачную вылазку, которая причинила русским большой ущерб. Удача турок была приписана измене Янсена [2].

Петр считал необходимым жестоко покарать бомбардира за измену и предательство, и на следующий год, предъявляя Азову ультиматум о сдаче, потребовал выдачи перебежчика. Его требование было выполнено, и 30 сентября 1696 г. Яков Янсен был привезен в Москву. На суде в Преображенском приказе ему были предъявлены обвинения в измене русскому государю и православной вере.

На допросе, отрицая обвинения в измене вере, Янсен признал, что во время II Азовского похода он принимал самое деятельное участие в борьбе с русскими. До начала военных действий он занимался постройкой укреплений и соорудил раскат для восьми пушек. Во время осады Янсен «по государевых людех в полки стрелял» «для того, что он Якушка был в пушкарях и тот раскат берег и надсматривал». Он принимал участие в военных советах «азовских сидельцев» и лично участвовал в трех вылазках против русских [3].

Измена Янсена была совершенно очевидной. Петр приго-

---

[1] Н. Г. Устрялов, ссылаясь на Плейера, пишет, что Петр I так любил Янсена за природный ум и искусство в метании бомб, «что под Азовом проводил с ним дни и ночи, не скрывая от него своих намерений» (Н. Г. Устрялов. История Петра Великого, т. II. СПб., 1863, стр. 235). Историк Азанчевский считает Янсена даже крестником Петра и высказывает мнение, что причиной его побега была ссора с боярином Шеиным (Азанчевский. История Преображенского полка. СПб., 1859). Эти сведения вряд ли соответствуют истине. В своих показаниях, данных в Преображенском приказе, Янсен совершенно не упоминает не только о близости к царю, но и простом знакомстве с ним, хотя подробно излагает историю своего поступления на русскую службу. Своим крестным отцом он назвал брата холмогорского архиепископа Дмитрия Артемьева. Не упоминает он и о Шеине (ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 21 (508).

[2] Сам Янсен на допросе в Преображенском приказе, отрицая свою причастность к этой вылазке турок, утверждал, что когда «была выласка на русские полки и хотели на генерала на Петров полк Гордона, и он де Якушка на тот полк итти им не велел, сказал им, что де в том полку пушек много. И они де ево не послушали. А он де Якушка на государские полки тем азовским сидельцам и где б им иттить на который полк не научивал и не указывал, и был де он скован». (ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 21 (508).

[3] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 21 (508).

ворил его к наиболее тяжкому виду смертной казни — колесованию. Приговор был приведен в исполнение «и октября в 7 день, по указу в. государя Якушка Дмитриев в Преображенском казнен. Руки и ноги ломаны колесом. После того голова ему отсечена и взоткнута на кол. А тело его отослано в убогих дом» [1].

Не меньшую суровость проявил Петр и в отношении лиц, помогавших бегству кызыкерменского бея.

Взятый в плен, по-видимому, еще при падении Кызы-Керменя, бей содержался под арестом в Разрядном приказе. В 1703 году ему удалось связаться с приезжим черкашенином В. Желтовским, который за вознаграждение в 300 рублей согласился устроить бею побег. Замысел удался и бей бежал. Он был пойман уже далеко от Москвы, в Рыльском уезде.

Доставленный назад бей выдал Желтовского. Дело было направлено из Разрядного в Преображенский приказ. Там выяснилось, что Желтовскому помогали два его товарища и извозчики, которых он нанял, чтобы отвезти бея до Серпухова. Прежде чем отправиться в путь, извозчики десять дней прятали бежавшего бея у себя в деревне, в бане.

По окончании следствия, 9 февраля 1705 года, дело было доложено боярам, которые вынесли приговор: «трех черкас и извощиков, села Кувекина крестьян, сослать на каторгу на семь лет». 13 февраля 1705 г. Петр отменил решение бояр и приказал «тех черкас и извощиков казнить смертью». Вид казни в приговоре указан не был [2].

К смертной казни Петр I приговорил в 1703 году и донского казака Афанасия Чеботаря, подговаривавшего дьячка Никифора Васильева бежать с ним за пределы России «на реку Аракань» [3].

Наиболее распространенным видом политических преступлений были «непристойные речи», а именно всякие враждебные власти, авторитету и мероприятиям Петра высказывания. По своему содержанию они были весьма разнообразны. Среди них различались: «речи», сознательно направленные против Петра I и его политики, имеющие целью вызвать общее недовольство; «речи», содержащие угрозы по адресу царя; «речи», выражающие пожелания смерти царю или содержащие плохие для него предсказания; «речи», в которых утверждалось, что Петр «не истинный царь», а узурпатор или ан-

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 21 (508). Ту же дату казни указывает и И. А. Желябужский в своих записках («Записки русских людей...», стр. 44).

[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 402 (1152), л. 15 и 16.

[3] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., д. 19.

тихрист; «речи», содержащие выражение сочувствия противникам царя или казненным по его приказу лицам; «речи», в которых выражалось порицание поведению царя; осуждение правительственных мероприятий; жалобы на рост и тяжесть налогов и введение новых повинностей; жалобы на введение иноземных обычаев и пренебрежение царя к православной религии; употребление имени царя в брани и др.

В практике все эти виды «речей» переплетались: жалобы соединялись с угрозами, осуждение поведения царя с бранью, жалость к стрельцам с ненавистью к иноземщине и т. п. В зависимости от формы выражения «речи» звучали резче или более мягко.

За произнесение «непристойных речей и слов» в Преображенском приказе определялись различные наказания.

Уже в 1697 году, кроме смертной казни, к лицам, виновным в этих преступлениях, применялись: битье кнутом, урезание языка и ссылка; битье кнутом и ссылка; битье плетьми и ссылка; битье батогами и ссылка; ссылка; битье кнутом; битье плетьми; битье батогами.

В 1700 году к этим видам наказаний прибавилось: битье кнутом, запятнание и ссылка.

Клеймение производилось вырезыванием ноздрей или иглами. Метка иглами ставилась на лоб или щеки, причем образованная иглами рана натиралась порохом, чтобы метка не стиралась. До 1702 года вырезывание ноздрей и запятнание иглами применялись наряду с урезанием языка, лишь постепенно вытесняя этот вид членовредительства. В 1704 г. вырезывание ноздрей и запятнание было узаконено специальным указом [1], после появления которого урезание языка из практики Преображенского приказа исчезает.

В 1704 году в Преображенском приказе стал применяться еще один вид наказания, а именно — битье шелепами [2], к которому обычно приговаривались лица духовного звания.

Тяжесть телесных наказаний была различной. Различие определялось не только употреблением разных орудий наказания, но и силой их применения. Так, битье бывало простым и «нещадным». Простое и «нещадное» битье отличались друг от друга не количеством ударов [3], которое, по-видимому, каждый

---

[1] ПСЗ, т. IV, № 1957.

[2] Шелепы представляли собой род расширявшихся на конце лопатообразных дубинок.

[3] Случаи определения количества ударов судьей крайне редки. Ромодановский только однажды указал дать 40 простых ударов кнутом монаху Питириму за ложный извет (ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 182 (861), обычно же он ограничивался только указанием на то, каким должно быть битье, простым или нещадным.

раз определялось уже палачом в зависимости от физического состояния обвиняемого, а самой системой битья, которое производилось без оттяжки и, что было гораздо болезненнее, с оттяжкой [1].

Кнутом, кроме того, били либо в распростертом положении, либо в полусогнутом, когда человека привязывали к бревну («козлу»). Битье кнутом «на козле» обычно соединялось с «нещадным» битьем. Плетьми секли «в рубахе» и «сняв рубаху».

Большинство из этих мер наказания было известно и раньше. Некоторые из них были узаконены Соборным Уложением для других видов уголовных преступлений, некоторые возникли в судебной практике старых приказов.

Разные способы телесных наказаний сочетались с разными видами ссылки. В Преображенском приказе к политическим преступлениям применялось около тридцати видов подобных наказаний.

Наиболее часто применявшимся видом ссылки была ссылка в Сибирь, куда виновные отправлялись на поселение «в пашню» или «в службу». Лица духовного звания, женщины, а с 1707 г. также все «старые и увечные» ссылались в дальние монастыри, где в зависимости от состава преступления определялись «в заключение», «в работу» или «в братство». С 1699 года местом ссылки становится Азов, куда специальным указом было предписано ссылать виновных колодников из числа мастеровых и посадских людей [2].

С 1700 года в Преображенском приказе начинает систематически применяться ссылка на каторгу как пожизненно, так и на срок [3]. Лиц, приговоренных к каторжным работам, отправляли в Азов, Таганрог, Олонец и в С. Петербург. К отбыванию каторги приговаривались только мужчины. Своеобразным видом каторжных работ для женщин была ссылка «в работу» на прядильню [4].

Этот, сложившийся в судебной практике, вид наказания был оформлен специальными указами в 1703—1704 гг. [5]

[1] Исследователь уголовного законодательства при Петре I П. С. Ромашкин высказывает предположение, что «нещадное» битье являлось замаскированным видом смертной казни (Уч. зап. МГУ, вып. 144, труды юрид. ф-та, кн. 3). Практикой Преображенского приказа это положение не подтверждается. Как правило «нещадное» битье переносилось гораздо легче, чем пытки на следствии, от которых умирало значительно больше людей. Некоторые лица переносили «нещадное» битье не один раз в жизни.

[2] ПСЗ, т. III, № 1690 и т. IV, № 2179.

[3] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 108 (770), 125 (778), 128 (790), 142 (806), 155 (819), 170 (837), 194 (866), 196 (888), 202 (894) и др.

[4] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 219 (904), д. 394.

[5] ПСЗ, т. IV, № 1924, 1951, 1957.

и применен ко всем уголовным преступлениям. Указ, изданный в январе 1704 года, предписывал «воров и разбойников, которые в убивстве, в прямом воровстве — измене и бунте казнить, а которые, кроме вышеписанных вин, а по законам достойны смерти, тех бить кнутом и запятнав новым пятном послать вечно на каторгу, а которые довелись наказания и дальней ссылки, тех без наказанья ссылать на каторгу ж на десять лет» [1]. Указы 1703—1704 гг. в некоторой степени дополнили Соборное Уложение.

Прямым следствием указа 1704 года было исчезновение из судебной практики Преображенского приказа такого наказания как ссылка на каторгу на сроки от 3 до 7 лет [2] и увеличение срока от 10 до 20 лет [3].

Предписание указа 1704 г. о том, что срочная каторга должна применяться вместо сочетания дальней ссылки с телесными наказаниями, в Преображенском приказе не выполнялось. Преступников приговаривали и к дальней ссылке и к срочной каторге как в сочетании с телесными наказаниями, так и без них.

Разработанные в судебной практике Преображенского приказа меры наказаний, как видно из прилагаемой таблицы, применялись там систематически и регулярно из года в год (см. табл. на след. странице).

Мера наказания за «непристойные речи» определялась не только в зависимости от их содержания, но и от других обстоятельств. Так, имело значение какую цель преследовал обвиняемый, принадлежали ли «речи» ему или он передавал их со слов других. Большое значение при определении меры наказания придавалось политической обстановке того времени.

Петр, определяя наказание за «речи», исходил из соображения о том, какой вред они могут принести его власти и авторитету. Осенью 1698 г., когда шел большой стрелецкий розыск и ему важно было создать вокруг этого процесса определенное общественное мнение, он приговорил к смертной казне жену стряпчего конюха Аксинью Трусову и ее крепостного человека Григория Леонтьева, которые объясняли жестокость расправы царя со стрельцами не их виной, а нелюбовью к ним царя, который «обусурманился», «ожидовел и без тово де он жить не может, чтоб ему некоторый день крови не пить» [4].

В марте 1701 года Петр приказал казнить монаха одного

---

[1] ПСЗ, т. IV, № 1957.
[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 128 (190), 219 (1022), 196 (888).
[3] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 318 (373).
[4] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 69 (696).

ТАБЛИЦА

наказаний, примененных к политическим преступникам в 1697–1708 гг.[1]

Год	Всего обвинено чел.	Из них приговорено к наказаниям											Всего сослано	Из них:				
		смертной казни	битью кнутом, урезанию языка и ссылке	битью кнутом, запятнанию и ссылке	битью кнутом и ссылке	битью плетьми и ссылке	битью батогами и ссылке	Ссылке	Битью кнутом	Битью плетьми	Битью батогами	Битью шелепами		на вечную каторгу	на срочную каторгу	на поселение	в монастыри	на предельно
1697	37	8	4	—	7	1	2	4	3	1	7	—	13	2	—	14	1	—
1698	18	4	4	—	4	—	—	—	4	2	—	—	8	—	—	5	3	—
1699	8	—	1	—	5	—	—	—	1	—	1	—	6	—	—	6	—	—
1700	67	7	13	13	13	—	—	3	11	5	2	—	42	6	2	26	8	—
1701	85	6	10	15	13	—	—	13	21	5	2	—	51	3	2	33	11	2
1702	36	3	4	4	11	—	1	4	8	2	—	—	24	1	2	17	4	—
1703	36	5	—	4	9	2	—	3	9	3	1	—	18	3	1	4	8	—
1704	83	6	—	5	7	1	—	6	53	3	1	1	19	4	—	9	6	—
1705	92	10	3	39	12	—	—	12	6	5	—	5	66	34	5	22	4	1
1706	11	—	—	3	1	—	—	4	2	1	—	—	8	2	1	4	1	—
1707	17	—	—	3	—	—	—	1	5	1	6	1	1	3	1	—	—	—
1708	16	—	—	1	4	—	—	4	4	2	1	—	9	2	1	4	2	—
Всего . .	507	48	39	87	86	4	3	54	127	30	21	7	273	60	15	144	51	3

[1] В данный подсчет не вошли лица, привлекавшиеся к суду по стрелецкому розыску 1698—1699 гг. и по процессу участников Астраханского восстания, а также лица, умершие во время следствия и те, по делу которых приговоров не сохранилось.

из уездных монастырей Герасима, который, услышав от ехавшего из-под Нарвы дворянина Симонова о поражении русской армии, сказал: «теперь во де мир погиб. Опять де будет служба. Лутче бы де ево государя убили, так бы де службы не было и мир бы де отдохнул». Другой монах, Феодосий, сказавший тут же, что будто бы царь Иоанн Алексеевич извещал всему народу: «брат мой де живет не по царски, ездит в Немецкую слободу и знаетца с немцы» — был бит кнутом и по урезании языка сослан в другой монастырь [1].

К смертной казни были приговорены: в 1705 году — книгописец Григорий Талицкий, который с целью вызвать общее недовольство сочинил и намеренно распространял легенду о том, что Петр I — антихрист [2], а в 1707 г. азовский священник Иван Федоров, говоривший «в последние де времена восстанет воинство и один де царь всех победит, а после де и сам убиен будет. Ныне наш в. государь трех победил и седьми покорил, а опосле де он великий государь сам убиен будет» [3].

Однако смертная казнь за «непристойные речи» применялась Петром сравнительно редко. Из 29 его решений по таким процессам смертных приговоров только шесть. Чаще всего Петр I применял телесные наказания в сочетании с каторжными работами или ссылкой на поселение.

К бессрочной каторге Петр приговаривал виновных, у которых недовольство правительственными мероприятиями соединялось с угрозами царю.

Типичным для решения таких дел является приговор Петра по делу монаха московского Богоявленского монастыря Дмитрия. Старец Дмитрий, ведавший монастырской поварней, был возмущен правительственным предписанием, обязавшим монастыри в течение известного периода кормить своих даточных крестьян, зачисленных в солдаты. Однажды, когда такой даточный явился за обедом, разъяренный старец закричал «государю де этому не быть! Мы де на книги шлемся и выберем де иного царя. Он не государь, немец полюбил и верует в них, и кафтаны солдатам и вам поделал немецкие». Даточный сделал донос. Ознакомившись с делом, Петр приказал «бить кнутом и урезав язык сослать Дмитрия в Азов на каторгу» [4].

Распорядился Петр «бить кнутом и запятнав сослать на каторгу в вечную работу» и крестьянина Еремеева, сказавшего «подати де в. государя стали велики и нихто де ево не

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 222 (906) и 232 (925).
[2] Ниже мы остановимся на процессе Талицкого более подробно.
[3] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., д. 543.
[4] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 170 (837).

приговоров не сохранилось.

изведет и не убьет». Точно такое же наказание назначил Петр и другому крестьянину — Маркову, который, узнав о том, что государь требует подвод, сказал «разорили де нас указы, с естими де бы указами ево бы государя повесил!» [1].

К телесному наказанию, урезанию языка или запятнанию и ссылке на каторгу, на поселение в Сибирь или в монастырь приговаривались и лица, упрекавшие Петра в жестокости, а также высказывавшие сочувствие его врагам. Так, в 1697 году Ромодановский приговорил к битью кнутом и ссылке торговца Фомина и его жену, которые высказали жалость к Соковнину и Пушкину. Жене Фомина был урезан язык [2].

В 1701 году Петр приказал бить кнутом, урезать язык и сослать в Вологодский монастырь дочь посадского человека Евдокию Часовникову с тем, чтобы «быть ей в том монастыре до кончины живота своего неисходно», за то, что она заявила «которого де дня в. государь и стольник князь Ф. Ю. Ромодановский крови изопьют, того де дни в те часы они веселы, а которого дни они крови не изопьют и того дня им и хлеб не есца» [3]. Летом того же года по приговору боярской коллегии помещик Букреев за слова «государь нарочно холопей своих морил под Ругодевом [4], много де ему государю стало силы» также был бит кнутом, запятнан и приговорен к ссылке [5].

Такое же наказание боярская коллегия определила и бургомистру села Симы Григорию Владимирову. Владимиров был виновен в том, что, узнав о предполагавшемся походе против шведов, сказал «будет служба под Ригу, а Рига за немцы, а немцы лихи; знатно де ему государю своею смертью не умереть. Заманят немцы в Ригу и ево государя изведут. Сколько ему государю не ходить, а голова своя положить!» Вынося приговор, бояре сочли нужным объяснить, чем было вызвано их отступление от Соборного Уложения. После слов «сослать в Сибирь с семьей на пашню», они приписали «потому, что он Гришка на убивство ево государя и на бунт ничево не мыслил» [6].

К срочной каторге Петр приговаривал за пересуды о царской семье, о его разводе с Евдокией Лопухиной, а также за разные сплетни о нем самом.

В 1702 году он приговорил к битью кнутом и ссылке на каторгу на семь лет стряпчего Хлебного двора Василия Ко-

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., д. 1704 г., стб. 402 (1152) и д. 123.
[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 57 (673).
[3] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 144 (808).
[4] Ругодев — старое название г. Нарва.
[5] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 288 (1019).
[6] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 192 (883).

стюрина, который с чужих слов рассказывал, будто бы боярин Стрешнев морит голодом царевен и одна из них, Татьяна Михайловна, жаловалась на него царевичу, который обещал ей: «дай де мне сроку, я де их переберу». Кроме того Костюрин видел, как отправляли в Суздаль царицу Евдокию и рассказывал, что ее «везли в худой карете и на худых лошадех» [1].

В 1705 г. Петр приговорил: «бив кнутом и запятнав пятном в лоб, сослать на каторгу на десять лет» крестьянина Кириллова, говорившего, что «государь де царицу покинул, а возлюбил немцов» [2].

При определении наказания за «речи» чрезвычайно большое значение имела социальная принадлежность подсудимого.

Неравенство лиц перед законом, характерное для классового общества, проявлялось в первой четверти XVIII в. в отношении политических преступников особенно ярко. Для суда принадлежность к низшим социальным группам являлась фактором, усиливающим степень виновности подсудимого, а также и меру наказания. Принадлежность же к высшим, привилегированным социальным группам являлась обстоятельством, способствующим смягчению вины и меры наказания. В практической деятельности Преображенского приказа мы постоянно сталкиваемся с фактами, когда по существу дела одинаковые преступления карались различно, а разные — одинаково. И в том и в другом случае степень наказания определялась социальной принадлежностью подсудимого.

В качестве примера можно привести такие факты.

23 сентября 1697 года в Преображенский приказ был доставлен старорусский «работный человек» Илья Заворуев, который говорил о Петре «какой де то ныне государь, пустил такую проклятую табаку в мир». Заворуев был приговорен Ромодановским к нещадному битью кнутом на козле, урезанию языка и ссылке в Спасо-Каменный монастырь. В 1703 году крестьянин Погин, употребивший в разговоре пословицу «бог де любит праведника, а царь любит ябедника», по приговору того же Ромодановского был бит кнутом нещадно и сослан в Сибирь [3].

Помещик же Киреев и его жена, которые привлекались к суду в 1704 г., виновные в произнесении значительно более резких слов по адресу Петра и повторявшие о нем грязную сплетню, были приговорены всего только к простому битью кнутом [4].

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 177 (845).
[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 393 (1143), д. 266.
[3] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 24 (519), д. 46.
[4] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 393 (1143), л. 4. 8. 15.

В 1700 году по приговору Петра I стольник Яков Полтев за слова «разорили де нас корабли в конец и в конец нам от кораблей погибнуть» и «тогда де нашим кораблям конец будет, коли де головы на нем не будет» был сослан на каторгу на три года [1].

Крестьянин же помещика Ильина Смагин за аналогичные разговоры был бит кнутом, запятнан и иглами и вырезыванием ноздрей, после чего сослан на каторгу пожизненно [2].

Ссылка без телесных наказаний и телесные наказания без ссылки применялись к лицам виновным в словесном выражении неуважения к царю или за употребление имени государя в брани.

Так, в 1698 году Ромодановский приказал побить кнутом сельского дьячка, который назвал «воровской» правительственную грамоту, и крестьянина, сказавшего, что «и царя за очи бранят». В 1701 году по приговору Петра был бит кнутом и затем освобожден сторож Голяков, употребивший имя царя в брани. В 1705 году Петр смягчил боярский приговор по делу казака Ларина, сказавшего «диковина де царские имянины, даром де порох терять, плевать де на то дело», приказав вместо каторги, сочетавшейся с битьем кнутом и запятнанием, сослать его на каторгу без телесного наказания [3].

В 1708 году Ромодановский приказал бить плетьми козловского священника Гаврилова, рассказывавшего, что он, будучи в Москве, видел, как государь ехал в карете и к нему вскочила собачка, а слушавшего его дьякона бить батогами, хотя последний сделал на священника донос. При этом Ромодановский дал весьма характерное обоснование своему приговору: «попу и дьякону за то, что они в разговорех, будучи в гостях, говорили, чего было им о царском величестве говорить не довелось учинить наказанье» [4].

Стремление Петра I ограничить применение смертной казни сказалось и на его отношении к ложным изветам.

Доносительство, являвшееся в XVII и XVIII вв. основным средством осуществления правительственного наблюдения за настроениями и действиями населения, поощрялось еще Соборным Уложением. Особое значение придавалось доносам о политических преступлениях, за умалчивание о которых Соборное Уложение предписывало карать смертью [5].

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 196 (888).

[2] Он говорил: «государь де завел ныне Иван-озеро, а от того де озера выел весь мир; а ныне де под него ж збирают подводы и от того де народу чинитца разорение. Как де ево государя черти не введут в то озеро!» (ЦГАДА, ф. Преобр. пр., д. 357).

[3] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 40 (624), 236 (929), д. 122.

[4] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., д. 493.

[5] «Уложение...», гл. II, ст. 18, 19. СПб., 1913.

Соборное Уложение признало право приносить изветы об измене и «государевом здоровье» даже за крепостными и кабальными холопами на их помещиков, хотя во всех остальных случаях предписывало «опричь тех великих дел, ни в каких делах таким изветчикам не верить» [1].

Обязанность подданных приносить доносы неоднократно подчеркивалась и указами Петра [2]. За «правый извет» доносчики должны были получать известное вознаграждение, а крепостные и кабальные холопы — освобождение.

Поощряя доносительство, составители Соборного Уложения, естественно, опасались злоупотреблений со стороны изветчиков, а потому одновременно установили наказание за принесение ложных изветов. За ложный извет виновный, согласно Соборному Уложению, должен был понести то наказание, которого «довелся б тот, на кого он доводил». Если изветчик кричал «государево слово и дело» «избывая от кого побои или пьяным обычаем» его следовало бить кнутом. Принесшие ложный извет колодники по Соборному Уложению карались смертной казнью [3]. Таким образом, если извет признавался ложным, изветчики превращались в подсудимых. Для доносчиков, сделавших ложный извет по «государеву слову и делу», вина углублялась еще и тем, что они оказывались авторами «непристойных слов».

Тем не менее количество ложных изветов было весьма значительным. Многих изветчиков привлекала награда, иные стремились отомстить за обиды, третьи надеялись освободиться от кабалы, а так как успех дела, благодаря применению пыток, часто зависел от физической выносливости, изветчики шли на риск. Особенно много ложных изветов исходило от лиц угнетенных и зависимых, которые любыми средствами стремились добиться освобождения.

Довольно часто суд признавал ложными и правдивые изветы, если обстоятельства складывались так, что изветчик не мог доказать своей правоты.

Ложный извет на помещика для феодального суда являлся преступлением, заслуживающим только смерти. Поэтому за ложный извет к крепостным и холопам чаще всего применялась статья Соборного Уложения, гласившая: «а которые воры чинят в людех смуту и затевают на многих людей своим умышлением затейные дела и таких воров, за такое их воровство казнити смертно» [4].

---

[1] «Уложение...», гл. II, ст. 13 СПб., 1913.

[2] ПСЗ, т. II, № 978 и 1014; т. V, № 2875; 136 артикул Воинского Устава 1716 г., и др.

[3] «Уложение...», гл. II, ст. 14, 17, гл. XXII, ст. 13. СПб., 1913.

[4] «Уложение...», гл. XXII, ст. 13. СПб., 1913.

Боярская Дума, к которой обратился в 1698 году князь Ромодановский в связи с ложным доносом крепостной девушки Е. Нелидовой на свою помещицу жену стольника А. Волынскую, вынесла решение казнить Нелидову [1]. Да и сам Ромодановский приговорил к смертной казни за ложный извет: в 1697 году кабальную холопку стольника Кузьмина-Караваева А. Дружинину, в 1698 г.— бобыля Колязинского монастыря Аверкиева, извещавшего на своего архимандрита, а в 1699 году бродягу Г. Соколенского, сделавшего донос на енисейского воеводу Римского-Корсакова [2].

После возвращения из-за границы царь при утверждении смертных приговоров, вынесенных по таким делам в Преображенском приказе, отступает от Соборного Уложения.

В 1700 году боярская коллегия в течение июня, июля и октября месяца вынесла девять смертных приговоров кабальным холопам и крепостным крестьянам за ложные изветы. Восемь из них Ромодановский передал на утверждение царю. Петр утвердил только один — изветчику, который, кроме ложного извета, оказался виновен еще и в составлении подложного документа. Во всех остальных случаях он распорядился виновных «смертью не казнить», а бив кнутом и запятнав сослать: одного на каторгу «в вечную работу», шестерых на поселение в Азов и Сибирь. Восьмой кабальный холоп князя Солнцева-Засекина, Алексей Немиров был приговорен к трехгодичной каторге. Последний приговор Петр, видимо, считал мягким, так как нашел нужным указать его мотивы. Свое решение он объяснил тем, «что он Алешка не в совершенных летех» [3]. Все эти восемь дел рассматривались им в разное время [4].

Вынесенные Петром приговоры имели большое значение для судебной практики. К смертной казни за ложные изветы в Преображенском приказе стали приговаривать редко [5]. Доносчики за ложный извет, как правило, наказывались кнутом, запятнанием и ссылкой на каторгу или на поселение.

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 38 (618).

[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 41 (629), 27 (566) и 64 (688).

[3] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 128 (790), 142 (806), 155 (819), 179 (852).

[4] 17 июня 1700 г., 12 августа 1700 г., 30 октября 1700 г. и 24 января 1701 года.

[5] Так, сам Петр в 1703 году приговорил к смертной казни казака Резанова, следствие по извету которого длилось около двух лет, потребовало привлечения большого количества людей (15 человек), специальных затрат на посылку курьеров на Дон и т. п., а в результате оказалось ненужным, так как Резанов заявил, что «поклепал ложно» (ЦГАДА, ф. Преобр. пр., ст. 388 (1137).

Мерой наказания, применяемого в Преображенском приказе, являлась также конфискация имущества преступников. Соборное Уложение предписывало производить конфискацию имущества у всех лиц, виновных в преступлениях, перечисленных в его II главе, а также и у их родственников, знавших об «измене». Жена и дети преступника, если следствие доказывало их непричастность к делу, должны были получить «на прожиток из вотчин и из поместий им, что государь укажет» [1].

В практике Преображенского приказа случаи как полной, так и частичной конфискации имущества встречаются довольно часто. Однако сколько-нибудь общей установки на этот счет не было и вопрос о конфискации в каждом случае решался особо. Так, например, имущество казненных преступников Циклера, Соковнина, Пушкина, Талицкого было «отписано на государя», а имущество казненных стрельцов не тронуто. По-разному решался вопрос и об имуществе трех торговых людей: Фомина, Я. Романова и Ф. Кошкина, виновных в произнесении «непристойных речей» [2]. У Фомина было описано все: и двор, и лавка, и домашнее имущество; Якову Романову было разрешено двор и лавки продать «по-больною ценою» и только было взято товаров на 3 рубля, которые пошли в награду изветчику; Ф. Кошкин получил разрешение взять имущество с собой в Азов [3]. У крестьянина Кирилла Дуба, приговоренного за «непристойные речи» к битью кнутом, урезанию языка и ссылке в Сибирь, двор был конфискован [4]. У многих других лиц, приговоренных к точно такому же наказанию имущество конфисковано не было [5].

При конфискации имущества интересы жен и детей учитывались только тогда, когда виновный был боярином или дворянином. В остальных случаях жены и дети не только ничего не получали, но и сами должны были следовать в ссылку за мужем и отцом, отправляемым на поселение.

Ссылка жен и детей была явлением обычным, узаконенным еще в 1681 году специальным указом Федора Алексеевича [6]. Пункт этого указа, предписывавший ссылать детей только в возрасте до 3 лет, большей частью не соблюдался, и дети ссылались не только малолетние, но и взрослые, если они жили одним хозяйством с отцом. В 1698 году по при-

---

[1] «Уложение...», гл. II, статья 5. СПБ., 1913.

[2] Все они были сосланы на поселение.

[3] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 57 (673), 202 (894), 312 (1048) и 378 (1136).

[4] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 65 (689).

[5] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 77 (713), 75 (843), 218 (911) и др.

[6] Указ от 17 ноября 1681 года. ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 65 (689).

говору Ф. Ю. Ромодановского, приказавшего сослать крестьянина Дуба «на пашню навечно, с женой и детьми», в ссылку были отправлены два сына Дуба 20 и 30 лет и дочь 16 лет [1].

В 1703 году в Преображенский приказ обратился с протестом против ссылки двух сыновей и дочери крепостного крестьянина Фролова, которым было 6 и 16, 19 лет, их помещик, дьяк Михайлов [2].

Ссылка жен и детей, по существу дела ни в чем не виновных, увеличивала силу наказания преступника, так как заставляла расплачиваться за его проступки и его близких.

Наказаниям за политические преступления подлежали мужчины, женщины и дети.

Женщины отвечали за свои слова и поступки в той же степени, что и мужчины. К ним применялись и те же наказания, за исключением ссылки на каторгу. Выше мы упоминали о казненной по приказу Петра Аксинье Трусовой, о битой кнутом и по урезании языка сосланной в монастырь Евдокии Часовниковой. Таких было много. Из 498 человек, признанных виновными и наказанных в период 1697—1708 гг., было 52 женщины [3].

Возраст подсудимого служил только некоторым основанием для смягчения меры наказания. Так, как мы уже видели, Петр I смягчил наказание несовершеннолетнему крестьянину А. Немирову, заменив ему бессрочную каторгу трехгодичной.

В 1705 году по возрасту было смягчено наказание и стрельцу Парфену Тимофееву, которому каторга была заменена ссылкой, поскольку он из-за старости «на каторгу в работу не годитца» [4].

Не освобождала преступника от наказания ни болезнь, ни невменяемость.

В 1702 году душевнобольной подьячий Иван Романов, кричавший у стен Новодевичьего монастыря «сестра моя, царевна Софья Алексеевна, для чево ты меня, брата своево забыла», был сначала отправлен за караул в Симонов монастырь. В 1705 г., когда из монастыря Ромодановскому сообщили, что больной пришел в себя, он был приговорен «за

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 65 (689).

[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 325 (1068).

[3] В подсчет не входят лица, привлекавшиеся к суду в связи с процессом стрельцов в 1698—1699 гг., и участники астраханского восстания, а также лица, умершие во время следствия, и те, по делу которых приговоров не сохранилось.

[4] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 408 (1158).

старые непристойные слова» к битью кнутом и ссылке в Сибирь с женой и детьми [1].

В 1708 году из Бежецка в Москву был доставлен психически больной солдат Михайлов, называвший себя сыном царя Михаила Федоровича и братом царя Алексея Михайловича. Ромодановский распорядился «тому сумозбродному за то, что он в сумозбродстве говорил непристойные слова учинить наказанье, бить кнутом на козле нещадно и для исправления ума послать ево в Спасской монастырь Андроньева до указу, велеть ево держать под крепким началом, а из монастыря никуда невыпущать и на малое время ни для чего и смотреть и беречь накрепко, чтоб он никаких непристойных слов ни с кем не говорил». Такому же наказанью был подвергнут и другой солдат, Воробьев, сделавший в невменяемом состоянии ложный извет на подьячего Сибирского приказа Богданова [2].

За произнесение «речей» в пьяном виде наказание смягчалось редко. Следствие, обычно тщательно устанавливавшее, в каком состоянии находился в момент совершения своего преступления человек, интересовалось этим только для того, чтобы определить, не было ли преступление умышленным, а также для того, чтобы установить связи обвиняемого.

Солдат Матвей Обухов, выражавший недовольство тем, что солдатская служба не обеспечивает солдатских семей, «жены де наши волочатца меж двор», был бит кнутом, запятнан и сослан на каторгу — «на вечно», хотя следствие установило, что говорил он «спьяна без умыслу». В 1712 году Ромодановский приказал конюху «Устину Троилову за непристойные слова по свидетелевым распросам учинить наказанье, бив на козле нещадно кнутом свободить, чтоб впредь ему и другим напився пьяным непристойных слов врать неповадно было». Троилов употребил имя государя в брани. В том же году был бит плетьми денщик А. Курбатова М. Никонов, который, будучи пьян, сказал «диковина де государь!» [3].

Не освобождала от наказания и давность совершенного преступления. Так, в 1704 г., крестьянка Малафеева была бита плетьми за то, что употребила имя государя в брани шесть лет тому назад [4].

Нам осталось рассмотреть, как проводилось дознание и какие доказательства считались в Преображенском приказе бесспорным свидетельством виновности обвиняемого.

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 408 (1158), д. 343.
[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 491, стб. 417 (1170).
[3] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 412 (1163), д. 701 и д. 727.
[4] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., д. 229.

Большинство политических процессов, как правило, начиналось с доносов. Из 772 просмотренных мной судебных дел не с доноса начиналось всего пять.

Извет о «государевом слове и деле» доносчик имел право сделать как устно, так и письменно. Письменный извет должен был быть подписан, и по первому требованию изветчик был обязан явиться к следствию. В практике письменные изветы встречались значительно реже, чем явочные. К ним обычно прибегали только те, кто почему либо не мог сделать явочного извета [1].

О своем желании сделать извет «о государевом слове и деле» изветчик имел право заявить не только в самом Преображенском, но и в любом другом центральном приказе, в местной приказной избе, а также в любом месте: на улице, на базаре, в церкви, в тюрьме, в частном доме, в поле — лишь бы при этом присутствовали люди. Лица, услышавшие, что кто-то «являет за собой государево слово и дело», были обязаны немедленно доставить изветчика в ближайшее учреждение или сдать караульным солдатам, если это было в городе, к приказчику или помещику, если это было в деревне, к игумену, если это было в монастыре. Местные власти обязаны были в свою очередь переслать изветчика в Преображенский приказ.

Поощряя эту систему публичного заявления о намерении сделать извет, правительство стремилось устранить с пути изветчика возможные препятствия, которые он мог встретить со стороны местных властей. Обычно, если местные власти: помещики, игумены, воеводы — не давали хода извету, то всегда находились люди, доносившие об этом [2].

Следствие по извету начиналось с ареста самого изветчика, который являлся, во-первых, главным свидетелем обвинения, а во-вторых, лицом, несущим уголовную ответственность за правдивость доноса. В том случае, если обвиняемый оправдывался, изветчик превращался в обвиняемого и должен был нести соответствующую кару за ложный извет.

---

[1] Так, например, письменный извет написал содержащийся в тюрьме псковского Печерского монастыря бобыль Щукин, дважды безрезультатно делавший явочный извет монастырским властям. Через окно он передал этот извет проходившему мимо стрельцу, который доставил его воеводе И. Головину. После этого монастырские власти вынуждены были передать Щукина в Преображенский приказ (ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 130 (792), 176 (844), 114 (776) и 316 (1057).

[2] Конечно, эта система не была безупречной. Значительное количество изветчиков не попадало в центр, погибая в местных, монастырских и вотчинных тюрьмах, так как местные власти всегда опасались поданных на них изветов. Но тем не менее публичность вынуждала их передавать большинство изветчиков по назначению.

Поэтому он содержался в тюрьме в тех же условиях, что и обвиняемый, с самого начала и до самого конца судебного разбирательства. Если изветчик пытался избежать заключения или совершал побег, его имущество конфисковывалось, а его самого ловили, как бежавшего колодника [1].

Весьма типичным является случай с изветчиком арзамасским подьячим Волоцким. В декабре 1704 г. Волоцкий подбросил извет за своей подписью в московском Архангельском соборе, сообщая, что знает «государево дело» за другим арзамасским подьячим — И. Страдниковым. Месяц спустя он подбросил второй извет в Преображенском приказе. По приказу Ромодановского на поиски изветчика были отряжены подьячий Петр Исаков и три солдата. Исаков выяснил, что у Волоцкого есть собственный дом в Москве, и он отправился туда. Волоцкий явился домой только вечером с группой мужчин и подчиниться солдатам отказался. На другой день отряд был усилен и Волоцкий пойман. В Преображенском приказе Волоцкий подтвердил, что хочет известить на Страдникова, который раньше был управляющим рудными заводами князя В. Голицына и после его ареста утаил подлежащие конфискации деньги в сумме 2700 рублей. Ромодановский послал в Арзамас грамоту о присылке Страдникова. В это время Волоцкий бежал. Ромодановский распорядился немедленно отправить за ним погоню и описать его московский двор. Кроме того, арзамасскому воеводе была послана грамота «буди вышеписанный, утеклец, подьячий Василий Волоцкий где объявитца и его б поймать». Солдат, повезший в Арзамас грамоту, вез и указ «доправить» деньги, истраченные на его поездку на живущей там жене Волоцкого. Вскоре, так как Волоцкий не находился, Ромодановский приказал продать его московский двор и имевшуюся там живность: корову и кур.

Волоцкий был найден только спустя несколько месяцев. Извет его оказался правильным. По окончании процесса он был освобожден, но не просто, а на поруки «в том, что ему впредь за воровством ни за каким не ходить, а буде впредь он за кем какое государево дело сведает и ему Василью на тех людей извещать в приказах, где надлежит, явным лицом, а подметных писем нигде ни о чем не подметывать». Награды за извет Волоцкий не получил, не вернули ему и стоимость дома, по-видимому, в наказание за побег [2].

Хотя видимое предпочтение отдавалось в Преображенском приказе явочным изветам, там расследовались не только

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 307 (1043) и 313 (1049).
[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., л. 292.

письменные подписанные, но и анонимные изветы. В частности, по анонимному извету был взят в Преображенский приказ упоминавшийся выше поп-расстрига Григорий Елисеев. Извет на него, с указанием вины и перечнем лиц, осуществлявших связь между Елисеевым и царевной Екатериной, был подброшен в Мещанской слободе, во двор капенармуса Преображенского полка Румянцева. Одновременно у Съезжего двора Преображенского полка было подклеено воском другое письмо, в котором рассказывалось о местонахождении извета. Сам изветчик остался неизвестным [1].

По анонимному же извету обвинялся в 1700 году в произнесении «непристойных слов» капитан Козлова полка В. Осмолов [2].

В 1708 г. в Преображенском приказе велось детальное расследование анонимного извета на подьячего Разрядного приказа Никифора Барыбина и его отца, которые обвинялись в связи с булавинцами [3].

Как уже упоминалось, право приносить изветы о «государевых делах» имели все лица, проживающие во владениях русского государя, независимо от своего социального положения. В практике не делалось исключения и для преступников, находившихся под следствием по другим уголовным делам, хотя Соборное Уложение и предписывало: изветам, принесенным такими колодниками после полугодового содержания в тюрьме, вообще не верить, а изветы, сделанные ранее этого срока, расследовать только по окончании следствия по тому делу, за которое арестант попал в тюрьму [4].

Ромодановский поступал наоборот. Он требовал, чтобы колодники, заявлявшие «слово и дело», независимо от того, сколько времени они находились под арестом, немедленно передавались в Преображенский приказ. И только по окончании следствия по извету колодник отсылался обратно в то учреждение, откуда в свое время прибыл, после чего там продолжалось следствие по старому делу.

За «правый извет» изветчик должен был получать награду. «Соборное Уложение» устанавливало, что тому, кто приведет изменника, «дати Государево жалование из его (изменничьих) животов, что Государь укажет» [5].

Отсутствие точных правил выдачи вознаграждения приводило к тому, что оно устанавливалось весьма различное. Ларион Елизарьев за свой извет на Циклера был пожалован

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 95 (751), 302 (1035).
[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 215 (907).
[3] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., д. 494.
[4] «Уложение...», гл. XXI, ст. 33 и 103.
[5] Там же, гл. II, ст. 15.

в дьяки и, кроме того, получил 50 крестьянских дворов. Работник торговца Фомина Волков за донос о «непристойных речах» своего хозяина получил освобождение от кабалы и 10 рублей. Торопецкий стрелец Брылкин за извет на самозванца Кобылкина получил в награду дом преступника. Слуге казненной Аксиньи Трусовой, сделавшему извет, Петр I приказал дать 5 рублей и сукна [1].

За донос на купца Романова изветчик получил из его имущества вещи, общей стоимостью в три рубля. Кабальный холоп Белосельский, донесший на стольника Полтева, по указу Петра был освобожден от холопства вместе с женой и детьми [2].

Однако награда изветчикам выдавалась далеко не всем и не всегда. Так, крестьяне за извет на крестьян же не получали ничего. Не обнаружено в делах Преображенского приказа ни одного случая вознаграждения за извет лиц, носящих духовное звание. Как правило, не получали награды и колодники. Даже ряд правдивых изветов не облегчал их положения. Стрелец Плясунов, привлекавшийся к суду за участие в стрелецком мятеже 1698 г., несмотря на то, что он в течение 1700—1702 года, пока сидел под арестом, сделал четыре «правых извета», все же был в конце концов бит кнутом, заклеймен и сослан на каторгу [3].

Был отправлен в ссылку в Сибирь за «старую вину» и колодник Кляпошников, сделавший два «правых извета». Не освободил Ромодановский от следствия по «татинному делу» и крестьян, присланных в Москву из Козловской приказной избы, хотя их извет о «государеве деле» полностью подтвердился [4].

Правильность извета доказывалась прежде всего свидетельскими показаниями. Соборное Уложение устанавливало, что, если изветчик «свидетелей на тот свой извет никого не поставит и ни чем не уличит и сыскати про такое Государево великое дело будет нечем», то дело должно решаться самим Государем, «по разсмотрению, как государь укажет». Если же изветчик, не назвавший свидетелей, был холоп или крестьянин, а извещал на своего помещика, Соборное Уложение предписывало «тому их извету не верити. И учиня им жестокое наказание, бив кнутом нещадно, отдати тем, чьи они люди и крестьяне» [5].

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 541 (485), 57 (673), 26 (530), 69 (696).
[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 202 (894), 196 (888).
[3] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 202 (894), 194 (886), 149 (813), 270 (971), 321 (1064).
[4] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 108 (770) и 218 (911).
[5] «Соборное Уложение», гл. II, ст. 12 и 13.

Свидетельствовать Соборное Уложение разрешало всем очевидцам события, но устанавливало некоторые ограничения. Так, оно признавало только «общую ссылку», то есть разрешало свидетельствовать тем лицам, на которых ссылались обе стороны. Оно разрешало свидетельствовать отцу и матери обвиняемого, но отказывало в этом его жене. Количество свидетелей не ограничивалось. Кроме того, судья был обязан производить «повальный обыск», хотя бы его и требовала только одна сторона. Возрастной границы для свидетелей Соборное Уложение прямо не устанавливало, но судя по тому, что, излагая правила приведения к присяге, авторы его запретили «целовать крест» лицам моложе 15 лет, следует предполагать, что свидетельствовать могли только достигшие этого возраста [1].

В дополнение к Соборному Уложению в 1697 году был издан указ, предписавший судьям производить опрос и тех свидетелей, на которых ссылалась только одна сторона. Одновременно он давал ответчику и истцу право отводить свидетелей. Указ устанавливал, что свидетель должен быть отведен, если он враждует или судится с тем, против кого дает показания. Судья обязан был отвести свидетеля и тогда, когда указанных причин не оказывалось, но в этом случае отвод ставился в минус отводящему [2].

Процессы по «государеву слову и делу» показывают, что в практике Преображенского приказа некоторые из установлений Соборного Уложения не применялись.

Так, например, отводы свидетелям, заявленные ответчиком, во внимание никогда не принимались. Жен допрашивали наравне с другими родственниками обвиняемого. Если требовало дело, допрашивались и несовершеннолетние свидетели.

В 1701 г. Ромодановский затребовал из Вологды в Преображенский приказ к следствию «малого Андрюшку Андреева», на которого ссылалась как на свидетеля изветчица Бессонова. Сколько ему было лет, в деле не указывалось, но, отсылая его в Москву, воевода писал, что не прислал его раньше потому, что не считал годным для допросов из-за его «малолетства». В Преображенском приказе он допрашивался [3].

В 1702 году при расследовании извета, поданного игуменом владимирского Козьмина монастыря на келейника Мануйлова, решающую роль сыграли показания девятилетнего мальчика. Игумен приписывал Мануйлову «непристойные слова», Мануйлов вину отрицал, уверяя, что игумен

[1] «Соборное Уложение», гл. X, ст. 172, 161, 176, 177, гл. XIV, ст. 5.
[2] ПСЗ, т. III, № 1572.
[3] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., д. 333.

«поет безобразно и делается безумен». Безумство игумена в Преображенском приказе никак не проявлялось, и Мануйлов был взят на пытку. Перенеся первую пытку, на второй он начал сбиваться: сначала отрицал вину, потом показал, что «слова» слышал, затем признал, что сам их говорил, а по окончании пытки заявил, что «поклепал себя напрасно нестерпя боли». Свидетель, монастырский служка Тихонов, отрицал правильность извета, но Ромодановский сомневался в правдивости его показаний. В приказ был взят племянник игумена, Захар. Его показания, записанные в протокол, по-детски искренни и любопытны рядом деталей, ускользнувших от взрослых. Мальчик рассказал, что однажды «дядя игумен побил в келье всю посуду» и его после этого заперли в чулан, где он был «бешен» целую неделю. Когда игумена везли в Москву, показал мальчик, он «медведем ревел и волком выл и собакою брехал». Показания Захара Ромодановский проверил, вызвав везших игумена возчиков, после чего обвиняемый Мануйлов был оправдан, а игумен отослан в Монастырский приказ с указом определить его в какой-нибудь монастырь «под начал» [1].

В 1705 году наравне со взрослыми свидетелями допрашивалась десятилетняя девочка Мария, в присутствии которой старица смоленского Новодевичьего монастыря Ефросинья порицала Петра I. Девочка подтвердила извет, и монашка была расстрижена, бита кнутом и сослана в дальний монастырь [2].

Свидетели, так же как и изветчик, несли ответственность за правдивость своих показаний. За ложные показания Соборное Уложение устанавливало два наказания: битье кнутом и взыскание штрафа, определявшиеся в зависимости от обстоятельств дела [3].

В Преображенском приказе лжесвидетельство каралось различно. Степень наказания определялась в зависимости от того, против кого свидетель давал ложные показания. Если это делал крестьянин против своего помещика, который признавался следствием невиновным, то свидетель приговаривался к битью кнутом, запятнанию и ссылке. Такое же наказание устанавливалось свидетелям, давшим ложные показания против игумена. Если же ответчик был посадский человек или крестьянин, то за лжесвидетельство против них приговаривали к битью кнутом или плетьми [4].

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 329 (1074).
[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., д. 398.
[3] «Соборное Уложение», гл. X, ст. 162, 170.
[4] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 155 (819), 179 (852), 274 (982), 222 (915), 232 (925), 154 (818), 312 (1048), 387 (1136), дд. 266, 460 и др.

Иногда свидетели наказывались и за то, что сами не стали изветчиками, то есть, зная о преступлении, не донесли о нем. За недонесение Ромодановский приговаривал к битью кнутом или плетьми [1].

Кроме опроса отдельных свидетелей, в Преображенском приказе применялся и «повальный обыск». К этому способу установления истины Ромодановский прибегал как по требованию сторон, так и независимо от них.

Устраивались «повальные обыски» в разных случаях.

В 1700 году был устроен «повальный обыск» на одной из московских улиц, где жил обвинявшийся в произнесении «непристойных слов» купец Яков Романов.

Дело Я. Романова началось с извета приехавшего в Москву по делам скопинца Сидорова. Зайдя к Я. Романову, Сидоров застал его пьяным и услышал от него слова «он де великий государь передо мною весь кругом виноват и есть ли де он г-дарь со мною съедется и я де возьму ему бритву», «я его и под бок ткну» [2]. Скопинец сделал извет, который подтвердил другой посадский человек, Бородин. Романов, принеся повинную, оправдывался тем, что в пьяном виде теряет разум. Бояре приговорили Романова к смертной казни. Приговор показался Ромодановскому слишком суровым, и он провел повальный обыск «о сумозбродстве» Я. Романова. Были допрошены приходский священник и 23 соседа Романова. Все они показали, что пьет Романов «безобразно». Дело было доложено Петру I, который отменил боярский приговор и приказал бить Романова кнутом, запятнать в обе щеки и сослать в Азов с женой и детьми [3].

В том же году был проведен «повальный обыск» в Пскове, в псковском стрелецком полку. Поводом к нему послужило дело стрельца Семена Скунилы. Скунила был виноват в том, что в ссоре с переводчиком Товиасом Мейснером крикнул «не токмо де что тебя я ухожу, и вашего государя ухожу». На допросе и пытках Скунила показывал, что был так пьян, что не помнит не только своих слов, но и того, с кем говорил. Петр I, которому было изложено дело, приказал выяснить «тот вышеписанный стрелец Сенька Скунила пьяница или непьяница». Было опрошено 622 стрельца, из которых 489 показали, что Скунила пьет и в зернь играет, о чем они «ведают подлинно», а 133 заявили, что они обвиняемого не знают.

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 142 (833), 157 (821).

[2] Недовольство Романова было вызвано тем, что он по вине Петра потерпел убыток, который исчислял четырьмя тысячами. Петр послал Романова в «Цесарскую землю» за хрустальными паникадилами, а когда он их привез, они царю не понравились, и он их не купил.

[3] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 202 (894).

До этих допросов Скунилу, видимо, хотели казнить, так как в деле были уже подобраны соответствующие статьи Соборного Уложения, но после них Петр приказал «псковскому стрельцу Сеньке Скунилу за непристойные слова сказав смертную казнь учинить жестокое наказанье, бив кнутом на козле и урезав языка сослать в ссылку в Сибирь з женою и з детьми». Двор и пожитки Скунилы были описаны и проданы [1].

В 1701 году «повальный обыск» проводился в стоявшем в Пскове солдатском полку. Один из солдат, Д. Протопопов, сделал извет на своего полковника Циммермана, обвинив его в том, что он изменник: несмотря на близость шведов, заставил солдат расстрелять попусту все патроны и порох, оставив их на сутки безоружными. Циммерман оправдывался тем, что о близости шведов он не знал, патроны приказал расстрелять, так как они подмокли, а о порохе ничего не приказывал. Произведен был опрос всего командного состава полка: майора, 17 капитанов, 15 поручиков, 5 прапорщиков, а также урядников и рядового состава 10 пехотных рот и одной гренадерской [2].

В 1704 г. поголовные допросы проводились в Переяславль-Залесском Никитском монастыре в связи с обвинением игумена Сергия в неуважении к царю и царской фамилии, а также в убийстве монаха, говорившего «слово и дело». Было допрошено 39 человек, после чего игумен был «вместо кнута бит плетьми нещадно» и отослан в Монастырский приказ с указом «послать ево с Москвы в иной монастырь куда пригож и велеть ему жить в братстве, а в игуменах быть ему невелеть» [3].

Массовые допросы проводились либо специально посланными для этого служителями Преображенского приказа, либо поручались местным воеводам.

Свидетельским показаниям в процессе дознания придавалось огромное значение. Однако обычно судья стремился добиться признания вины и от самого ответчика.

Если обвиняемый упорно отрицал свою вину, несмотря на очные ставки с изветчиком и свидетелями, как правило, применялись пытки. В первый раз пытка заключалась в поднятии на дыбу. Вторая пытка усложнялась тем, что поднятого на дыбу били кнутом. Третья пытка еще более усложнялась — после битья кнутом на дыбе, пытаемого жгли огнем.

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., 131 (495).
[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 217 (210).
[3] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., д. 203.

«Соборное Уложение», упоминая о пытках, не определило, ни сколько раз они могут применяться, ни количества ударов пытаемому. Однако некоторая граница все же устанавливалась. Так, повторение одного и того же показания на трех пытках считалось составителями Соборного Уложения доказательством правильности показаний [1].

Изданный в дополнение к Соборному Уложению один из позднейших указов, ссылки на который часто встречаются в делах Преображенского приказа, устанавливал, что если «воры учнут речи свои переменять, и тех людей велено по переменных речей пытать трижды и огнем жечь. Да что с тех трех пыток и с огня скажут, тому и верить» [2]. Таким образом, если человек, не меняя показаний, выдерживал три пытки, более пытать его не полагалось. Каждое же изменение показаний прибавляло ему еще по три пытки.

В судебной практике Преображенского приказа количество пыток очень часто переходило за три даже в том случае, когда обвиняемый и не менял показаний. В этом сказывался специфический характер политических процессов, особенностью которых было то, что по ним не могло выноситься компромиссных решений. Ярче всего это проявлялось в процессах по «непристойным речам». По этим преступлениям всегда имелся виновный, так как если в оскорблении государя был неповинен ответчик, значит виноват был изветчик. И того и другого пытали до тех пор, пока кто-нибудь из них не признавал своей вины.

Свидетели подвергались пытке в тех случаях, когда их показания расходились, а также если обвиняемый или изветчик выдерживал пытки, обвиняя противную сторону во лжи.

Характерным примером применения пыток к свидетелям в Преображенском приказе является дело стрельца Стремянного полка Т. Волоха. Процесс этот начался 1 января 1699 г. изветом сторожа, снимавшего угол в доме Волоха, Самопальщикова. Он донес, что два года тому назад слышал от Волоха оскорбительные для царя слова и рассказ о том, что стрельцы хотели убить Петра I под Азовом [3]. В качестве свидетелей Самопальщиков выставил жену Волоха Марфу, которая на очной ставке с изветчиком признала, что он прав.

Волох на допросе и очной ставке свою вину отрицал, и

---

[1] «Уложение...», гл. XI, ст. 93 и 100.

[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 327 (1072), л. 20.

[3] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 81 (717). Самопальщиков показывал, что Волох говорил о Петре: «мечетца де что бешеная собака и головою вертит», а также рассказывал, как в Азове «заряжено было на него, государя, ружье и курок был взведен и хотели его, великого государя, застрелить».

вновь вызванная Марфа показала, что мужа своего «поклепала напрасно». Поскольку она дала разные показания, ее взяли в застенок и пытали трижды, дав ей 20, 15 и 24 удара кнутом. Все три раза Марфа показала, что Волох невинен.

Однако изветчик утверждал, что она лжет. Марфу пытали в четвертый раз, но она снова заявила, что никаких рассказов о государе не слышала, а на очной ставке показала против мужа потому, что была запугана изветчиком.

После этого на пытку был взят Самопальщиков. Он выдержал 25 ударов и подтвердил извет. После Самопальщикова пытали Волоха (31 удар), но он не признал себя виновным.

2 октября 1700 г. Марфу пытали в пятый раз. Ей дали 15 ударов, да «она ж Марфутка зжена огнем, а с огня говорила те ж речи». 6 декабря вторично пытали Самопальщикова (8 ударов) и Волоха (25 ударов). Изменений в показаниях не было. То же самое повторялось в январе 1701 г.

В 1704 году процесс все еще шел. Волоха, Марфу и Самопальщикова пытали вновь. Конца у дела не сохранилось [1].

Пытки переносились пытаемыми очень тяжело, и смертность от них была довольно значительна. Так, из 365 человек, привлекавшихся к суду за участие в астраханском восстании, умерло от пыток 45 человек, то есть 12,3% [2]. Многие пытаемые после пытки бывали настолько слабы и поправлялись так медленно, что брались на следующую пытку только спустя один — два месяца. Применение пыток чрезвычайно замедляло процесс следствия, и отдельные дела длились годы.

При расследовании преступлений Соборное Уложение и новоуказные статьи предлагали применять пытки ко всем без исключения «бунтовщикам и ворам». Они действительно применялись к лицам разных социальных категорий. Однако сама процедура следствия носила ярко выраженный классовый характер. Если изветчиком был крестьянин, холоп, солдат, а ответчиком боярин, дворянин, офицер или представитель высшего духовенства, то ответчик подвергался пытке только после того, как изветчик и свидетели подтверждали извет на допросе, на очных ставках и пытке. Если свидетели извета не подтверждали, то изветчик пытался не менее трех раз и только после этого в застенок посылали ответчика. При этом его еще не пытали, а только «у пытки» допрашивали, то есть вели допрос у орудий пытки. Если ответчик продолжал отрицать свою вину, снова пытали изветчика и только после нового подтверждения им извета пытали ответчика. Такая

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 81 (717).
[2] ЦГАДА, Госархив, разр. VI, д. 17.

система допросов, как правило, вела к оправданию ответчика, так как изветчик, не выдерживая пыток, брал свой извет назад.

Если же ответчик принадлежал к низшим слоям общества, то его подвергали пытке после простых свидетельских показаний и очных ставок с изветчиком и свидетелями. Изветчик и свидетели посылались на пытку после того, как ее выдерживал ответчик.

Кроме свидетельских показаний и пыток, виновность ответчика устанавливалась судом с помощью вещественных доказательств.

К таким доказательствам относились письма, разные записи, переписанные из духовных книг тексты против брадобрития и курения, сочинения, направленные против политики Петра I, «заговорные письма», тетради с народными рецептами лечения болезней, считавшиеся «чернокнижными», и т. п. документы. В ходе расследования политических преступлений вещественные доказательства являлись важным обличительным материалом для вынесения приговора и обычно способствовали быстрому завершению следствия.

ГЛАВА III

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ БОЯР, СТРЕЛЬЦОВ, ДУХОВЕНСТВА И ДВОРЯН

Консервативное движение против преобразований, проводившихся Петром I, охватило различные слои феодалов: бояр, духовенство и некоторую часть дворянства, а также московских стрельцов, которые после падения правительства царевны Софьи Алексеевны потеряли свои привилегии и влияние при дворе.

В первые годы правления Петра это движение тесно переплеталось с борьбой отдельных боярских группировок за власть. Наиболее активно в лагере противников Петра выступали в это время бояре, занимавшие при Софье важные государственные посты и отстраненные новым правительством от управления страной. Одни из них были смещены с постов приказных судей, другие отставлены от воеводства, третьи получили назначения на далекие окраины, что было равносильно ссылке. Не желая примириться с утратой руководящей роли в государственном управлении, эта часть боярства продолжала борьбу за власть и стремилась использовать в своих целях стрельцов.

С течением времени недовольство Петром I охватило и других консервативно-настроенных бояр, которым не нравилось поведение молодого царя, была неприятна необходимость принимать участие в организуемых им военных «экзерцициях» и маневрах, а также его увлечение строительством кораблей и морем. Недовольство бояр усиливалось проникновением ко двору, в приказы и на командные посты в армии представителей менее родовитых фамилий, а также иностранных специалистов.

Как показывают судебные процессы, оно проявлялось самыми разнообразными путями. Бояре оказывали материаль-

ную поддержку сторонникам Софьи, пытаясь дискредитировать царя, распространяли разные порочащие его слухи и даже прибегали к помощи ворожбы. Наиболее активные противники Петра запгрывали со стрельцами, подстрекая их на выступления, чтобы свергнуть правительство.

Первые судебные процессы бояр слушались еще до возникновения Преображенского приказа в Боярской Думе, Стрелецком приказе и наскоро созданном для суда над Ф. Шакловитым [1] приказе Розыскных дел.

В декабре 1689 года за ворожбу, с помощью которой он надеялся вызвать смерть Петра и переворот в пользу царевны Софьи, был приговорен к смертной казни и казнен стольник Андрей Безобразов. В феврале 1690 г. за передачу денег едущему в ссылку князю В. В. Голицыну к судебной ответственности был привлечен князь М. Крапоткин. Он был приговорен к битью кнутом и ссылке в Белгород [2].

5 июня 1691 года было возбуждено дело против стольника П. Неплюева, родственника бывшего севского воеводы Л. Неплюева, лишенного боярства и сосланного в Кольский острог. Следствие показало, что П. Неплюев «по многия времена с женою своею смеялся и говорил про великого государя и благоверную царицу Наталью Кирилловну непристойные слова, каких и в мыслях человеку не вселяетца» [3]. В приговоре П. Неплюеву было сказано, что он заслуживает смерти, но смертная казнь заменяется ему ссылкой «в службу» в Белгород. Были сосланы также причастные к делу брат Неплюева Афанасий и зять В. Воробьин [4].

В том же году «за многия неистовые слова» был лишен боярства, записан в дети боярские «по последнему городу» и сослан в деревенскую вотчину боярин князь А. И. Голицын. За ту же вину его теща Акулина Хитрово была заточена в монастырь, а ее братья Степан и Алексей Собакины лишены звания стольников, записаны в дети боярские и сосланы в свои вотчины [5].

В 1693 г. лишился «боярской чести» стольник Александр

---

[1] Ф. Шакловитый, думный дьяк, начальник Стрелецкого приказа, один из наиболее активных сторонников царевны Софьи Алексеевны.

[2] «Розыскные дела о Ф. Шакловитом», тт. II и III. СПб., 1884—1893.

[3] Он распространял слухи, что Петр скоро умрет, что царица Наталья Кирилловна сожительствует с певчими, а патриарху Иоакиму «своротило лицо» за то, что он хотел проклясть царевну Софью. Кроме того, он высказывал горькое сожаление, что Ф. Шакловитый не сумел осуществить заговора, так как по мнению Неплюева зажечь Преображенское и убить Петра во время потешных игр было очень легко.

[4] «Розыскные дела о Ф. Шакловитом», т. II, стр. 532—846.

[5] «Записки русских людей...», стр. 11—12.

Милославский, который, пригласив к себе в дом стрельцов, «угощал их столом и склонял по прежнему к бунту» [1].

В 1694 г. произошло первое крупное столкновение между Петром I и его бывшим сторонником, одним из родственников царицы Евдокии, Петром Абрамовичем Лопухиным-Большим. По указу царя Лопухин был арестован и отправлен в Преображенское, где умер от пыток. Протокол допроса Лопухина не сохранился, и выяснить, в чем состояла его вина, не удается. Из записок современников известно только, что он навлек на себя недовольство Петра I во время Кожуховского похода, по-видимому, высказав какое-то неприятное царю мнение.

В дальнейшем Лопухины стали наиболее непримиримыми противниками Петра I не только из-за своих консервативных убеждений, но и вследствие обид, нанесенных Петром их семье [2].

Одновременно с ростом недовольства среди бояр появляются первые признаки недовольства и среди высшего духовенства. Но поскольку в начале царствования Петра I правительство не затрагивало привилегий церкви, духовенство высказывало неодобрение его деятельности умеренно и надеялось оказать влияние на царя с помощью непосредственного обращения к нему. Поэтому оно ограничивалось тем, что в своих проповедях и сочинениях, обращенных к царю, пыталось убедить его в необходимости сохранения старых традиций в придворной и государственной жизни.

Недовольство духовенства царем в 90-х годах XVII века вызывалось прежде всего его политикой в отношении иностранцев. Русская церковь обладала колоссальными земельными богатствами, владела большим количеством крепостных и ежегодно получала громадные доходы от приношений верующих. Стремясь сохранить свои богатства, привилегии и авторитет, она проявляла крайнюю нетерпимость к представителям других религий. Лучшей гарантией для укрепления своего могущества русское духовенство считало слабую связь Рос-

---

[1] И. И. Голиков. Деяния Петра Великого, т. I. М., 1788, стр. 252.

[2] В 1697 г. перед отъездом за границу, Петр I приказал выслать Ф. М. Лопухина в Тотьму, В. А. Лопухина — в Саранск, С. А. Лопухина — в Вязьму. В 1698 году, по возвращении в Москву, Петр насильно постриг в монастырь свою первую жену, Евдокию Лопухину. Тогда же по его указу был арестован П. А. Лопухин-Меньшой, которого священники московского Архангельского собора обвиняли в самоуправстве и убийстве десяти крестьян их вотчины, находившейся рядом с имением Лопухина. Несмотря на заступничество патриарха, Петр приказал взять Лопухина в Константиновский застенок и пытать. Лопухин так же, как и его старший брат, умер от пыток («Записки русских людей...», стр. 52).

сии с другими странами. Поэтому оно в течение длительного времени стремилось, если не воспретить, то затруднить иностранцам доступ в Россию.

Считая своими наиболее опасными врагами католическую и протестантскую церкви, русское духовенство противилось проникновению в Россию иностранцев-европейцев, требовало, чтобы они, приезжая в Москву, селились в специально отведенных для них местах, и всеми силами препятствовало общению русских с иноземцами. Оно упорно насаждало и культивировало в русском обществе неприязнь к «еретическому Западу», объявляло еретической западную культуру и вело ожесточенную борьбу против проникновения этой культуры в Россию [1].

Не желая подрывать основ русской православной церкви, правительство Петра I однако не могло покровительствовать отсталости и косности духовенства, которые тормозили развитие России. Иностранцы были нужны ему как специалисты, обладающие военными, техническими и другими знаниями, и оно хотело взять у них все, что было полезно стране.

Не понимая причин, заставлявших Петра I сближаться с иностранцами, и отрицая полезность привлечения их на русскую службу, духовенство считало пагубным проникновение в Россию чуждой культуры и чуждых обычаев, что приняло в царствование Петра I небывалые до этого времени размеры. Первую попытку «образумить» царя предпринял сам патриарх Иоаким.

Избранный на пост патриарх в 1674 г. Иоаким уже тогда был ярым противником нового. Продолжая борьбу своих предшественников с раскольниками, он одновременно с неменьшей энергией выступал и против возникшего в русской церкви течения «латинствующих», несмотря на то, что возглавлявший это направление ученый монах Симеон Полоцкий и его последователи пользовались покровительством и царя Алексея Михайловича и его сына Федора [2].

Стремясь воспрепятствовать проникновению западного влияния в русское общество, патриарх Иоаким ожесточенно противился любым проявлениям этого влияния. В своей нетерпимости он объявлял вероотступничеством ношение западно-европейской одежды и другие бытовые новшества. В 1681 году, когда при дворе царя Федора Алексеевича стали

---

[1] Конечно, среди русского духовенства встречались отдельные люди, которые стояли за восприятие западной культуры, но основная, официальная линия русской церкви от этого не изменялась.

[2] Симеон Полоцкий был приглашен царем Алексеем Михайловичем ко двору в качестве учителя для его детей от первого брака. Царь Федор Алексеевич являлся, таким образом, учеником Полоцкого.

распространяться польские моды, Иоаким выступил с публичной речью против подстригания бород, заявляя, что это «елинский блуднический, гнусный обычай, древле многаще возбраняемый, во днех царя Алексея Михайловича всесовершенно искорененный, паки ныне юнонеиствовний[1] начаша образ, от Бога мужу дарованный, губити», и даже отлучал за брадобритие от церкви[2].

После смерти Федора Алексеевича патриарх примкнул к партии Нарышкиных, высказавшись за воцарение Петра I, и тем самым сразу же навлек на себя недовольство царевны Софьи. Отношения между ними, не переходя в открытый конфликт, были напряженными. Царевна Софья, считая патриарха своим противником, намеревалась со временем сместить его, заменив своим духовником Сильвестром Медведевым, и не очень считалась с мнением Иоакима. В годы ее правления, вопреки желанию и протестам патриарха, был разрешен въезд в Россию нескольким иезуитам, прусские подданные получили право беспошлинной торговли на всей территории русского государства, был издан указ, разрешавший селиться в России французским протестантам[3]. Поэтому все свои надежды патриарх, не оставлявший намерения бороться с «еретическими» влияниями, возлагал на правительство Петра I.

После прихода Петра к власти, патриарх, используя свое влияние на царицу Наталью Кирилловну, приступил к осуществлению своих планов. В сентябре 1689 года по его просьбе из Москвы были высланы иезуиты Давыд и Товия, торговавшие католической литературой и образками[4]. Месяцем позже по приговору Боярской Думы был приговорен к смертной казни и сожжен в срубе немец мистик Квирин Кульман, обвиненный Иоакимом в ереси[5].

Дело Кульмана послужило поводом к изданию указа, крайне затруднившего иностранцам въезд в Россию, который, несомненно, был составлен правительством по настоянию патриарха. Этот указ, разосланный воеводам Новгорода, Пскова, Смоленска и Киева, предписывал задерживать на границе всех иноземцев, подробно выяснять, кто, куда,

---

[1] По-видимому, патриарх имел здесь в виду самого царя Федора.
[2] С. М. Соловьев. История России, т. XIV, гл. 3. Изд-во «Общ. польза», стр. 1190.
[3] ПСЗ, т. III, № 1330, 1331 и Н. Г. Устрялов «История Петра Великого», т. II, прил. IX.
[4] Собрание государственных грамот и договоров, т. IV, док. 203.
[5] «Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских», кн. III, за 1883 г., стр. 107—150.

к кому, зачем и откуда едет, и пропускать их далее только после получения персональных разрешений из Москвы [1].

В январе 1690 года патриарх Иоаким одержал большую победу над «латинствующими», подвергнув обсуждению на специально созванном церковном соборе «покаянную исповедь» Сильвестра Медведева [2], арестованного за участие в заговоре Шакловитого, который, спасая свою жизнь, отказался от прежних убеждений.

Добиваясь от правительства мероприятий против иноземцев, патриарх Иоаким однако с горечью замечал, что юный царь, на которого он возлагал столько надежд, не только не высказывает вражды к иностранцам, но, наоборот, сближается с ними, бывает в Немецкой слободе и раздает «немцам» командные посты в своих любимых солдатских полках.

Пытаясь воздействовать на царя, патриарх всячески высказывал свое пренебрежение к иноземцам. В день рождения царевича Алексея, на торжественном приеме в Кремлевском дворце, он отказался сесть за один стол с генералом Гордоном и, вопреки желанию царя, заставил его удалиться. Но это помогло ему мало.

Перед смертью, последовавшей в марте 1690 г., патриарх Иоаким сделал последнюю попытку оказать влияние на Петра I, передав ему свое завещание. Обращаясь к Петру и Иоанну с просьбой православную церковь «яко матерь, чествовати», «предания и учения от отец святых» «содержати крепце и ни в чем же не порушно» и защищать церковь «от всяких ересей соблазненных наветов», патриарх требовал, чтобы они не допускали общения русских людей «с еретиками-иноверцами, с Латины, Лютеры, Кальвины, безбожными татары». Он просил царей запретить иноверцам проповедывать свою религию и предлагал уничтожить их храмы.

В завещании Иоаким называл всех иноземцев блудниками, идолослужителями, лихоимцами, досадителями, пьяницами и хищниками. Давая советы, как лучше «целость государства своего в лепоте содержатися и во угождении быти Богу», патриарх подчеркивал, что первым условием сохранения государственного порядка является «постоянство нравов» подданных, которые «да не навыкнут иностранных обычаев непотребных». Он советовал царям запретить «в их государских полках и во всем их царствии проклятым еретикам иноверцам быти начальниками», так как они «токмо гнев Бо-

---

[1] ПСЗ, т. III, № 1353. Этот указ был отменен Петром I только 16 декабря 1696 года.

[2] С. Медведев — духовник царевны Софьи Алексеевны.

жий наводят» и просил «в платье перемен по иноземски не вводити» [1].

Взгляды патриарха Иоакима разделяло почти все духовенство. В начале 90-х годов XVII в. появляется целый ряд принадлежащих духовенству сочинений, направленных против западных религий и иностранцев. Известный полемист против раскольников архимандрит московского Новоспасского монастыря Игнатий Римский-Корсаков пишет свою критику на лютеранский катехизис [2].

В этот же период появляется и получает широкое распространение среди духовенства «Слово на Латинов и Лютеров». Поводом к написанию этого сочинения послужила просьба, поданная иностранцами Петру I о выдаче им разрешения на постройку кирки.

Написанное в диалогической форме «Слово» выражало резкий протест против свободной проповеди западных религий вообще и сооружения каменных костелов и кирок в частности. Автор «Слова» призывал всех лиц, которые «имяше дерзновение ко благочестивым Самодержцам», чтобы они «моли убо их с прошением, да повелит царская власть» запретить сооружение еретических молитвенных домов, которые несут «явную прелесть и соблазн и претыкание православным». Уже и теперь, когда иноземцы еще не имеют каменных кирок «гощения их и состроенныя напитки и зловонная табака и танцы с органы толико христианских душ изгубиша», восклицал автор «Слова» и сокрушался о том, что же будет, если укрепятся на Руси иноземные религии [3].

Он доказывал, что иностранные купцы своей деятельностью способствуют падению русской торговли, «приводят их российских купцов в последнюю нищету», а потому с их просьбами о постройке кирок не только не следует считаться, но и их самих лучше всего изгнать за пределы России, так как они «благочестие российское подкрасти хотят изветом купечества своего и гостинства». Что же касается полковников и солдат иноземцев, заявлял автор «Слова», то их просьбы являются просто наглостью. «Труды и служба их малы и худы суть противу царского им жалования и денежных кормов»,— писал он, а кроме того, все они авантюристы или преступники, бежавшие из родных стран и нашедшие в России убежище либо от бедности, либо от наказания за преступления. Они, высказывал свое мнение автор «Слова», хотя бы в виде

[1] Н. Г. Устрялов. История Петра Великого, т. II, прилож. IX. СПб., 1863.

[2] «Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских», кн. 3 за 1884 г., стр. 1—9.

[3] Там же, стр. 10—32.

благодарности, должны были «держать бы с нами православную веру и во всем согласие иметь» [1].

Как известно, Петр не последовал заветам Иоакима. Не оказали на него воздействия и сочинения духовенства. Он заказал себе в Мастерской палате немецкую одежду, его дружба с Гордоном и Лефортом завершилась тем, что «непрестанная бытность его Величества началась быть в слободе Немецкой, не токмо днем, но и ночевать, как у Лефорта, так и по другим домам, а особливо у Анны Монсовны» [2].

Преемник Иоакима, патриарх Адриан всецело разделял его убеждения. Он «держался старины, боровшейся с нововведениями» и «с прискорбием глядел, со многими Святителями, на вводимые обычаи» [3].

В первые годы своего патриаршества Адриан, подобно Иоакиму, открыто и резко выступал против новых привычек, нравов и мод, которые быстро распространялись среди людей, окружавших царя.

В одном из своих окружных посланий, пытаясь воспрепятствовать брадобритию, он писал: «отриньте от себя еретический обычай брить и постригать бороды», «не подабает брады власов растлевати и образ мужа изменяти: сие бо женам лепо сотвори Бог». «Ужели вы считаете красотою брить бороды и оставлять одни усы. Но так сотворены Богом не человек, а коты и псы. Ужели хотите уподобиться скотам бессмысленным или смешаться с еретиками, которые в такую глубину пали, что не только простые и благородные, но и монахи стригут бороду и усы и от того видятся подобны пификам или обезьянам?». «Прежде,— пояснял Адриан,— остригали бороду только преступникам в бесчестье и наказание». «Брадобритие есть не только безобразие и бесчестие, но и грех смертный». Заявляя, что брадобритие на Руси было «пресечено» вплоть до нынешних «плача достойных времен», патриарх Адриан обращался с призывом ко всем православным: «не приемлете сего злодейского знамения, но гнушайтесь им как некою мерзостию». Он предупреждал, что «не раскаявшимся брадобрийцам по определенно соборному вход в церкви возбранен и причастия св. тайн они лишены. Если кто из них умрет, не раскаявся, не подабает над теми быти ни христианскому погребению, ни в церковных молитвах поминовению» [4].

---

[1] «Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских», кн. 3 за 1884 г.

[2] Архив кн. Ф. А. Куракина, т. I. СПб., 1890, стр. 70.

[3] «Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских», кн. 8 за 1848 г.

[4] Н. Г. Устрялов. История Петра Великого, т. III. СПб., 1890, стр. 193—194.

В 1695 г. перед походом Петра I под Азов, патриарх Адриан, выступая с суровой проповедью против падения нравов, подчеркивал, что причиной этого является общение с иностранцами. Люди «от пипок табацких, злоглагольств люторских, кальвинских и прочих еретиков объюродели» [1].

В 1695—1696 гг. недовольство среди бояр и духовенства возросло еще больше. Этому немало способствовали трудности Азовских походов и введенная в ноябре 1696 года корабельная повинность. Указ о корабельной повинности, вменивший боярству и духовенству в обязанность постройку, оснащение и вооружение военных кораблей на их собственные средства [2], был встречен ими отрицательно.

Крайне враждебно было встречено боярством и духовенством принятое Петром I в конце 1696 г. решение об отправке за границу для обучения разным «навигацким наукам» 35 молодых стольников, принадлежавших к знатным боярским фамилиям, «яко дело не только никогда не бывалое, но и яко противное закону прежних государей и закону божию; а духовенство не оставило то объяснить и из священного писания» [3].

В результате все возраставшего недовольства, критика политики правительства Петра I духовенством принимала все более резкие формы, а отдельные представители боярства стали замышлять цареубийство.

С января 1697 г. Преображенский приказ начинает систематическое судебное преследование противников преобразований.

Первым в группе процессов противников преобразований, которые слушались в Преображенском приказе, был процесс

---

[1] Цит. по С. М. Соловьеву (История России, т. XIV. Изд-во «Общ. польза», стр. 1099. Текст этой речи был обнаружен в одной из рукописей Московской Синодальной библиотеки без указания имени патриарха. Составитель описи рукописей Горский на том основании, что в ней упоминалось о походе на турок, отнес проповедь к 1687 г. и приписал ее патриарху Иоакиму. Другое, несомненно, более правильное мнение высказал Цветаев, который датировал проповедь 1695 годом. Основанием к этому ему послужило, во-первых, то, что проповедь помещена среди других, в которых прямо говорится о походе Петра I под Азов, во-вторых, текст речи направлен против тех привычек и нравов, которые почти не имели места в годы правления царевны Софьи, но получили широкое распространение в первые же годы царствования Петра I (см. «Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских», кн. 3 за 1883 г., стр. XVII).

[2] Указ обязывал духовенство соорудить один корабль с каждых 8000 крепостных душ, принадлежащих церкви. Боярство должно было, объединившись в компанию, соорудить по такому же кораблю, как и духовенство, с каждых 10 000 принадлежащих им крестьян (М. М. Богословский. Петр I, т. I. Соцэкгиз, 1940, стр. 360).

[3] И. И. Голиков. Деяния Петра Великого, т. I. М. 1788, стр. 282.

игумена московского Андреевского монастыря старца Авраамия, выступившего с открытой, еще носящей оттенок несомненной доброжелательности, но достаточно суровой и резкой критикой поведения Петра I.

Андреевский монастырь был основан в середине XVII века известным ревнителем просвещения боярином Ф. М. Ртищевым. По его инициативе при монастыре была создана школа, где духовные лица и часть светской молодежи изучали церковно-славянский, греческий и латинский языки, а также философию, риторику и другие словесные науки. Для преподавания и переводов иностранных книг на русский язык Ф. Ртищев пригласил наиболее образованных монахов Москвы и Киева. После его смерти школа при Андреевском монастыре закрылась.

Старец Авраамий, вступивший в монастырь около 1660 г., в период расцвета школы, несомненно, получил там хорошее образование, овладел искусством письма, знал историю и церковную литературу [1].

Будучи человеком общительным, Авраамий живо интересовался политическими событиями своего времени и деятельностью Петра I. Царя он знал лично, но близок к нему не был. Его встречи с Петром чаще всего носили случайный характер. Однако они производили большое впечатление на монаха, вызывая у него чувство волнения и беспокойства.

Однажды, сопровождая Петра на Переяславское озеро, старец видел «как он, великий государь, лазит безопасно на щоглы [2] и опущаетца, о чем его, старцово сердце страху исполнилось». Как-то он с недоумением и ужасом слышал из уст Петра восторженный рассказ о плавании по Белому морю, «как на море погодою било и паруса оборвало и едва спаслись» [3].

Но еще больше беспокойства и опасений, чем собственные наблюдения внушали Авраамию рассказы о поступках и деятельности молодого царя, которые он слышал от своих друзей и знакомых, а также от разных лиц, случайно заходивших в монастырь.

Старые связи Андреевского монастыря с придворным об-

---

[1] Н. А. Бакланова. Тетради старца Авраамия. («Исторический архив», т. VI за 1951 г.). Впервые «Тетради» были опубликованы П. Ф. Сушицким (П. Ф. Сушицкий. Из литературы петровского времени. «Филологические записки», т. II. Воронеж, 1914).

[2] Мачты

[3] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 14 (484). Первые 34 листа этого столбца опубликованы Б. Б. Кафенгаузом в приложениях к его книге «И. Т. Посошков. Жизнь и деятельность». М.—Л., 1950, стр. 173—181.

ществом и положение Авраамия как игумена способствовали его знакомству с представителями московского боярства. В келье у него, «по его старцову прошению, с ним старцем едал» приезжавший на богомолье боярин Матвей Богданович Милославский [1]. Вероятно, Авраамий знал и других, недовольных Петром бояр, так как Андреевскому монастырю, несомненно, продолжали, в память Ф. Ртищева, оказывать покровительство его родственники [2].

От бояр Авраамий слышал, что молодой царь упрям и строптив, никого не слушает, ни с кем не считается и не проявляет должного уважения даже к близким людям. Ему рассказывали, что Петр побил палкой своего дядю, боярина Л. К. Нарышкина, пытавшегося отговорить его от морских плаваний, что «запытан де напрасно» П. Лопухин, который «был человек доброй и много прибыли в приказе учинил» [3].

Неутешительные новости приносили в келью Авраамия его близкие друзья и «хлебоядцы давние» приказные служители Козьма Рудеев, Никифор Кренев и Игнатий Бубнов.

Старый подьячий приказа Большой Казны, где он прослужил много лет, К. Рудеев вскоре после установления единодержавия Петра и смены приказных судей, при новом судье П. И. Прозоровском, потерял работу [4]. Вынужденный удовольствоваться скромным местом одного из стряпчих Троице-Сергиевского монастыря, куда его устроил Авраамий, он постоянно высказывал недовольство новым правительством и корил приказных судей, поставленных царицей Натальей Кирилловной. Рудеев возмущался, что судьи теперь «безо мзды дел не делают», часто выносят явно несправедливые решения и затягивают процессы, если это сулит им наживу.

Еще резче, чем Рудеев, высказывался Н. Кренев. Служа во Владимирском Судном приказе, который с 1696 г. совмещал свои прежние обязанности с руководством казенным и «кумпанским» кораблестроением, он был недоволен увеличением объема приказных работ, ростом числа подьячих и

[1] Один из близких родственников царевны Софьи. (ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 14 (484), л. 29).

[2] Все члены семьи Ртищевых занимали различные придворные должности при первой жене царя Алексея Михайловича, Марии Милославской. Они были тесно связаны с семьей Милославских дружескими и родственными связями. Ближайшими родственниками Ртищевых были Соковнины и Хитрово — активные противники Петра I.

[3] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 14 (484), л. 2.

[4] Возможно, что судья приказа Б. Казны боярин Прозоровский провел частичные изменения в штате подьячих, удалив из приказа тех, кто был тесно связан с его предшественниками: боярином И. М. Милославским и А. И. Ржевским. В числе их мог быть и К. Рудеев.

ухудшением общих условий труда в приказе. Кренев рассказывал, что в помещениях приказа теснота, подьячим негде сидеть и приходится писать стоя, а работать приказывают не только днем, но и ночью, чего при прежних судьях не случалось [1].

Как и Рудеев, Кренев часто говорил о приказных злоупотреблениях и взяточничестве, но, в отличие от Рудеева, который полагал, что некому о том донести государю, отправдывал своих сотоварищей тем, что они получают малое жалование и возлагал ответственность за все приказные непорядки всецело на Петра I. Кренев полагал, что царь равнодушен к управлению государством и говорил Авраамию, что «в народе тужат многие и соболезнуют» о том, что царь «уклонился в потехи, оставя лутшее начал творити всем печальное и плачевное» [2].

Подьячие рассказывали старцу о недовольстве, возникшем среди лиц, вынужденных принимать участие в Семеновском и Кожуховском походах, казавшихся им не более чем забавой монарха, чья прихоть дорого обходилась подданным. Они передавали ему и слухи о том, что Петр охладел к жене, «не изволит жить в своих государских чертогах на Москве» «и от того на Москве небытия у него, великого государя, чадородие престало быть» [3].

Подьячий И. Бубнов, ранее служивший вместе с Креневым, но затем перешедший в Преображенский приказ, встречаясь со старыми друзьями в келье Авраамия, рассказывал о времяпрепровождении Петра то, что слышал от своих новых сослуживцев, генерального писаря И. Инехова и подьячего

---

[1] До переворота 1689 г. судьей Владимирского Судного приказа был боярин Матвей Степанович Пушкин, сын которого Федор был впоследствии казнен как участник заговора против Петра I.

[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 14 (484), л. 4. Современники Петра отмечали, что в годы правления царицы Натальи Кирилловны значительно усилилось взяточничество и умножились другие приказные злоупотребления. «Правление оной царицы»,— писал кн. Б. Куракин,— «было весьма непорядочное и недовольное народу и обидимое. И в то время началось неправое правление от судей и мздоимство великое и кража государственная» (Архив кн. Ф. А. Куракина, т. I, стр. 64). Известное падение приказных нравов объяснялось тем, что новые, поставленные царицей Натальей Кирилловной судьи, не обладавшие богатством и родовитостью сторонников Софьи, всячески использовали свое служебное положение для личного обогащения. Примеру судей следовал и их штат. В своей борьбе с Петром I реакционное боярство и духовенство пыталось использовать и приказные злоупотребления, приписывая падение приказных нравов влиянию Петра. Критикуя приказные порядки и возлагая ответственность за них на царя, Кренев и Рудеев, тесно связанные многолетней службой со старыми, отставленными судьями, являлись прямыми проводниками реакционных боярских влияний.

[3] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 14 (484), л. 7.

Герасимова, иногда бывавших на устраиваемых царем увеселениях и пирах. От него старец услышал рассказ о том, что творилось в Преображенском дворце на святках, когда всем известные, знатные бояре подвергались неслыханным, издевательским шуткам [1].

Все виденное и слышанное производило на Авраамия тягостное впечатление. Постепенно он проникся убеждением, что необходимо заставить Петра вести «приличное сану житие». С этой целью он и написал обращенное к Петру I увещевание, получившее в исторической литературе название «Тетрадей старца Авраамия».

Сочинение Авраамия начинается рассказом о сотворении мира и установлении царской власти. Затем, сделав вывод, что цари, творящие правый суд, достойны всяческого почета, а цари, «забывшие страх божий и смертный час», обречены на гибель, автор переходил к вопросам современности.

Все внимание в сочинении Авраамий сосредоточил на двух основных моментах: на поведении Петра I и на злоупотреблениях приказных служителей. Принеся царю свои извинения в том, что он, простой чернец осмелился обратиться к нему с советами, и объяснив свой поступок желанием «попещися о лутчем уде всего телесе еже есть, о тебе, великом государе» [2], Авраамий подверг поведение Петра самой суровой критике.

«Возмужав де и женяся,— писал он о царе,— уклонился в потехи непотребные, оставя яже подобаше творити всем полезное, нача творити всем разум имущим здрав, печальное и плачевное в словах смехотворных и в шутках и в делах богонеугодных, от каких было надобно ему возбранять подданных своих, и он де то сам творит и яко уже бы впредь и добра вскоре ни чают» [3].

Авраамий резко порицал Петра I за его развлечения, о которых «не писал, но волею преступил, зане уши мои слышати, и ноздри обоняти, и уста глаголати не хотят и прилпе язык мой гортани моему»[4]. Он упрекал его за пренебрежение к советам цариц и окружавших их родственников, к которым сам относился с большой почтительностью. «Безмерно де стал упрям, — писал старец, — и матери своей великой государыни нашей благоверной царицы и великой княгини Натальи Кирилловны, також де и жены своея, великой государыни нашей

---

[1] Подробное описание святочных развлечений молодого Петра, о которых рассказывал старцу Игнатий Бубнов, оставил князь Б. Куракин, (Архив кн. Ф. А. Куракина, т. I, СПб., 1890).

[2] «Тетради старца Авраамия», стр. 149.

[3] Там же, стр. 145.

[4] Там же, стр. 148.

благоверной царицы и великой княгини Евдокеи Федоровны и духовника своего священнопротопопа и иных свойственных ему, великому государю, всех не слушает и совету от них доброго не приемлет»[1]. «А иным де и говорить не сметь, а тех не осуждают»,— возмущенно добавлял он, видимо, имея в виду простых «непородных», но «взысканных» Петром I людей, как Меньшиков, Лукин и Буженинов, о которых рассказывал ему И. Бубнов[2].

Авраамий укорял царя и за смерть П. Лопухина, с сожалением вспоминая «о терпении братии и всех сродников и племяни ево, в каких печалех в то время были и кака в ином душа с телом не расташася». Поведение Петра, писал старец, заставляет сокрушаться всех «добрых людей», а если кто «тому его государеву обыкновению и радуются и те де не ис породных людей, но нововзысканных»[3].

Авраамий осуждал Петра за его увлечение военным делом и мореплаванием, которые, по его мнению, отвлекали царя от управления государством. Он заявлял, что царь уделяет крайне мало внимания приказным делам и плохо выбирает приказных судей, чем способствует развитию взяточничества и других злоупотреблений со стороны не только самих судей, но и дьяков и подьячих[4]. Красочно и едко изображает Авраамий приказных служителей, которые «губят государство наголо, судят неправедно и с судимых емлют, кто даст почести посуленной, тот и прав», наживают не только дома, но и лавки, деревни, пустоши и вотчины, «а на женах у иных так де, что ни на гостиных, ни на стольничьих, всякой утвари на главах, и на руках, и на плечах, и на всем телеси»[5].

В заключение первой части своих «Тетрадей» Авраамий заявлял, что более продолжать подобный образ жизни Петру нельзя, что «пришло время и приближися час, пора уклонитися от злых и почать творить доброе», ибо, иначе ждет его наказание, если не при жизни, то «по прешествии сего суетного века, в будущем и конца неимущем, в непроходимыя веки веков»[6].

Во второй части «Тетрадей» Авраамий изложил те тре-

---

[1] «Тетради старца Авраамия», стр. 146.
[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 14 (484), л. 20.
[3] «Тетради старца Авраамия», стр. 146.
[4] «И он де сам про них ведает, что они с судимых почести емлют, и для того де они и по приказам посажены, чтоб им в них сидя покормитися»,— писал Авраамий.
[5] «Тетради старца Авраамия», стр. 146.
[6] «Тетради старца Авраамия», стр. 148.

бования к царю, выполнение которых должно было обеспечить нормальную жизнь государства.

Главное требование старца состояло в том, чтобы Петр коренным образом переменил свой образ жизни, начал «прежде всего приличное сану житие самому жити». Это значило, что он должен вернуться в Кремлевский дворец, отказаться от преобразований, забыть дорогу в Немецкую слободу и, окружив себя родичами и родовитыми боярами, следить за тем, чтобы все совершалось по давно заведенному порядку.

Желая призвать царя к соблюдению старого придворного этикета, Авраамий выдвинул предложение об ограничении царского бюджета, советуя «самодержцем дому своему, что расходится в год, число положить и во всем крепиться и воздержание иметь»[1].

Не меньше внимания, чем своему первому требованию, Авраамий уделил требованию об установлении «правого суда». Он рекомендовал Петру «судей выбирать разумных и праведных и постоянных» из «непородных честию людей», которым царь должен был оказывать действенную поддержку и обеспечить полную независимость[2]. Судей, злоупотребляющих своей властью, Авраамий предлагал карать самым суровым образом.

Остальные требования Авраамия касались церкви и духовенства. В них он высказывал пожелание, чтобы в священники посвящали только образованных людей и просил царя «пещися о церковном непревратном пении и постоянном житии монахов и инокинь», «како бы они душеспасительно пребывали и успевали час от часа на доброе»[3].

Исполнение царем основных советов Авраамия позволяло, по мнению старца, допустить некоторые отклонения от распорядка, установленного при прежних царях. Так, он полагал, что царь, занимающийся многими государственными де-

---

[1] «Тетради старца Авраамия», стр. 153.

[2] Требование выбирать судей из «непородных людей» не согласуется с общей аристократической концепцией взглядов Авраамия и возникло, вероятно, под влиянием его друзей — подьячих. Положение, при котором подьячие, всю жизнь служившие в приказах, часто гораздо лучше своих начальников знавшие приказное делопроизводство, не могли в силу принадлежности к «непородным людям», занимать судейские места, являлось постоянным источником недовольства приказных служителей. Естественно, что, критикуя судей, Кренев и Рудеев полагали, что лица «разумные» и знающие гораздо чаще встречаются в их собственной среде и могут лучше обеспечить «правый суд».

[3] «Тетради старца Авраамия», стр. 151.

лами, может быть освобожден от ежедневных долгих молитв и всенощного келейного стояния [1].

Авраамий решил передать рукопись в руки самого царя. Он хорошо понимал, что его увещевание может вызвать недовольство Петра и тогда его постигнет суровое наказание. Однако убежденность в пользе задуманного, свойственное ему чувство долга и благосклонность, с которой Петр однажды принял от него «письмо о денежном деле», придавали Авраамию храбрости и вселяли в него надежду на успех.

Осенью 1696 года, воспользовавшись приездом царя в Андреевский монастырь, Авраамий вручил ему свое сочинение. Петр, видимо, совершенно не ожидавший, что в «Тетрадях» содержится критика его поведения, взглянув на неразборчиво написанную рукопись, вернул ее старцу, приказав переписать набело. Через несколько месяцев Авраамий отправил Петру письмо, в котором просил, чтобы «он, великий государь, изволил быть к нему, старцу, в монастырь для своего государского дела вскоре».

«Люди де отсед бегают, а старец де сам, добровольно, лезет в струб», — заметил Ф. Ю. Ромодановский, принимая

---

[1] В буржуазной историографии кружку и взглядам Авраамия на основании материалов его судебного процесса давались самые разнообразные характеристики.

С. М. Соловьев, первый обнаруживший и описавший процесс Авраамия, рассматривал его в своей «Истории России» непосредственно перед делом Циклера. Устанавливая тем самым известную идеологическую связь между ними, он относил старца к противникам петровских реформ, консервативным «ревнителям древнего благочестия» (С. М. Соловьев. История России, т. XIV, стр. 1161—1163).

Иной точки зрения держался Брикнер, считавший старца и его друзей глашатаями широких народных масс, недовольных тем, что «постоянно вновь требуемые жертвы переходили всякий предел и слишком тяжело ложились на народ» (А. Г. Брикнер. История Петра Великого, т. I. СПб., 1902, стр. 285). М. М. Богословский высказал мнение, что Авраамий являлся выразителем интересов той части «средних слоев общества», которые были недовольны деятельностью Петра, но не имели каких-либо опасных для царя планов (М. М. Богословский. Петр I, т. I. Госполитиздат, 1940, стр. 385—387). Из советских историков процесс Авраамия изучал Б. Б. Кафенгауз, но старец интересовал его главным образом в связи с тем влиянием, которое он мог оказать на мировоззрение И. Т. Посошкова, знавшего Авраамия и бывавшего в его келье. (Б. Б. Кафенгауз. И. Т. Посошков. Жизнь и деятельность. М., 1950).

Наиболее подробная характеристика взглядов Авраамия и их общая оценка были сделаны Н. А. Баклановой, считающей старца противником бояр и носителем «смелых новаторских мыслей». С ее концепцией, однако, трудно согласиться. (Н. А. Бакланова. Тетради старца Авраамия. «Исторический архив», т. VI, 1951).

для передачи Петру это письмо от Бубнова. Он оказался прав. Ознакомившись с содержанием «Тетрадей», Петр приказал немедленно взять монаха в Преображенский приказ [1]. 7-го января 1697 года, «по указу великого государя, Андреевского монастыря Стратилата из Пленицы бывший строитель, старец Авраамей» уже допрашивался [2].

На первом допросе Авраамий показал, что «Тетради» «складывал собою один, ни с кем не советуя», под впечатлением разговоров с друзьями, знакомыми и случайными собеседниками, «прикрашивая и устрашая великого государя». Назвать имена лиц, бывавших у него в келье, старец отказался, заявив, что «те люди добрые и говорили ему за клятвою, чтоб он про них не сказывал, хотя в том пострадает».

Однако собеседники старца весьма заинтересовали следствие, и в тот же день Авраамий был «у пытки роспрашиван с пристрастием и подыман на дыбу дважды. А на другом подъеме было ему кнутом три удара, чтоб он про тех людей, которые к нему прихаживали, сказал подлинно, какова они чину и где живут». Пытки старец не выдержал и назвал имена боярина М. Б. Милославского, подьячих Кренева, Рудеева, Бубнова, дворцовых крестьян — Ивана и Романа Посошковых. Из случайных собеседников он назвал крестьянина Василия Зуя, поставлявшего монастырю кирпичи, с которым иногда разговаривал, а затем показал, что про трудности Азовских походов «сказывали ему, по его старцову спросу полчаня, которые в тех походех были, приходя в Ондреевский монастырь милостыни просить»; имена же их он «запамятовал» [3].

Все указанные Авраамием лица, включая переписчика «Тетрадей» Ф. Константинова, были взяты к следствию.

После допросов и очных ставок боярин М. Б. Милославский, не отрицавший своего знакомства со старцем, но упорно отвергавший его обвинения, за недостатком улик был оправдан.

Кренев, Рудеев и Бубнов, признавшиеся в том, что вели с Авраамием разговоры на политические темы, были приговорены к битью кнутом и ссылке в Азов «в службу» вместе с семьями. Переписчик Ф. Константинов — бит батогами и ото-

---

[1] Н. А. Бакланова высказывает предположение, что Петр I не читал «Тетрадей», так как иначе он, по ее мнению, согласился бы с некоторыми предложениями Авраамия и старца ожидала бы другая участь Нам этот вариант представляется мало вероятным.

[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 14 (484).

[3] Там же.

слан в Покровский монастырь, а братья Посошковы и Василий Зуй оправданы [1].

Авраамий был приговорен к ссылке в Голутвинский монастырь, где велено было держать его «в братстве» [2].

Однако ни пребывание в Преображенском приказе, ни потеря игуменского места, ни ссылка, ни судьба его друзей не заставили убежденного в своей правоте монаха оставить свои писания. В начале 1701 г. он вновь попытался напомнить о себе Петру. По просьбе Авраамия его племянник, некий Минай вынес из Голутвинского монастыря письмо к князю Черкасскому, которое коломенский рыбак Илья Удалов согласился отвезти в Москву.

Вскоре это письмо попало в Преображенский приказ. Удалов и Минай были арестованы. Убедившись в том, что оба они неграмотны, содержания письма не знают и являются простыми исполнителями поручения, князь Ф. Ю. Ромодановский приказал бить их за передачу письма батогами и освободить. Игумен Голутвинского монастыря, не уследивший за Авраамием, был приговорен к уплате 50 рублей штрафа. Авраамий был лишен права выхода из монастыря, права свиданий с кем бы то ни было и права что-либо писать, для чего приказывалось отобрать у него все рукописи и впредь не давать ему бумагу и чернила [3].

Мягкость вынесенного 10 марта 1697 года приговора по делу Авраамия объяснялась тем, что его процесс был одним из первых процессов консервативных защитников старины. Петр и Ромодановский не могли еще представить себе, какой размах примет начинавшееся движение противников реформ. Своими главными врагами Петр еще считал тех, кто был связан с царевной Софьей. Он не понимал, что в 90-х годах XVII в. против него поднималась не кучка боярских фамилий, спорящих за место у трона с семьей Нарышкиных, а более глубокое, охватывающее широкие круги боярства и духовенства движение, в котором его старые враги Милославские солидаризировались с его бывшими сторонниками Ло-

---

[1] Посошковы показали, и Авраамий подтвердил это, что они исполняли для монастыря разные заказы, часто бывали у Авраамия, но никаких бесед с ним о Петре не вели. В. Зуй рассказывал старцу, но без всяких комментариев, как происходил триумфальный въезд в Москву войск, вернувшихся из-под Азова. От его рассказа о том, как Петр I шел пешком, а Шеин и Лефорт ехали в экипажах, у Авраамия создалось впечатление, что царь публично роняет свое достоинство, за что он и упрекал его.

[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 14 (484).

[3] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 14 (484). Дальнейшая судьба старца и отобранных у него рукописей неизвестна.

пухиными и его бывшим защитником — патриархом. Авраамий был одним из первых деятелей этого движения, направленного против реформ и нового уклада жизни, и его советы и жалобы еще не казались Петру опасным преступлением. Возможно, что смягчающим обстоятельством дела явилась искренняя доброжелательность тона, свойственная «Тетрадям» Авраамия, несмотря на резкость и остроту поставленных в них вопросов.

Еще не успел закончиться процесс Авраамия, как в Преображенский приказ поступило новое дело, заставившее Ф. Ю. Ромодановского переключить на него все свое внимание. Это был процесс представителей родовитого боярства и стрелецкой верхушки, основными фигурами которого являлись окольничий Алексей Прокофьевич Соковнин и думный дворянин, бывший стрелецкий полковник Иван Циклер [1].

Поводом к возбуждению следственного дела против Соковнина — Циклера послужит извет пятисотника стрелецкого Стремянного полка Лариона Елизарьева, явившегося 23 февраля 1697 года с доносом на Циклера к дяде Петра I Л. К. Нарышкину. Выслушав пятисотника, доказавшего свою преданность Петру I еще в августе 1689 года [2], Нарышкин немедленно отослал его в Преображенский приказ.

В Преображенском приказе Л. Елизарьев показал, что утром, встретив пятидесятника того же полка Григория Силина, он услышал от него рассказ об их бывшем полковнике И. Циклере, который, зазвав Силина к себе, спрашивал у него

---

[1] Процесс этот, так же как и процесс Авраамия, был впервые кратко описан С. М. Соловьевым (С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, т. XIV, стр. 1163—1168). Но вскоре после выхода его работы в свет следственное дело, вероятно, не положенное на место каким-то малоопытным архивным работником, исчезло, долгое время считалось утраченным и было только недавно вновь обнаружено среди столбцов фонда Преображенского приказа. Из-за этого процесс Соковнина—Циклера до настоящего времени описан далеко не полностью, так как интересовавшиеся им историки были вынуждены ограничиваться только теми сведениями, которые они черпали из записок современников Петра I, из того краткого сообщения о винах Соковнина, Циклера и некоторых других участников процесса, датированного 4 марта 1697 г., которое вошло в Полное собрание законов (ПСЗ, т. II, № 1575), а также из выписок, сделанных в свое время Соловьевым. Поэтому, хотя точка зрения на процесс Соковнина — Циклера давно установлена и не нуждается в пересмотре, автор настоящей работы счел уместным подробно остановиться на этом процессе, отдельные до сего времени неизвестные детали которого не лишены интереса.

[2] Ларион Елизарьев стоял во главе группы стрельцов Стремянного полка, пославших Петру I в августе 1689 г. известие о готовящемся против него заговоре Шакловитого, которое послужило причиной бегства Петра I в Троице-Сергиев монастырь, после чего началась его открытая борьба с царевной Софьей

«мочно ли его, великого государя, на пожаре или на Москве изрезать ножей в пять». Выслушав его, Елизарьев вспомнил, что в начале декабря 1696 года тот же Циклер вел и с ним один разговор, скрытый смысл которого стал ясен ему только теперь, после встречи с Силиным. «Ево, Лариона,— показал Елизарьев,— он, Иван, спрашивал смирно ли де у них в полкех, и он, Ларион, ему, Ивану, сказал, что в полкех у них дал бог смирно, а хто что и затеет и тому на свою голову. Да он же де, Иван, ему ж, Лариону, говорил, ныне де великий государь (идет) за море и как над ним что зделаетца, как де быть, кто у нас государем будет? И он де, Ларион, ему, Ивану, говорил: дай де бог ему, великому государю, здравствовать, а буде какая воля божия над ним великим государем и учинитца, и у нас де есть государь царевич. И к тем де ево словам он Иван говорил, в то де время ково бог изберет, а тщитца де и государыни, что в Девичье монастыре» [1].

Выслушав извет, Ромодановский приказал тотчас же арестовать и Циклера и Силина.

Допрошенный первым Силин подтвердил показание Елизарьева, уточнив, что Циклер задал ему свой вопрос «после Рождества, в мясоед», когда он, вместе с пятидесятником того же полка Воротниковым, был у него в доме. При этом, показал Силин, хозяин дома отозвал его в сторону от Воротникова и говорил с ним тихо. Прежде чем задать вопрос, Циклер рассказал Силину, что Петр хотел «к нему Ивану быть и над женою его и над дочерью учинить блудное дело», и добавил, что «в то де число он Иван над ним, государем, знает что сделать».

В тот же день допрашивался и Циклер. Выслушав показания изветчиков, он заявил, что Силин «ево Ивана клеплет напрасно», а Елизарьев, за давностью времени, многое запамятовал и излагает разговор неверно. Он, Циклер, действительно спрашивал его, спокойно ли у них в полках, но о поездке царя за границу говорил Елизарьев, высказавший опасения, как бы там с царем чего не случилось. На это, показал Циклер, он ответил «авось де его государя Бог и спасет». То же самое Циклер повторил и на очных ставках [2].

Однако во время пытки, после пяти ударов кнутом, продолжая отрицать свою вину и пытаясь отвлечь от себя внимание, Циклер сделал новое показание, в конечном счете осложнившее его положение. Это показание содержало извет

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 541 (485), л. 1—2.
[2] Там же, л. 3.

на пятидесятника Конищевского стрелецкого полка Василия Филиппова.

Однажды, показал Циклер, после окончания Азовских походов, он, беседуя с Филипповым, спросил, есть ли у него знакомые среди казаков и благодарны ли они государю за оказанную им после окончания военных действий милость. В ответ на это Филиппов сказал, что есть у него знакомый казак Демка, который говорил, что казаки недовольны и благодарным им быть не за что: дано им в награду всего 1000 золотых, а «то де они ни во что ставят, для того, что им на войско делить нечево». Тогда, показал Циклер, он спросил Филиппова: «чего у них чаешь от того», на что он ответил словами того же Демки: «дай де нам сроку, поворотимся де мы как государь пойдет и учиним де по своему. Полно де, что и преж сего вы (т. е. стрельцы) нам мешали, как Стенька был Разин, а ныне де мешать некому». На это, продолжал показание Циклер, он возразил, что «будет де от того разоренье великое и крестьяня наши и люди все пристанут к ним». Показание, данное на пытке, Циклер подтвердил и на следующем допросе добавив, что Филиппов говорил ему, будто «тех казаков прельщает турецкий султан, чаю де и письмо прислал» [1].

Арестованный Филиппов допрашивался трижды. Циклера он знал давно, часто бывал у него в доме и не отрицал того, что вел с ним разговор о казаках. Но, постепенно вспоминая подробности этой беседы, Филиппов внес в его показания такие существенные поправки, что поведение Циклера в этом разговоре стало выглядеть совершенно по-другому.

Филиппов рассказал, что в тот день, о котором шла речь, Циклер начал разговор с ним вопросом «сказана вам служба и скоро ль вы с Москвы уедете?» Получив ответ, что «служба им сказана, а скоро ль с Москвы пойдут того он не ведает», Циклер сказал: «чает де он Иван, что за ними и жены их стрелецкие посланы будут. И в государстве ныне многое нестроение для того, что государь идет за море, а посылает послом Лефорта и в ту посылку тащит казну многую. И иное де многое нестроение есть, мочно ль де вам за то постоять?». На это Филиппов ответил, что «то дело не их» и «не одним нам малое жалование и казаки де жалуются, что им государево жалование дано малое» и рассказал Циклеру о словах своего знакомого казака, но не Демки, а Петра Лукьянова. Слова Лукьянова Филиппов передал почти так же, как они были изложены в показаниях Циклера.

На его рассказ, показал Филиппов, Циклер реагировал

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 541 (485), л. 5.

очень живо и заявил, что «как де те казаки отпишут к турецкому султану о помощи себе для московского разорения и он де к ним пришлет в помощь кубанцев [1], так де они великое разорение учинят», а «как де они казаки зашевелятца и он де Иван с ними пойдет вместе. Однако де государь ево Ивана бунтовщиком зовет» [2].

Показания Елизарьева, Силина и Филиппова складывались для Циклера очень неблагоприятно. Из них явствовало, что он был недоволен существующими порядками и хотел либо убить Петра I, либо, воспользовавшись его отсутствием, произвести государственный переворот, для чего и надеялся использовать стрельцов и казаков. Однако, несмотря на тройные улики, Циклер продолжал упорно отрицать свою вину.

На третий день следствия он был снова взят в застенок и там, не выдержав пытки, назвал два имени: окольничего Алексея Прокофьевича Соковнина и Федора Пушкина [3]. С этого момента процесс следствия пошел гораздо быстрее.

Соковнин принадлежал к старинной боярской семье. Его отец являлся дворецким царицы Марии Милославской и был в большой дружбе и родстве с группировавшимися около царя Алексея Михайловича боярами Милославскими, Морозовыми, Ртищевыми и Хитрово.

Вся жизнь А. П. Соковнина и его старшего брата Федора прошла при дворе. Оба они неуклонно двигались вверх по служебной лестнице. В 1682 году при венчании Ивана и Петра на царствование старший брат получил звание боярина, а младший окольничего [4]. В годы правления царевны Софьи А. П. Соковнин стал судьей Конюшенного приказа.

Однако после прихода Петра I к власти их столь блестящая служебная и придворная карьера прервалась. У царицы Натальи Кирилловны был особый счет к Федору Прокофьевичу Соковнину, который в 1678 году являлся одним из следователей по делу ее старого покровителя и воспитателя

---

[1] Циклер в это время был назначен воеводой в Таганрог и собирался отбыть туда.

[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 541 (485).

[3] Следственное дело, позволяющее проследить, как развертывался судебный процесс, дает возможность совершенно отбросить версию Голикова о том, что донос на Циклера был сделан Петру I, который якобы лично арестовал всех заговорщиков, застав их вместе в доме Циклера (И. И. Голиков. Деяния Петра Великого, т. I, стр. 282—283). Кстати, об этом не говорит ни Матвеев, который просто сообщает, что обвиняемые были «из домов своих побраны», ни Желябужский. Голиков, повидимому, изложил ходившие по Москве среди неосведомленных лиц совершенно недостоверные слухи. С. Соловьев, написав, что Ф. Пушкин был оговорен Соковниным, ошибся. (С. Соловьев. «История России с древнейших времен», т. XIV, стр. 1165).

[4] «Труды Вольного Российского Собрания», ч. IV, 1778 г.

Матвеева [1]. Оба брата, хотя и избежали ссылки, лишились всякого влияния при дворе. А. П. Соковнин потерял свою должность судьи.

Видя крушение Милославских и многих других боярских фамилий, Соковнины долго отсиживались в своих боярских хоромах, надеясь переждать трудное для них время. Но годы шли, а в их положении ничего не изменялось. Правда, сын А. П. Соковнина Василий, еще в 1682 г. зачисленный спальником к Петру I, вращался в близком к царю кругу и даже пользовался там известным успехом [2], но это никак не влияло на положение его отца. Более того, Алексей Прокофьевич Соковнин с непрерывно растущим беспокойством наблюдал тот образ жизни, который вел его сын.

Вся семья Соковниных, благочестивая и строгая, отличалась большой приверженностью к старине и втайне исповедовала раскол [3]. Обе сестры А. П. Соковнина — известная сторонница протопопа Аввакума, боярыня Ф. П. Морозова, и боярыня Е. П. Урусова — были высланы царем Алексеем Михайловичем из Москвы и заточены в Боровский монастырь.

Порядки, заведенные в Москве Петром I, его равнодушие к старому укладу жизни, его деятельность и его немецкая одежда — все претило Соковнину и заставляло его испытывать постоянную тревогу за сыновей, вынужденных ежедневно соприкасаться с опасными новшествами. Эта тревога, соединяясь с чувством обиды за собственную судьбу, вызывала в Соковнине жестокую ненависть к царю, порождала в нем желание активно вмешаться в политическую борьбу и силой воспрепятствовать новому направлению жизни [4]. Это жела-

---

[1] Боярин Матвеев, являвшийся главой партии Нарышкиных, окружавших вторую жену царя Алексея Михайловича, при царе Федоре Алексеевиче был подвергнут опале. Его, как судью Аптекарского приказа, обвинили в умышлении на жизнь заболевшего царя, о чем и велось расследование.

[2] Б. Куракин сообщает, что Василий Соковнин, который «муж был злой и всяких пакостей наполнен», во время святочных развлечений избирался главарем и от него исходили наиболее издевательские шутки над придворными («Архив кн. Ф. А. Куракина, т. I, стр. 74»). Эту роль В. Соковнина отмечал И. Бубнов, привлекавшийся по делу Авраамия (ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 14 (484).

[3] Матвеев сообщает, что «Алексей Прокофьев, сын Соковнин, потаенный великой капитонской ереси раскольник, издревле по своей фамилии» («Записки русских людей...» Избрал И. Сахаров. СПб., 1841, стр. 65).

[4] Матвеев сообщает, что «причина оного Соковнина к той злобе, самая внутренняя и неукротимая, в нем была та, что он, Соковнин, до боярства недопущен и перед другими одночинцами, будто бы по причине некоторого свойственника обогащен не был». («Записки русских людей...», стр. 65).

ние особенно возросло тогда, когда Соковнин узнал о том, что в список стольников, предназначенных к отъезду за границу, были включены два его сына. Он начал думать о цареубийстве.

Хорошо понимая, чем грозит ему и его семье заговор на жизнь царя, Соковнин решил осуществить задуманное, оставаясь в тени. Зная, что его взгляды разделяют многие бояре, он прежде всего попытался найти цареубийцу в их среде и одно время возлагал большие надежды на князя Петра Голицына [1]. Но потом Соковнин решил сделать попытку использовать стрельцов, среди которых было много недовольных мероприятиями Петра I. Перебирая в уме лиц, которые могли бы помочь осуществлению его планов, Соковнин остановился на Циклере.

И. Е. Циклер был сыном обрусевшего полковника из «кормовых иноземцев», прочно обосновавшегося в России. Зачисленный в службу в 1671 году, И. Циклер стал довольно быстро продвигаться по служебной лестнице и скоро стал полковником наиболее привилегированного и близкого ко двору стрелецкого Стремянного полка. В 1677 г. ему было пожаловано звание стряпчего, а два года спустя — стольника.

Хитрый и совершенно беспринципный карьерист Циклер после переворота 1682 года сделался одним из активных сторонников Софьи, но в 1689 году, когда увидел, что власть ускользает из рук царевны, перешел на сторону Петра и первым привел свой полк к Троице-Сергиевскому монастырю. От Петра I Циклер получил награду и звание думного дворянина, но на этом его служебная карьера при дворе окончилась. Петр не испытывал к нему особой склонности, да и старая связь Циклера с царевной Софьей забывалась плохо. В 1692 г. он получил почетное назначение на воеводство, которое, однако, вполне можно было рассматривать как ссылку, так как местом его пребывания оказалось далекое Верхотурье. Там Циклер пробыл до конца 1695 года. Вернувшись, наконец, в Москву, он получил новое назначение на воеводство, в только что завоеванный Таганрог.

Соковнин был знаком с Циклером давно. Когда-то, в прошедшие годы, они сталкивались во дворце, встречались и в доме у Ф. Ртищева [2]. Ему было известно, что Циклер крайне честолюбив, готов многим поступиться ради карьеры, изво-

[1] На одном из последующих допросов Циклер показал, что говоря с ним об убийстве Петра I, Соковнин, имея в виду князя Петра Голицына, сказал: «человек он прыткой и шибкой, мы де чаяли от него что то все учинит над государем он, князь Петр» (ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 541 (485), л. 25).

[2] Там же.

ротлив и падок на лесть. Знал Соковнин и то, что самолюбие Циклера было сильно ущемлено равнодушием к нему Петра, расположения которого он не смог купить даже изменой правительству Софьи Алексеевны, и то, что последние назначения озлобили его до крайности. Кроме того, Соковнин знал, что у Циклера сохранились обширные знакомства среди стрелецкой верхушки и он был близок со многими стрельцами, когда-то связанными с Софьей и Шакловитым. Стрельцы же представлялись Соковнину наиболее надежными союзниками. Циклер, не раз думавший о мести Петру I, охотно пошел навстречу планам Соковнина.

На пытке, когда у него вырвалось имя Алексея Прокофьевича, и на последовавших затем допросах Циклер рассказал, что дважды встречался с Соковниным у него в доме.

В первую встречу после разговора о Петре I Соковнин приступил к осуществлению своего намерения. «Ездит государь около Посольского двора беспрестанно, одиначеством,— заметил он,— и в то де время, ночью б стрельцы постерегли и убивство мочно им учинить». «То де конечно им мочно сделать,— добавил он,— для того, что ездит в расплошку». Затем, поговорив о настроении стрельцов и о том, что их ожидает, Соковнин сказал: «где де они (стрельцы)... передевались, знать де спят. Ведь де они пропали ж, а мочно де им учинить всячески. Ездит де он один по улицам, малолюдством, мертвы де пьяны, так же и на пожаре бывает малолюдством. Нет де тово лутче, что тут учинить. Спят де они... дураки» [1].

Согласившись с Соковниным, Циклер поинтересовался, кто же будет царем, если Петра не станет. Сначала Соковнин ответил «царство де без того не будет», но затем сказал: «Шеин де у нас безроден, один у него сын, а человек он добрый». Циклер, которому кандидатура Шеина, по-видимому, не понравилась, заметил «счастье де Шереметеву, Борису Петровичу, стрельцы де ево любят». Однако Соковнин возразил: «чаю де они, стрельцы, выберут попрежнему царевну, а царевна возьмет царевича, а как де она войдет и она возьмет князя Василья Голицына, а князь станет по-прежнему орать» [2], на что Циклер ответил: «я де в них стрельцах тово не чаю, что возьмут царевну». Тогда Соковнин, видимо, желая польстить честолюбивому Циклеру, заявил: «есть ли то учинитца над государем, мы де и тебя выберем». На этом их разговор о претендентах на царский трон закончился, и Соковнин прямо спросил Циклера — «мочно де тебе им стрельцом говорить,

---

1 ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 541 (485), л. 8.

2 Слова Соковнина о Голицыне говорят о том, что старая знать недолюбливала и этого «западника».

чтоб над государем учинить?». Циклер ответил согласием. «Нет де того времени лутче, что на пожаре,— сказал ему на прощание окольничий, — а они де (стрельцы) к тебе добры и послушают» [1].

После этой встречи, показал Циклер, он и начал вести свои, так неудачно окончившиеся переговоры со стрельцами.

Почувствовав, что не встречает у них того отклика, на который он надеялся, Циклер вторично посетил Соковнина. Соковнин, выслушав его рассказ о переговорах со стрельцами и объяснения, которыми тот пытался оправдать свою неудачу [2], очень рассердился, что стрельцы «по се де число ничего не учиняют», кричал и всячески поносил их [3].

Его поведение задело Циклера. «Сам ты, Алексей, о себе рассуди, — сказал он Соковнину, — тебе и самому, на кого сказываешь тошно, что з детьми своими разлучаешься, пеняешь ты на стрельцов, а сам де того делать не хочешь, чтоб впредь роду твоему в пороке не быть».

«Нам де в пороке никому быть не хочетца, — ответил ему Соковнин,— а стрельцам де сделать мошно, даром де они пропадают же» [4].

А. П. Соковнин, арестованный после первого признания Циклера, попытался было отрицать свою вину, но в застенке после десятого удара кнутом признал все статьи обвинения. Он подтвердил все показания Циклера, за исключением одного: Циклер говорил, что при их встречах присутствовали сыновья Соковнина Василий и Петр, Соковнин же утверждал, что сыновья к его замыслам непричастны и ничего о них не знают. То же самое он показал и на повторных допросах, перенеся две пытки и огонь. Василий и Петр Соковнины, допрашивавшиеся с применением дыбы и кнута, также упорно отрицали, что слышали от отца какие-либо слова об убийстве Петра I.

В тот же день, когда Циклер дал свое первое показание против Соковнина, он оговорил и его зятя, сына родовитого боярина Матвея Степановича Пушкина, Федора.

Циклер показал, что слышал от Филиппова, который давно знал Пушкиных и был в их дом «вхож», что Федор Пушкин говорил ему «от государя де стало им тошно, как бы де ему, Федору, где-нибудь с ним государем съехатца и он бы де с ним не разъехался, хотя б де он, Федор, ожил или про-

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 541 (485), л. 15—16.

[2] Циклер говорил Соковнину, что «в них стрельцах малолюдство» и что «они опасаютца потешных».

[3] ЦГАДА ф. Преобр. пр., стб. 541 (485), л. 17.

[4] Там же.

пал»[1]. Филиппов, допрошенный по этому поводу, подтвердил извет Циклера, и Ф. Пушкин был взят в Преображенский приказ.

На допросе и «у пытки» Ф. Пушкин «запирался», но после подъема на дыбу и пяти ударов кнутом сознался, что приведенные выше слова Филиппову говорил.

Дальнейшее расследование показало, что Пушкин резко отзывался о царе в разговорах и с другими лицами. Так, Соковнин, узнавший о признании зятя, дал показание, что слышал от него такие слова: «погубил он государь всех и за то мочно ево государя убить и то де будет безгрешно для того, что он погубил все, да и для того, что он отца ево, Федорова, ево государев гнев»[2]. Сам Пушкин на втором допросе объяснил свое недовольство Петром I обидой за отца, лишенного места судьи Владимирского Судного приказа и назначенного на воеводство в далекий, неблагоустроенный, только что завоеванный Азов.

Соковнин несомненно надеялся найти в его лице деятельного помощника. В одном из показаний Пушкин сообщил, что в канун Рождества Соковнин сказал ему: «хочет де государь отца твоего на святках ругать и до смерти убить, а дом ваш разорить». На это он ответил: «есть ли де так над отцом ево учинитца и он, Федор, ево государя съехався убьет»[3].

Однако Соковнин не привлек Пушкина к заговору. Следствие установило, что Пушкин ничего не знал ни о сговоре своего тестя с Циклером, ни о переговорах Циклера со стрельцами. Тем не менее суд нашел, что вина Пушкина заслуживает самого сурового наказания. Его опрометчивые слова, согласно Соборному Уложению, не делавшему различия между угрозой и действием, были истолкованы как «злой умысел».

Список лиц, привлеченных к суду в связи с делом Соковнина и Циклера, Пушкиным не закончился.

26 февраля вновь вздернутый на дыбу Циклер показал, что, кроме ранее названных лиц, он говорил о восстании стрельцов и убийстве царя с пятидесятником Обухова полка Корсаковым.

В тот же день дополнил свои старые показания и Филиппов, признавшись, что Циклер говорил об убийстве Петра I и ему. «Как де государь поедет с посольского двора, — передал он слова Циклера, — и в то де время мошно вам его государя постеречь и убить». Этот разговор, показал Филип-

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 541 (485), л. 10.
[2] Там же.
[3] Там же.

пов, происходил в присутствии пятидесятника его же полка Федора Рожина и десятника Тимофея Скорняка. Затем, продолжал он, Циклер «велел ему Ваське о том убийстве и стрельцом говорить», обещая, что «как де он Иван будет на Дону и он, Иван, с казаками к Москве поворотится» [1].

Тогда же Циклер сделал еще одно новое показание, сообщив, что две или три недели тому назад стольник Алексей Обухов рассказал ему, будто стольник Борис Батурин вел переговоры о восстании стрельцов с одним из пятидесятников полка своего брата Венедикта Батурина [2].

Показания Циклера и Филиппова повлекли за собой новые аресты. В Преображенский приказ были взяты Обухов, Б. Батурин [3], Корсаков, Рожин, Скорняк и пятидесятник Батуринского полка Устин Самсонов.

Никита Корсаков на первом же допросе рассказал, что однажды, встретившись с ним, Циклер долго высказывал сожаление о том, что стрельцам убавлено жалование и положение их резко ухудшилось, а затем сказал: «как де будет государь на пожаре и в то де число мочно ево убить». На это, показал Корсаков, он ответил отказом, что и было подтверждено Циклером. На вопрос следствия, почему же он не известил об этом разговоре, Корсаков ответил, что боялся — ему не поверят.

Федор Рожин, сначала было попытавшийся отрицать, что слышал от Циклера речи об убийстве Петра I, затем подтвердил показания Филиппова. Так же как Корсаков и Филиппов, Рожин показал, что он ответил на предложение Циклера отказом. Циклер подтвердил это.

Тимофей Скорняк, несмотря на улики Филиппова и Рожина, утверждавших, что Циклер говорил с ними, «обняв их всех вместе», упорно отрицал это и, заявляя, что он никаких речей об убийстве царя не слышал, выдержал пытки [4].

Тогда Филиппов обвинил Скорняка в том, что он вел разговоры о царе с Ф. Пушкиным и Иваном Стрешневым. По словам Филиппова, Ф. Пушкин говорил Скорняку, что государь «живет де небрежением, не христиански и казну де тащит, в нем де Бога и христианства нет», а И. Стрешнев сказал «подобно тому ж, что Федор Пушкин».

Подозрение, упавшее на Стрешнева, вызвало новый допрос и пытку Циклера, но он никаких показаний против него не дал. Скорняков показал, что слов Стрешнева не помнит.

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 541 (485).
[2] Там же.
[3] Желябужский в своих записках ошибочно называет Батурина Бутурлиным.
[4] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 541 (485).

Параллельно с допросами Стрешнева и стрельцов шло расследование о стольнике Борисе Батурине.

Допрошенный первым, А. Обухов показал, что Б. Батурин, приехав к нему в гости, разговаривая, сказал: «стрельцы де измотались, пути в них перед прежним не стало. И так де бывали в полкех и к службе ни к чему негодны, а ныне де, как убавили хлеба и в них де и пути не будет» и выразил опасение, как бы «и ныне де шалость в них не вышла». Затем, показал Обухов, Б. Батурин рассказал ему, что стрелец полка В. Батурина хвалился «станут де за нами деньги шапками носить».

Б. Батурин заявил, что такого разговора у него с Обуховым не было. Когда он приезжал навестить Обухова, тот спрашивал его, что говорят стрельцы об убавке хлеба, но он ничего ему сказать не мог, так как ничего не слышал. Затем, показал Батурин, Обухов спросил его, жив ли московский юродивый Юрка Бажевольный. На это он ответил, что пятидесятник Батуринского полка У. Самсонов говорил ему, будто бы Юрка жив, ходит и жалуется: «Теперь де Юрке нихто денешки и кафтана не дает, а станут де деньги и на улице валятца, да нихто их брать не станет». Этот Юрка, показал Батурин, предсказывал стрельцам службу и пожары.

Пятидесятник Батуринского полка Самсонов показал, что о положении стрельцов Батурин его не спрашивал, к бунту не подбивал, а что касается юродивого, то он Батурину рассказывал, но не о Юрке, а о «уродливом стрельце Савке Степанове», который еще при царе Алексее Михайловиче был сослан в Дауры. Этот Савка, сказал Самсонов, действительно предсказывал, что настанет время, когда за стрельцами деньги станут носить шапками, но они не захотят их брать.

Показание Самсонова, хотя и очистившее Батурина от обвинения, возведенного на него Циклером, однако, частично подтверждало показания Обухова. Батурин был признан виновным в произнесении непристойных слов. Таким же виновным был признан и Обухов, первая часть показаний которого не подтвердилась, и он оказался в положении автора слов, признанных предосудительными [1].

Допросы Циклера, Соковнина и его сына Василия, Ф. Пушкина и стрельцов продолжались еще 1, 3 и 4 марта. 3 марта в Преображенский приказ был, наконец, доставлен казак Петр Лукьянов.

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 541 (485). Причастность Обухова к процессу Циклера и его родство с Циклером не раз являлись потом поводом к подаче на него новых доносов. (ЦГАДА, ф. Преобр. пр., дд. 573, л. 30 и 754).

На последних допросах Циклер «в застенке, в распросе и с пытки» полностью признал все статьи обвинения, показал, что его ненависть к царю вызывалась несправедливым, по его мнению, отношением к нему Петра I, который «его Ивана называл бунтовщиком и собеседником Ивана Милославского и его, Ивана, никогда в доме не посетил и от тех ево государевых слов он, Иван, пришел в отчаяние, за то ево, государя, убить и научал». Выслушав показания стрельцов, Циклер подтвердил, что они на убийство царя не соглашались, но заметил, что «во всех в них стрельцах на него государя злоба есть и верить им нечево», а Елизарьев донес на него только потому, что просил его об этом некий Михаил Феоктистов, с которым у него, Циклера, была ссора [1].

4 марта, когда следствие фактически уже закончилось, Циклеру задавались вопросы исключительно о событиях 1682 года и о царевне Софье. Он отвечал, что «Иван де Милославский [2] к нему Ивану был добр и женат он был у него. Ивана, а про бунт 1682 году он, Иван Милославский, ведал ли или он сам был, про то он Иван не ведает и с Иваном Милославским, ни с кем, чтоб тот бунт учинить и бояр побить он, Иван, не говаривал и не умышлял и не ведал. А будет он, Иван, про то ведал и утаил, чтоб ему за то мучитца в геенне во-веки».

У царевны Софьи, показал Циклер, он бывал не раз. Перед Крымским походом она его «призывала и говаривала почасту, чтоб он с Федькою Шакловитым над ним, великим государем, учинили убивство». Те же речи вела с ним царевна и по возвращении его из Крымского похода «и сулила Дмитровскую Иванову деревню Милославского, Кузнецово», но он отказался [3].

Соковнин на всех допросах продолжал очищать от подозрений своих сыновей и брата Федора, признавая виновными в намерении убить Петра I только себя и Циклера. «А товарищев де у них на то убивство и в думе с ним никово, кроме Ивана Циклера нет и ни с кем не говаривал и не умышлял»,— повторял он [4].

Казак Петр Лукьянов заявил, что все, сказанное Филипповым, он говорил «будучи пьян, без умыслу», а о намерении казаков подняться против Петра I слышал от казака

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 541 (485).

[2] Иван Михайлович Милославский, брат царицы Марии и дядя царевны Софьи, считался инициатором и организатором переворота 1682 г.

[3] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 541 (485), л. 48.

[4] Там же, л. 29.

«Трушки, а чей слывет не знает, да от Илюшки Иванова сына Бурлака» из станицы, название которой забыл.

Показания Лукьянова значительно ухудшили положение Филиппова и Рожина, так как благодаря им следствие выяснило, что они говорили уже не с Циклером, а между собой и с Лукьяновым о том, как «донские казаки к Москве для разоренья пойдут и станут разорять с конца, а они стрельцы с другова» [1]. И Филиппов, и Рожин, и Лукьянов были признаны виновными в намерении поднять восстание. Попытка Лукьянова оправдаться тем, что он «тот бунт впредь учинить и того впрямь делать не хотел и ни с кем не умышлял», ни к чему не привела, так как Филиппов признал, что говорили они «по словам Ивашки Циклера», намереваясь выяснить «впрямь ли из них кто к такому делу поступит» и хотели «как бы де по тем их словам иной кто к тому их воровству пристал», «такой бунт и разоренье на Москве чинить» [2].

Четвертого марта 1697 года следствие по делу Циклера и Соковнина в Преображенском приказе закончилось. Доклад о результатах следствия с подобранными к нему статьями II гл. Соборного Уложения был передан Боярской Думе. В присутствии Петра I специально созванное совещание Думы вынесло приговор.

Соковнин, Циклер, Ф. Пушкин, Филиппов, Рожин и Лукьянов за измену, стремление убить государя и произвести государственный переворот были приговорены к смертной казни. Стрельцов Корсакова и Скорняка за то, что они не донесли на Циклера и Пушкина, было решено подвергнуть жестокому наказанию и сослать с женами и детьми в Баргузинский острог «на вечное житье в пашню». Батурин и Обухов за «непристойные речи» были приговорены к высылке из Москвы в Севск и Белгород, где им предписывалось служить в местных полках в прежних чинах. И. Стрешнев, Самсонов и Воротников были оправданы.

Л. Елизарьев получил в награду за донос звание дьяка и 50 крестьянских дворов, а Силин звание старшего подьячего и на тысячу рублей пожитков из имущества Циклера. Оба они были назначены служить на один из московских Житных дворов.

По тому же приговору отец Ф. Пушкина, М. Пушкин, был лишен звания боярина и сослан служить в Енисейск, Ф. П. Соковнин ссылался в дальнюю деревню, а дети Соковнина и Циклера, которым выделялась небольшая доля из кон-

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 541 (485).
[2] Там же.

фискованного имущества отцов, получили назначения в провинциальные полки [1].

Дело Циклера и Соковнина было предано широкой огласке. 4 марта специально составленное извещение о совершенных ими преступлениях было обнародовано и казнь, производившаяся на площади перед Преображенским приказом, происходила при огромном скоплении народа [2]. После казни головы казненных были выставлены в центре Москвы, на Красной площади, на сооруженном для этой цели каменном столбе, по сторонам которого прикрепили железные листы с начертанным на них кратким текстом приговора [3].

Процедура казни Соковнина и Циклера, в которых Петр видел не только противников своих начинаний, но и прямых последователей боярина И. М. Милославского, сопровождалась неслыханным ранее в Москве надругательством над телом этого умершего 14 лет назад боярина. Тело его, вырытое из могилы, было доставлено в Преображенский приказ в санях, запряженных свиньями и «уставлено у плах изменничьих и как, головы им секли, и руда точила в гроб, на него Ивана Милославского». Затем тело его было разрублено на части и «оные скаредные части» были закопаны «во всех застенках под дыбами» [4].

Казнь Соковнина, Циклера и Пушкина нанесла сильнейший удар сторонникам царевны Софьи и послужила серьезным предостережением оппозиционному боярству. Оно было вынуждено воочию убедиться в том, что правительство Петра I достаточно сильно, решительно и не остановится перед применением суровых мер к своим противникам, невзирая ни на их родовитость, ни на занимаемое ими положение. Крах заговора Соковнина и Циклера подорвал у противников Петра I надежду на стрельцов, а расправа с Ф. Пушкиным за

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 541 (485), л. 56—58.

[2] Все современники Петра I, оставившие свои записки и воспоминания, сообщают, что казнь Соковнина, Циклера и Пушкина производилась 4 марта 1697 г. Желябужский пишет, что заседание Боярской Думы происходило 2 числа в Преображенском приказе. Подлинный приговор Думы, скрепленный дьяком Автамоном Ивановым, хранящийся в следственном деле, датирован 6 марта. Кроме того, по следственному делу видно, что Филиппов, Лукьянов и Рожин допрашивались еще 5 и 6 марта. С другой стороны, последнему допросу Циклера, снимавшемуся 4 марта, предшествует запись — «перед казнью». Таким образом, приходится предположить, что Дума заседала дважды: 2 марта когда была решена судьба Соковнина, Циклера и Пушкина, которые были казнены 4 марта, и 6 марта, когда был вынесен приговор остальным обвиняемым.

[3] Этот текст и вошел в Полное Собрание Законов.

[4] «Записки русских людей...», стр. 51.

враждебные высказывания о Петре и его деятельности вызвала у них опасения и страх.

После этого процесса боярство не решалось открыто выступать против Петра и его преобразований. До процесса царевича Алексея в 1718 г. в делах Преображенского приказа не обнаружено материалов о привлечении бояр к суду за участие в заговоре или в открытых выступлениях против Петра I. Но это не означало полного отказа бояр от сопротивления политике правительства. Оно продолжалось, проявляясь в саботаже его мероприятий и тайном распространении разных слухов, порочащих Петра I и подрывающих его авторитет.

Дальнейшее развитие консервативного движения против расширения и углубления преобразований, затрагивавших разные отрасли государственного управления, связано с ростом сопротивления реформам со стороны духовенства, стрельцов и некоторой, тесно примыкавшей к консервативному боярству, части дворянства.

* * * * *

Одной из отраслей государственного управления, которой преобразовательная деятельность правительства коснулась в первую очередь, было стрелецкое войско. Основной особенностью этого войска, в значительной степени определявшей его боеспособность, было то, что стрельцам разрешалось в свободное от службы время заниматься ремеслом и торговлей. Незначительное «государево жалование» не обеспечивало стрельцов, а поэтому ремесло и торговля являлись их основным занятием.

В XVII в., когда военная техника в странах Западной Европы шагнула далеко вперед и там были созданы хорошо обученные регулярные армии, полурегулярное стрелецкое войско, слабо обученное военному делу, прочно привязанное хозяйственными интересами к определенной территории, не могло удовлетворять потребностям обороны государства. Первым шагом по пути перестройки армии явилось создание предшественниками Петра I полков «иноземного строя». Дальнейшая реорганизация армии, вызывавшаяся острой необходимостью, решительно осуществлялась Петром.

От стрельцов на первом этапе своего развития военная реформа потребовала, кроме караульной службы, которая в мирное время была их единственной обязанностью, систематических занятий «ратным обучением». Вынужденные ради военных занятий и «потешных походов» надолго отрываться от своих мастерских, лавок и других хозяйственных дел, стрельцы отрицательно относились к этим новшествам.

Недовольство стрельцов «ратным обучением», первоначаль-

но выражавшееся в жалобах на его тяготы, скоро переросло в открыто враждебное отношение к Петру I, который не раз отмечал неискусность стрельцов в военном деле и превосходство преображенцев. В полках, стрелецких слободах и на посаде начались разговоры о том, что царь не любит стрельцов, несправедлив к ним и мстит им за старое [1]. Недовольство стрельцов проявлялось также в их ненависти к «потешным», чью «удачливость» они считали одной из причин постигших их лишений и тягот. По свидетельству одного из современников событий, «непрестанно между ними драки бывали на всех сходбищах» [2].

Недовольство Петром I охватывало и стрелецкую верхушку, избалованную милостями, которые оказывали ей в последние годы своего правления царевна Софья, и утратившую свое прежнее влияние при дворе. Некоторые из ее представителей, как мы уже видели, сближались с оппозиционным консервативным боярством.

В 1695 и 1696 гг. стрельцам пришлось надолго оторваться от своих мирных занятий для участия в Азовских походах. Трудности похода, плохое снабжение, неурядицы, голод и большие потери в стрелецких полках вызвали у них сильное озлобление против командования. Во всех непорядках и неудачах стрельцы винили немцев, особенно царского любимца генерала Ф. Лефорта. Недовольство стрельцов распространялось и на царя.

Взятие Азова, всеобщая радость по поводу победы, окончание военных действий и надежда на скорое возвращение домой несколько ослабили недовольство стрельцов. Их основная масса еще не понимала того, что возврат к прежнему образу жизни невозможен, что Петру I нужны свободные от всяких посторонних обязательств военные-профессионалы, а не обремененные своим хозяйством полуремесленники, полукупцы-полусолдаты. Стрельцы еще надеялись, что после окончания войны жизнь войдет в старое русло и они возвратятся к своим прежним занятиям. Они не представляли себе, что их привилегии будут ликвидированы, а сами они переведены на положение солдат регулярной армии.

Надежды стрельцов вернуться к мирным занятиям не оправдались. Через три месяца после возвращения из-под Азова они получили награду, по золотой копейке каждый, а две недели спустя, 10 января 1697 г. им вновь была «сказана служба». Шесть полков, включая и когда-то привилегирован-

---

[1] Имелись в виду майские события 1682 г. и заговор Ф. Шакловитого, в котором было замешано много стрельцов.

[2] «Архив кн. Ф. А. Куракина», т. I, стр. 66.

ный Стремянный полк, были назначены в Азов, два полка — в Белгород, а один — в Киев. Четыре стрелецких полка: Колзакова, Черного, Чубарова и Гундерт-Марка, оставленные в Азове еще в августе 1696 г., получили указ оставаться на месте. Одновременно стрельцам было убавлено хлебное жалование. Стрелецкая служба стала сложнее и тяжелее. Кроме несения сторожевой охраны, им приходилось работать на постройке всевозможных укреплений и фортов. Жалование часто задерживалось. Длительные отлучки наносили хозяйству московских стрельцов сильный ущерб. Недовольство в полках снова стало нарастать.

Летом 1697 г., когда постройка укреплений в Азове закончилась, четыре стрелецких полка из гарнизона крепости были переброшены на Украину, а затем на польско-литовскую границу. На новом месте из-за дороговизны хлеба и плохо налаженного снабжения они оказались в еще более тяжелых условиях. Многие стрельцы голодали и нищенствовали. Несмотря на суровые наказания за самовольные отлучки, в этих полках началось массовое дезертирство. В марте 1698 г. несколько десятков стрельцов-дезертиров вернулось в Москву, но, несмотря на их жалобы и сопротивление, они были отосланы обратно в полки.

Среди дезертиров, приходивших в Москву, был стрелец Василий Тума. Узнав, что Петр I в отлучке, а, может быть, даже и погиб где-нибудь за границей, как говорили в Московских слободах, Тума решил обратиться с челобитной о тяжелом положении стрельцов к кому-нибудь из членов царского дома. По его просьбе нищая стрельчиха Афимья Артарская, бывавшая на устраиваемых царевнами для нищих кормлениях, передала его челобитную постельнице царевны Марфы Алексеевны, Анне Клушиной.

Марфа Алексеевна[1], узнав из челобитной о тяжелом положении и недовольстве в стрелецких полках, сообщила об этом царевне Софье. Бывшая правительница, не терявшая надежды вернуться к власти, решила использовать это недовольство и попытаться вновь захватить власть с помощью стрельцов. В. Туме было передано два письма, одно от царевны Марфы, другое из Новодевичьего монастыря, в которых стрельцы призывались к активным действиям. «Вам бы де иттить к Москве всем четырем полкам и стать под Девичьем монастырем и взять бы вам великую государыню благоверную царевну Софью Алексеевну к Москве по прежнему в прави-

[1] Царевна Марфа Алексеевна, дочь царя Алексея Михайловича от первого брака, была родной сестрой царевны Софьи.

тельство, — писалось в письмах, — а если солдаты к Москве не пустят, и с теми солдаты противиться, а если вашей мочи не будет, и вам возмущать и чернь, а великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержца, к Москве не пускать для того, что де вы не пожалованы»[1].

Кроме того, от стрельчих стрельцы услышали, что при дворе неспокойно, «как было бояре хотели государя царевича удушить, его, царевича, подменили и царевичево платье на иного надели. И царица де узнала, что не царевич, а царевича де сыскала в иной комнате. И они ж де бояре, ее, царицу, по щекам били». От них же стрельцы узнали, что «государь де неведомо жив, неведомо мертв»[2].

Все эти известия, привезенные в полки дезертирами, еще более воспламенили и без того сильное волнение стрельцов. Среди них усиленно заговорили о том, что раз Петра I нет в живых, то бояться некого; что бояре, Стрешнев и Троекуров, хотят убить царевича; что Москвой того и гляди завладеют немцы, а стрельцов решено всех «перевести», что и начал проводить в жизнь Лефорт еще под Азовом.

6 июня 1698 г., когда пришел указ о новом перемещении полков Колзакова, Черного, Чубарова и Гундерт-Марка, стрельцы восстали. Изгнав полковников, подполковников и капитанов, они избрали начальников из своей среды, после чего все четыре восставших полка со знаменами, пушками и всем снаряжением двинулись к Москве[3].

Стрельцы встретились с высланными против них правительственными войсками недалеко от Москвы, на р. Истре у Воскресенского монастыря.

18 июня, после неудачных попыток главнокомандующего боярина Шеина уговорить восставших сложить оружие и принести повинную, против них была пущена в ход артиллерия. Вскоре мятеж был подавлен.

После наскоро проведенного Шеиным следствия некоторые главари мятежа были казнены, а остальные стрельцы арестованы и развезены по разным городам.

Известие о восстании стрельцов заставило Петра I, находившегося за границей, прервать свое путешествие и к 25 августа 1698 г. вернуться в Москву. Поверхностное расследование, проведенное Шеиным, не удовлетворило царя, и он при-

---

[1] М. М. Богословский. Петр I, т. III. Госполитиздат, 1946, стр. 53.

[2] Там же, стр. 83.

[3] Во время пребывания в Азове в этих 4 полках насчитывалось около 2700 человек.

казал следствие по делу участников стрелецкого мятежа возобновить в Преображенском приказе [1].

Стрелецкий розыск начался 17 сентября 1698 г., производился с перерывами и в основном закончился в феврале 1700 г. Отдельные участники мятежа продолжали содержаться в колодничьих палатах еще в 1707 году [2]. С сентября 1698 по февраль 1699 г., по подсчетам Богословского, были казнены 1182 стрельца, биты кнутом, запятнаны и сосланы на каторгу или в ссылку 601 стрелец, главным образом, малолетние [3].

Допрашивались из них далеко не все. Согласно Соборному Уложению, за открытое вооруженное выступление против правительства участники мятежа признавались достойными высшей меры наказания даже без особого расследования. Для вынесения им смертного приговора было достаточно факта пленения их на поле боя или в лагере восставших под Воскресенским монастырем [4]. Главной задачей следствия являлось не установление виновности стрельцов, а выявление вдохновителей и зачинщиков мятежа, а также их связей с

---

[1] Процесс участников стрелецкого мятежа 1698 г., за которым в исторической литературе сохранилось старинное название «стрелецкий розыск», был очень тщательно и детально описан М. М. Богословским в его фундаментальном труде «Петр I». (М. М. Богословский. Петр I, т. III, гл. V—VIII, X—XX, XXXI, 1946; т. IV, гл. XXXII, 1948, Госполитиздат).

В своем исследовании Богословский использовал весь имеющийся в распоряжении историков фактический материал, как-то: подлинное следственное дело, переписку Петра I, записки современников и донесения иностранных резидентов. Им был восстановлен весь ход следствия и определены основные линии его развития, установлен состав суда, описаны методы, применявшиеся в процессе расследования, подсчитано общее количество привлекавшихся к суду лиц и выявлены все наиболее характерные особенности и детали этого судебного дела. Попутно Богословский выяснил, каковы были требования и намерения стрельцов, уточнил степень причастности к восстанию царевен, определил имена наиболее видных стрелецких деятелей и восстановил последовательность, связанных с мятежом событий.

Проделанная им огромная работа позволяет нам совершенно опустить описание стрелецкого розыска, ибо оно явилось бы в значительной степени повторением уже изложенных Богословским фактов. По этому мы ограничимся только беглым обзором этого крупнейшего судебного дела, который необходим для понимания других политических процессов того времени.

[2] Последним был казнен в мае 1707 г. один из главарей мятежа А. Маслов.

[3] Таковыми считались юноши от 14 до 20 лет.

[4] Эта сторона дела была специально подчеркнута Петром I, который, составляя допросные статьи, написал в одной из них: «А смерти они достойны и за одну противность, что забунтовали и бились против Большого полка» (М. М. Богословский. Петр I, т. III, стр. 38).

политическими противниками Петра I, для которого стрельцы все еще продолжали оставаться мятежным «семенем Милославских».

Выясняя подробности мятежа, следствие стремилось прежде всего установить, имелись ли у восставших связи с членами царской фамилии и консервативным боярством и каковы были планы руководителей мятежа.

Для этого не требовалось поголовного опроса стрельцов. Достаточно было допросить их главарей, лиц наиболее осведомленных, которые могли лучше других осветить интересующие следствие вопросы. Однако, несмотря на ограниченность задач следствия, во время стрелецкого розыска допросам было подвергнуто более тысячи человек. Одновременно с разрешением главной задачи следствия устанавливалась степень виновности отдельных участников мятежа [1].

В интересах скорейшего окончания следствия Петр I приказал включиться в следственную работу 12 наиболее видным из своих доверенных бояр, которые вместе с Ф. Ю. Ромодановским и производили розыск в тринадцати специально сооруженных и обудованных для этой цели застенках. Отдельные допросы снимались в присутствии всех судей.

Во время следствия было установлено, что мятеж явился результатом недовольства стрельцов, вызванного их оторванностью от дома и привычных занятий, убавкой жалования и теми условиями службы, в которые их поставило правительство. На допросах стрельцы признались, что задачей их похода на Москву было возведение на престол царевны Софьи, при которой им жилось гораздо спокойнее и легче, или малолетнего царевича, опекунам которого они могли бы продиктовать свою волю. Стрельцы показали, что они намеревались истребить солдат, уничтожить Немецкую слободу и порубить бояр, осуществлявших в отсутствие царя управление страной [2]. Петра I было решено до Москвы не допускать, для чего стрельцы собирались после взятия столицы выставить по

---

[1] Богословский, отрицавший, что следствие занималось определением степени виновности стрельцов, неправ. О том, что степень виновности, несомненно, выяснялась и учитывалась, говорят не только материалы допросов, но и определяемые обвиняемым наказания. Более виновные обрекались на более мучительную смерть, как колесование или четвертование, менее виновные приговарились к менее мучительным казням — отсечению головы и повешению, а также к телесным наказаниям и ссылке.

[2] Особую ненависть стрельцов вызывали Т. Н. Стрешнев, которого они считали виновником убавки и задержки жалования, судья стрелецкого приказа И. Б. Троекуров и воевода М. Г. Ромодановский, в подчинении которого были полки, стоявшие на польско-литовской границе.

всем дорогам военные заслоны. Целью переворота, как выяснилось из показаний стрельцов, было восстановление старых порядков и старого образа жизни, при котором они остались бы в Москве и стали бы пользоваться своими прежними привилегиями.

Стрельцы сообщили, что они надеялись поднять против Петра I московских посадских людей, к которым у них были заготовлены специальные «бунтовые челобитные». В них излагались все те же жалобы на испытанные стрельцами трудности, на козни Лефорта и других иностранцев, а также высказывалось осуждение новых, получивших распространение в непосредственном окружении Петра обычаев, как табакокурение, брадобритие и немецкие моды. От них, писалось в бунтовых челобитных, «православие закоснело».

«Бунтовые челобитные», так же как и упоминавшееся выше письмо из Новодевичьего монастыря, привезенное В. Тумой не раз обсуждались на полковых сборах, и поэтому большинство стрельцов было хорошо осведомлено о целях движения к Москве и относилось к ним с большим сочувствием.

Следствие установило, что наиболее активные деятели восстания, как В. Зорин, Я. Алексеев, А. Маслов и другие, сознательно готовили мятеж, распространяя среди стрельцов возбуждающе действующие на них слухи.

Свои признания огромное большинство стрельцов делало весьма неохотно. Чтобы вырвать у них то или иное показание, следователям приходилось прибегать к многократным допросам, очным ставкам, пыткам. Особенно долго следствие не могло добиться от стрельцов признания в том, что они получили письмо от царевны Софьи и хотели свергнуть Петра I. Как выяснилось в конце следствия, между ними существовала специальная договоренность не выдавать царевны.

Путем тщательного и энергичного розыска следствие выяснило, что боярские круги к восстанию стрельцов причастны не были. Царевны Софья и Марфа затеяли переписку со стрельцами по собственному почину и вели ее только через женщин — своих служанок и нищих стрельчих. Факт этот был установлен путем допросов стрельцов, стрельчих и слуг царевен. Царевны, которых допрашивал сам Петр, своей вины не признали. Пытать их царь не решился.

В процессе следствия стрельцы значительно усложняли розыск, неоднократно оговаривая лиц, никакого отношения к их мятежу не имеющих. Иногда это делалось неумышленно в силу неосведомленности или ошибки, но иногда носило предумышленный характер. Так, стрельцы сознательно, по сговору, пытались впутать в дело солдат Преображенского полка. Их сговор был своеобразной местью: «про солдат,—

показали некоторые из стрельцов впоследствии, — говорили их братья в словах тайно, чтоб и на них сказать в чем ни есть, что де они пропадают от солдат и чтоб им не одним пропасть» [1].

Во время следствия стрельцы и другие, привлекавшиеся по их делу лица, содержались в колодничьих палатах Преображенского приказа и в обширных подвалах московских монастырей. Главари мятежа, которых следовало охранять особенно тщательно, были распределены по домам бояр, окольничьих и думных людей, выбранных самим Петром I. Так, Я. Алексеев был отдан кн. М. А. Черкасскому, В. Зорин — кн. П. И. Прозоровскому, А. Маслов — И. Б. Троекурову, С. Плясунов — В. П. Шереметеву. Имели колодников также В. Д. Долгорукий, Б. Г. Ершов, П. И. Хованский, Ф. П. Шереметев, А. И. Голицын, Н. П. Прозоровский и др.

Именной указ Петра I предписывал «держать их окованых на чепах, на ногах кандалы, заклепав наглухо, на руках железы. А быть у тех стрельцов на карауле по два человека солдат, да из лутчих своих людей по три человека, кому мочно верить. И смотреть им боярам и окольничим и думным людем над теми караульными солдатами и над своими людьми накрепко с великим бережением, чтоб они не ушли или какова над собою дурна не учинили. А поить их и кормить надсматривать и естьы и питье надкушивая, чтоб в питье и в есте для отравы какова зелья не положить» [2].

Мятеж, вынудивший царя прервать столь важное и интересное для него путешествие, упорство стрельцов на розыске и нескрываемая ненависть к новшествам и самому государю, сквозившая в их скупых признаниях, вызывали у Петра I сильный гнев и одновременно внушали ему серьезные опасения за будущее. Восстание четырех полков могло быть только началом общего стрелецкого восстания, и Петру было ясно, что стрельцов надо навсегда лишить возможности оказывать активное влияние на политику правительства.

Одним из наиболее действенных способов борьбы с ними он считал суровое наказание. В июне 1698 г., узнав о стрелецком мятеже, Петр писал Ф. Ю. Ромодановскому, чтобы он действовал против мятежников решительно и сурово, так как «кроме сего ничем сей огнь угасить не мочно» [3]. Суровое наказание стрельцов четырех полков, по мнению Петра I, долж-

---

[1] М. М. Богословский. Петр I, т. III, стр. 109.
[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., книга указов, № 7, стр. 25—27.
[3] «Письма и бумаги Петра Великого», т. I, № 252. СПб., 1887.

но было не только покарать виновных, но и послужить самым серьезным предостережением для других.

Смертные казни проводились публично в сентябре и октябре 1698 г., а затем в феврале 1699 г. при огромном стечении народа. Сотни трупов колесованных, выставленных на всех ведущих к Москве дорогах и повешенных на крепостных стенах, окаймляющих Белый и Земляной город, а также на площадях и у Новодевичьего монастыря, были сознательно оставлены правительством на местах на длительный период времени.

Зрелище мучений колесованных, которые «не много не сутки на тех колесах стонали и охали»[1], вид стрелецких голов, воткнутых на спицы, тела повешенных, качающиеся под осенним ветром, воронье, безнаказанно клевавшее трупы, — вся эта тягостная картина, оставлявшая мрачное и гнетущее впечатление, оказала сильное воздействие на широкие слои общества того времени. Но это воздействие было прямо противоположно тому, которого пытался достичь Петр I. Жестокость стрелецких казней была умело использована его противниками, которые изображали стрельцов защитниками православной веры и русских обычаев, создавали им славу мучеников. Жестокость Петра вызвала волну негодования и среди широких народных масс.

Расправа с мятежниками не достигла и своей прямой цели — устрашения стрельцов. Слухи о событиях под Воскресенским монастырем, быстро разнесшиеся по всей стране, успели оказать свое возбуждающее действие на стрельцов задолго до окончания стрелецкого розыска.

Непосредственным отголоском событий под Воскресенским монастырем было возникновение усиленного брожения в других московских стрелецких полках, стоявших на окраинах. Это брожение, подавленное правительством прежде, чем оно успело перейти в открытое восстание, послужило поводом для привлечения к судебной ответственности за антиправительственную деятельность многих стрельцов.

Одним из многочисленных стрелецких процессов был процесс стрельцов полка Кривцова, введенного в состав Белгородского разряда и расположенного под Харьковом, возникший по доносу полкового священника Лукьянова.

Недавно назначенный в полк Лукьянов не сумел завоевать доверия стрельцов и не пользовался среди них никаким авторитетом. Это сильно задевало его, и он подал жалобу патриарху, в которой писал, что стрельцы полка «страха божия не имеют и на исповедь не приходят и святых тайн не прича-

[1] «Записки русских людей...», стр. 58.

щаются, впали в блуд и в пьянство, старые и молодые, и в посте и в моление не бывают и в чувство не приходят» [1].

Не дождавшись ответа от патриарха, Лукьянов составил донос на имя государя. В нем он сообщал, что десятник Лука Масленников говорил ему: «...у них в полках стрелецких, молодцы задумали худо. Которые полки стрелецкие были под Казикермепем и под Таванью и те де полки совет промеж себя делали, чтоб им итти на Дон, а з Дону итти к Москве». Причиной, вызвавшей такое решение, сказал Масленников, является желание стрельцов отомстить за своих товарищей. «Ныне де их братью стрельцов на Москве казнят и вешают,— привел слова десятника поп, — и то де ево братья хотят отплатить».

Другой стрелец, писал Лукьянов, знаменщик Михаил Скоробоцкий говорил ему о намерении стрельцов «рубить бояр», а пятисотник Иван Жуков хвастался, что убьет своего подполковника С. Незнамова [2]. Извет Лукьянов собирался отправить в Москву, но о нем узнал полковник Кривцов, который отобрал его и передал в канцелярию местного воеводы князя Я. Ф. Долгорукого. Там и началось первичное следствие. Затем дело было передано в Разрядный приказ, откуда по именному указу Петра отослано к нему в Воронеж и только после этого попало в Преображенский приказ.

На допросе Лукьянов сказал, что «добра от них стрельцов нечает», что летом «того же полку стрельцы сходилися артелями человек по пяти и по десяти, не по одно время и говорили, что де ныне сходим в поход, а ис походу пришед пойдем к Москве». В ответ на вопрос, кого он из таких стрельцов знает, Лукьянов назвал пятидесятников И. Троицкого и И. Самойлова, стрельцов Т. Пышкина, М. Коробейщика, К. Спиридонова и В. Спиридонова [3].

Десятник Л. Масленников на допросах, очных ставках и пытке, во время которой ему было нанесено 40 ударов бичом, упорно отрицал обвинение Лукьянова, пытался сбить его и запутать подполковника Незнамова, показав, что тот жаловался попу, будто «их братии стрельцов тела на Москве таскают собаки». Однако второй пытки Масленников не выдержал, признал обвинения попа и назвал своих товарищей.

Масленников показал, что «как де стрельцы сидели в Змиеве в шинку, Климко Иванов, Ивашко Троецкой, да Патракейко Васильев, да Куземка Спиридонов з братом с Ваською, да Ромашко Буданов и иные были в то время в кругу». Все они, возбужденные тем, что их полк перебрасывают с места на

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 86 (732), л. 5.
[2] Там же.
[3] Там же.

место, а «к Москве не подымают», говорили, что надо им самим взяться за начальных людей. Р. Буданов рассказывал об одержанной стрельцами в 1682 г. победе над боярами, когда он «боярина князь Юрья Алексеевича Долгорукова з двора таскал деньги к себе и лежали у него те деньги под порогом». К. Спиридонов передавал, что какой-то донской казак звал стрельцов, если «будет де им стрельцам жить в Змееве наложно», к себе на Дон. Тот же Спиридонов и другие, заявил Масленников, строили планы похода на Москву: «...и они бы де взяли снаряда из Белагорода и из Севска, да они ж бы де подали весть в Киев, к полкам стрелецким...»

Масленников показал, что «про боярина князя Якова Федоровича Долгорукова говорил он ж Куземка, как де они стрельцы наряд будут имать в Беле-городе и они ж ево убьют первого», а в Москве «первые де на копья бояря Тихон Никитич, Алексей Семенович [1] за то, что у них Тихон Никитич хлеба убавил, а Алексей Семенович ходил с полками и с пушки к Воскресенскому монастырю» [2].

Признание, вырванное у Масленникова, повлекло за собой частичное признание К. Спиридонова. Отрицая, что он призывал стрельцов к боевым действиям, Спиридонов все же признался, что в беседе с Троицким «про стрелецкие полки, которые под Воскресенским монастырем разобраны», сказал ему: «есть ли бы де от них к нам была весть и наш полк поднялся б к Москве и чаю ис Харькова и Ельчанинов полк с нами б пошел». На это, показал Спиридонов, Троицкий ответил: «снаряд бы взять из Бела-города, а буде де боярин снаряду не даст и они ево убьют. И на Москве им побить бояр Тихона Никитича, да Алексея Семеновича».

Р. Буданов также сделал признание, что стрелецкие круги у них в полку бывали, он их посещал и Троицкого там видел. Знаменщик М. Скоробоцкий показал, что о намерении стрельцов рубить бояр он слышал. «Боярин князь Яков Федорович Долгорукий вбил нас в дожжи и в слякоть, — говорили ему стрельцы Никитин и Разуваев, — чем было нам татар рубить, пойдем де к Москве бояр рубить» [3].

Показывая на других, ссылаясь на «свою братью» и передавая ходившие в их полку разговоры, стрельцы, в том числе и Троицкий, против которого были собраны наиболее серьезные улики, несмотря на жестокие многократные пытки [4],

---

[1] Стрешнев и Шеин.

[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 86 (732).

[3] Там же.

[4] И. Жуков был пытан трижды, В. Спиридонов — пять раз, П. Васильев, Р. Буданов, П. Троицкий — по восемь раз, К. Спиридонов — девять раз.

упорно отрицали, что они являлись инициаторами похода на Москву. Зная, что впереди их ждет та же участь, которая постигла стрельцов полков Чубарова, Черного, Колзакова и Гундерт-Марка, стрельцы проявили максимум выносливости и стремились всячески затянуть и запутать свое дело, оговаривая непричастных, а иногда и давно умерших людей, на поиски которых тратилось много времени. Тактика стрельцов привела к тому, что следствие по их делу продолжалось с 1698 по 1705 г.

13 февраля 1705 г. Петр I приказал «тех стрельцов послать на каторгу в вечную работу, вырезав ноздри» [1].

Одновременно со следствием по делу стрельцов полка Кривцова в Преображенском приказе шло следствие и по делу азовских стрельцов, возникшему в Азовской приказной палате осенью 1698 г. Дело это было передано в Преображенский приказ в феврале 1699 г. из Пушкарского приказа, куда его в свою очередь затребовали из Азова по специальному распоряжению Петра I.

«Азовское дело», как назывался в Преображенском приказе процесс азовских стрельцов, было не совсем точно названо М. М. Богословским делом старца Дия [2]. Фактически дело монаха Азовского Предтеченского монастыря Дия, возникшее в Азовской приказной палате несколько раньше, чем процесс стрельцов, являлось совершенно самостоятельным судебным делом. Впоследствии из-за того, что Дий выступил как изветчик, оно было чисто механически соединено судьями воедино с процессом азовских стрельцов.

Старец Дий, арестованный по извету подьячего А. Дугина, был виновен в том, что, возвратившись в Азов из поездки в Черкасск, где он услышал разные слухи о событиях под Воскресенским монастырем, еще не достигшие Азова предал эти слухи широкой огласке, присоединив к ним упреки по адресу азовских стрельцов, что являлось прямым подстрекательством их к восстанию против московского правительства.

Допрошенные по его делу в Азовской приказной палате свидетели показали, что распространять свои новости Дий начал 20 августа, как только сошел с лодки, на которой прибыл. Первыми ему навстречу попались пятидесятник Н. Заяц и стрелец Белов, которым он сказал: «На Москве де нездорово! Ваших четыре полка стрельцов порубили всех, которые в Азове зимовали. Или вы о том не ведаете?». Затем Дий зашел в находившуюся рядом баню, где мылось не-

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 393 (1143), л. 102.
[2] М. М. Богословский. Петр I, кн. III, гл. XXVIII.

сколько стрельцов, и, моясь, «стрельцов всех бранил матерны и говорил возмутительные и непристойные слова: уже де вашу братью стрельцов четыре полка, которые зимовали в Азове, всех порубили, а вас де и достальных всех немцы порубят, а вы де не умеете за себя и стать. Дураки де что не умеете за свои головы стоять, а донские де казаки давно готовы».

На другой день Дий продолжал свои разговоры в монастырской трапезной «при братье и при служебниках», на мосту через Дон, где встретил пятисотника Никифорова, и в других местах. Вечером одним из его слушателей оказался Дугин. Последнему Дий сообщил не только слухи о событиях в Москве, но и о том, что азовские стрельцы говорят «отцов де наших и братьев и сродичев порубили, а мы в Азове зачнем и боярина и воеводу князя Алексея Петровича и товарищев ево и начальных людей вместо тех, которые побиты в нынешнем 206 году, побьем. А и недавно де было взволновались и хотели иттить, да старики удержали» [1].

Дугин сообщил о словах Дия своим сослуживцам, а они воеводе. Боярин усомнился в правдивости доноса и поручил проверить его своим подьячим: С. Лопатину и К. Рудееву. Приятель старца Авраамия, сам когда-то любивший покритиковать правительство, К. Рудеев вместе с Лопатиным отправился в монастырь к Дию и убедился в правдивости Дугина.

Как показало произведенное в Азове расследование, собеседники Дия относились к его речам отрицательно, кричали, что он лжет, ругали его и «от тех речей унимали». Всем им, за исключением пристава Кузьмы Аксентьева, удалось оправдаться, и они были отпущены на свободу. Аксентьев остался под арестом, так как Дий утверждал, что он, выслушав его слова о событиях под Воскресенским монастырем, заметил: «посмотрим де, что здесь в Азове Семен-день покажет, а даром де отнюдь не пройдет».

6 сентября следствие по делу старца Дия закончилось, и составленный в Приказной палате «экстракт» был отослан в Москву в Пушкарский приказ [2]. 27 октября оттуда был прислан указ: «Старцу Дию за его непристойныя и возмутительные слова учинить наказанье: перед приказною палатою бить монастырскими шелепами и сослать под начал в монастырь в Воронеж».

Между тем уже за время следствия по делу Дия в настроении стрельцов произошли значительные перемены.

Как выяснилось впоследствии, к этому времени известия, привезенные старцем Дием, получили полное подтверждение.

[1] Здесь и далее тексты допросов по Азовскому делу цит. по Богословскому. Петр I, кн. III, гл. XXVIII.

[2] Азов находился тогда в ведении Пушкарского приказа.

О разгроме стрельцов под Воскресенским монастырем рассказывали приезжавшие в Азов на базар казаки и вернувшиеся из Москвы солдаты, о том же писали в посланных «с оказией» грамотках стрелецкие жены. Одновременно до Азова дошли слухи о том, что государь «неведомо жив, неведомо нет», что Москва в руках бояр, которые хотели убить царевича. Заговорили, что князь Б. А. Голицын ездит по городам и разоружает стрельцов, которых бояре решили «перевести» и т. п. Один из привлекавшихся позже к суду за распространение слухов, писарь Алексей Киндяков, на допросе показал, что в конце августа сильное возбуждение наблюдалось и в Черкасске. Казаки открыто, в кругу, на базаре и на улицах кричали, что они «боярам служить не будут», а пойдут «очищать Москву». Находившиеся в это время в Черкасске азовские стрельцы из разных полков, приехавшие туда по делам, «подчивали казаков в шинках вином» и просили, чтобы они их, стрельцов, «не покинули».

В начале сентября в Азовскую приказную палату посыпались изветы на стрельцов.

Одним из первых сделал извет сам старец Дий. Он заявил, что стоявший около него на карауле стрелецкий десятник Терентий Артемьев говорил ему, чтобы он не волновался «стрельцы де его не выдадут». Затем он же доверительно сообщил Дию, что воевода прячет от стрельцов присланные из Москвы указы, а потому они решили захватить почту, дабы узнать точно, что же пишут из столицы. Другой стрелец, также стоявший у него на карауле, по словам Дия, говорил, что стрельцы знают обо всех происшедших в Москве событиях и открыто говорят о своем намерении начать восстание .

Второй извет исходил от монаха Дионисия, допрашивавшегося по делу Дия. Дав свои показания, он сделал воеводе сообщение, уже не имевшее никакого отношения к Дию, что стрелец Протопопова полка, кузнец М. Чебоксарь, при нем грозил убить своего полковника, а другой стрелец, бывший тут же, сказал «хотят де и до большого добраться».

11 сентября 1698 г. в Азовскую приказную палату поступил третий письменный извет от полковника Стремянного полка И. Башмакова. Башмаков писал, что сопровождавший его в поездке по Дону стрелец Н. Бугаев высказывал недовольство существующим положением. «Нам стрельцам,— говорил он, — ни на Москве, ни в Азове житья нет, на Москве от бояр, а в Азове от немцев». На вопрос Башмакова, что же сделали стрельцам бояре, Бугаев ответил, что они отняли у стрельцов хлебное жалование.

Доносы, поступавшие в Азовскую приказную палату в на-

чале сентября, не очень обеспокоили воеводу. Изветам колодника Дия он вообще не придал значения, и арестован был первоначально один Чебоксарь. Между тем стрельцы, и без того взволнованные слухами, восприняли этот арест как враждебный выпад против себя.

Со второй половины сентября в приказную палату начинают поступать более тревожные сведения.

Пятисотник Озерова полка Григорий Титов сообщил, что получил от своего приятеля С. Решетова прямое предупреждение: «ныне де времена стали шатки, полковника Ивана Озерова, стрельцы похваляют, а его Григорья злословят, чтоб он поберегся». «Будь де ты Григорий до всех добр»,— сказал Титову Решетов. Он же рассказал ему, что слышал, будто стрельцы Протопопова полка намерены воспрепятствовать пытанию Чебоксаря: «как де того стрельца поведут в застенок, и мы де того стрельца пытать не дадим».

Холоп Прозоровского Андрей Сосновский донес воеводе, что стрелец Яков Улеснев, собрав у себя стрельцов разных полков, говорил им, что «великого де государя не стало в походе и государя царевича на Москве бояре хотели удушить, да уберег его один боярин». Затем Улеснев заявил, что азовский воевода Прозоровский скрыл от стрельцов грамоту, в которой велено их наградить за службу, и хочет разослать стрелецкие полки по разным городам. В заключение он призвал стрельцов к восстанию: «если де полку их стрельца Мишку Чебоксаря (станут) пытать, и они де стрельцы боярина и воеводу с товарищи посадят на копья лучше, чем от них терпеть. Полковников, которые к ним добры, оставят, а которые недобры, тех побьют же и пойдут к Москве, и пришед, побьют бояр за стрельцов, которые побиты. А и донские де казаки, которые приезжали из Черкасского, говорили и хотели итти к Москве с ними стрельцами вместе. Как де придут на Валуйки и с ними де вся чернь подымется. А совершенное де намерение побить в Азове боярина с товарищи было 1-го сентября, а в помочь к себе ждали донских казаков».

Узнав о том, что в Москве возобновлен розыск по делу восставших 4 полков и опасаясь с одной стороны стрельцов, а с другой стороны — царского гнева, Прозоровский арестовал всех стрельцов, упоминавшихся в изветах, и начал следствие. Так возникло дело азовских стрельцов.

В Преображенском приказе, куда были переданы все материалы, собранные азовским воеводой и протоколы допросов, снимавшихся в Пушкарском приказе, следствие по Азовскому делу так же, как по делу стрельцов Кривцова полка, продвигалось вперед крайне медленно. Стрельцы давали показания неохотно, путались, ссылались один на другого

и долго отрицали свою виновность, перенося многие пытки[1]. Допросы обвиняемых производились в Преображенском приказе, в Азове, куда специально выезжал, в сопровождении кн. Ф. Ю. Ромодановского, сам Петр I и снова в Преображенском — вплоть до 1705 г. Одновременно пересматривалось и дело Дия.

Затяжной характер Азовского процесса объяснялся прежде всего тем, что следствие, так же как в деле стрельцов Кривцова полка, было вызвано не мятежом или заговором, а стихийным массовым недовольством стрельцов, которое не успело разрастись в открытое восстание против правительства.

Следствию удалось в основном установить только факты общего характера, на основании которых всем привлекавшимся к ответственности стрельцам были вынесены обвинительные приговоры. Так, было определено, что в стрелецких полках существовало сильное недовольство правительственной политикой: рассылкой стрельцов по городам, уменьшением хлебного жалования, назначением на командные должности иностранцев. Расправа со стрелецкими полками вызвала у стрельцов не только сильный страх, но и желание постоять за себя[2]. Выход стрельцы видели в походе на Москву, о котором, как уточнило следствие, «та де речь у них во всех шести полках носилась».

Следствию удалось выявить, главным образом при пересмотре дела Дия, некоторых передатчиков слухов, а также установить имена нескольких стрельцов, наиболее откровенно выражавших свое недовольство и призывавших к восстанию. Кроме упоминавшихся выше Улеснева и Бугаева, к таким обвиняемым были причислены пятисотник Протопопова полка Кузьма Иванов и стрелец того же полка Парфен Тимофеев.

Обвинение К. Иванова, который виновным себя не признавал, было построено на показаниях стрельцов Нефедьева, ранее сообщившего изветчику Сосновскому о речах стрельца Улеснева и Тихонова. Нефедьев показывал, что Иванов обещал, если стрельцы двинутся к Москве, раздать им «на проход» собственные деньги. Еще серьезнее были обвинения Тихонова, который утверждал, что «у того Кузьмы был умысел

---

[1] Так, Улеснев, отрицая свою вину, вынес 12 пыток.

[2] Стрелец Тихонов на допросе показал, что «как бы де пришел в Азов государь, и его, государя, они, стрельцы, в Азов пустить не хотели. Да им же де стрельцам был слух, что боярин князь Борис Алексеевич Голицын, собрався с полками в Синбирску, идет в Азов же, будто их, стрельцов, казнить же, так же де как на Москве кажнены четыре полка стрелецкие. И для того де они, стрельцы, хотели в Азове сесть в осаде, боясь такой казни».

и слово такое: идти было к Москве всем стрелецким полкам и учинить бунт и побить бояр»[1]. Их показания подтвердил после шестой пытки и стрелец Иван Быченок, показавший, что К. Иванов говорил стрельцам о походе на Москву и обещал денег.

Парфен Тимофеев, на которого указал стрелец Решетов, после второй пытки признался, что «когда де бунтовал Разин» и он «ходил с ним же», а теперь надеялся, что «еще де он Парфен на старости тряхнет»[2].

Судебное дело азовских стрельцов, сохранившееся в отрывках[3], не позволяет полностью проследить за судьбой всех привлекавшихся к суду лиц. Так, неизвестна судьба Улеснева, Иванова и Нефедьева, которые по последнему сохранившемуся боярскому приговору должны были подвергнуться новым пыткам; Быченка и Тихонова, в конце концов признавшихся, что они «со своей братьею стрельцами для бунту к Москве идти хотели ж» и др.

Стрельцы Н. Бугаев, М. Чебоксарь и Т. Артемьев, после многих пыток признавшие правдивость изветчиков, были приговорены к битью кнутом, вырезыванию ноздрей, запятнанию иглами и вечной каторге. Тимофееву из-за его старости каторга была заменена ссылкой. Казак Т. Соколов и писарь А. Киндяков, за распространение слухов, были приговорены к битью кнутом, запятнанию и ссылке в Сибирь, а старец Дий — к смертной казни. Суровая кара постигла и С. Решетова, виновного в том, что он, зная о стрелецкой «шатости» и предупреждая об опасности своего приятеля Титова, не сделал извета. Он был приговорен к десятилетним каторжным работам. Такому же наказанию подвергся и стрелец Ф. Аристов, на лодке которого возвращался из Черкасска в Азов старец Дий. Вина Аристова вообще не была доказана. Дий утверждал, что он слышал рассказы солдат полка Я. Грека, ехавших в той же лодке, о событиях под Воскресенским монастырем и о том, что кн. Б. А. Голицын ездит «обирать у стрельцов ружье». Аристов, утверждая, что он этого рассказа не слышал, вынес 8 пыток, Солдаты найдены не были[4].

Все приговоры по «Азовскому делу» были вынесены боярами и утверждены Петром I.

Ведя следствие по крупным, групповым стрелецким процессам, судья Преображенского приказа Ф. Ю. Ромодановский одновременно, начиная с осени 1698 г., систематически

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 408 (1158), л. 2—3.

[2] Там же, л. 7.

[3] ЦГАДА, Госархив, разряд VI, д. 11 и 12; ф. Преобр. пр., стб. 408 (1158), д. 291, л. 52—55.

[4] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 408 (1158), д. 291.

возбуждал судебное преследование и против отдельных стрельцов. В ноябре 1698 г. им был привлечен к судебной ответственности за ложный и «затейный» извет на генерал-майора Ригмонта стрелец И. Степанов, утверждавший, что Ригмонт подговаривал его отравить Петра I [1]. В 1699 г. начали слушаться процессы стрельца Стремянного полка Тимофея Волоха [2], стрельца Петра Кривого и других.

В этих мелких стрелецких процессах так же отчетливо, как и в крупных, проявлялось недовольство стрельцов теми трудностями, которые им приходилось испытывать в 1695—1698 гг., и их ненависть к Петру I, которого они считали прямым виновником этих трудностей.

Весьма типичным для 1699 г. судебным процессом было дело стрельца Петра Кривого, поступившее в Преображенский приказ в августе 1699 г. из Вологодской приказной избы [3].

Стрелец одного из Московских полков, включенного перед отъездом Петра I за границу в Севский разряд и стоявшего под Курском, Петр Кривой, как и многие из его однополчан, дезертировал, но был пойман и за побег из полка приговорен к ссылке в Сибирь. Сидя в Вологодской пересыльной тюрьме [4] в компании других колодников, он не раз говорил им, что «голова де ево государя на нитке. Нас де стрельцов во всех городех и в Сибири много, собрався все будем к Москве и самому де ему государю торчать у нас на коле».

Одна из собеседниц П. Кривого, колодница Аксинья, донесла на него начальству.

Привезенный в Преображенский приказ, П. Кривой признал себя виновным на первой же пытке, показав, что «ево, государя, он Петрушка бранил» за то, что он стрельцов «казнил и вешал и на колеса сажал». Угрозы Петру I, содержавшиеся в его словах, объяснялись тем, заявил Кривой, что он, как и многие из стрельцов, не раз думал о цареубийстве. Сначала, показал он на допросе, на эту мысль его натолкнул Ф. Шакловитый, в доме которого он бывал, но тогда «бог их стрельцов до того ево, государева, убивства не допустил». Затем те же мысли не раз возвращались к нему и позже.

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 85 (727), л. 1—19 этого столбца опубликованы Новомбергским в сб. «Слово и дело государево», т. II. Томск, 1909, стр. 10—17.

[2] О деле Т. Волоха см. выше, во 2-й главе настоящей работы.

[3] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 61 (685), 88 (734) и 103 (764).

[4] Вологодская пересыльная тюрьма являлась местом сбора всех колодников, приговоренных к ссылке в Сибирь. Оттуда ссыльные отправлялись далее уже целыми партиями в несколько десятков человек. Иногда, в ожидании отправки такой партии, колодники просиживали в Вологде несколько месяцев.

Вызывало их то, что «он де государь был к ним немилостив», и они были «разосланы по розным городам». Об убийстве Петра он вновь начал думать, услышав о стрелецких казнях. На одной из повторных пыток П. Кривой показал, что он, еще находясь в Курске, однажды вел разговор «с товарищи, четыре человека», «чтоб им собратца стрелецкими остальными полками и призывать к себе в помочь донских казаков и итти к Москве, и возмутя чернь, чинить бунт и его, государя, убить» [1].

Дело П. Кривого разбиралось около года. Оно затянулось потому, что стрелец, не надеясь на благополучный исход, не раз умело и находчиво путал следствие, делая недостоверные сообщения [2], которые все же проверялись, называя, как своих сообщников, вымышленных посадских людей, на поиски которых уходило время, оговаривая совершенно не причастных к его замыслам стрельцов, которых затем сам же оправдывал. 9-го июля 1700 г. дело П. Кривого было наконец доложено Петру, который, «слушав сей выписки, указал стрельца Петрушку Кривого за ево воровство и за воровские непристойные слова и за завод бунту казнить смертью».

Стрелецкий мятеж 1698 г. и стрелецкие процессы 1698—1699 гг. показали Петру I, что, сохраняя свою военную организацию, московские стрельцы остаются опасными и упорными противниками его внутренней политики и его власти. Это заставило Петра решиться на крайнюю меру — на роспуск московских стрелецких полков.

Указ, изданный в июне 1699 г., лишивший московских стрельцов права иметь оружие и нести военную службу, одновременно запрещал им, их женам и детям, а также отставным стрельцам и стрелецким вдовам находиться в Москве. Подтвержденный вторично в январе 1700 г. [3], указ под угрозой ссылки и штрафа возбранял московским жителям давать

---

[1] Впоследствии Кривой отрицал правдивость этого показания, признавая себя виновным только в произнесении «непристойных речей» в Вологодской тюрьме (ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 103 (764).

[2] Так, например, он заявил, что в Курск заходил стрелец В. Тума, передавший стрельцам стоявших там полков письмо царевны Софьи «столицов з десять». Достоверность этого факта опровергается расследованием, которое было проведено во время стрелецкого розыска, установившим, что В. Тума имел всего два коротких письма от царевны, которые он и доставил в Чубаров полк. Тогда же было установлено, что В. Тума, высланный из Москвы с другими дезертирами, проделал вместе с ними весь обратный путь в полки. Его отлучка в Курск, лежавший далеко в стороне от дороги на Торопец и В. Луки, где стояли восставшие затем полки, не могла остаться незамеченной. Показание Кривого, вероятно, базировалось на ходивших среди стрельцов слухах.

[3] ПСЗ, т. IV, № 1746.

стрельцам убежище в своих домах и принимать их на работу. Некоторые московские стрелецкие полки, находившиеся в момент издания указа вне Москвы, были оставлены на службе, но разосланы по далеким, окраинным городам. Стрельцы были вынуждены спешно ликвидировать свои московские предприятия, продать дома, лавки, товары, скот и имущество. Так как эта распродажа носила массовый характер, она оказалась такой убыточной, что в народе указ о роспуске стрелецких полков получил меткое название «стрелецкое разорение».

Покидая Москву, стрельцы и их семьи уносили с собой в посады уездных городов, в солдатские и стрелецкие провинциальные полки, куда они вскоре снова получили доступ [1], свою ненависть к Петру I и тяжелые воспоминания о суровой расправе с ними. Многие из них, как показывают дела Преображенского приказа, в других условиях и в другой обстановке, еще долго продолжали выражать Петру I свое осуждение и яростную ненависть. Поэтому после роспуска московских стрелецких полков, преследование как бывших, так и сохранивших свое звание стрельцов за антиправительственные выступления продолжалось с неослабевающим вниманием. В Преображенском приказе стрелецкие процессы систематически слушались до 1708 г., позже они встречаются редко [2].

Весьма показательным для определения той позиции, которую заняло по отношению к стрельцам правительство, является приговор по делу кольских стрельцов, поступившему в Преображенский приказ в том же месяце, когда был издан указ о роспуске стрелецких полков.

Дело кольских стрельцов было передано в Преображенский приказ из Новгородского приказа, в ведомство которого входил Кольский острог. Поводом к возбуждению дела

---

[1] Роспуск стрелецких полков, которые были значительной военной силой, оказался преждевременным. Начавшаяся Северная война, которая потребовала огромных людских резервов, вынудила Петра I вновь призвать под ружье всех годных к военной службе московских стрельцов. Указ об этом последовал в 1702 г., но практически запись стрельцов в солдаты началась раньше (ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 193 (884).

[2] Уменьшение числа случаев привлечения стрельцов к суду объяснялось тем, что к 1710 г. правительству удалось окончательно сломить недовольство стрельцов. К этому времени сказались результаты того перехода стрельцов в другие социальные группы населения, начало которому было положено роспуском московских полков, а также той борьбой, которую вело со стрелецким брожением правительство, систематически подавлявшее недовольство стрельцов и их попытки вернуть утраченные привилегии.

в Новгородском приказе послужили жалобы кольского воеводы Ивана Воронецкого, засыпавшего приказ отписками, в которых он «просил слезно, чтоб ево оборонили в нуждах ево в Кольском остроге, от невежцев и затейщиков, кольских стрельцов». Воронецкий обвинял кольских стрельцов в том, что они поносят власти, отказываются выполнять его приказания, неоднократно являлись «на воевоцкой двор в хоромы многолюдством» и «всякую ему противность говорили», заставляли его читать себе все приходившие из Москвы грамоты и не допускали его вмешиваться в их полковые дела. Воевода писал, что стрельцы собираются кругами, устраивают самовольно смотры, ходят с ножами и «дубьем», меняют десятников и пятидесятников, а одного из них, М. Бесихина, били батогами. В августе 1698 г. Воронецкий сообщал, что «неведомо по каким вестям зело перед прежним они, вышеписанные воры, стали свирепы и всякая в них злоба стала множитца». В своей последней отписке, датированной январем 1699 г., Воронецкий приписал стрельцам разговоры о событиях в Москве: «их братья, московские стрельцы погибают, а делают де им то зло бояре...». Вожаками стрельцов Воронецкий называл пятидесятника Савву Новгородова и стрельца Алексея Покидина [1].

Одновременно с последней отпиской воеводы в Новгородский приказ пришли челобитные от посадских людей Колы и окрестных лопарей с жалобами на воеводские злоупотребления. 19 февраля 1699 г. дело по указу Петра I было передано в Преображенский приказ.

Желая ускорить следствие, Ромодановский, не дожидаясь приезда изветчика и обвиняемых, занялся допросом кольских целовальников и стрельцов, приехавших в разные приказы с деловыми поручениями. Таких набралось восемь человек. Семеро показали, что о фактах, изложенных в отписках Воронецкого, ничего не знают. Целовальник М. Распопин сказал, что только однажды, когда воевода пригласил пятидесятников в хоромы слушать чтение грамоты о переименовании стрельцов в солдаты, стрельцы требовали чтения на улице, а затем ушли, не входя в воеводские хоромы.

В июне 1699 г. воевода и стрельцы прибыли в Москву. Следствие пошло полным ходом, но тем не менее затянулось до января 1701 г. Несмотря на многочисленные допросы и пытки, которым подвергались одиннадцать присланных из Колы стрельцов, Ромодановский не смог установить правильность обвинений воеводы и был вынужден констатировать, что все изложенные Воронецким факты выдуманы. Стрельцы

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 187 (876).

не совершали никаких противозаконных поступков, а о стрелецком мятеже 1698 г. узнали только в Преображенском приказе.

Во время следствия к Ромодановскому поступило большое количество челобитных на Воронецкого от посадских людей, от лопарей, от стрельцов и даже от монастырских властей с Кандалакши и Печенги. В них перечислялись многочисленные злоупотребления воеводы, грабившего население сверх всякой меры. И вся история со стрельцами, затеянная Воронецким, имела целью предупредить жалобы кольских жителей, пользуясь общей, невыгодной для стрельцов ситуацией [1].

Ромодановский оправдал кольских стрельцов, но признал виновным пятидесятника Савву Новгородова. Этим он дал понять, что всякое посягательство на царскую администрацию является тягчайшим преступлением.

Преступление С. Новгородова, квалифицированное как «противность государеву указу», заключалось в том, что однажды, встретив стрельцов, идущих по приказу Воронецкого арестовать стрельца Антипина, который должен был ехать в Москву с коллективной челобитной на воеводу, он посоветовал им приказа не исполнять. Стрельцы его не послушались, но это не оправдывало Новгородова. 21 февраля 1701 г. выписка, составленная по делу, была прочитана боярам. Они согласились с решением Ф. Ю. Ромодановского и приговорили «вора и раскольщика Савку Новгородова» к смертной казни [2].

Дело кольских стрельцов, интересное своим приговором, само по себе не являлось характерным стрелецким процессом. Отдаленность Колы от центра, плохая связь с Москвой, а также с другими городами приводили к тому, что население Колы, в том числе и стрельцы, было изолировано от многих событий. Кольских стрельцов не коснулась ни ранняя преобразовательная деятельность Петра I, ни азовские походы. К ним не дошли и слухи о расправе правительства с участниками стрелецкого мятежа. Во время следствия они проявляли полную неосведомленность в тех вопросах, которые так волновали их московских собратий и стрельцов других, теснее связанных с центром городов. Тем не менее судьи Преображенского приказа не остановились перед применением к Савве Новгородову высшей меры наказания. Их при-

---

[1] Иван Воронецкий не был наказан за ложный извет. Вместо него был бит кнутом и сослан в Сибирь стрелец-свидетель, Петр Шигорин, признанный виновным в том, что он ложно оговорил перед воеводой стрельца Покидина и ввел тем самым воеводу в заблуждение относительно стрелецких настроений. Был ли воевода наказан за свои злоупотребления, по делу не видно.

[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 187 (876).

говор представляет большой интерес, так как ярко свидетельствует о недоверии правительства не только к московским стрельцам, но и к стрельцам вообще, а также о его намерении сурово подавлять всякое сопротивление властям.

В Преображенском приказе стрелецкие процессы долгое время относились к категории наиболее важных дел.

Основная особенность этих процессов состояла в том, что из-за того недоверия, которое вызывало у правительства само слово «стрелец», судья Преображенского приказа, Ф. Ю. Ромодановский всегда лично производил следствие по всем доносам на стрельцов и проявлял к ним особое пристрастие и подозрительность.

В этом отношении весьма характерно дело беглого стрельца Герасима Кузнецова, на которого в апреле 1700 г. донесли как на участника стрелецкого мятежа 1698 г. На следствии, отрицая предъявленное ему обвинение, Г. Кузнецов показал, что он дезертировал из полка Колзакова 20 марта 1698 г., то есть за несколько месяцев до похода стрельцов на Москву. Показание обвиняемого было подтверждено официальной справкой Земского приказа, затребованной Ф. Ю. Ромодановским [1].

Но, хотя в других случаях справки приказов признавались бесспорным свидетельством, на Кузнецова это не распространилось. После новых безрезультатных допросов и пыток он был отправлен в Ярославль и содержался под арестом [2].

В том же году в Преображенском приказе целый месяц содержался старец костромского Ипатьевского монастыря Иосиф, на которого пало подозрение, что он является беглым стрельцом и скрывается в монастыре от властей. Иосиф был освобожден только после опроса многих свидетелей, единогласно опровергнувших извет [3].

О степени важности, придававшейся в Преображенском приказе стрелецким преступлениям, говорит и та настойчивость, с которой производились поиски оговоренного или ловля бежавшего из-под караула стрельца.

Об этом убедительно говорит дело по извету каширского священника Олимпия, возникшее в августе 1700 г. Олимпий донес, что крестьянин Семенов говорил: «государя де ныне на Москве нет. А которой де ныне на Москве государь и есть и он какой государь. Лефортов сын, а не государь. Он в свою

---

[1] После роспуска Московских стрелецких полков Стрелецкий приказ получил новые функции и был переименован в Земский. Там продолжали храниться все, касающиеся стрельцов дела за прошедшие годы.

[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 167 (833).

[3] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 110 (772).

бусурманскую веру и православных христиан приводит и велит носить немецкое платье, а кто де то платье на себя наденет, тот и басурман». Извет Олимпия был подтвержден свидетелем. Семенов не отрицал своей вины, а на вопрос, откуда у него такие сведения о царе, ответил, что узнал все это от человека, приходившего к ним на сенокос с плотов, которые гнали по Оке мимо их лугов. Семенов добавил, что, кроме известных судье слов, он говорил, будто бы царь «лутчих людей в великий пост четыре недели заставил есть мясо» и завершил разговор угрозой: «у нас де скоро зделается по своему, иной де боярин и места не найдет. Уже де перемотаем, хотя де они дряни той и набрали, нам де они тьфу!» [1]

Семенов показал, что имени своего человек не назвал, сказав только, что он московский стрелец, после роспуска записавшийся в Калужский посад. На вопрос о внешности стрельца Семенов ответил, что «ростом низмян, волосом чермен, а лицом и глаза каковы незнает», потому что встреча произошла поздним вечером. На пытке он добавил, что стрелец «говорит остро, скоровато» и видел его, кроме него, крестьянин Влас Ветчинкин.

Ветчинкин подтвердил показания Семенова, и тогда Ромодановский начал поиски стрельца. Калужскому воеводе была послана грамота с приказанием осмотреть всех поселившихся в Калуге бывших стрельцов и подходящих под указанные приметы, заковав, прислать в Москву. Воевода вскоре прислал 11 бывших стрельцов, одновременно сообщив, что из 299 человек он не мог осмотреть 98, так как 60 из них ушло в солдаты, 14 умерло, 24 переехали в другие города.

Допрашивая стрельцов, следствие установило, что один из них занимается плетением шнурков, другой цырюльник и торгует всякой мелочью, третий сапожник, четвертый продает крупу и орехи, пятый шьет шапки, шестой портняжничает, седьмой торгует овсом и сеном, два плотничают, один «ходит по миру» и один «работает всякую черную работу» [2],— никто из них по Оке на плотах не ездил. Не опознали в них своего ночного собеседника и крестьяне.

Отправив стрельцов обратно, Ф. Ю. Ромодановский за-

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 193 (884).

[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 193 (884). Дело это интересно тем, что проливает некоторый свет на дальнейшую судьбу распущенных московских стрельцов. Оно позволяет на основании данных калужского воеводы установить, что значительное большинство стрельцов вошло в состав посада в качестве торговцев и ремесленников, некоторая часть оказалась вынужденной работать по найму, около 20% повернулось в солдаты. Некоторые стали нищими.

требовал сведения о том, кто из калужан сплавлял плоты по Оке, из Калужской ратуши. Оттуда ответили, что из Калуги с плотами никто не выезжал, а данных по Серпухову у них нет. След стрельца потерялся.

25-го января 1701 г. дело было доложено боярам, которые вынесли решение казнить Семенова, а Ветчинкина, распространением стрелецких речей не занимавшегося, освободить. Однако Ромодановский не выполнил этого приговора, оставив обоих крестьян в приказе. Оба они снова несколько раз допрашивались и подвергались пыткам, но никаких дополнительных сведений дать о стрельце не могли. 18 сентября 1701 г., после четвертой пытки, Семенов умер. 25 сентября, по указу Ромодановского, видимо, наконец, потерявшего надежду на поимку стрельца, Ветчинкин был освобожден [1].

Так же упорно в течение почти двух лет разыскивал Ромодановский бежавшего из-под ареста упоминавшегося выше стрельца Тимофея Волоха, в конце концов обнаруженного в Саратове. Во время поисков Ф. Ю. Ромодановский сам допрашивал всех его родственников, пять раз заставлял писать отписки на его родину в принадлежавшее Троице-Сергиевскому монастырю село Копасово, вызывая для этого к себе в приказ монастырского стряпчего С. Брехова. Он рассылал грамоты с указанием подробных примет Т. Волоха по городам и лично осматривал всех лиц, задержанных по подозрению в том, что это Волох [2].

Специфический характер стрелецких процессов обнаруживался еще и в том, что по ним почти никогда не выносилось оправдательных приговоров. Стрелец, попавший в Преображенский приказ, как правило, не выходил оттуда на свободу.

Мы уже видели, как в 1700 г. стрелец Герасим Кузнецов, фактически доказавший суду свою невинность, все же продолжал оставаться под арестом.

В 1700 г. белоярский стрелец Василий Сарапка, вина которого оставалась недоказанной из-за отсутствия свидетелей и смерти изветчика, был сослан в ссылку, в Сибирь [3].

Поплатился за свою явку в Преображенский приказ и беглый стрелец Василий Иванов, пришедший сделать извет на донских казаков из Краснянской станицы. Стрелец показал, что он прожил около этой станицы четверо суток и слышал от

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 193 (884).

[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 81 (717).

[3] Сарапка обвинялся в произнесении слов: «в бунт де Степана Разина был он, Василий, двадцати пяти лет и выезжал с Саратова на Пензу о два конь с атаманом и много порубил. А есть ли де ныне выедут казаки, дам де я боярам трепизон» (ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 393 (1143), лл. 158, 177, 178).

казаков жалобы на задержку жалования, на то, что у них отбирают часть земли, и порицания государя: «у нас де ныне государя нет, а тот де государь немчин. А как бы де он был старый государь и он бы де не так делал, а то де веру верует немецкую». Извету в Преображенском приказе не поверили. Доносчик, без следствия по доносу, был бит кнутом, запятнан и сослан в Сибирь на поселение [1].

Мелкие стрелецкие процессы, слушавшиеся в Преображенском приказе с 1700 г., однообразны. Недовольство стрельцов проявлялось главным образом в передаче друг другу и другим людям разных, порочащих царя слухов, в брани, а иногда и в угрозах по его адресу. Их разговоры, полные искреннего озлобления и убежденности в своей правоте, находили внимательных слушателей в лице посадских людей, крестьян и др. Они вызывали сочувствие, передавались из уст в уста, обрастали новыми подробностями и подрывали авторитет Петра I.

Типичные по своему содержанию мысли стрельцов были ясно выражены неизвестным ночным собеседником крестьян Семенова и Ветчинкина о том, что Петр I — не настоящий государь, а немец, Лефортов сын, в доказательство чего приводилось введение немецкого платья [2].

Другим не менее типичным примером стрелецких рассуждений были рассуждения московской стрельчихи Параньки, арестованной в декабре 1701 г. по доносу беглого колодника П. Серикова. «Чорт де не государь, — говорила она, — что с немцем водится и головою вертит. Немец бы де вырубил, а Кокуй выжег, да потешных перевешал с конца, а жен их с другова, то бы де и государь был» [3].

Стрельцы рассказывали, что царь «родился от блудной девицы», что он зол, кровожаден, не соблюдает постов [4]. В их рассказах казненные Петром I стрельцы представлялись мучениками, отдавшими жизнь за веру и русские обычаи. «Стрельцов де переказнил за то, что де они, стрельцы, ево еретичество знали, а они де стрельцы прямые христиане были,

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 173 (841).

[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 193 (884).

[3] В Преображенском приказе стрельчиха отрицала правильность донеса и вынесла при этом восемь пыток. Тем не менее, она была признана виновной, так как, кроме извечника, против нее свидетельствовал ее свекор, солдат М. Корнилов. Дело тянулось до 1705 г. В 1705 г. Прасковья была сослана на прядильню. Наказание понесли и Корнилов с женой, виновные в том, что, во-первых, дали стрельчихе убежище, а во-вторых, не донесли о ее словах. Бояре приговорили их к ссылке в Сибирь. Петр изменил приговор, указав Корнилова бить кнутом, запятнать иглами и сослать на каторгу на 10 лет, а его жену сослать на прядильню. ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 212 (904).

[4] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 300, (1031), д. 366.

а не бусурманы», — говорил донесшему на него послуживцу Строганова, И. Масановцу, ладожский стрелец Александр Букин, чье дело разбиралось в Преображенском приказе в 1704 г. [1].

Изветы на стрельцов, имевших широкое общение с простыми людьми в городе и деревне, часто подтверждались свидетелями, да и сами они редко отрицали свою вину, пытаясь только иногда ослабить ее невменяемостью в пьяном виде, болезнью или тем, что слышали подобные речи от других. Но, как правило, это не смягчало их вины и наказания. Следствие по стрелецким процессам почти всегда заканчивалось одинаково, стереотипным приговором: «за ево воровство и за воровские непристойныя слова учиня наказанье бив кнутом нещадно, запятнав новым пятном, вырезав у носа ноздри, послать на каторгу, в вечную работу». Часто приговор бывал еще более суровым. Так, стрелецкая жена Екатерина Егорова за слова «боярам за их насмешку отсмеютца дети, щука де умерла, а зубы остались» была приговорена к смертной казни [2].

Выражая в своих словах недовольство царем и распространяя о нем враждебные и подрывающие его авторитет высказывания, стрельцы однако не решались выступать против Петра I в одиночку. В делах Преображенского приказа обнаружен только один случай такого выступления, который имел место в 1718 г., в Киеве, когда бывшие стрельцы Ретькин и Галкин, зачисленные на службу солдатами, отказались присягать царевичу Петру и запретили сержантам подписывать за них текст присяги. На допросе они показали, что слышали от проезжего москвича, будто бы в Москве многие этой присяги не подписывали и подумав решили, что «ежели де царевичу Алексею Петровичу вовеки царем не быть, мы де о том рук прикладывать не будем». Оба они были приговорены к смертной казни [3].

Политические процессы стрельцов, проходившие в Преображенском приказе, свидетельствуют о том, что их недовольство и выступления против Петра I и проводившейся им военной реформы вызывались стремлением сохранить свои привилегии как военного сословия. Они показывают, что интересы стрельцов переплетались с недовольством осуждавшего политику Петра I консервативного боярства, которое стремилось использовать их в своей борьбе за власть. Но, с другой стороны, сословно-классовые интересы основной массы стрельцов были чужды и враждебны консервативному боярству, так же

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., д. 332.
[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 374 (1121).
[3] ЦГАДА, Госархив, VI разряд, д. 28.

как и Петру I, выражавшему интересы помещиков-крепостников. Недовольство стрельцов, неразрывно связанных в своей основной массе с широкими слоями посадского населения, отражало настроение этих слоев русского общества и находило у них сочувствие.

* * * * *

В лагере противников реформ Петра I значительное место занимало духовенство. Причиной недовольства, охватившего это сословие, была деятельность Петра, развернувшаяся после его возвращения из первого заграничного путешествия.

Малообразованное, суеверное и вдобавок воспитанное в духе отрицания западной культуры, русское духовенство высказывало неодобрение и выражало враждебность не только поведению царя, но и многим его преобразованиям. Тревога, которую в начале петровского царствования проявляло высшее и близкое к придворным кругам духовенство, по мере расширения реформ постепенно охватывала все более широкие слои служителей церкви. Их недовольство быстро росло и усиливалось, так как правительство энергично стремилось полностью подчинить духовенство светской власти и лишить его привилегий, которыми оно пользовалось по сравнению со светскими феодалами.

После успешного завершения азовских походов, осенью 1696 г., по предложению Петра I Боярская Дума приняла решение ввести корабельную повинность, которая была распространена и на духовных феодалов. Следующим решительным мероприятием в этом направлении, осуществленным в ноябре 1699 г., было введение рекрутской повинности, обязательной как для светских, так и для церковных землевладельцев.

После смерти патриарха Адриана [1] правительство, чтобы усилить свое влияние на церковные дела, распорядилось отложить выборы нового патриарха на неопределенное время, ликвидировало Патриарший приказ и передало находившиеся там дела в другие приказы. Во главе духовенства был поставлен рязанский митрополит Стефан Яворский, назначенный «Экзархом, святейшего патриаршего престола блюстителем и администратором» [2].

В начале 1701 г. был учрежден Монастырский приказ во главе со светским человеком боярином Мусиным-Пушкиным. В его ведение были переданы все монастыри и их вотчины, а также архиерейские владения. Указ предписывал Мусину-Пушкину произвести учет всех церковных земель [3].

В марте 1701 г. именным указом было запрещено поку-

[1] Патриарх Адриан умер 16 октября 1700 г.
[2] ПСЗ, т. IV, № 1818.
[3] ПСЗ, т. IV, № 1829, 1834.

пать к патриаршим вотчинам поместные земли, а также производить обмен монастырских земель на земли светских владельцев. Одновременно была изменена система управления церковными вотчинами, в которые приказывалось, вместо посельских старост-монахов, назначить светских приказчиков [1]. Затем были введены новые правила для монастырей, запрещающие монахам и монахиням без особого разрешения переходить из монастыря в монастырь, иметь в кельях бумагу и чернила, а также писать что-либо «без повеления начального». Ограничивалось право пострига и запрещалось жить в монастырях «мирским людям» [2].

Правительство пересмотрело и вопрос о подсудности духовенства, ограничив сферу судебной деятельности духовных властей. Изданный 7 ноября 1701 г. указ вменял в обязанность гражданским лицам, предъявлявшим иск к лицам духовным, обращаться в приказ Духовных дел, к митрополиту С. Яворскому, а духовенство, если оно приносило жалобу на гражданских лиц, должно было обращаться в гражданские приказы в зависимости от того, где ведался ответчик [3].

Указом 30 декабря 1701 г. самостоятельность монастырских властей, ранее бесконтрольно распоряжавшихся монастырскими вотчинами и доходами, подрывалась окончательно. Согласно указу все поступавшие в монастырскую казну деньги должны были передаваться в Монастырский приказ. Монахам и монахиням монастырей устанавливался определенный оклад содержания, равный 10 рублям, 10 четвертям хлеба в год и дровами «в довольность их» [4].

Духовенство не могло примириться с потерей своей хозяйственной самостоятельности и своих привилегий, а также с ликвидацией своего высшего сословного органа управления во главе с патриархом [5] и полной подчиненностью светской власти. Используя свое положение и влияние во всех слоях русского общества, оно активно выступало не только против церковной реформы, но и против преобразований, проводившихся правительством Петра I, вообще. Духовенство стреми-

---

[1] ПСЗ, т. IV, № 1839.

[2] ПСЗ, т. IV, № 1834, 1856; И. Голиков. Деяния Петра Великого, т. II, стр. 72.

[3] ПСЗ, т. IV, № 1876, 1834. До этого лица духовного звания подлежали исключительно духовному суду.

[4] ПСЗ, т. IV, № 1886.

[5] Местоблюститель патриаршего престола, митрополит С. Яворский, киевлянин, получивший польское образование, не пользовался популярностью среди русского духовенства, вообще недолюбливавшего «латинствующих»; вызывало недовольство и то, что он в течение многих лет являлся послушным исполнителем воли царя.

лось посеять недоверие к реформам, распространяло слухи о том, что всеми действиями царя руководит злая воля, а проводимая им политика не вызывается необходимостью и свидетельствует об отходе царя от православной веры. В подтверждение правдивости этого обвинения оно, используя косность и отсталость русского общества, ссылалось на такие мероприятия Петра, как перемена летоисчисления, бритье бород, введение немецкого платья, переливка колоколов на пушки, разрешение табакокурения, устройство ассамблей, привлечение иностранных специалистов на русскую службу и т. п.

Духовенство открыто и тайно порицало политику правительства и действия царя, замалчивало достижения, отмечало недостатки, ошибки и неудачи. При этом духовенство искусно распространяло о Петре I разные нелепые слухи и легенды и сочиняло самые невероятные измышления, нередко подкрепляя их текстами из церковных книг.

За реакционную деятельность духовенство систематически подвергалось судебному преследованию. В делах Преображенского приказа процессы духовных лиц занимали довольно большое место, составляя около 20% всех слушавшихся там политических процессов [1]. Состав преступлений духовных лиц был довольно разнообразен. Они открыто поносили царя и критиковали его мероприятия, писали враждебные Петру сочинения, разбрасывали подметные письма, пророчествовали, распространяли порочащие царя слухи или оправдывали действия понесших наказание противников Петра, объявляя, что они пострадали за православную веру. Кроме того, они занимались распространением и популяризацией текстов, запрещающих брадобритие и курение, отказывались производить торжественные богослужения и т. п.

Процессы духовных лиц начали слушаться в Преображенском приказе в 1697 г., но до 1699 г. они были явлением сравнительно редким. Так, в 1697 г., кроме дела старца Авраамия, в Преображенском приказе слушалось еще только одно дело, возникшее по ложному извету на келаря и монахов Желтоводского монастыря, обвинявшихся в намерении убить царя [2].

В 1698 г. шло расследование по трем изветам на духовных лиц, из которых два оказались ложными [3].

В последующие годы количество доносов на священнослужителей увеличивается: в 1699 г. в Преображенский приказ их поступило шесть, в 1700 г. — шестнадцать, в 1701 г. —

---

[1] Так, из 300 процессов, сохранившихся за 1699—1705 гг., число процессов духовных лиц — 67.

[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 13 (483) и 20 (409).

[3] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 27 (566), 83 (721), 40 (624).

двенадцать. В дальнейшем число изветов на духовных лиц обычно доходило до 10—12 в год.

Первыми признаками того, что недовольство политикой правительства Петра I охватило широкие круги духовенства, является значительное распространение порочащих царя слухов и критических высказываний о его политике не только среди столичного, но и среди провинциального духовенства, а также появление в 1699—1700 гг. многих адресованных царю подметных писем.

Подметные письма являлись прямым продолжением проповедей и сочинений высшего духовенства. Нередко они были менее грамотно составлены, но высказывали те же идеи. В них подвергалось резкой критике поведение царя и его политика и делались попытки путем убеждения и запугивания заставить его отказаться от преобразований.

Весьма типичным подметным письмом такого рода являлось письмо, обнаруженное в церкви Владимирской богоматери у Никольских ворот в Москве [1]. Оно было вложено между двумя лучинами и завернуто в бумажную обертку, на которой после нескольких правоучительных сентенций излагалась просьба передать его в руки царя, причем автор заверял, что в «сем письме никакому чину от великих чинов, от малых чинов гонения нет» [2]. Ниже находилась вторая просьба, обращенная к царю, о награждении нашедшего письмо сукном и камкой, заключавшаяся словами: «а за меня бога молите, а я за вас». Надписи имелись и на лучинках. На одной указывалось, что «царю сей лист высмотреть и всем казать», а на другой было сделано добавление: «но не всякому, ближним людям, не в пронос».

Само письмо, представлявшее собой исписанный с обеих сторон столбцовый лист, начиналось обычным для духовных лиц обращением к Богу, за которым следовал рассказ о том, что немцы и немки «обольстили царя Петра Алексеевича в костельную веру» путем подсылки к нему через еду, питье и воздух нечистых духов, которые «царем де Петром трясут, в ноги вступят, ломают...» Далее автор отмечал значительное снижение общего уровня жизни и объяснял это тем, что

---

[1] ЦГАДА, ф. Розыскных дел, стб. 19.

[2] Этой надписью автор, по всей вероятности, хотел подчеркнуть, что в письме не содержится никаких нововведений, а сам он не относится к числу появившихся во множестве «прибыльщиков», которые часто вносили свои предложения также через подметные письма. Ненависть народа к «прибыльщикам», обычно предлагавшим новые способы обложения населения, внушала автору беспокойство за сохранность письма, и он надеялся этой надписью обеспечить передачу его по назначению.

«табы людишко носили, табака пили, торжили, в Кокуй ездили, неистово жили». Особенно гневными тирадами разражался он против табакокурения «травы от святых отцов проклятой» и заканчивал первую часть письма напоминанием о близкой расплате, ибо «меч изострился с высоты славы божия и открылся гнев божий» [1].

Во второй части письма автор пытался напугать Петра I возможностью нашествия турок на Азов и даже Воронеж, рекомендовал ему не покидать Москвы — «отдадут головою» — и советовал отвратить опасность хождением в соборы к обедне. Кончалось письмо поношением немцев, призывом «воли им не давать» и напоминанием о верной службе стрельцов под Азовом [2].

Не менее типичным являлось и подметное письмо, в котором порицались царь и Н. Зотов, направленное не столько против иностранцев, сколько против самого Петра I. Адресованное «ко всем людям» оно преследовало уже не нравоучительные, а обличительные цели и было написано в чрезвычайно возмущенном и гневном тоне. Дела Петра назывались в этом письме отступническими, его развлечения — сознательным надругательством над православной верой и самим богом, а его окружение именовалось «бесовским сонмищем». Автор письма негодовал также по адресу патриарха и митрополитов, укоряя их за инертность и за то, что они «ничто ему (царю) не возбраняху и дары им воздаваху и с ними пияху и веселяхуся». «О мерзость проклятая, како вам стерп милостивый творец, како вас земля не пожрет»,— заканчивалось письмо [3].

С такими же обвинениями против царя выступил монах Фролищевой пустыни Иван Нагой, дело которого слушалось в Преображенском приказе с 18 июня 1699 г. по 27 июля 1700 г.

Фанатик по прозвищу Иван Нагой [4], ходивший голым, с

---

[1] ЦГАДА, ф. Розыскных дел, стб. 19.

[2] По-видимому, автор был близок к стрелецким кругам, так как он уделяет в своем письме значительное место вопросам обороны Азова. Может быть этот его экскурс в область военного искусства был вызван желанием привлечь внимание к письму со стороны царя, интерес которого к военному делу был общеизвестен.

[3] ЦГАДА, ф. Секретных дел № 2, письмо 12 «л».

Письмо это никак не может быть датировано 1705 г., как это сделано в составленной в ЦГАДА описи фонда «Секретных дел», так как основное внимание в нем уделяется событиям из жизни Петра I, уже потерявшим к 1705 г. всякую остроту. Кроме того, в нем говорится о патриархе, как о лице, еще сохранившем всю полноту власти. Патриарх же Адриан, как известно, умер осенью 1700 г. Правильнее всего предположить, что подметное письмо было написано в 1699 г.

[4] Настоящее имя Нагого было Парамон.

одной медной цепью и крестом на шее, явился в Москву «царя обличать, что бороды бреет и с немцами водится и вера стала немецкая». Порицал Нагой и патриарха, который, по его мнению, должен был более резко выступить против царя.

«Патриарх живет ис куска, пить бы ему, да есть, да бережет де мантию, да клобука белого, затем де он и не обличает»,— говорил Нагой [1].

Для характеристики консервативных высказываний духовенства и степени распространенности недовольства политикой правительства Петра I в этой среде показательными являются и другие, слушавшиеся в Преображенском приказе одновременно с делом Нагого процессы духовных лиц.

«Великий государь ездил за море, возлюбил веру немецкую, будет де то, что станут по средам и по пятницам бельцы и старцы есть молоко, все до одново и всю полатынят веру»,— говорил своим сотрапезникам монах одного из северодвинских монастырей старец Гелвасий. Царь «лих,— утверждал монах Вологодского монастыря Савин,— как де он милостив, он де благоверную государыню царицу сослал в ссылку» [2].

«Ныне де на Москве летопись переменена, да великий государь изволит быть на Москве платью венгерскому, да великого поста на Москве ж будто сказывают убавлено, а после де светлого воскресенья бутто учнут в среды и в пятки рядом мясо есть» [3],— сообщали друг другу, совещаясь, не отправиться ли им лучше, по примеру раскольников, в леса, священнослужители Шацкой церкви Родионов, Максимов и Кириллов [4].

К подобным высказываниям духовенства в Преображенском приказе относились со всей строгостью. По приговору

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 90 (739).

[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 93 (742), 140 (802) и 143 (807).

[3] О том, как остро реагировало духовенство на такие отступления от установлений церкви как посты, свидетельствует и случай, происшедший в 1699 г. в Азове с воеводой А. П. Прозоровским и его духовником священником Михайловым. В один из строго постных дней Михайлов явился к своему духовному сыну во время обеда. Прозоровский стал угощать его рыбой, но священник отказался. Тогда Прозоровский начал его убеждать, что «уста ничто не сквернит» и сам царь «с иноземцы кушает и посные дни изволит курки кушать». Этот разговор настолько взволновал Михайлова, что, придя к соборному протопопу в алтарь, он принялся горько жаловаться и даже плакал, говоря: «дал де мне Бог сына духовного, неведомо как мне с ним быть». Протопоп, со своей стороны, воспринял слова Прозоровского как «непристойные речи» о государе, о чем сообщил стрелецким полковникам Конищеву и Протопопову, сделавшим на основании его слов извет на Прозоровского в Преображенский приказ. ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 62 (686).

[4] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 153 (817).

Ромодановского Савин был бит кнутом и, по урезании языка, сослан на поселение в Сибирь, а старец Гелвасий бит кнутом нещадно и отправлен в Соловецкий монастырь с предписанием быть ему там «до кончины живота своего неисходно, скована» [1].

И. Нагого подвергли пяти жестоким пыткам, пытаясь выяснить нет ли у него сообщников, намеренных выступить против Петра I с обличениями и не стоит ли за его спиной кто-либо из влиятельных лиц. 12 июня 1700 г. дело Нагого было доложено боярам, которые вынесли решение наказать его кнутом и, по урезании языка, сослать в Соловецкий монастырь. Петр I не утвердил этого приговора, распорядившись «тому Парамошке, за ево воровство и за воровские непристойные слова учинить наказанье, бив кнутом нещадно и запятнав сослать в Азов на каторгу, в вечную работу. А буде он на каторгах учнет чинить раскольство и ево казнить смертью, не отписываясь к великому государю, к Москве» [2].

Систематически производились Преображенским приказом и поиски авторов подметных писем. Лица, обнаружившие эти письма, арестовывались, тщательным образом допрашивались о том, кого они подозревают в составлении найденного ими письма и даже подвергались пыткам [3]. Однако эти меры, как правило, успеха не имели и виновные не находились.

Недовольство духовенства политикой правительства Петра I проявилось также в создании и распространении им легенды о близкой кончине мира и воцарении антихриста в лице Петра, которая получила широкую известность среди народа. Виновные в распространении этой легенды карались Преображенским приказом с особой строгостью.

Мысль о пришествии антихриста и вычисление даты кончины мира не были для России новым явлением. В 1464—1470 гг. об этом думал и писал новгородский архиепископ Геннадий, предсказывавший, что концом мира станет 1492 год; в 1596 г. при уклонении некоторых православных епископов в унию православная церковь проповедовала, что антихристом является римский папа. В середине XVII в. старообрядцы — протопоп Аввакум, Вонифатьев, Неронов и др.— объявили антихристом патриарха Никона.

В царствование Петра I учение о близкой кончине мира

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 143 (807) и 93 (742).
[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 90 (739).
[3] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 148 (812), 130 (792), 393 (1143), л. 129.

и воцарении антихриста первым возобновил в своих сочинениях «О счислении лет», «Врата» и «О падении Вавилона» книгописец Григорий Талицкий.

В исторической литературе Г. Талицкого обычно относят к числу деятелей старообрядчества[1]. Но эта точка зрения является ошибочной. Факты показывают, что Талицкий старообрядцем[2] не был.

Восстановление круга знакомств Г. Талицкого дает возможность выяснить, что у него совершенно не имелось никаких связей со старообрядцами и наоборот, имелись обширные знакомства среди сторонников официальной церкви. Являясь переписчиком книг, он часто бывал в московских монастырях, где ему давали работу, в частности знал многих монахов Чудова и Симонова монастыря. Близкими друзьями Талицкого были священнослужители московских приходских церквей: его духовник, поп Варламьевской церкви Лука, поп Иерусалимской церкви Андрей, поп Чудова монастыря Матвей, пономарь Андреяновской церкви А. Иванов. Талицкий был знаком с тамбовским епископом Игнатием и суздальским митрополитом Илларионом, хорошо знал дьякона Угличского Покровского монастыря Денисова. Кроме духовных лиц, у него были друзья среди московских бояр и посадских людей, которые, насколько это видно по следственному делу, также не являлись старообрядцами.

Проявляя большой интерес к событиям своего времени и к политике Петра I, Талицкий, как показывает следственное дело, совершенно не интересовался ни вопросом о двухперстном и трехперстном кресте, ни сугубой и трегубой аллилуйей, ни количеством просфор, нужных при служении литургии, ни другими расхождениями старообрядцев с официальной церковью, которые являлись основным содержанием раскола и с фанатическим упорством защищались всеми его сторонниками.

Не считали Талицкого старовером и его современники. Во время следствия, когда Талицкого много и тщательно

---

[1] Г. В. Есипов. Раскольничьи дела XVIII столетия. СПб., 1861; Н. С. Тихонравов. Московские вольнодумцы XVIII в. Соч., т. II, М., 1898; А. П. Щапов. Русский раскол старообрядства. Греков, Бахрушин, Лебедев. Учебник по истории СССР, т. I. М., 1947.

[2] Эта точка зрения впервые была высказана в 1909 г. П. С. Смирновым, занимавшимся историей раскола. (П. С. Смирнов. Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII в. гл. I, СПб., 1909). Однако, поскольку он ограничился лишь кратким и вскользь сказанным замечанием о Талицком, не приведя в пользу своения мнения никаких доказательств, то старая точка зрения на Талицкого продолжает существовать до настоящего времени.

допрашивали, выясняя все особенности его мировоззрения, ему ни разу не предлагались вопросы, обычно задававшиеся в Преображенском приказе всем, кого подозревали в принадлежности к старообрядству. И даже митрополит Стефан Яворский ни в своей книге «Знамения пришествия антихриста», написанной по указу Петра I специально для опровержения учения Талицкого, ни в тексте составленного им «Увещевания Талицкого» [1], не смог упрекнуть его в приверженности к учению протопопа Аввакума или других защитников старообрядства [2].

Основная идея Талицкого состояла в том, что наступают последние годы существования мира и уже появился антихрист, который, воплотившись в Петра I, толкает людей в бездну греха. Доказательство близкой кончины мира Талицкий видел в тех новшествах, которые стал вводить Петр I, как-то: перемена летоисчисления, перемена платья, противное учению церкви бритье бород и табакокурение, а также в изменении нравов и образа жизни, то есть во всем том, что тревожило многих служителей церкви.

Свое убеждение, что антихрист воплотился именно в Петра I, Талицкий основывал на упоминании Апокалипсиса о том, что антихристом будет «осьмой царь». По арифметическим расчетам, произведенным Талицким, Петр оказывался как раз восьмым царем третьего сложения Римской империи ца-

---

[1] «Увещевание Григорию Талицкому» было найдено и опубликовано историком Введенским в журн. «Христианское чтение» за август 1912 г.

[2] Нашел нужным отделить Талицкого от староверов и св. Синод, издавший в 1722 г. обращение с призывом ко всем «раскольникам» вернуться в лоно православной церкви. В этом обращении «раскольническими» назывались учение, возникшее в царствование царя Алексея Михайловича при исправлении церковных книг, т. е. старообрядчество, и учение «вора Гришки Талицкого», который «писал письма плевальные и ложныя о пришествии Антихристове, с великою злобою и бунтовским коварством» (ПСЗ, т. VI, № 3891).

Общее название «раскольничество» применялось в отношении и к тому и к другому учению не потому, что Синод ставил между ними знак равенства,— в этом случае Талицкий не был бы выделен,— а потому, что сам термин «раскольник» имел в XVIII в. гораздо более широкое толкование, чем получил позже. «Чинить раскол» в начале XVIII в. значило сеять всякого рода смуту, а поэтому Синод и подводил под это понятие всех лиц, которые считались отпавшими от ортодоксальной церкви, независимо от их разногласий с ней.

Термин «раскольник» или «раскольщик» употреблялся в царствование Петра I не только в области духовных дел, но и в сфере гражданских дел. Он применялся наравне со словом «вор» и «бунтовщик» в отношении лиц, виновных в выступлениях против государственной власти. Так, «раскольщиком» был назван в жалобах воеводы и в приговоре упоминавшийся выше кольский стрелец Савва Новгородов. Это же определение было применено и к Ивану Нагому, выступавшему с обличениями против Петра I.

рей греко-российских. Расчеты, по мнению Талицкого, подтверждались и другими вескими доказательствами — поведением и действиями царя.

Деятельность Петра I и его образ жизни Талицкий подвергал самой резкой критике. «Каковы хулы нестерпимыя и досады, самим диаволом тебе вдохновленныя,на царя писал еси, трость вмочивши в жупел адский»,— упрекал его за эту критику Яворский [1]. Называя Петра антихристом и мучителем, Талицкий распространял свое отрицательное отношение и на всю царскую семью. Так, он считал «отраслью недоброй» царевича Алексея, родившегося «не от доброго коренья». Резко порицал Талицкий и людей, следовавших новшествам. Москву он сравнивал с древним Вавилоном, погрязшим в грехах, новый образ жизни называл свинским, окружавших Петра людей именовал «сынами погибели» [2].

Не ограничиваясь утверждением своей основной идеи, Талицкий разработал и программу активного сопротивления антихристу. Он считал, что надо перестать платить царю подати, отказаться от выполнения государственных повинностей и начать упорную борьбу с нововведениями. Большой силой представлялись Талицкому стрельцы, которые должны были, согласно его плану, собраться в Москву из всех городов тогда, когда Петр отправится на войну, и произвести государственный переворот. Наиболее приемлемым кандидатом на царский престол он считал князя Михаила Алегуковича Черкасского. Вызвать восстание против Петра I Талицкий надеялся с помощью воззваний к народу, в которых должны были излагаться основы его учения об антихристе и о мерах борьбы с ним. Распространять эти воззвания он предполагал простым разбрасыванием в толпе [3].

Идеи Талицкого, благодаря их злободневности, конкретности, простоте и доступности изложения встречали горячее сочувствие почти у всех его друзей и знакомых. Да и сам он, человек по отзывам современников умный [4], начитанный и хорошо разбиравшийся во всех тонкостях богословских писаний, производил неотразимое впечатление. Епископ Тамбовский Игнатий, слушая как Талицкий читал свои сочинения, плакал, торговец иконами Савин смотрел на него как на пророка.

Извет на Г. Талицкого поступил в Преображенский приказ 28 июня 1700 г. Принес его певчий, Федор Казанец, услы-

---

[1] «Увещевание Григорию Талицкому».
[2] Г. В. Есипов. Раскольничьи дела XVIII столетия, т. I, стр. 60—84.
[3] Там же.
[4] «Архив кн. Ф. А. Куракина», т. I, стр. 262.

шавший об учении Талицкого из третьих рук, от своего зятя, подьячего Патриаршей площади Дунаева, и его жены, снимавших у Талицкого квартиру.

Казанец донес, что Талицкий говорит о государе слова «чего и слышать невозможно», а кроме того, «режет неведомо какие доски, а вырезав, хочет печатать тетрати, а напечатав бросать в народ». Своей необычностью извет Казанца сразу вызвал интерес у Ромодановского. В дом Талицкого были посланы преображенцы, но оказалось, что кто-то предупредил его об извете и он бежал [1]. Произведенный в доме обыск сразу дал веские доказательства виновности книгописца — найдены были грушевые доски с нанесенным на них текстом воззвания Талицкого к народу.

Ромодановский немедленно начал поиски беглеца. По всем главным направлениям были разосланы специальные сыщики, которые должны были «по городам и по селам, и по монастырям, и по приходским церквам, и по пустыням, и по рыбным ловлям, и на пристанях, и на лодьях, и на кораблях, и на карбусах, и на мелких судах, и во всяких местах, во всяких чинах и в работных людех того вора сыскивать всякими мерами», попутно объявляя указ о поимке Талицкого во всех местах скопления людей. За доставку Талицкого в Преображенский приказ была даже обещана денежная награда в 500 руб.— явление в те времена крайне редкое [2].

Талицкий был найден в конце августа того же года. Подробности его поимки неизвестны, но, по-видимому, виной была его собственная неосторожность. Царевич Алексей, спустя много времени вспоминавший о Талицком, говорил: «Талицкий гораздо был умен и не поймали б его, когда б он сам не отдался» [3].

К сожалению, подлинное судебное дело Талицкого не сохранилось, но в 1861 г. Г. В. Есиповым была обнаружена и напечатана выписка, составленная по материалам следствия в царствование Елизаветы Петровны [4]. Не давая возможности проследить, как развивался процесс следствия, и восстановить

---

[1] Впоследствии было установлено, что предупредил Талицкого его ученик Иван Савельев, узнавший о намерении Казанца сделать извет через свою тещу, приятельницу жены Дунаева. Он помог Талицкому собраться и проводил его до Кадашевской слободы.

[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 195 (887) и «Описание дел, хранящихся в архиве Астраханской духовной консистории, составленное и особо учрежденное по указу Св. Синода комиссиею», стр. 7—8, Астрахань.

[3] Н. Г. Устрялов. История Петра Великого, т. IV. СПб., 1863, стр. 249.

[4] Г. В. Есипов. Раскольничьи дела XVIII столетия, т. I, стр. 60—84.

все детали дела, эта выписка однако дает достаточно полное представление о процессе Талицкого, так как содержит довольно подробное изложение показаний подсудимого и других лиц, привлекавшихся по его делу, а также приговор, вынесенный боярами по окончании следствия.

По выписке видно, что доставленный в Преображенский приказ Григорий Талицкий не пытался скрывать своих убеждений. «В распросе и с розысков» он признался, что действительно написал «письма, бутто настало ныне последнее время и антихрист в мир пришел, а антихристом, в том своем письме, ругаясь писал великого государя, также и иныя многие статьи ему государю» «в укоризну писал и народам от него, государя, отступить велел и слушать его государя и всяких податей ему платить не велел». Талицкий признал, что он считал своей первоочередной задачей распространение этих писем «для возмущения к бунту и на ево ж государево убивство», для чего и хотел, вырезав текст на досках, заняться их печатанием.

Во время допросов Талицкий с большим упорством отстаивал свои идеи и не хотел признавать себя виновным, так что для увещевания его Ромодановский даже вызывал в приказ самого митрополита Стефана Яворского. «Помню я, как некогда в Преображенском, Талицкий спорил с вашим преосвященством о летах, утверждая, что отцы святых тако положили»,— напоминал впоследствии Яворскому в одном из писем к нему митрополит Дмитрий Ростовский [1].

На допросе, на пытках или в пылу споров со С. Яворским, неизвестно, Талицкий назвал многих людей, которым он читал свои произведения и у которых находил полную поддержку. Все названные им лица, в количестве 17 человек, были арестованы и привлечены к суду.

Самыми близкими друзьями Талицкого, посвященными во все его планы, оказались иконник Иван Савин и пономарь Артамон Иванов. В доме Савина при обыске, были найдены «воровския Гришкины письма». На допросе Савин и А. Иванов одинаково показали, что читали произведения Талицкого и часто, бывая у него в доме, беседовали «о последнем времени и об антихристе и великого государя всякими поносными словами, против тех писем, поносили». Оба они были совершенно искренно убеждены в правоте Талицкого. Так, А. Иванов сказал на допросе, что он всем доказательствам Талицкого вполне верит, а Савин заявил, что «Гришка в тех письмах писал все правду, от книг Божественного писания, а не своим вымыслом».

[1] Введенский. К биографии митрополита Стефана Яворского. Журн. «Христианское чтение» за август 1912 г.

С теоретическими рассуждениями Талицкого были знакомы и другие встречавшиеся с ним лица, которым, однако, не было известно его намерение поднять народ на борьбу с Петром I. К их числу относились московские священники Лука, Андрей и Матвей, угличский дьякон Денисов, посадские люди: кадашевец Феоктист Константинов, садовник Федот Миляков, подключник Московского Хлебного двора Павел Филиппов, батырщик[1] Дмитрий Кириллов, резчик распопа Григорий Иванов, подьячий Дунаев, человек боярина Стрешнева Андрей Семенов, племянник Талицкого Михаил, сын Артамона Иванова Иван, ученик Талицкого Иван Савельев, а также епископ тамбовский Игнатий и князь Иван Иванович Хованский.

Священники Лука, Матвей и дьякон Денисов дали Ромодановскому почти одинаковые показания. Все они читали «тетради» Талицкого и обсуждали с ним затронутые там вопросы. В сочинениях Талицкого, по их словам, «хульных слов» о государе не было, но в беседах автор их всегда утверждал, что Петр — антихрист. Пытаясь оправдаться, Лука и Матвей говорили, что они не во всем соглашались с Талицким и даже «унимали» его. Но эта уловка ничуть не улучшила их положение, так как показала, что они отдавали себе полный отчет в недозволенности учения Талицкого и, тем не менее не донесли на него.

Поп Андрей пытался отрицать свое знакомство с книгописцем, но был уличен собственной женой Степанидой, которая подробно рассказала как Талицкий, бывая у них в гостях, бранил царя и царевича, а также предсказывал, что скоро «на Москве де будет великое смятение».

Кадашевец Ф. Константинов познакомился с Талицким, покупая у него книгу «Хрисмология». Он показал, что Талицкий рассказывал ему то же, что и другим, а затем советовал, продав «имение свое», идти в монастырь.

Ф. Миляков заявил, что произведений Талицкого он не читал, хотя и просил дать ему «тетради», так как книгописец отказал ему в этой просьбе, говоря, что он «человек непостоянный и пьяница». Но Талицкий на словах передал ему их содержание, после чего поделился с ним мыслью о пользе, которую принесло бы людям чтение его книги «о последнем времени» и горько сетовал, что не может издать ее из-за отсутствия средств. Беседа с Талицким произвела такое впечатление на Милякова, что он тут же дал ему 10 рублей и сказал: «трудись де, и я тебе на бумагу дам рубли три-четыре»,— в чем он и признался простодушно на первом же

[1] Разборщик набранного шрифта.

допросе. Впоследствии, сообразив какой вред принесло ему лично это показание, Миляков пытался опровергнуть собственные слова утверждая, что в момент беседы был пьян, а деньги дал не в подарок, а взаймы. Его попытки оправдаться успеха не имели, так как Талицкий подтвердил его первое показание.

Резчик Григорий Иванов заявил, что познакомился с Талицким, когда тот явился к нему в дом узнать, возьмется ли он вырезать текст на грушевых досках. Занимавшийся обычно вырезыванием крестов, Г. Иванов согласился и, сказав, что сначала Талицкому придется начертить буквы на доске, заинтересовался, каков будет текст. В ответ Талицкий, ссылаясь на Апокалипсис, изложил ему свои идеи. Вскоре он пришел вторично вместе с подключником Хлебного двора Филипповым и принес с собой доски и «тетради», которые стал читать Иванову вслух. Г. Иванов показал, что он не соглашался с Талицким, возражая, что никто не может предвидеть явления антихриста, так как это никому не известно, даже Христу и ангелам, но тем не менее оставил «тетради» у себя, чтобы дочитать их. Не отказался он и от вырезывания текста на досках. Впоследствии, узнав о розыске, Иванов вместо того, чтобы доставить «тетради» в приказ, спрятал их у себя в доме под полом.

Как уже упоминалось, среди знакомых Талицкого были и такие высокопоставленные лица, как князь И. И. Хованский и тамбовский епископ Игнатий. Оба они были также привлечены к суду. Рассказывая о Хованском на допросе, Талицкий сказал, что князь поверил в истинность его учения и неоднократно встречался с ним. Он советовался с Талицким как быть, если ему сбреют бороду и каялся в том, что принимал участие в увеселениях Петра I. Особенно беспокоило Хованского то, что он не только присутствовал на разных празднествах, но даже изображал митрополита на «всешутейшем соборе». По словам Талицкого, он весьма сокрушался, что не воспротивился шутливому обряду посвящения в «митрополиты» и «тем де своим отречением себя и пуще бороды погубил, что не спорил», тогда как лучше бы ему было «мучения венец принять, нежели было такое отречение чинить».

Очутившись на скамье подсудимых, князь Хованский в первый момент признал правильными все показания Талицкого, не отрицал своего знакомства с его идеями и показал, что «он Гришка, его князь Ивана словами своими обольстил». На последующих допросах, увидев, что Талицкому предъявляются такие серьезные обвинения, как умысел на жизнь царя, подстрекательство к бунту и оскорбление государя,

причем сам Талицкий их принимает, князь Хованский попытался отмежеваться от книгописца. Он стал говорить, что Талицкий на него «поклепал ложно» и что сам он давал первое показание «на себя напрасно, второпях». Расхождения в его показаниях вынудили Ромодановского применить к Хованскому пытку, после которой Хованский умер.

С епископом тамбовским Игнатием, как установило следствие, Талицкий познакомился через Савина. Рассказывая о своей первой встрече с ним, Талицкий показал, что епископ очень внимательно выслушал все его рассуждения о «последнем времени» и попросил изложить все на бумаге, снабдив его для этого деньгами. Поддержка со стороны такого влиятельного лица как епископ, очень обрадовала Талицкого. Переписав свои сочинения с помощью И. Савельева, М. Талицкого и сына А. Иванова Ивана, Талицкий переслал их епископу. После этого они встречались еще, причем при встречах присутствовал и Савин и А. Иванов. Савин, давая показания по этому поводу, подтвердил, что епископ Игнатий читал рукописи Талицкого и вел с ним беседы об антихристе, но иногда высказывал сомнение в его правоте. Талицкий утверждал, что епископ Игнатий не только проявлял полное сочувствие его идеям, но и одобрял его намерение придать их широкой огласке.

Показания Талицкого, Савина и А. Иванова очень сильно скомпрометировали епископа. Перед Ромодановским встала необходимость привлечь его к суду, как лицо, явно враждебное Петру I. Эта задача была очень трудна, так как звание епископа делало Игнатия неуязвимым для гражданских властей. Поэтому, первым делом предстояло добиться его расстрижения.

Вспоминая о деле Талицкого в своих записках, кн. Куракин писал, что стремление светских властей добиться расстрижения епископа Игнатия и передачи его в Преображенский приказ для суда вызвало сильнейшее негодование среди высшего духовенства. Оно хорошо понимало, что без суда лишить князя церкви епископского звания и отдать его в руки Ромодановского значило поступиться одной из важнейших привилегий высшего духовенства. Созванный по требованию Петра I церковный собор, во главе которого стоял еще патриарх Адриан, отказался снять с Игнатия епископский сан[1].

Судить епископа, согласно церковному законодательству, имела право только коллегия из 12 архиереев. Архиереи съезжались медленно и, уступая настояниям светских властей, первый допрос с Игнатия снимал сам патриарх.

---

[1] Архив кн. Ф. А. Куракина», т. I, стр. 266.

На допросе в патриарших палатах, Игнатий отрицал, что слышал от Талицкого «хулу» на государя и не признавался, что разделял его взгляды. Однако на очной ставке с привезенным из Преображенского приказа Талицким он не смог уже отвечать таким образом и признался, что речи Талицкого казались ему весьма убедительными, так как «видим де мы и сами, что худо делается». Признался Игнатий и в том, что сделал Талицкому заказ на его сочинения — «по чему бы ему Игнатию в том деле истинну познать». На вопрос, где же у него хранятся сочинения Талицкого, Игнатий ответил, что, прочитав в них оскорбительные для особы государя слова, он сжег их [1].

Вскоре после допроса Игнатия патриарх умер и расследование дела тамбовского епископа остановилось. В мае 1701 г., отвечая Петру I на его запрос о том, как движется дело Талицкого, боярин Т. Н. Стрешнев вынужден был сообщить, что оно не двигается, так как архиереи еще не съехались, не хватает троих [2]. Когда они, наконец, собрались, Игнатий снова попытался отрицать свою вину и даже целовал крест и евангелие, утверждая, что не сочувствовал Талицкому, но на второй очной ставке опять признал себя виновным. При этом он показал, что советовал Талицкому возвестить о близкой кончине мира патриарху, причем сделать это так, «чтоб про то и в народе было ведомо».

Коллегия архиереев, во главе которой стоял теперь Стефан Яворский, признала учение Талицкого лжеучением, основанным на отрицании некоторых догм православной религии. Опровергая учение Талицкого, С. Яворский утверждал, что, проповедуя, будто бы антихрист уже воцарился на земле, Талицкий игнорировал евангельский текст, в котором говорилось, что день и час появления антихриста есть тайна, известная только богу-отцу, то есть тот текст, который, по мнению Яворского, являлся краеугольным камнем всего учения православной церкви об антихристе [3]. Это обвинение дало Явор-

---

[1] Г. В. Есипов. Раскольничьи дела XVIII в., т. 1, стр. 60—84.

[2] Введенский. К биографии митрополита Стефана Яворского. Журнал «Христианское чтение» за август 1912 г.

[3] Кстати, следует отметить, что такой же точки зрения держались старообрядцы «поповского толка», которые, так же как официальная церковь, считали, что антихрист еще не появился и появление его предсказано быть не может. Старообрядцы «беспоповского толка» держались иной точки зрения, впрочем, также резко отличавшейся от точки зрения Талицкого. Они полагали, что антихрист появился на земле при патриархе Никоне, но его надо понимать не в чувственном, а в духовном смысле, т. е. влияние антихриста, по их мнению, проявлялось в целом ряде явлений, но сам он не имел реальной оболочки (федосеевцы, выговцы, ряпинцы). И только некоторая, очень небольшая часть беспоповцев считала, что антихрист должен иметь чувственный образ.

скому повод, с одной стороны, упрекать Талицкого в невежестве, т. е. в незнании евангелия, а с другой стороны — в зазнайстве, высокомерии и суемудрии, как человека, вообразившего, что он может постичь тайну самого творца. Второе обвинение, предъявленное Яворским Талицкому, состояло в том, что его учение было прямо противоположно евангельскому правилу, гласящему, что следует отдать «кесарево кесарю» и нельзя «прикасаться к помазаннику божьему» [1].

Всякое сочувствие учению Талицкого было объявлено вероотступничеством и коллегия архиереев вынесла епископу Тамбовскому обвинительный приговор. Он был признан недостойным епископского сана, лишен его, расстрижен и приговорен к ссылке в Соловецкий монастырь.

После процедуры расстрижения «расстрига Ивашка Шалгин» был взят в Преображенский приказ и подвергнут там допросу и пыткам.

Ф. Ю. Ромодановского главным образом интересовало, знал ли бывший епископ о намерении Талицкого вызвать восстание, распространял ли его учение и почему, прочтя в присланных ему сочинениях Талицкого «хулу» на государя, не сделал извета. На оба первых вопроса бывший епископ отвечал отрицательно. Относительно извета он заявил, что делать его не хотел «для того, чтоб он Гришка, от него Ивашки не заплакал». Допросами бывшего епископа, следствие по делу Талицкого закончилось.

Григорий Талицкий, Артамон Иванов и Савин за свою деятельность против Петра I, попы Лука, Андрей, а также Григорий Иванов за то, что, зная о взглядах Талицкого не донесли, — были приговорены боярами к смертной казни, а жены их к ссылке в Сибирь [2]. Константинов, Кириллов, Филиппов, Денисов, Семенов, М. Талицкий, Савельев и поп Матвей были приговорены к битью кнутом, запятнанию и ссылке в Сибирь. Бывший епископ Игнатий был отослан в Соловецкий монастырь, с указом содержать его в тюрьме и «пищу ему давать против таких же ссыльных» [3].

Вина Талицкого, Савина и Артамона Иванова была признана настолько тяжелой, что к ним применили чрезвычайно редко употреблявшийся вид казни: прежде чем четвертовать, их подвергли копчению. Имущество Талицкого, Савина и А. Иванова было конфисковано и продано с торгов [4].

[1] «Увещевание Григория Талицкого». Журнал «Христианское чтение» за август 1912 г.

[2] Единственным исключением была жена попа Андрея, освобожденная от ссылки в награду за то, что уличила собственного мужа.

[3] Г. В. Есипов. Раскольничьи дела XVIII столетия, т. I, стр. 60—84.

[4] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 372 (1119).

Однако уничтожить Талицкого было гораздо легче, чем помешать распространению его взглядов. Ни жестокая казнь, которой был предан книгописец и его единомышленники, ни витиеватые писания Стефана Яворского не положили предела разговорам о том, что Петр I является антихристом. Мысли Талицкого были гораздо ближе и понятнее огромному большинству духовенства, чем отвлеченные рассуждения блюстителя патриаршего престола, к которому оно вообще не питало особого доверия.

«Доведется де этому митрополиту голову отсечь или в струбе зжечь,— говорил о Яворском монах Спасо-Каменского монастыря Варлаам,— что служит по латынски и по армянски на опресноках». «Что ты не стоишь за православную христианскую веру, за проклятое бритобородие и за бусурманское платье! А от всех християн буди ты проклят!» — писали Яворскому в подметных письмах [1].

Совершенно иное отношение проявлялось к казненному Григорию Талицкому и весьма характерным был ответ монаха Симонова монастыря Захария монаху Глебу, который, услышав, что Захарий «жузжит» песнопения, спросил его: «нет ли де в тебе расколу или еретичества Талицкого?». «А что де ты Талицкого поминаешь,— сказал ему Захарий,— Талицкий де мученик свят. Вот де ныне затеяли, бороды и усы бреют, вот де и табак проклятой ныне пьют, — какое это доброе» [2].

Многие представители духовенства, наблюдая происходящие события, приходили к тем же выводам, которые сделал Талицкий, совершенно независимо от него. К числу таких лиц относились бродячий поп Роман Иванов и белогородский священник Иван Никитин, процессы которых слушались в Преображенском приказе в 1700 и 1705 гг.

Дело Р. Иванова возникло 14 декабря 1700 г., когда в Преображенский приказ из Азова были присланы на него два извета и один из изветчиков казак Резанов.

На допросе Резанов сообщил, что Р. Иванов, собирая казаков, проповедует им, будто бы царь является антихристом Он рассказал, что сам слышал, как Р. Иванов «чол книги» и говорил: «семь тысяч лет совершитца, конец веку будет». По словам Резанова, Р. Иванов описывал слушателям, что «у антихриста будут ноги коровьи и возлюбит де он еллин, а чести русским людем не будет», после чего говорил, что антихристом

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 180 (859); ф. Секретных дел № 2, письмо 8 «з».

[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., д. 254. За свой ответ Глебу Захарий был судим и приговорен Ромодановским к битью кнутом и ссылке в дальний монастырь.

является Петр I — «у него де ноги коровьи, что носит башмаки немецкие, видите де вы и сами и разумейте и бегите от него прочь, чтоб вам не принять ево антихристовой печати» [1]. Такие же сведения содержались и во втором извете, принадлежавшем монаху Аарону. Оба изветчика друг друга не знали.

Поп Р. Иванов, доставленный в Преображенский приказ совершенно больным, через несколько дней умер и следствие по делу не состоялось.

Белогородский священник Иван Никитин был привезен в Москву 3 февраля 1705 г. Вместе с ним в Преображенский приказ были доставлены: изветчик белогородец Ямин и два свидетеля, брат обвиняемого поп Леонтий Никитин и дьячок Медведев.

На допросе изветчик Ямин показал, что летом 1704 г., «в Успенский пост», Иван Никитин при нем и Медведеве говорил брату, что от киевского митрополита приезжал пристав с указом собрать у попов работников и лошадей, которых предполагалось использовать при постройке церкви в Киеве. Обсуждая, кому из них посылать требуемое, — продолжал изветчик, — поп Иван Никитин сказал: «бог де знает, что у нас в царстве стало. Украйна де наша пропала вся от податей, такие де подати стали, уму непостижны, а ныне де и до нашей братьи, священников, дошло. Почали де имать с нас з бань, со пчел, с изб деньги, а того де наши прадеды и отцы не знали и не слыхали. Никак де в нашем царстве государя нет, а ныне де у нас не государь царствует — антихрист. Есть ли б де я ево государя увидел, я бы де имянно сказал, что он антихрист, а не государь» [2].

Когда И. Никитину предъявили обвинения, он попытался отвести свидетелей, заявив, что не полагается на них, так как брат его пьяница и водит компанию с ворами, а дьячок и изветчик на него злы за то, что он не раз бил их. Отводы во внимание приняты не были.

После того, как свидетели подтвердили извет Ямина, И. Никитин признался, что «перед великим де государем он, поп Иван, виноват». Сделав это признание, И. Никитин подробно рассказал судье, как у него возникла мысль, что Петр I является антихристом.

Он сообщил, что впервые задумался над вопросом о возможности пришествия антихриста год тому назад, прочитав синоксарь и евангелие, где было написано, что «родитца он, антихрист, от блуда, от жены скверны и девицы мнимы, от племени Данова» и что «в последния де времена, перед при-

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 388 (1137).
[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., д. 351.

шествием Христовым, будут знамения». Думая о современной ему жизни и отмечая, что «в мире де у нас стало ныне тяжко, прежние де государевы подати берут сполна, а ныне сверх того прибыльщики стали имать с бань, с изб, с мельниц, со пчел деньгами, а лесов рубить и в водах рыбы ловить не велят», И. Никитин предположил, что эти явления и есть те знамения, о которых говорилось в евангелии.

Своими думами он поделился с отставным прапорщиком Аникой Поповым, который в свою очередь сообщил ему, что ходят слухи, будто бы антихрист уже явился, и не кто иной, как сам государь. Затем Попов вместе с Никитиным начал отыскивать признаки появления антихриста в окружающей действительности. «Знай де себе,— рассуждал Аника,— толкуется Даново племя царским племенем», а что касается того, будто бы антихрист родится от «блуда», то ведь «государь де родился не от первой жены, от другой, так и стало, что родился он от блуда, потому, что законная жена бывает первая».

Спустя некоторое время И. Никитин услышал от дьячка Медведева, что некоторые люди говорят, будто бы антихрист родился тридцать три года тому назад. Придя домой он рассчитал, что Петру I как раз исполнилось 33 года. Последние сомнения у него исчезли и с тех пор «всегда он, поп Иван, мнил, что подлинно в Московском государстве царствует де государь-антихрист потому, что государь ныне тридцати трех лет, да к тому о том мнил же, что ныне по ево, государеву, указу много сверх прежних податей емлют».

Непосредственным последствием рассказа И. Никитина явилось привлечение к ответственности А. Попова. Свидетель Медведев сообщил, что А. Попов «от скудости своей бродит меж двор» и «живет переходя по разным селам и деревням». По слухам, добавил он, жители пристани Маслово поставили Попову избу и он «в той избе живучи, учит детей грамоте». Попов был доставлен в Преображенский приказ и на пытке сознался, что вел с Никитиным разговор об антихристе.

18 апреля 1705 г. А. Попов и расстриженный вскоре после своего признания И. Никитин, согласно приговору Ромодановского, были биты кнутом, запятнаны и сосланы на каторгу пожизненно [1].

Некоторые представители духовенства частично выражали взгляды Талицкого. Так, они или говорили, что царь — антихрист, но не определяли, когда настанет конец мира, или, не называя царя антихристом, рассуждали о «последних временах».

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., д. 351.

За эти преступления были привлечены к судебной ответственности в 1702 г. монах Козьмодемьянской пустыни Захарий [1], а в 1707 г.— упоминавшийся выше азовский священник Иван Федоров.

«Какой де он нам, христианам, государь, он де не государь, латыш, поста де никогда не имеет и иных прельщает. Он де льстец, антихрист, рожден де от нечистыя девицы, писано де об нем имянно в книге валаамских чудотворцев, а что де головою запрометывает и ногою запинаетца и то де ево нечистый дух ломает. Ныне де службы частые, какое де ныне христианство, ныне де все стали иноземцы, все де в немецком платье ходят, да и в кудрях, а бороды бреют», — говорил упоминавшемуся выше стрельцу Александру Букину монах Тихвинского монастыря, под влиянием которого стрелец стал высказываться против царя [2].

Отдельные представители духовенства, порицая политику правительства, называли Петра I многогрешным человеком и предсказывали, что за свои дела он скоро получит возмездие от бога.

«Не мы де согрешили и не родители наши, за что де нас обидеть, будут де монастыри наши по прежнему, как и преж сего были,— говорил игумен Чернеевского монастыря Шацкого уезда Софроний.— Явились де великому государю монахи вьяве, великим и страшным образом и говорили де ему государю за что де ты монастыри пустошишь. Увидишь де, что тебе за то будет!» [3].

«Государю де много пожить год, другой, а на третий год ево, государя, не станет», — предсказывал монах Троице-Сергиевского монастыря Сильвестр [4].

Занималось духовенство и распространением легенды о Петре I, в которой рассказывалось, что он — немец и не является сыном царя Алексея Михайловича.

Основанием для появления этой легенды послужило увлечение Петра I иностранными обычаями и образом жизни, а также его политика в отношении иностранных специалистов.

---

[1] Доставленный в Преображенский приказ монах Захарий не только не скрывал, что он рассказывал, будто бы Петр I является антихристом, но даже пытался убедить в этом судей. Он утверждал, что эта «истина» открылась ему во сне. По приговору Ромодановского, Захарий был бит кнутом и по урезании языка сослан в Сибирь (ЦГАДА, ф. Преобр. пр., ст. 340 (1085).

[2] Сам монах найден не был, так как А. Букин не знал его имени (ЦГАДА, ф. Преобр. пр., д. 332).

[3] Игумен Софроний был привлечен к судебной ответственности в 1702 г. Извет на него был подтвержден свидетелями. Приговора по делу не сохранилось (ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 319 (1061).

[4] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., д. 307.

Как и легенда об антихристе, эта легенда возникла в начале 700-х годов и, передаваясь из уст в уста, быстро проникла в различные слои общества. Авторство ее вряд ли принадлежало духовенству, но оно использовало ее для подрыва авторитета царя.

В судебной практике Преображенского приказа случаи привлечения духовных лиц к судебной ответственности за распространение этой легенды не единичны.

Одно из наиболее интересных судебных дел такого рода слушалось в Преображенском приказе в 1702 г.

«Государь де не царь и не царскова поколения, а немецкова... Когда были у государыни царевны Натальи Кирилловны сряду дочери и тогда государь, царь Алексей Михайлович, на нее государыню царицу разгневался: буде де ты мне сына не родишь, тогда де я тебя постригу. А тогда де она государыня царица была чревата. И когда де приспел час ей родить дщерь и тогда она, государыня, убоясь его государя, взяла на обмен из немецкой слободы младенца, мужеска полу, из Лефортова двора...» [1]. Эту легенду монах Чудова монастыря Феофилакт, родом угличанин, впервые услышал от дьякона того же монастыря Ионы Кирилловца, у которого служил, готовясь к пострижению в монахи.

Иона Кирилловец принадлежал к числу духовных лиц, враждебно относившихся к деятельности Петра I. Он хорошо знал Талицкого, которому давал заказы по переписке книг и составлению монастырских документов, и был о нем очень высокого мнения. По его рекомендации Талицкий некоторое время занимался обучением монастырских дьячков письму [2]. Возможно, что Кирилловец был знаком и с его взглядами, но не был назван Талицким на следствии, а потому избежал суда. Легенду о немецком происхождении Петра I он рассказывал в присутствии Феофилакта купцу гостиной сотни Никифору Сафьянникову, приходившему навестить его.

Вторично ту же легенду Феофилакт услышал, уже когда стал дьяконом, от дьякона же Савва Сторожевского монастыря Дионисия, перешедшего в Чудов монастырь, который добавил, что в своем поступке царица каялась патриарху Адриану.

Разговоры с представителями старшего поколения и то тревожное волнение, которое охватило монашество в начале 700-х годов в связи с указами Петра I, вызвали у Феофилакта острую неприязнь к царю. В феврале 1702 г. он покинул Чудов монастырь и ушел на Украину, где начал сознательно

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 370 (1117).
[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 319 (1061) и 370 (1117).

заниматься распространением легенды о немецком происхождении царя и восхвалением Талицкого. Рассказы его производили большое впечатление на слушателей и передавались ими дальше, хотя Феофилакт не призывал их к этому, предпочитая распространять эту легенду так, чтобы его собеседники сами приходили к мысли о ее передаче другим или делали бы это бессознательно.

Действовал Феофилакт осторожно, переходя под видом паломника из монастыря в монастырь, и разговаривал главным образом со случайными дорожными спутниками, с которыми тут же расставался. Так он совершенно безнаказанно путешествовал около семи месяцев, но когда вернулся в Чудов монастырь отдохнуть, то был арестован. Причиной этого послужил арест бродячего монаха Германа, встреченного им как-то на одной из украинских дорог, который, наслушавшись речей Феофилакта, решил в свою очередь заняться «просвещением» людей, но неудачно выбрал себе слушателей среди офицеров Нежинского полка и был задержан ими.

Старец Герман был доставлен из Нежина в Преображенский приказ 5 июля 1702 г. Давая о нем показания, извет-чик капитан Нежинского полка Маркел Ширяев рассказал, что Герман подошел к нему на базаре, прося милостыню, а когда он остановился, чтобы подать ее, взял его за руку и заставил отстать от товарищей. Затем, говоря, что он нужен ему для важного разговора, Герман увлек Ширяева в находящуюся неподалеку пустую избу и там, предварительно расспросив, откуда он родом и давно ли служит, раскрыл ему «тайну» происхождения Петра I.

«Да он же, Герман,— показывал Ширяев,— говорил: какой де он царь, он де разоритель царству, видишь де ты и сам что собрал войска московского и отдал шведам. Все бы де было знатно и ведомо, коли б де один человек был жив, да скоро его захватили».

«Да он же Герман, — продолжал свое показание Ширяев, — ему, Маркелу говорил: попомни де мое, чернцово, слово — коли сим годом или на другой год не будет великого смятения на Украине и на Москве и тогда ты мне, чернцу плюнь в очи» [1].

Извет Ширяева был подтвержден двумя свидетелями, солдатами Пигаревым и Филипповым. Они рассказали, что по просьбе Ширяева отправились к избе, где жил Герман, и, после того как Ширяев вызвал его на улицу, пробрались в дом. Вскоре туда же вернулся вместе с ничего не подозревающим монахом Ширяев и под предлогом того, что хочет речи его

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 319 (1061) и 370 (1117).

«взять в розум», заставил Германа при спрятавшихся за печкой солдатах повторить все, что он говорил ему раньше.

С обвинением Германа выступил и другой офицер Вялый, показавший, что монах имел с ним точно такую же беседу, как с Ширяевым.

Уличаемый изветчиком и свидетелями, старец Герман постепенно сознавался. Он показал, что историю о подмене царской дочери немецким мальчишкой слышал дважды: в первый раз от угличского игумена Лаврентия, с которым познакомился в Киеве, и во второй раз — от дьякона Чудова монастыря Феофилакта, встреченного на дороге. Лаврентий, по словам Германа, просто рассказал ему легенду о происхождении Петра I, а Феофилакт, кроме того, сообщил ему о Талицком, как о человеке, которому все было «знатно и ведомо», но он не успел открыть правду народу. Феофилакт же, — показал Герман, — сообщил ему и о том, что скоро начнется всеобщее возмущение против Петра I и его новшеств.

Угличский игумен Лаврентий, привезенный в Преображенский приказ, сразу подтвердил показание Германа, признав, что действительно рассказал ему легенду о немецком происхождении Петра I. Он в свою очередь показал, что услышал эту историю от того же дьякона Чудова монастыря Феофилакта, которого знал еще по Угличу и случайно встретил в Киеве.

Феофилакт был доставлен в Преображенский приказ 2 сентября 1702 г. На допросе он признал себя виновным в передаче вышеуказанных сведений о царе и Талицком, но категорически отверг предположение судьи, что он является сочинителем легенды о немецком происхождении Петра I. В доказательство этого Феофилакт назвал имена И. Кирилловца и дьякона Дионисия.

Причастность к делу новых священнослужителей из привилегированных монастырей заставила Ромодановского заподозрить, не являются ли Феофилакт и Герман агентами других, более влиятельных духовных особ. Но выяснить этот вопрос ему не удалось. Справка, выданная Преображенскому приказу властями Чудова монастыря, сообщала, что ни И. Кирилловца, ни Дионисия в монастыре нет и покинули они его без разрешения.

Ромодановский предпринял розыски Кирилловца и Дионисия по всем московским и подмосковным монастырям, но успеха не имел. Одновременно он распорядился взять в приказ собеседника Кирилловца Н. Сафьянникова. Оказалось, что Сафьянников умер.

Феофилакт и Герман были расстрижены, взяты на пытку, но новых показаний не дали. 17 октября 1702 г. Ромодановский доложил о деле Феофилакта и Германа боярам и полу-

чил от них разрешение подвергнуть их новым пыткам. 6 апреля 1703 г. после седьмой пытки Герман умер. Судьба Феофилакта неизвестна, так как конца у дела не сохранилось [1].

Сурово карая представителей духовенства за враждебную деятельность, непосредственно направленную против Петра I, Преображенский приказ привлекал их к ответственности и за другие преступления, которые также признавались правительством опасными. К таким проступкам относилось порицание духовенством царских указов или действий представителей царской администрации. Типичными процессами такого рода, разбиравшимися в Преображенском приказе, были процессы игумена Переяславль-Залесского Никитского монастыря Сергия и нижегородского митрополита Исайи.

Дело игумена Сергия слушалось осенью 1704 г. В процессе следствия после допроса свидетелей и повального обыска, во время которого было опрошено 39 монахов, выяснилось, что игумен выражал крайнее недовольство указом о передаче всех монастырских сборов в Монастырский приказ. В разговоре с одним из монахов, обслуживавшим придорожную часовню, доходы с которой ранее поступали в распоряжение игумена, Сергий сказал: «вы де ныне те деньги збираете не на монастырь, чорту».

По приговору Ромодановского игумен Сергий был отослан в Монастырский приказ с указом: «за непристойные слова» «учинить ему Сергию жестокое наказанье: вместо кнута бить плетьми нещадно. А учиня наказанье, послать ево с Москвы в иной монастырь, куда пригож, и велеть ему жить в братстве, а в игуменах быть ему невелеть» [2].

Нижегородский митрополит Исайя, приговора по делу которого, к сожалению, не сохранилось, привлекался к суду весной 1707 г. В его высказываниях резко осуждалась не только церковная политика Петра I, но нашли яркое выражение вызванные ненавистью к царю пораженческие настроения представителей высшего духовенства, особенно опасные и вредные накануне шведского вторжения в Россию и решающих битв с врагом.

«Ты де овца,— говорил митрополит поручику Тютчеву, присланному для расследования какого-то дела в его епар-

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 319 (1061) и 370 (1117). Игумен Лаврентий, также расстриженный, был приговорен Ромодановским к битью кнутом, урезанию языка и ссылке в Сибирь на поселение сразу же после своего признания. Не распространяя на него обвинения в подстрекательстве к бунту, Ромодановский признал его виновным в том, что он не сделал извета на Феофилакта и нанес оскорбление государю, передав дальше услышанную им историю о его нецарском происхождении.

[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., д. 203.

хию из Монастырского приказа [1],— «вам ли де овцам про нас пастырей розыскивать. Боярин де Иван Алексеевич Мусин-Пушкин напал на церкви божии, вотчины наши ведает, а ныне де у нас и данные и венечные деньги отнимает. И естьли де те зборы у меня отнимут и я де своей епархии все церкви затворю и архиерейство покину. Какое де мое архиерейство, что мое у меня отымают, как де хотят. А я за свое умру, а не отдам. А ты де по наказу своему разыскивай правдою и так де вы пропадаете что черви, шведы вас побивают. А все де за наши слезы, а за ваши неправды, да и впредь де, буде не отстанете от неправды, шведы вас побьют» [2]. За порицание прибыльщиков и боярина Мусина-Пушкина привлекался к суду в 1708 г. монах Андроньева монастыря Мелентий, который по окончании следствия был приговорен к ссылке в Сибирь [3].

Строго наказывались и те духовные лица, которые в молитвах о царской семье во время обедни пропускали имя Петра I или вместо того, чтобы поминать его «за здравие», поминали «за упокой», или в дни царских тезоименитств служили простую обедню вместо торжественной.

Летом 1701 г. Ромодановский приказал после расстрижения наказать кнутом и сослать в Вологодский посад попа села Уского И. Тимофеева, который, придя в гости, имел неосторожность признаться, что он не хочет за царя бога молить и в церкви «на него не поет» [4].

В 1719 г. архимандрит Александро-Свирского монастыря Алексей Лампадчик, не отметивший торжественным богослу-

---

[1] Это был уже не первый случай сопротивления митрополита указам правительства. Так, например, в 1701 г. он сначала отказался передать из своей канцелярии дела, подлежащие, согласно правительственному распоряжению, юрисдикции гражданского Судного Приказа, а затем систематически задерживал такие дела у себя (ПСЗ, т. IV, № 1862).

[2] Извет на митрополита Исайю был сделан нижегородским певчим С. Андреевым, услыхавшим о речах митрополита от других лиц. В качестве свидетелей по делу были допрошены два нижегородских дворянина, указавших, что слышали о словах митрополита от Тютчева, и сам Тютчев, внесший в извет ряд поправок. С митрополита Исайи допрос снимался в Н. Новгороде, куда специально с этой целью был послан дьяк Преображенского приказа В. Нестеров. Из его докладной записки видно, что митрополит не только не отказался от вышеприведенных слов, но и еще раз повторил их Нестерову, лишь чуть-чуть смягчив форму выражений по адресу боярина Мусина-Пушкина. После допроса митрополита по делу была составлена выписка, которой оно и обрывается (ЦГАДА, ф. Преобр. пр., д. 453).

[3] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 413 (1165), д. 487.

[4] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 252 (246).

жением именин Петра I и Екатерины, был приговорен к смертной казни [1].

Стремясь воспрепятствовать распространению враждебных Петру I взглядов, судья Преображенского приказа привлекал представителей духовенства к судебной ответственности и за чтение или выписывание отрывков из церковных книг, содержание которых шло вразрез с отдельными указами царя. Порочным и даже преступным признавалось чтение отдельных мест Кормчей книги, где порицалось брадобритие, некоторые сочинения «святых отцов», где порицалось табакокурение и т. п.

За такую провинность в 1701 г. был привлечен к суду сельский священник Никита [2], а в 1703 г. — монахи Симонова монастыря Иесей Шоша и Петр Конархист.

Дело против монахов Симонова монастыря было возбуждено по доносу дьякона Шоши, заявившего «слово и дело», когда его наказывали по приказу игумена. Извет был услышан солдатами, стоявшими на карауле у колодников Преображенского приказа, размещенных в монастырских подвалах. Солдаты доложили об этом случае Ромодановскому, и Шоша был арестован.

Очутившись в Преображенском приказе и зная, что его ждет наказание, если он объяснит свой крик «слово и дело» желанием «избыть побои», Шоша предпочел сделать извет на монаха Конархиста. Он сообщил, что Конархист хранит рукописную тетрадь, где написано «о брадобритии запрещение».

Петр Конархист, келейник самого архимандрита, показал, что действительно имеет тетрадь, куда выписывает «душеспасительные всякие вещи из печатных книг о любви божии и иные душеспасительные вещи». При осмотре тетради Ромодановский обнаружил, что там среди других выписок, как и указывал Шоша, была помещена выдержка из Кормчей книги о запрещении брадобрития. Кроме того, он увидел, что к тетради другой рукой было написано хвалебное предисловие «виршами».

---

[1] На допросе Лампадчик обстоятельно объяснил, чем был вызван его поступок. Он не служил торжественного молебна в честь Екатерины потому, что не считал законным ее брак, поскольку он, во-первых, не был разрешен освященным собором, а во-вторых, потому, что Екатерина через сестру Петра Наталью, бывшую ее восприемницей при крещении, приходилась царю родственницей. В таких случаях, заявил Лампадчик, «родство духовное паче плотского». В честь Петра I он не служил молебна потому, что царь заключил незаконный брак и нарушил учение церкви, разрешив есть мясо по средам и пятницам, позволив курить табак и приказав брить бороды. Дело Лампадчика подробно описано Г. В. Есиповым в кн. «Раскольничьи дела XVIII столетия, т. I, стр. 134—155. СПб., 1861.

[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 209 (901).

Допрошенный вторично Конархист рассказал, что статью о брадобритии он выписал так же, как и все другие, «для чтения от уныния», а «в народе того запрещения о брадобритии в укоризну никому нигде не говаривал и выписывать того запрещения нихто ему не веливал и умыслу у него, Петра, о том ни с кем нет и не бывало». Предисловие же, заявил он, было написано изветчиком Шошей, которому он давал читать свою тетрадь.

Шоша, которому следствие немедленно поставило в упрек то, что он написал «похвальное» предисловие к тетради, где находился текст о брадобритии, пытался оправдаться, заявив, что, возвращая тетрадь Конархисту, он велел ему эту статью выдрать. Однако тут же выяснилось, что, прежде чем возвратить тетрадь, Шоша именно из-за текста о брадобритии давал ее читать иеромонаху Феодосию.

Привлеченный к делу монах Феодосий, давая показание, сообщил, что статья о запрещении бритья бород интересовала его, так как он надеялся найти в ней, «какое бы правило положить за такое согрешение» монахам, приходящим к нему на исповедь.

По окончании следствия Шоша и Конархист были переданы Ромодановским в Духовный приказ с указанием расстричь их и определить им наказание там. Однако через некоторое время, узнав, что Конархист отпущен назад в Симонов монастырь, а Шоша приговорен к ссылке в Соловецкий монастырь с правом восстановления в сане, Ромодановский затребовал обоих монахов обратно и вынес им приговор сам. Его приговор оказался значительно суровее, чем решение митрополита Стефана Яворского. Ромодановский приговорил «растриг Прокофья Иванова [1], Ивана Шошу за то, что Прокофей выписывал себе в книгу из книг ж о брадобритии и по словам расстриги ж Ивана Шоши тое статьи из своей книги не выдрал, а Иван Шоша по ево, Прокофьеву, прошению написал на тое книгу предисловие с похвалою, прочетчи тое книгу и ведая, что написано в ней укоризна о брадобритии и жалея его велел ему выдрать, а в то ж время нигде на него в том не возвестил и с тою книгою никуды его, Прокофья, не привел, а стал на него извещать после того спустя многое время и то избывая Симонова монастыря от архимандрита, за вину свою, за пьянство, побои, а не сам собою нарочно пришел, учинить жестокое наказанье: бить кнутом нещадно и послать их в монастыри — Шошу в Соловецкой, Прокофья в Кириллов и быть им в тех монастырех до кончины живота

[1] После расстрижения Петр превратился в Прокофия, Иессей в Ивана.

своего в монастырских жестоких трудах с монастырскими работниками вместе». Далее Ромодановский в категорической форме предписывал монастырским властям «смотреть за ними накрепко», из монастыря не выпускать, чернил и бумаги не давать, с поручениями не посылать [1].

Строго преследовалось духовенство и за оказание помощи политическим противникам Петра I, особенно если они оказывались стрельцами или приверженцами царевны Софьи.

За такого рода вину в 1700 г. был привлечен к судебной ответственности целый ряд духовных лиц, давших убежище и деньги старцу Иосафу Подвинскому, бежавшему из Соловецкого монастыря, куда он был сослан Ромодановским в декабре 1699 г.

Иосаф Подвинский, бывший певчий Донского монастыря, сосланный, как указано в деле, «за неистовое монастырское житье и иные вины», принадлежал к окружению царевен, что и было, по-видимому, главной причиной, заставившей считать его важным государственным преступником. В Соловецком монастыре его велено было держать «неисходно скована» и строго следить, чтобы он ни с кем не переписывался. Но, как выяснилось впоследствии, архимандрит Соловецкого монастыря Фирс нарушил указ: «того Иосафа держал в том монастыре мимо указу великого государя, не скована». Иосафу удалось бежать, и в начале августа 1700 г. он появился в Москве.

5 августа певчий Петр Васильев заявил в Преображенский приказ, что Иосаф скрывается в слободке близ Новодевичьего монастыря. В тот же день по приказу Ромодановского старца стали разыскивать, но в слободке его не оказалось. Тем не менее сведения Васильева подтвердили 12 человек, и выяснилось, что Подвинский приезжал в дом к попу И. Ефимьеву, где ночевал.

Арестованный поп Ефимьев сообщил, что Подвинский приехал к нему ночью в сопровождении дьякона Соловецкого монастыря Александра, заявил, что получил прощение государя, и прожил у него в доме два дня. По просьбе Подвинского Ефимьев приводил к нему на свиданье попа В. Никитина, дьячков Канарского и Семенова, певчего Васильева и солдата Бухарева. Дьячка Семенова, показал Ефимьев, Подвинский посылал в Новодевичий монастырь к царевне, и она прислала ему 21 рубль денег и совет: «хотя де он и по указу приехал, а у монастыря б не был». После этого Подвинский, взяв денег и у Ефимьева, уехал.

Все лица, названные Ефимьевым, были немедленно арестованы, а на поиски старца «на Воробьевы горы, в леса» был

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., д. 42.

послан отряд солдат. Одновременно указ о ловле Иосафа был разослан городовым воеводам и объявлен на московских площадях.

21 августа посадский С. Орленок доставил в Преображенский приказ дьякона Соловецкого монастыря Александра, а спустя некоторое время был пойман и Подвинский, скрывавшийся в вотчине Бизюкова монастыря под Дорогобужем, где его обнаружил дорогобужский воевода М. Срезнев.

После допросов Иосаф и дьякон Александр «за то, что он того ссыльного старца из ссылки вывел и проводил к Москве», были биты кнутом нещадно и вновь сосланы в Соловки.

Дьячок Семенов «за то, что он ходил от него, Иосафа, в Новодевичь монастырь о деньгах в челобитчиках», был бит кнутом и сослан в ссылку в Сибирь с женой и детьми «на вечное житье, чтоб на то смотря иным так делать было неповадно». Священник И. Ефимьев и другие духовные лица были отосланы к митрополиту Стефану Яворскому с указом наказать их там за то, что они давали Подвинскому деньги и убежище, а также не известили о его появлении в Москве. Архимандрит Соловецкого монастыря Фирс за допущенную им оплошность был оштрафован на 50 рублей.

Игумен Бизюкова монастыря сумел оправдаться, доказав, что Подвинский был принят в монастырь в его отсутствие [1].

Систематически привлекались к судебной ответственности духовные лица и тогда, когда они критиковали политику царя, осуждали его поступки или просто бранили его не с целью создания определенного общественного мнения, а «спроста без умыслу», в частных беседах. Таких мелких процессов в Преображенском приказе слушалось очень много.

Священники и монахи наказывались, если они говорили, что царь «в пост ест мясо и яйца», осуждали снятие колоколов, вспоминали, как царь Алексей Михайлович наказывал князя Б. А. Голицына «за Кокуй», выражали опасение, не свели ли государя немцы с ума, сетовали по поводу долгого кровопролития — войны и высказывали сомнения в победе, возмущались налогами на духовенство или переписью дьячков, рассказывали, что Петр I ухаживает за женщинами и т. п. Карались духовные лица и тогда, когда они употребляли имя государя в пылу брани друг с другом [2].

Наказание за такого рода «неумышленное» оскорбление царя, если обвиняемый провинился впервые, обычно ограничивалось битьем кнутом, плетьми или шелепами, после которо-

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 195 (887).

[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 208 (900), 255 (918), дд. 12, 68, 69, 96, 99, 186, 320, 434, 538 и др.

го виновный чаще всего отсылался в какой-либо монастырь. При этом монастырским властям предписывалось вести за виновным постоянное наблюдение и, в случае новой попытки говорить «непристойные слова», немедленно присылать его обратно в Преображенский приказ. Если вина признавалась совсем незначительной, обвиняемый после телесного наказания освобождался. В тех случаях, когда он привлекался к ответственности вторично, поступок его уже считался предумышленным и, кроме телесного наказания, карался ссылкой.

Во втором десятилетии XVIII в. в Преображенский приказ начинают поступать изветы не только на служителей православной церкви, но и на старообрядческих проповедников.

Появление первого старообрядческого сочинения с резкой критикой деятельности Петра I исследователь раскола П. С. Смирнов относит к 1710 г.[1]. Автор его, оставшийся неизвестным, подобно Талицкому, начинал свой труд с описания признаков близкой кончины мира и пришествия антихриста, а затем доказывал, что антихристом является Петр I. Предзнаменованием кончины мира он считал моровое поветрие 1654 г.[2], а признаками появления антихриста—церковный раскол, стрелецкие казни и длительные войны, которые вело правительство Петра I. Тяготы военного, налогового и крепостнического гнета, вызывавшие сильное недовольство и жалобы народных масс, позволяли ему доказывать, что в мире воцарилась «скорбь великая, плач, рыдание горькое и боязнь нестерпимая». В этом он также видел признак пришествия антихриста.

Свое мнение, что антихрист воплотился в Петра I, автор этого сочинения аргументировал тем, что царь — «зверь двоглавый», так как является одновременно главой церкви и государства, «зверь двуименный» — Петр и Питер, а также явный «латынник». Критикуя Петра I, автор-старообрядец, как и представители официальной церкви, выступал против иноземных обычаев, немецкой одежды, бритья бород и т. п. Но, в отличие от них, он считал главной причиной зла «отступников никониан» и подкреплял свои доводы ссылками на протопопа Аввакума[3].

В 1713 г. за распространение таких же идей был привлечен к суду старообрядческий проповедник из Керженских лесов, бывший московский посадский человек, Кузьма Андреев, умерший в Преображенском приказе от пыток. Он пропове-

[1] П. С. Смирнов. Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII в. СПб., 1909.

[2] Эпидемия чумы.

[3] П. С. Смирнов. Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII в. СПб., 1909, гл. I, стр. 145—185.

довал, что Петр I — «антихрист лукав», называл «господ всех, которые при милости государевой, — антихристовыми слугами и грабителями» и резко порицал многие порядки «антихристова царства». В доказательство своей правоты К. Андреев ссылался на «смятение и страдание народное» [1]. В 1720-х годах подобную деятельность развил на р. Ишим проповедник Иван Смирнов.

По сравнению с процессами представителей официальной церкви количество политических процессов старообрядческого духовенства, проходивших в Преображенском приказе, было невелико. Несмотря на отрицательное отношение старообрядцев к иностранцам и западной культуре вообще, это не было явлением случайным и объясняется разгромом и упадком раскольнического движения в конце XVII в. Известную роль сыграли изолированность старообрядческого духовенства и слабость его связей с консервативной оппозицией. Кроме того, несомненное влияние на раскольников оказала политика веротерпимости, проводимая правительством Петра [2].

Во втором десятилетии XVIII в. обстоятельства изменились. Усилилось преследование старообрядцев православной церковью. Правительство, преследуя фискальные цели, ввело особые налоги и ограничения для раскольников [3]. Это способствовало росту недовольства в их среде и явилось одной из важных причин, толкнувших представителей старообрядческого духовенства на активные выступления против Петра I и его политики.

Исследование материалов политических процессов представителей православного и старообрядческого духовенства позволяет высказать сомнение в правильности широко распространенного в исторической литературе мнения, что старообрядцы являлись одной из крупных сил, боровшихся против петровских преобразований. Мнение это вызвано, по-видимому, недостаточной глубиной исследований по истории раскола, с

---

[1] Процесс этот подробно описан Г. В. Есиповым в кн. «Раскольничьи дела в XVIII столетии», т. I. СПб., 1861, стр. 561—609.

[2] Практика Преображенского приказа свидетельствует, в частности, что преследование раскольников фактически прекратилось задолго до указа 1702 г. о веротерпимости. Обвиняемые раскольники, доказывавшие в ходе следствия, что они не критиковали царя, всегда освобождались и к ответственности за принадлежность к старообрядцам не привлекались. В 1698 г. в связи с делом книготорговца Грачева, обвинявшегося в произнесении «непристойных речей», Преображенскому приказу стали известны адреса нескольких тайных молелен в Москве, а также имена многих видных московских раскольников. Но все эти сведения не вызвали у Ф. Ю. Ромодановского никакого интереса и даже не были переданы им в Патриарший приказ. ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 59 (683).

[3] ПСЗ, т. V, № 2991; т. VI, № 4052, 3944 и др.

одной стороны, и малого знакомства с настроениями православного духовенства, с другой стороны. Та часть духовенства, которая не хотела мириться с реформами, обычно чисто механически причислялась к старообрядцам на основании того общего антизападнического направления, которое было свойственно и старообрядцам и наиболее консервативно настроенной части православного духовенства.

Недовольство политикой Петра I в среде старообрядческого духовенства имело место, но оно появилось значительно позже и не приобрело такого размаха, как недовольство, имевшееся в среде православного духовенства. Дальнейшие исследования, несомненно, помогут в окончательном решении этого вопроса.

* * * * *

Одновременно с процессами бояр и духовенства в Преображенском приказе слушались процессы отдельных недовольных правительством Петра I представителей дворянства. Число таких процессов было невелико и составляло около 5,5% всех слушавшихся дел.

Вина этих дворян чаще всего состояла в том, что они обычно в семейном или дружеском кругу критиковали деятельность правительства и его внешнюю и внутреннюю политику. В своих разговорах они выражали недовольство обложением помещичьих хозяйств новыми налогами и сборами, мобилизацией крестьян на государственные работы, рекрутскими наборами и тяжестью военной службы. Порицая политику Петра I, они выражали сочувствие его противникам и распространяли о нем порочащие слухи.

За такие проступки в 1701 г. был привлечен к суду крупный помещик кн. Солнцев-Засекин, заявивший в разговоре с крепостными, что если Петр I попадет в плен, то «бояря де не пойдут ево, государя, выручать», потому что он не государь, а стрелецкий сын [1].

В том же году слушалось дело муромских дворян, которые обсуждали, возьмет Петр назад царицу Евдокию или оставит ее в монастыре навсегда, а также передавали друг другу легенду о подмене царской дочери немецким мальчишкой [2].

В 1702 г. к судебной ответственности привлекались ярославские помещики, братья Григорий и Андрей Брямины. «Государь затеял службу под Ригу, мир разорил и нас по-

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 301 (1034).
[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 293 (1024), 299 (1030) и 319 (1061).

губил. Чорт ли ему дает, завидлив, весь бы де свет озенул»,— говорил Григорий. «У нас ныне не государь, подменной немчин. Государь де наш у немец, в Риге закладен в стене. Какой он де государь ест в среду и в пятницу мясо. С ним заодно ворует князь Борисишко Голицын. За то ево и жалует, что заодно ворует. Чорт де его долго не удавит»,— вторил брату Андрей [1].

В том же году в Преображенском приказе слушалось и дело галицкого помещика Чегликова, который отказался выполнить присланный воеводой указ, предписывавший ему принять участие в походе против разбойников, действовавших в Галицком уезде. Отказавшись от поездки, Чегликов сказал: «...и так от великого государя погибли» [2].

Тогда же привлекался к суду и помещик Ряжского уезда Аргамаков, который в разговоре с местной просвирней сказал, что «государь де казнил честняя себя, Соковнина да Пушкина, а он де, государь, и ноги их не стоит» [3].

В 1703 г. к судебной ответственности привлекались рыльский помещик Люшин, рассказывавший о связи Петра I с Анной Монс [4], князь И. Мещерский и галицкий помещик Е. Шишкин.

Кн. Мещерский был виновен в том, что, узнав о намерении своего приказчика отослать во Владимирский Судный приказ наложенные на поместье корабельные деньги, стал его упрекать: «...для чево де ты управляешь наперед государево, ты бы де управлял наперед мое» и «избранил его с государем матерно». Помещик Евтифей Шишкин обвинялся в том, что говорил: «...ныне де спрашивают с крестьян наших подводы, а и так де мы от подвод и от поборов и от податей разорились. У меня де один двор крестьянской, а сходит с него рубли по четыре на год. А ныне де еще сухарей спрашивают. Государь де свою землю разорил и выпустошил, только де моим сухарем он, государь, подавитца. Живет де он государь все в немцов и думы думает с ними» [5].

Подобные процессы слушались в Преображенском приказе и в последующие годы.

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 315 (1054), 883 (1132). Извет на Бряминых был сделан местным дьячком, а в качестве свидетелей выступали мать Бряминых, местный священник и крестьяне. Свидетельские показания расходились. Брямины свою вину отрицали, но во время следствия пытались подкупить изветчика с тем, чтобы он их «очистил». Конца у дела не сохранилось.

[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 328 (1073). Конца у дела не сохранилось.

[3] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 327 (1072).

[4] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., д. 129.

[5] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., дд. 92 и 35.

В 1704 г. за слова «какой де он государь, нашу де братью дворян всех выволок в службу, а людей наших и крестьян побрал в даточные, нигде де от него не уйдешь, все де распропали. Нигде де ево не убьют, а как бы де убили, так бы и служба минулась и черни бы де было легче» к ответственности привлекался помещик Фролов. В 1716 г. был судим костромской помещик Чичагов, упрекавший царя за то, что он не соблюдает постов [1].

Политические процессы помещиков, как правило, осложнялись тем, что одновременно им предъявлялись и другие обвинения: в убийстве крепостных, в грабежах, в изнасиловании дворовых женщин, в винокурении, в утайке крестьян при переписи, в укрывательстве беглых крестьян и т. п. Расследование производилось обычно по всем пунктам обвинения одновременно, а поэтому крайне усложнялось. В ходе следствия привлекалось много свидетелей, в числе которых часто бывали крепостные обвиняемых, испытывавшие двойной страх — и перед судом и перед помещиком, а потому нередко менявшие показания. Пользуясь своей властью над крепостными людьми, помещики выставляли лжесвидетелей, ссылали в дальние вотчины требовавшихся к суду лиц, прибегали к подкупам и запугиваниям. Поэтому дворянские процессы, как правило, относились к числу самых запутанных и длительных дел [2].

Наказания, применяемые к дворянам за произнесение «непристойных речей», не отличались той жестокостью, которая была обычной в судебной практике Преображенского приказа. Чаще всего они не выходили за пределы битья кнутом или плетьми. Битье кнутом, запятнание и ссылка применялись к дворянам редко [3].

К наказанию кнутом приговаривались дворяне и тогда, когда оказывалось, что они покровительствовали политическим преступникам. За такого рода вину в 1700 г. был привлечен к суду помещик Шацкого уезда А. Свищов.

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., дд. 152 и 782.

[2] Так, дело муромских дворян, начавшееся в ноябре 1701 г., не закончилось еще в декабре 1702 г. и сколько длилось неизвестно, так как конец его не сохранился. Дело Бряминых, конца у которого тоже не сохранилось, длилось более двух с половиной лет. Дело Шишкина, возникшее в феврале 1703 г., не было еще закончено в марте 1704 г. и прекратилось из-за смерти обвиняемого. Смерть положила конец и делу Люшина.

[3] К битью кнутом была приговорена в 1704 г. дворянка М. Титова, говорившая, что Петр I разорил все государство, а также помещики Киреев и Киреева, распускавшие сплетни о личной жизни царя (ЦГАДА, ф. Преобр. пр., д. 137 и стб. 363 (1193). Плетьми был бит упоминавшийся выше князь Мещерский. К такому наказанию был приговорен упоминавшийся выше помещик Фролов.

Поводом к возбуждению дела против Свищова послужил донос его бывшего крепостного, солдата Преображенского полка С. Латышева. Он рассказал, что крестьянин Свищова М. Касимовец, разговаривая с ним о Петре I, заявил: «нам де он государь ни так ни сяк, он де нам государь ни в копейку», а помещик вместо того, чтобы взять своего крепостного под арест, стал уговаривать Латышева помириться с Касимовцем.

Свищов, крестьяне-свидетели, а затем Касимовец, около месяца скрывавшийся в окрестных деревнях, были арестованы и доставлены в Москву. Вины своей ни Касимовец, ни Свищов не отрицали.

12 июня 1700 г. дело было доложено боярам, и они, «выписки в Преображенском приказе слушав, приговорили Афонасью Свищову за то, что он того своего крестьянина, Мартышку Касимовца, в вышеписанных непристойных словах укрыл и от себя отпустил и к розыску ево не отдал, учинить наказанье, а учинив наказанье ево, Афонасья, и людей ево свободить». Касимовец был бит кнутом, ему урезали язык и сослали в Сибирь [1].

* * * * *

Проходившие в Преображенском приказе политические процессы представителей боярства, духовенства и дворян дают много ценных сведений для изучения важных вопросов истории развития русского государства в конце XVII — первой четверти XVIII в. Они показывают остроту и сложность борьбы в лагере господствующего класса, развернувшейся вокруг преобразований, проводимых правительством Петра I. Эти преобразования, укреплявшие абсолютизм и направленные на строительство мощной военно-бюрократической дворянской империи, затрагивали все стороны жизни русского государства. Они не только тяжелым бременем ложились на широкие народные массы, но и требовали некоторых уступок и жертв от духовных и светских феодалов. Будучи по своей классовой сущности крепостническими, реформы сильно затрагивали складывавшиеся веками феодальные привилегии, традиции, старые обычаи. Устанавливая более прогрессивные для своего времени порядки, эти реформы отвечали в первую очередь интересам дворянства.

Политические процессы представителей господствующего класса показывают, что основное ядро консервативной оппози-

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 118 (780).

ции составляли бояре и духовенство, которые в узкокорыстных политических целях стремились использовать против правительства Петра I и другие силы. Так они пытались использовать стрельцов, недовольных ликвидацией стрелецкого войска, и военной реформой, лишавшей их привилегий.

В политических процессах представителей духовенства необходимо отметить некоторую особенность процессов представителей низшего православного духовенства и старообрядческих проповедников, которые в своих выступлениях против политики правительства Петра I не только проявляли солидарность с консервативной оппозицией, но и являлись выразителями недовольства этой политикой широких народных масс. Процессы священника И. Никитина, проповедника К. Андреева и других свидетельствуют о том, что в сложном процессе борьбы против преобразований под оболочкой религиозных выступлений нередко получала свое отражение и классовая борьба против растущего феодально-крепостнического угнетения.

ГЛАВА IV

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ КРЕСТЬЯН, СОЛДАТ И ПОСАДСКИХ ЛЮДЕЙ

Помимо борьбы с враждебной реформам Петра I консервативной оппозицией бояр, духовенства, некоторой части дворянства, а также стрельцов, ближайшей и неотложной задачей Преображенского приказа являлась борьба с постоянным недовольством, которое существовало среди крестьянства и населения городов. Причиной этого недовольства было резкое усиление крепостнического гнета и ухудшение жизни народных масс.

В годы правления Петра I значительно увеличилась тяжесть прямых и косвенных налогов. Помимо уплаты старых стрелецких, ямских и полоняничных денег, крестьяне должны были выплачивать драгунские, корабельные, рекрутские, подводные подати, отдельные экстренные сборы и многочисленные так называемые мелочные канцелярские сборы, число которых достигало 70. Налогами были обложены бани и погреба, мельницы, перевозы и водопои, торговые операции, рыбные ловли и даже свадьбы. Резко возросли и косвенные налоги на соль, вино, табак. Помимо денежных платежей, крестьяне облагались тяжелыми натуральными сборами. По мере надобности с крестьян собирались мука, крупы, сухари, сало, овес, сено и другие сельскохозяйственные продукты, необходимые для снабжения армии. Сбор налогов и недоимок производился по нескольку раз в год и обычно сопровождался безудержным произволом и жестокостью властей. Крайне тяжелы для крестьян были регулярные рекрутские наборы и чрезвычайные наборы даточных, мобилизации на трудовые работы по постройке крепостей, верфей, строительству Петербурга, рытью каналов, дорожные и подводные повинности, а также введенная правительством приписка деревень к за-

водам. С введением подушной подати общая сумма денежных поборов с крестьян возросла еще больше.

Одновременно с ростом государственных повинностей повышались требования помещиков. Развитие товарно-денежных отношений, укрепление связей феодального хозяйства с рынком и привлечение огромной массы дворян на государственную службу — все это вело к быстрому росту барщины, денежных и натуральных повинностей в пользу помещиков.

«Помещики на крестьян своих налагают бремена неудобноносимая,— писал современник Петра I Посошков,— ибо есть такие бесчеловечные дворяня, что в работную пору не дают крестьянам своим единого дня, еже бы ему на себя что сработать. И тако пахотную и сенокосную пору всю и потеряют у них, иль что наложено на коих крестьян оброку или столовых запасов и то, положенное забрав и еще требуют с них излишнего побору и тем излишеством крестьянство в нищету приводят» [1].

В адресованном царю подметном письме в 1700 г. крепостные жаловались, что помещики «яко львы зубы, челюстьми своими пожирают и яко же змии ехидные, рассвирепея, напрасно пожирают и яко же волки свирепии, биют нас яко немилостивыи Пилаты» [2].

Немногим лучше было положение и черносошных крестьян, плативших большие налоги, притесняемых и обираемых представителями государственной власти и находившихся в постоянном страхе перед опасностью передачи их правительством во власть помещиков или заводчиков, так как раздача государственных земель дворянству продолжалась усиленными темпами.

Неграмотное и бесправное, живущее под постоянной угрозой кнута и батогов, колодок и шейных цепей, не знающее, как и где найти выход из создавшегося положения, и в то же время не желающее мириться с ним, крестьянство отвечало на рост феодально-крепостнической эксплуатации стихийными волнениями, массовыми побегами, ненавистью к помещикам и проклятиями по адресу царя.

В деятельности Преображенского приказа, задачей которого было выявление и наказание лиц, недовольных существующим порядком управления, а также пресечение всякого рода выступлений с их стороны, процессы крестьян как крепостных, так и черносошных занимали очень видное место и составляли около 47,5% всех слушавшихся там политических процессов.

[1] И. Т. Посошков. Книга о скудости и богатстве. М., 1937, стр. 253.

[2] ЦГАДА, ф. Секретных дел № 2, письмо 6. Е.

По своему характеру и направленности крестьянские политические процессы можно разделить на две больших группы. К первой группе следует отнести процессы крестьян, обвинявшихся в совершении поступков и действий, направленных против государственной власти; ко второй группе — процессы, в которых крепостные выступали с обвинениями против своих помещиков.

В процессах первой группы наиболее часто встречающимся видом преступлений крестьян была публичная критика поведения и действий Петра I или порядка управления.

По своей форме и содержанию крестьянские «непристойные речи» были довольно разнообразны, но основная тема их оставалась неизменной. Естественно, больше всего волновала и возмущала крестьян налоговая политика Петра I, введенные им трудовые повинности и длительная война.

«Годы де ныне стали голодные, а подати с нас великие, а ныне пришел указ с нас же взять за ветчинное сало по рублю з двора. А промыслов у нас нет, бог знает, неведомо как стало и быть, чем платить. Да у нас же де взяты на Воронеж, на вечное житье плотники и от того де в волости иные дворы остались пусты...». «Годы де стали тугие, а в подводах только повертывайся. Какой де это царь, он де не царь — мироедец. Выел свое царство все, а если де долго не изведетца и он де выест мирской и корень»[1],— говорили крестьяне Московского и Тульского, Переяславль-Рязанского и Тверского, Новгородского, Ярославского и других уездов в течение всей первой четверти XVIII в. До них слабо доходили непонятные, социально-чуждые декларации правительства «о пользе государственной», проводимой им внутренней и внешней политики. Царь Петр I в представлении многих крестьян был человеком непонятным, «пустошившим» собственное государство из-за пристрастия к войне и многим иноземным новшествам. «Какой де он государь, всех вытаскал в службу, все царство запустошил, кому де дань будет давать...» «Знатно де у него, государя, ума нет, немец де жалует, а своих де разоряет»,— осуждали Петра I крестьяне[2].

Недовольство крестьян тяжестью своего положения усиливалось разными слухами, которые распространялись по селам и деревням беглыми стрельцами, бродячими монахами, солдатами, приезжавшими на побывки, и другими лицами. Через них в деревню проникали порочащие царя и его политику высказывания, разные легенды и известия, преднамеренно распространяемые представителями консервативных

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 67 (694), д. 34.
[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 393 (1143), лл. 213—214, д. 441.

кругов. Поэтому крестьяне так же, как и представители других сословий, осуждали поведение царя в личной жизни, выражали недовольство по поводу снятия колоколов, осуждали бритье бород и введение немецкого платья, сочувствовали стрельцам и т. д. [1].

«Что де это за царь, только мир выел, царицу де свою свез в Суздаль, а сам де с немками живет»,— говорила крепостная девушка зубцовской помещицы Баранчеевой. «Александр де Меньшиков государю изменил и полк де его немцы побили весь,— рассказывал своим односельчанам в 1703 г. крестьянин Костромского уезда С. Романов, услышавший это от неизвестных прохожих,— а государь де в одной с ним думе» [2]. «Бог де нам дал государя! Тульскую дорогу выел, а теперь де нашу почел щипать. Бусурманство де на себя взял, веру у шведа перенял, ужо де и нас заставит мясо есть в среду и в пяток. Поделом де астраханцы отложились, стали за веру христианскую»,— сообщала беглому крестьянину Г. Кузьмину в 1705 г. незнакомая «жонка» — коломенская крестьянка, встреченная им на дороге [3].

Задавленное нищетой, темнотой и бесправием крестьянство, проникнутое царистскими иллюзиями, верившее в добрые намерения царя, жадно прислушивалось ко всем слухам, стремясь найти причину ухудшения своей жизни. Поэтому они особенно легко и сочувственно воспринимали легенды о том, что Петр I не настоящий русский царь.

Характерным крестьянским высказыванием того времени были слова крепостного крестьянина Ф. Степанова, который в 1701 г., слушая, как его односельчане жаловались друг другу, что «помещик до нас лих, а государевы де подати велики», «государь всю свою землю выпустошил, остались де только душою да телом», сделал вывод: «Государя де на Москве нет. Семь лет в полону, а на царстве сидит немчин. Вот де тысячи с четыре стрельцов порубил. Есть ли б де он был государь, стал ли б так свою землю пустошить» [4].

Особенной популярностью пользовалась у крестьян история о пленении и заточении настоящего царя, вместо которого хитрые иноземцы подсунули русским немца. История эта имела несколько версий.

«Государь не царского колена, немецкой породы,— передавали друг другу в 1700 г. крепостные из веневских вотчин И. Стрешнева и помещицы Мышецкой,— а великого госу-

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 200 (892), 277 (986), 413 (1165), дд. 43, 44, 367, 736, 749 и др.
[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., дд. 466 и 99.
[3] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., д. 404.
[4] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 300 (1030).

даря скрали немцы у мамок, в малых летех, а вместо ево подменили инова. Немцы лукавы, лик под лик подводят». «Это де не наш царь завоевал»,— говорила в 1703 г. мужу ржевская крестьянка помещика Квашнина-Самарина Анна,— «в нашей земле это де немец. А наш царь — в немцах, в бочку закован, да в море пущен». «Нашего де государя на Москве нет. Это де не наш царь, то де басурман, а наш де царь в иной земле, засажен в темницу»,— рассказывал в 1705 г. белевский крестьянин Григорий Анисифоров [1].

Имела среди крестьян хождение и легенда о подмене царской дочери немецким мальчиком.

«Государь не русской породы и не царя Алексея Михайловича сын,— рассказывала в 1718 г. крестьянину Дуденкову крепостная А. Кикина Арина,— взят во младенчестве из Немецкой слободы у иноземца на обмену. Царица де родила царевну, и вместо царевны взяли ево, государя, и царевну отдали вместо ево» [2].

Значительное распространение получило среди крестьян и заимствованное ими от духовенства мнение о том, что Петр I является антихристом.

«Какой де это царь, он де антихрист, а не царь,— говорил в 1703 г. крестьянин Нижегородского уезда Старцев, постригшийся в монахи, но вернувшийся жить в деревню к сыну,— царство свое покинул и знаетца с немцы, и живет все в Немецкой слободе и платье носит немецкое, в среды и в пятки ест мясо. Инова де антихриста не ждите, тот де он антихрист» [3].

Утверждал, что на царском троне сидит антихрист, и крестьянин Сергачской волости Петр Иванов. В его рассказе легенда об антихристе причудливо сплеталась с одной из версий истории о том, будто бы истинного государя в России нет уже несколько лет. Иванов полагал, что «государя де царя Петра Алексеевича и государя царевича на Москве нет, изведены. Извели бояря да немцы», а вместо него царствует антихрист. «А антихрист де ныне есть и стал быть с Рождества Христова,— говорил он,— тому ныне пятый год. Насел перед Рождеством Христовым с пятницы на субботу и живет ныне в Московском государстве, и сидит ныне на царстве» [4].

Недовольство Петром I и его политикой охватывало сельское население всех уездов. Уже в 1697—1699 гг. в Преображенский приказ привозились произносившие «непристойные

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 294 (1025), дд. 102, 360 и ф. Гос. архива, разряд VI, д. 13.
[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 448 (1201).
[3] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 319 (1061).
[4] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., д. 30.

речи» крестьяне не только Московского, но и Архангельского, Арзамасского, Дедиловского, Казанского, Коломенского, Псковского, Ростовского и Старорусского уездов [1]. В 1700 г. крестьяне присылались из Алатырского, Алексинского, Веневского, Каширского, Киевского, Козловского, Коломенского, Московского, Переяславль-Залесского, Переяславль-Рязанского, Псковского, Тамбовского, Тверского, Тульского, Шацкого и др. уездов [2], а в 1701 г. из Белевского, Вологодского, Зарайского, Козельского, Московского, Мещовского, Нижегородского, Романовского, Устьжелезопольского, Юрьев-Польского, Ярославского и других уездов [3].

Такое же явление наблюдалось и в последующие годы, вплоть до указа об учреждении губерний, после которого многие крестьянские дела стали рассматриваться на местах.

Наиболее часто встречающимися крестьянскими процессами были процессы с одним обвиняемым, против которого выступал изветчик и несколько свидетелей. Иногда свидетелей не оказывалось. В зависимости от поведения обвиняемого такие процессы слушались от одного до трех-четырех месяцев.

Типичными примерами такого рода судебных дел были процессы крестьянина московского Новодевичьего монастыря Никитина (1699), крестьянина дворцового села Леонтьева (1700), крестьянина костромского помещика Янова Семенова (1705), крестьянина московского помещика Ф. Бутурлина Галахтионова (1705), крестьянина патриаршей вотчины Мартынова (1706), монастырского крестьянина Кузнецова (1715) и крестьянина помещика Потемкина Артемьева (1720). Все они обвинялись в произнесении «непристойных слов» о государе.

Крестьянин Никитин говорил о Петре I: «...какой он государь, царицу свою в ссылку сослал, а стрельцов всех перерубил, а ныне де стал и нас разорять, берет даточных» и «бранил государя» нецензурными словами [4].

Вину свою он признал на первом же допросе. После месячного заключения Никитин был приговорен Ромодановским к наказанию кнутом, урезанию языка и ссылке на поселение в Сибирь с женой и детьми.

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 24 (519), 40 (624), 58 (676), 65 (689), 67 (694), 70 (698), 73 (702), 92 (741).

[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 108 (770), 112 (774), 118 (780), 132 (794), 136 (798), 168 (835), 171 (838), 179 (852), 192 (883), 193 (884) и др.

[3] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 204 (896), 206 (898), 224 (917), 226 (919), 227 (990), 243 (937), 277 (986), 281 (1003), 292 (1023), 300 (1030), 301 (1034), 313 (1049), 333 и др.

[4] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 150 (814).

На дворцового крестьянина Леонтьева донесли порученные его надзору колодники — грабители, действовавшие в районе Мологи и Шексны. На допросе в Преображенском приказе они показали, что Леонтьев в их присутствии поносил царя бранными словами и говорил: «он де не царь,— вор, попуще де вора Старчонки. Он, вор Старчонок, де не столько ходя крови пролил и душ погубил, что он государь на Руси крови пролил и душ потерял». Свидетелем колодники выставили односельчанина Леонтьева, пристава Г. Никитина.

На первом допросе Никитин не подтвердил извета, но на очной ставке с колодниками признался, что дал ложное показание, и стал вместе с ними уличать Леонтьева. Обвиняемый долго отрицал свою вину и только на третьей пытке «со второго подъема» признал себя виновным. Он показал, что скрывал правду, надеясь «отперетца». Дело Леонтьева было доложено боярам, которые «приговорили корелянина Алешку Леонтьева, за ево воровство и за непристойные слова казнить смертью». Пристав Никитин за попытку скрыть преступление Леонтьева, сделанную им на первом допросе, был бит кнутом [1].

Крестьянин Семенов, рассказывая, как ездившим в Москву крестьянам обрили бороды, кричал: «а я де жив не хочу быть есть ли у меня бороду обрить» и называл Петра I антихристом, а князя Меньшикова еретиком. «Где бы с ним сошелся, тут бы рогатиною заколол»,— передавал слова Семенова изветчик.

Отрицая предъявленные ему обвинения, Семенов попытался опорочить изветчика и трех выставленных против него свидетелей, сделав им отвод. Соглашаясь поддержать ложный извет, показал он, свидетели мстят ему за то, что он задержал их при попытке бежать из вотчины и раскрыл их намерение перевести пленного шведа через границу. Швед, заявил Семенов, обещал крестьянам по 15 рублей награды. Ромодановский не принял отвода, хотя свидетели подтвердили его показания, и отправил Семенова в застенок.

На третьей пытке Семенов признал себя виновным. После «переменных речей» он был пытан еще раз и получил в общей сложности за 26 дней 109 ударов кнутом. На последнем допросе Семенов пытался добиться смягчения приговора, говоря, что был пьян и «умыслу ни с кем не мыслил». По приговору Ромодановского «с товарищи» Семенов был бит кнутом и после вырезывания ноздрей сослан на каторгу пожизненно [2].

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 154 (818).
[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., д. 325, стб. 413 (1165).

Такое же наказание понес и крестьянин Галахтионов, распространявший слухи об Астраханском восстании и называвший царя вором за то, что он «весь де мир выел». С обвинениями против Галахтионова выступал приказчик, а свидетелями являлись крестьяне, пойманные приказчиком тогда, когда слушали речи Галахтионова. Признав себя виновным, Галахтионов показал, что бранил царя, «осердясь за то, что ныне емлют со всякой скотины и с поземельщины и иную всякую пошлину вновь», не думая о том, «где де нам деньги будет имать» [1].

Дело патриаршего крестьянина А. Мартынова возникло по извету беглого солдата М. Языкова, задержанного в Москве за кражу и закричавшего по дороге к Константиновскому застенку «слово и дело». В Преображенском приказе Языков сделал заявление, что не известный ему по имени крестьянин, приходивший в гости к своему сыну, новоприборному драгуну, имени которого Языков также не знал, при нем и двух женщинах осуждал Петра I. Крестьянин, показал он, возмущался тем, что царь не бережет крестьян, хотя «кабы де нас не было, так бы де и ево, государя, не было», и, вместо того чтобы оказать им поддержку, их «домы разорил, потому что поборы салдацкие и драгунские беспрестанно». Названные Языковым женщины извет подтвердили.

Так как Языков указал офицера, под начальствованием которого служил сын обвиняемого, в Преображенский приказ были вызваны и показаны изветчику все новоприборные драгуны из подразделения этого офицера. Опознанный им драгун вынужден был назвать имя и местожительство своего отца.

А. Мартынов признал себя виновным только во время второй пытки. Свое недовольство царем он объяснил тем, что «у него один сын был и того взяли в драгуны», а ему «того своего сына стало жаль». По окончании следствия Ромодановский распорядился бить Мартынова кнутом, запятнать «ведьми с порохом в лоб» и сослать на каторгу на десять лет [2].

Монастырский крестьянин Кузнецов был привлечен к судебной ответственности за то, что порицал приказные порядки и говорил: «...где де во дьяках правде быть, ныне де и в самом государе правды нет». Узнав о доносе, он бежал, но был пойман и доставлен в Преображенский приказ. На допросе, не отрицая обвинений, Кузнецов показал, что слова его были вызваны тщетностью попыток найти в Монастырском приказе

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., д. 415, стб. 393 (1143), л. 134.
[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., д. 429, стб. 393 (1143), лл. 197—199 и 201.

управу на деревенского старосту. Ромодановский приказал «за непристойные слова» бить его кнутом, а затем отослать в Монастырский приказ с указом разобрать там его дело со старостой [1].

Крестьянин Фрол Артемьев был сдан в Преображенский приказ самим помещиком, который одновременно поставил и свидетелей, дворовых конюхов. Дело Ф. Артемьева, слушавшееся в 1720 г., свидетельствовало о том, что положение крестьян продолжало оставаться в это время таким же тяжелым, как и в начале XVIII в. «Вот де я взял за дрова девять рублей,— говорил Артемьев,— а денег у рук не видал, отдал в подати. Стали де подати тяжелы. Государь завоевал многие городы, а крестьянам льготы нет...». Вины своей он не отрицал. Приговора по делу не сохранилось [2].

Довольно часто слушались в Преображенском приказе групповые крестьянские процессы.

К числу таких процессов относились: разбиравшийся в 1697 г. процесс крестьян В. А. Лопухина, процесс крестьянок тульского помещика Данилова, слушавшийся в 1700 г., процесс крестьянок Спасоандроньевского монастыря, возникший в 1705 г., а также процессы дворцовых крестьян Васильевых и крестьян Тамбовского уезда, возбужденные в 1708 г.

Дело крестьян Лопухина — старосты С. Никитина, Нагибина и Богданова — возникло по извету их односельчанина К. Иванова, который донес, что староста, рассказывая о повадках молодого Петра, бранился, называл царя немчином и сомневался в его военных способностях. Нагибин передавал, что слышал, как поносили царя идущие под Азов стрельцы, а Богданов, слушая их, поддакивал.

Во время следствия крестьяне долго отрицали обвинения Иванова, выдерживая пытки. Только через три месяца Нагибин и Богданов признали себя виновными и подтвердили показания Иванова.

19 сентября 1697 г. Ромодановский, так и не добившись признания у пытанного пять раз Никитина, вынес приговор: Семен Никитин, признанный наиболее упорным и злонамеренным преступником, был бит кнутом на козле и по урезании языка сослан в Сибирь «на вечное житье в пашню»; Богданов, сам ни одного слова не говоривший, «за то, что слышав от того Сеньки те непристойныя слова, не извещал», был бит кнутом. Легче всех отделался Нагибин, битый батогами.

По окончании дела Нагибин и Богданов были возвращены

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., д. 791.
[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 499 (1252).

помещику. Но при освобождении с них взяли подписку «живучи за Лопухиным, за воровством ни за каким не ходить и где услышат впредь от кого непристойныя слова извещать, а не таить». Приказчик, бравший их под расписку, получил указ, который должен был объявить в селе во всеуслышание. Указ гласил, что, если Богданов и Нагибин «учнут за каким воровством ходить или где услыша непристойныя слова вскоре извещать не будут», всякий, узнавший об этом, должен «их привесть к записке тот час». В противном случае, «буде не приведут», указ угрожал взысканием пени, «что великий государь укажет» [1].

Крестьянки помещика Данилова Анна Полосухина и Ненила на первом же допросе признались, что «непристойные слова» вырвались у них при обсуждении взволновавшего всю деревню случая добровольного ухода семерых мужчин в армию. Стоя на улице, Ненила бранила мужчин, среди которых был ее муж, и, плача, кричала: «...бунтовщики, на безголовьи забунтовали, пошли в вольницу. Мужа де моего чорт понес, а меня покинул с робяты. Кому их кормить, боярин де месячины не дает». Свидетельница, крестьянка Марина, стала ее успокаивать, говоря, что мужчины ничего плохого не сделали, а пошли служить самому государю. «К чорту де пошли, а не к государю,— закричала ей Анна Полосухина,— у нас де свой государь, кто нас поит да кормит». Обе женщины были признаны виновными в оскорблении государя.

15 июня 1700 г. бояре, выслушав выписку по делу, приговорили Анну к смертной казни, а Ненилу решили, побив батогами, вернуть помещику. Петр не утвердил боярского приговора. 5 июля 1700 г. он приказал подвергнуть Анну Полосухину пытке и допросить, какую цель она преследовала, противопоставляя помещика царю. Анна, которой было дано три удара кнутом, показала, что говорила «без умыслу».

После пытки Петр I приговорил и Анну и Ненилу к наказанию кнутом, а затем распорядился Анну сослать в монастырь, а Ненилу вернуть помещику [2].

К такому же наказанию, как Ненила, были приговорены Ромодановским и две крестьянки московской деревни Спасо-андроньевского монастыря. Одна из них говорила другим о Петре I: «какой де он царь, он де их, крестьян, разорил з домами, мужей их побрал в солдаты, а нас де з детьми осиротил и заставил плакать век». Другая крестьянка, подтверждая слова первой, ругала Петра бранными словами [3].

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 52 (656).
[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 171 (838).
[3] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., д. 275.

Дело дворцовых крестьян Васильевых возникло летом 1708 г. в Ижорской канцелярии, куда пришел со своим изветом крестьянин, носивший ту же фамилию. Из Ижорской канцелярии дело было переслано в Преображенский приказ.

На допросе изветчик Родион Васильев сделал заявление, что, живя два зимних сезона на реке Серге, в деревне Овечкине, у крестьянина Петра Васильева, с которым вместе курил деготь, не раз слышал от него и его жены Афимьи критические высказывания по адресу царя. По его словам, Васильевы говорили, что царь стоит «за таких людей, которые ереси вводят», и порицали его за то, что он «бороды велит брить, платье поганское носить, табак пить явно». Их возмущало, что царь «бояр всех перебрил, царицы отстал, сослал в ссылку». Они рассказывали, что над Петром смеются даже немцы, говоря: «с нами воюетца, а у него де в царстве вся наша вера».

Вечерами, показал Родион, сидя за столом, Васильевы с грустью вспоминали, что «при прежних де царех отнюдь тово не бывало, бороды де были в чести, платье де бывало хорошее, цари де с царицами поезживали богу молитца по многим обителям». Они вспоминали, что раньше «таких людей, кто бороды бреет невелено и в землю погребать», было и «поминку творить», а следовало «яко же пса кинуть в ров».

По указу Ромодановского Петр Васильев, его жена Афимья и сын Филипп, которого Родион выдвинул в качестве свидетеля, были арестованы.

Предъявленные им обвинения Васильевы отвергали, но упорствовал и изветчик. Всех их подвергли жестоким пыткам, после которых Петр, Афимья и Филипп умерли, а Родион заболел.

Во время болезни Родион, «помня себе смертный час», вдруг показал, что он оклеветал Васильевых, но, оправившись от болезни, вновь стал говорить, что они виновны, утверждая, будто бы «зговорил с них в безпамятстве». Так как обвиняемых уже не было в живых, продолжать следствие стало невозможно. С другой стороны, показания Родиона Васильева вызывали у судьи сомнение. Чтобы не совершить судебной ошибки, освободив виновного, Ромодановский «с товарищи» сочли за лучшее наказать Родиона и вынести приговор: бить его кнутом, а затем сослать на каторгу на десять лет [1].

Процесс крестьян Тамбовского уезда был возбужден в результате извета приказчика помещика Ивинского Ерофеева, специально приехавшего сделать донос из Тамбова в Москву. 19 июля 1708 г. Ерофеев сообщил, что во вверенной ему

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., д. 515, стб. 413 (1165).

деревне крестьянин Сергей Портной собирает крестьян и рассказывает им, будто бы в Москве царевич, окруженный донскими казаками, ходит по улицам и приказывает кидать в ров встречающихся ему бояр, а царь не настоящий, и он не признает его отцом [1].

Ерофеев показал, что он подозревает Портного в связи с булавинцами, а поэтому не решился арестовать его, «опасаясь себе убивства, чая воровских казаков в то село приход, потому в Тамбовском уезде в многих селах и деревнех и у них в селе воровские казаки булавинцы были» [2].

Выслушав изветчика, Ромодановский распорядился немедленно послать курьера к козловскому воеводе, с поручением произвести в поместье Ивинского аресты.

Портной был привезен в Москву 21 августа 1708 г. Он сразу признался, что рассказ, приведенный Ерофеевым, крестьянам передавал, услышав его в свою очередь от дворцового крестьянина Овчинникова.

Затребованный к следствию Овчинников оказался человеком старым и почти глухим. На допросе и очной ставке с Портным он отверг его показания, и тот был взят на пытку. Когда Портной вновь показал на Овчинникова, был взят на пытку и старик. На пытке он признался, что передавал Портному сведения о царевиче и донских казаках, получив их в свою очередь от своего племянника, Сергея Балашова. Кроме него, показал Овчинников, рассказ Балашова слышал крестьянин, по прозвищу Кабан.

Балашов и Кабан были привезены в Преображенский приказ 15 декабря 1708 г. Кабан сразу подтвердил показания Овчинникова, Балашов же упорно не сознавался.

8 января 1709 г. Ромодановский, убедившись, что С. Портной был просто передатчиком слухов, приказал за то, что он не сделал извета, побить его кнутом и отдать помещику под расписку. Балашов и Овчинников были оставлены в приказе для дальнейшего расследования. Однако выяснить, был ли Балашов связан с булавинцами, не удалось. 28 июня 1709 г., после третьей пытки, он умер, так и не признав себя виновным. Приговор Овчинникову был вынесен только в ноябре,

---

[1] О царевиче Алексее, имя которого к концу десятых годов стало знаменем консервативной оппозиции, распространялись разные слухи, вызывающие к нему симпатию, сочувствие и жалость. Крестьяне наделяли царевича совершенно несвойственными ему качествами. В их представлении он был защитником православия, старины и заступником народа. На Тамбовщине, где крестьяне сочувствовали и помогали булавинцам, о царевиче говорили, что он доброжелательно относится к казачеству.

[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., д. 496.

когда Ромодановский окончательно уверился в том, что старик ничего больше не знает. За то, что он первоначально «запирался, жалея его, Сергея, и не известил простотою своею», Овчинникова велено было «послать в ссылку в Сибирь на вечное житье в работу, в какую годитца» [1].

С именем царевича Алексея был связан и другой процесс,— рейтарского сына, угличанина Андрея Крекшина и крестьян Нижегородского уезда, слушавшийся в Преображенском приказе в 1715 г. В этом процессе отчетливо проявились крестьянские настроения, позволившие авантюристу в течение ряда лет жить за счет крестьян.

Поводом к возбуждению дела против А. Крекшина и нижегородских крестьян послужило сообщение, сделанное на допросе казанским попом Г. Григорьевым, арестованным по подозрению в подделке подписи и указов царевны Екатерины Алексеевны. Оправдываясь и надеясь смягчить свою вину, Григорьев сделал заявление о том, что крестьяне Нижегородского уезда, вотчины царевича Арчила прячут у себя неизвестного, который говорит, что он царевич Алексей. Сведения эти, показал поп, он получил от своего работника Семена Кривого. И. Ф. Ромодановский немедленно обратил внимание на заявление Григорьева и в тот же день послал к казанскому губернатору указ о присылке С. Кривого в Преображенский приказ. Одновременно были вызваны московские приказчики царевича Арчила, которых обязали доставить к следствию названных Григорьевым крестьян.

Расследование по делу началось 30 марта 1715 г. допросом С. Кривого. Он показал, что с некоторого времени в районе Казани распространились слухи, что в соседнем Нижегородском уезде появился царевич Алексей. Об этом С. Кривой узнал от сына просвирни Е. Борисова из вотчины имеретинского царевича Арчила. Он говорил, что видел царевича Алексея, так как он живет в их деревне у крестьянина Мелентия. По словам Борисова, показал С. Кривой, царевич «собою де не больно низок, в плечах широк, плоск лицем де и волосом бел», а на теле имеет особый знак, который Борисов видел, моясь с ним в бане.

Крестьянин Мелентий на допросе держался осторожно, отвечал скупо и неохотно. Он сообщил, что в их деревне, у крестьян А. Савельева и А. Михайлова, действительно жил какой-то «пришлый человек», который был затем арестован приказчиком Бедауром и отослан в Нижний Новгород. На вопрос о наружности этого человека, Мелентий ответил, что был он «ростом низмян, в плечах широк, а лицем и волосом

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., д. 496.

каков не упомнит», хотя он и был в наряде крестьян, отвозивших арестованного. В заключение Мелентий сказал, что, кто был этот человек, он не знает, но когда вернулся из Нижнего, то слышал, как в деревне говорили, будто бы это сам царевич Алексей.

На допросе крестьянина А. Савельева выяснилось, что «пришлый человек» появился в деревне «тому ныне третей год зимою». К Савельеву он пришел ночью, сказал, что его ограбили, и попросился переночевать, а утром добился разрешения пожить. Называл «пришлый человек» себя Андреем, но, выпив вина, проговаривался, что он человек не простой, боярский сын. Кое-кому он признавался в том, что является царевичем Алексеем. По показаниям Савельева можно было заключить, что самозванец действовал осторожно, больше намеками, избегал называться царевичем открыто, но и этого было вполне достаточно, чтобы крестьяне дали ему приют и пищу. Хотя Савельев и сказал, что лично он не верил словам «царевича», это было, вероятно, сказано им преднамеренно для того, чтобы смягчить свою вину, так как он оказывал самозванцу услуги.

«Пришлый человек», показал Савельев, пожив у него, ушел жить к Агею Михайлову, где и был взят приказчиком Бедауром. Слова Савельева подтвердил его сын Филипп. Аналогичные показания дали и другие крестьяне.

Приказчик Бедаур и его помощник Е. А. Алексеев показали, что неизвестного, жившего в деревне, они арестовали, подозревая в нем беглого солдата, и отправили в Нижний Новгород к коменданту князю Львову. Случилось это незадолго до начала следствия. О том, что арестованный называл себя царевичем, они не знали, но спустя некоторое время после ареста услышали толки об этом среди крестьян.

Убедившись, что извет попа правилен, И. Ф. Ромодановский запросил о самозванце Нижегородскую губернскую канцелярию. Но там его не оказалось, так как, выяснив, что присланный Бедауром колодник не является беглым солдатом, его освободили. Однако вскоре он был обнаружен в нижегородской вотчине князя Черкасского, где вновь выдавал себя за царевича Алексея, и его арестовали.

На допросе выяснилось, что он является Крекшиным Андреем Ивановичем. Отец его служил рейтаром, имел деревню в 13 дворов, но все крестьяне из нее «от тягости податей и от скудости сбежали», и деревня была продана. Когда Андрей подрос, отец прогнал его из дома за страсть к вину и игре в зернь. Он поселился у дяди, но и дядя скоро выгнал его за пьянство. Тогда у него возникла мысль о самозванстве, и он стал выдавать себя за царевича, чтобы крестьяне «з двора ево

от себя не сослали и поили и кормили». Эта выдумка оказалась выгодной, и Крекшин прожил «царевичем» более трех лет. По приговору И. Ф. Ромодановского он был приговорен к битью кнутом и ссылке на каторгу на 15 лет[1].

Зная, что обвинение в «государеве слове и деле» влечет за собой суровое наказание и означает мучительный процесс следствия, обвиняемые крестьяне, услышав о доносе, часто скрывались из дома или бежали с дороги. Тогда арестовывались родственники виновного, содержавшиеся в тюрьме до тех пор, пока он не находился. В ряде случаев крестьяне оказывали арестам активное сопротивление.

В качестве примера можно привести события в нижегородской вотчине Л. К. Нарышкина в 1710 г. Поводом к возбуждению дела против крестьян этой вотчины послужил донос крестьянина стольника В. Ушакова И. Грязного.

Извет Грязного, как изветы многих других крестьян, был вызван желанием избавиться от помещичьей расправы, которая ждала его за побег из вотчины. Объявив «слово и дело» в тот момент, когда он был задержан людьми Ушакова, Грязной добился того, что был отправлен в Москву. В Преображенском приказе он рассказал, что, находясь в бегах, скрываясь по окрестным селам и деревням, он кормился портновской работой по крестьянским домам, где не раз слышал оскорбительные для царя разговоры. В деревне Л. К. Нарышкина Грязной слышал в группе беседующих крестьян слова: «...бояре де» князь Ф. Ю. Ромодановский да Т. Н. Стрешнев, «изменники, завладели всем царством», а царь — «какой де он царь, ветрогон».

Нанявшись шить в той же деревне к крестьянину Ф. Васильеву, Грязной высказал ему удивление, что приказчики Нарышкина не принимают мер к крестьянам, которые открыто бранят и царя и бояр. В ответ на это, заявил Грязной, Ф. Васильев «великого государя учал бранить матерны так да этак, какой де он царь, он де вор, крестопреступник, подменен из немцы, царство свое отдал боярам, а сам обусурманился и пошел по ветру с немцы, в среду и в пятницы и в посты сряду ест мясо. Пора де ево на копья, для тово де идут ныне к Москве донские казаки». На сделанную попытку остановить его, показал Грязной, Васильев ответил: «...теперь во не в тай де говорят эти слова». В другой деревне, принадлежавшей стольнику Я. Урусову, продолжал извет Грязной, крестьянин Л. Корнилов, выслушав его рассказ о разговорах в Нарышкинской вотчине, сказал: «...подлинно де так. Какой он царь, он де подменен от немец и бусурманился с немцы, в

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., д. 788.

среды и в пятки и в посты ест мясо. Ужо де ему учинят указ, донские казаки идут к Москве по вестям. Писал к ним Борис Петрович Шереметев. Ужо де ево скончают» [1].

Для ареста крестьян Ромодановский отправил в Нижегородский уезд нарочного, сержанта Преображенского полка Новокщенова, снабдив его грамотой к нижегородскому воеводе, в которой тому предписывалось оказать сержанту необходимое содействие.

Через месяц Новокщенов вернулся. В поданном Ромодановскому доезде он сообщил, что при аресте Фоки Васильева столкнулся с активным сопротивлением крестьян. «Той деревни староста Паршка Сергеев,— писал Новокщенов,— собрався со крестьяны, многолюдством з дубьем и з кольем и с поленьем ево Фочку у меня отбивали и бросками меня поленьем били. Да того ж Фочкина двора вышед, пришлой человек Васька стал его Фочку отбивать...». После того как с помощью местных властей сопротивление крестьян было подавлено, Новокщенов арестовал Ф. Васильева, его жену и двух работников, а также крестьянина Корнилова. Имущество их было описано [2].

На допросе и очной ставке с Грязным Ф. Васильев решительно отверг предъявленные ему обвинения. Не подтвердили извета портного ни жена Васильева, ни его работники. Однако в дальнейшем положение изменилось. На очной ставке с Грязным один из работников Филиппов, узнав портного в лицо, отказался от данных им показаний и заявил, что извет правилен. На первой пытке признал себя виновным и обвиняемый Васильев.

Наибольшую стойкость в защите обвиняемого проявил второй работник «Васька», о котором сообщал в доезде Новокщенов. Он выдержал не только допрос и очные ставки, но и две пытки, утверждая, что Грязной Васильева «клеплет». Его упорство, видимо, возбудило у Васильева надежду на оправдание, так как на новом допросе, последовавшем за первой пыткой, он стал говорить, что показал на себя «напрасно», «не стерпя боли». Это показание он подтвердил на второй, третьей и четвертой пытках. После четвертой пытки, проболев полтора месяца, Ф. Васильев умер. Во время его болезни пытанный в третий раз работник «Васька», уличаемый Грязным и Филипповым, признал донос правдивым.

30 сентября 1702 г., после смерти Васильева, бояре, выслушав выписку по делу, приговорили Филиппова и «Ваську»

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 226 (919) и 281 (1003).
[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 281 (1003) и 226 (919).

за то, что они, слыша речи Васильева, не донесли об этом, к битью кнутом.

Иногда крестьяне привлекались к судебной ответственности совместно с представителями других сословий. В 1699 г. крестьянка пусторжевского помещика Дубровского Агафья Ермолаева была привлечена к суду вместе со стрельцами Долгополовым и Агафоновым. Проходя через село, где жила Агафья, стрельцы разговорились с нею и рассказали, что царь, хотя «их братью казнит и вешает», все же посылает их «в службу», пожаловались на трудности службы и на то, что им не платят жалования. Агафья со своей стороны, также жаловалась на подати, а в заключение сказала, что царя самого следовало бы повесить. По приговору Ромодановского все трое были биты кнутом и сосланы на поселение в Сибирь [1].

В 1701 г. крестьянки помещика Протопопова Улита и ее дочь Дарья, ушедшие из деревни от голода и «кормящиеся по дворам» в Вологде, были привлечены к судебной ответственности вместе с посадскими женщинами А. Пантелеевой и А. Федоровой. Все они обвинялись в распространении легенды о замене царской дочери немецким мальчиком и осуждении царя за введение в России немецкой одежды и новых повинностей для крестьян [2].

Все четверо были сосланы в разные дальние монастыри, где приказано было держать их «под крепким караулом» и «ис тех монастырей и к Москве и никуды отнюдь не пущать и ни для каких дел не посылать». Крестьянки, высказывавшиеся более резко, перед ссылкой были биты кнутом, а одной из них Дарье, был урезан язык [3].

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 92 (741).

[2] «Крестьяня де все измучены, высылают на службу с подводы, да с их же емлют и сухари,— говорила Улита,— все де на него, государя, восстали и возопияли. Какой де он царь, родился от немки беззаконной. И как де великая государыня благоверная царица и великая княгиня Наталья Кирилловна стала отходить сего света и в то число ему, государю, говорила: ты де не сын мой, замененой. Как де она государыня царица, была чревата и государь де царь Алексей Михайлович ей, государыне, говорил, буде ты родишь сына, и я де тебя пожалую, а буде родишь дочь, я де тебя в струбе сожгу. И царица де родила дочь, а немка в тож число родила сына и ту де дочь отослали к той немке, а у ней вместо того взяли сына и принесли к ней, царице». Дочь Улиты, Дарья, слушая рассказ матери, бранила царицу.

Рассказ о подмене царевны Улита услышала от жены посадского человека, Афросиньи Пантелеевой, возмущавшейся введением немецкого платья. Пантелеева, повинившаяся на пытке, слушала его от жены дворника вологодского Троице-Сергиевского монастыря Афимьи Федоровой. Далее след легенды теряется. Весьма возможно, что Федорова слышала легенду от кого-либо из монастырских служителей, с которыми был связан по службе ее муж.

[3] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., д. 333.

Крестьянские политические процессы, проходившие в Преображенском приказе, показывают, что недовольство крестьян политикой правительства и распространение в их среде критических высказываний по адресу царя росли в связи с усилением крепостнического гнета, тяжести налогов и повинностей. Попытки крестьян критиковать Петра I карались весьма строго. К ним чаще всего применялись наиболее суровые меры наказания, а именно сочетание битья кнутом, урезания языка или вырезания ноздрей, с ссылкой на каторгу или на поселение в Сибирь. Случаи оправдания крестьян были весьма редки.

Таблица, составленная по материалам сохранившихся судебных дел за 1695—1709 гг., показывает, что из общего числа крестьян, привлеченных за политические преступления к суду, было оправдано 8%, а осуждено 84,44; умерло от пыток 7, бежало из под стражи 0,5%.

Та же таблица показывает, что из привлекавшихся в то же время к суду дворян было оправдано 57,7%, а осуждено 40; умерло от пыток 2,3%.

Это явление не было случайным. Являясь орудием в руках господствующего класса, суд, как и всякая надстройка, служил его интересам.

При сравнении крестьянских и дворянских политических процессов классовый характер суда вырисовывается с необычайной ясностью и отчетливостью. Вся судебно-следственная процедура по крестьянским процессам строилась иначе, и в конечном итоге это приводило к тому, что крестьяне фактически были почти совершенно лишены возможности оправдаться.

Для того чтобы убедиться, в каких различных условиях оказывались на суде крестьяне и дворяне, достаточно проследить процедуру пыток. Если обвиняемый был помещиком, то в застенок он брался только после того, как доносчик подтверждал свой донос на пытке. Обвиняемый крестьянин брался на пытку ранее доносчика, и только после того, как он на пытке утверждал, что невинен, в застенок шел изветчик. Число ударов кнутом на дыбе также было резко различным. В то время, как дворянам давалось от 3 до 7 и редко более, крестьяне получали от 15 до 35 и 40 ударов. Крестьяне-свидетели, выступавшие против дворян, должны были подтверждать свои показания на пытке. Свидетели-дворяне пытались только в редких случаях. Число пыток дворянам обычно не превышало трех, и если они выдерживали их, не меняя показаний, то считались оправданными. Крестьян подвергали шести и более пыткам.

Резко различались и условия содержания подследственных.

За годы	Дворянство						Крестьянство					
	привлекалось к суду	оправдано	осуждено			приговор не сохранился	привлекалось к суду	оправдано	осуждено			приговор не сохранился
			всего	в том числе по известным крепостных	умерло от пыток				всего	в том числе за ложный извет	умерло от пыток	беглого из-под стражи	
1695	1	1	—	—	—	—	1	—	1	1	—	—	—
1697	12	5	7	—	—	—	7	2	5	2	—	—	—
1698	4	2	1	1	—	—	10	1	8	2	—	—	1
1699	6	3	2	—	—	1	5	—	3	2	—	—	2
1700	21	14	6	1	1	—	47	1	39	13	2	—	5
1701	17	10	3	1	—	4	43	3	31	10	5	—	4
1702	13	5	2	—	—	6	19	—	15	8	2	—	2
1703	11	4	4	2	1	2	18	2	12	3	4	—	—
1704	5	1	4	3	—	—	12	1	11	-2	—	—	—
1705	4	4	—	—	—	—	28	1	26	11	—	—	1
1706	1	—	1	—	—	—	5	—	5	—	—	—	—
1707	7	1	6	—	—	—	4	—	3	1	—	—	1
1708	1	1	—	—	—	—	18	5	7	1	1	1	4
1709	3	1	—	—	—	2	6	—	1	1	—	—	5
Всего	106	52	36	8	2	16	223	16	167	57	14	1	25

Крестьянам, как правило, набивались колодки, они содержались в душных, тесных и грязных колодничьих палатах Преображенского приказа по нескольку десятков человек. Питанием арестованные не снабжались, и если у них кончались взятые из дома запасы, они выводились под охраной на улицы, просить милостыню. Дворяне чаще всего содержались под домашним арестом или отдавались под расписку поручителям, или просто давали обязательство являться в суд.

О крепостническом характере судопроизводства в Преображенском приказе свидетельствует и отношение его судей к изветам крестьян на помещиков, которых крестьяне обвиняли в совершении политических преступлений, а также порядок расследования по этим делам.

Подобные изветы и появление в суде крепостных людей в качестве обвинителей было в то время частым явлением. Однако, как показывает судебная практика Преображенского приказа, значительное большинство этих доносов признавалось ложными. Данные таблицы показывают, что за период с 1695 по 1709 гг. из 65 изветов крепостных на помещиков ими было доказано только 8, то есть 12,3%, а 57 изветчиков было осуждено за ложный донос. Из общего же количества дворян, осужденных Преображенским приказом, по изветам крепостных было обвинено только 22%. В остальных случаях изветы на дворян делались представителями других сословий.

Материалы судопроизводства по изветам крепостных на помещиков показывают, что обвиняемые помещики пользовались по сравнению с доносителями-крепостными целым рядом преимуществ. Это крайне затрудняет для исследователя возможность установить, насколько правильны были формальные основания для решения суда о ложности того или иного извета. По этим делам прежде всего изменялся установленный в судебной практике порядок чередования пыток. В первую очередь пыткам подвергался не обвиняемый, а изветчик и свидетели, что ставило их в крайне трудное и невыгодное положение на суде. Подвергнутые пыткам, запуганные помещиком свидетели, чаще всего его же крепостные, давали неправильные показания. Нередко подвергнутые пыткам изветчики сами меняли показания и отказывались от обвинений. С другой стороны, часть изветов крепостных и холопов на их владельцев действительно являлась ложной. Но, так как каждый донос был сопряжен с огромным риском и тяжкими мучениями, такой высокий процент ложных изветов, как 87,7% от общего количества крестьянских изветов, маловероятен.

Для изучения крестьянских настроений того времени вопрос о правдивости или ложности этих изветов не имеет важного значения. Из следственных дел видно, что и те и

другие изветы крепостных на помещиков порождались одними и теми же причинами и выражали классовый протест против бесправия и тяжелого крепостнического гнета, а также стремлением добиться освобождения от крепостной зависимости [1]. Поэтому независимо от того, ложными или правильными признавались судом крестьянские изветы, процессы, связанные с ними, представляют большой интерес, так как в них получили яркое отражение взаимоотношения крестьян и помещиков, бесправие крестьян, тяготы крепостнической эксплуатации, классовая борьба и крепостнический характер судебной практики Преображенского приказа.

Изветы крепостных и кабальных холопов, содержащие обвинения помещиков начали поступать в Преображенский приказ с первых лет его организации. Одним из первых процессов, возникших по такому извету, был процесс боярина Кондырева, слушавшийся весной 1695 г. Поводом к возбуждению этого дела послужил извет холопа Григория Тарлыкова, заявившего, что он слышал, как боярин «хулил» царя за пьянство и шутки над боярами. Кроме того, он обвинял Кондырева в том, что он при помощи дьяка С. Богданова составил несколько фальшивых купчих.

На допросе изветчик показал, что когда он стал укорять боярина за его слова о царе, тот насмешливо сказал ему: «...аль де ты на меня холоп доводить станешь, хотя де и доводить станешь и ныне де вашей братье, холопям, не верят», а присутствовавшая при разговоре боярыня добавила: «...достоин де ты холоп ссылки». Тарлыков и на пытках подтвердил свое обвинение, но извет его был признан ложным, так как свидетели, присланные Кондыревым, дворовые и дьяк Богданов, извета не подтвердили. Тарлыков был бит кнутом на козле, запятнан в левую щеку и сослан в Сибирь с женой и детьми. Кондырев и его жена даже не допрашивались [2].

После изданного в 1696 г. указа, запретившего без привлечения к следствию истца и ответчика производить очные ставки и розыски между их людьми, случаи, когда помещики, обвиняемые крепостными, не допрашивались, стали встречаться довольно редко, но полностью из практики Преображенского приказа не исчезли.

Так, в 1701 г. стольник М. Ртищев, на которого донес крепостной З. Чернявский, не допрашивался, хотя ему и было

---

[1] Согласно Соборному Уложению, крепостные и холопы в награду за правый донос на помещика, совершившего политическое преступление, получали освобождение от крепостной зависимости.

[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 10 (388).

предъявлено несколько обвинений: брань по поводу введения венгерских кафтанов [1], нежелание принимать участие в походе под Ругодев, а также убийство крестьянина и изнасилование дворовой девушки. По извету Чернявского было допрошено только пять дворовых людей Ртищева, которые показали, что об указанных в извете фактах ничего «не ведают». Несмотря на явную недостаточность такого расследования, Ромодановский признал Чернявского виновным в принесении ложного извета и приговорил его к битью кнутом, запятнанию и ссылке в Сибирь с женой и детьми [2].

Аналогичный случай произошел и в 1705 г., когда крепостной князя П. И. Хованского Козьма Жуков заявил, что его помещик, вспоминая своего брата, привлекавшегося к суду по делу Г. Талицкого, сказал: «...брат де мой боярин князь Иван Иванович Хованской в Преображенском приказе замучен до смерти напрасно. Вот де ево, государя, как ныне Бог принесет к Москве, не станет де ево и самого, мы де ево, государя, за смерть брата моего князь Ивана Ивановича, с попом Василием Гавриловым, уходим». Обвинение Жукова было очень серьезным. В таких случаях обвиняемый подлежал немедленному аресту. Но Ромодановский не арестовал Хованского даже тогда, когда Жуков дважды подтвердил свой извет, в застенке «у пытки» и на дыбе. Не были взяты в приказ ни поп Гаврилов, ни жена Хованского, на которую Жуков ссылался как на свидетельницу. К следствию были привлечены только крестьяне Хованского, которых Жуков назвал как свидетелей того, что князь сослал его после разговора в деревню. Крестьяне подтвердили, что Жукова туда отвозили, но не скованного, как утверждал он, а свободного от всяких пут. Это незначительное расхождение в показаниях изветчика и свидетелей послужило для Ромодановского поводом к повторной пытке Жукова. Новой пытки он не выдержал и от своих обвинений отказался. Ромодановский приговорил его за ложный извет к смертной казни [3].

В тех случаях, когда помещикам не удавалось избежать личного участия в судебном процессе, они обычно прибегали

---

[1] «Хто де эти кафтаны вымыслил, — говорил, по словам Чернявского, Ртищев, — у нас де на Москве доброго ничего не водитца, что ни вымыслят, все неведомо на какую дурацкую стать».

[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 241 (934).

[3] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., д. 262. Дело Жукова было доложено Петру I, который вынес весьма своеобразное решение: «того Кузьму смертью казнить не велел, а велел для анатомии послать к доктору». Жуков был передан доктору Н. Бидлоо. Что с ним проделал доктор неизвестно, но спустя 6 дней «тот Кузьма, будучи у дохтура Николая Бидла на дворе умре и то умершее тело отослано в Покровский монастырь».

к одним и тем же тактическим приемам, чаще всего дававшим хорошие для них результаты. Начисто отвергая предъявленные им обвинения, помещики в свою очередь обвиняли изветчиков в совершении различных неблаговидных поступков: мелкая кража, побег, пьянство, игра в зернь и т. п. При этом суд, который далеко не часто выслушивал свидетелей, выставленных крепостным, всегда допрашивал лиц, указанных помещиком, даже если они не имели прямого отношения к делу. Обвинения, возводившиеся помещиком на крестьян-изветчиков, или сразу влекли за собой оправдательный приговор помещику или являлись причиной повторных пыток изветчика, на которых он, не выдерживая физической боли, менял показания.

Типичными процессами такого рода являются процесс кабальной холопки стольника Кузьмина-Караваева А. Дружининой, слушавшийся в 1697 г., дело стольника Яковлева, разбиравшееся в 1699 г., дело помещика Рымарева, разбиравшееся в 1701 г. и другие.

А. Дружинина, сделавшая извет на стольника Кузьмина-Караваева, его жену и их родственницу П. Бокову, показала, что они говорили: «...поделом де великого государя Алешка Соковнин и Ивашка Циклер убить хотели. У него де государя нет рассудку. Как был в Московском государстве князь Василий Голицын и у него де, князь Василия, рассудок был лутче ево, великого государя...», «хотя де он, государь, тому Алешке Соковнину и Ивашке Циклеру головы отсек, еще де осталось их не столько...», «ныне де он, государь, еще завел новое, детей берет в малых летех и посылает за море для ученья, какой де ево государев рассудок». Извет Дружинина подтвердила на пытке.

Стольник и его жена, отрицая справедливость доноса, обвинили Дружинину в воровстве, а ее мужа в попытке бежать от помещика. Показания их подтвердили три дворовых женщины.

Муж Дружининой показал, что он от Кузьмина-Караваева бежать не собирался, но отлучался на несколько дней для того, чтобы попытаться достать денег и выкупиться из холопства. Дружинина же призналась, что так как ей нечем было кормить своих детей, она продала старую хозяйскую пищаль. После этого признания она была вторично взята в застенок и на дыбе отказалась от обвинений. Ромодановский приговорил ее за ложный извет к смертной казни. Дети Дружининой и ее муж были оставлены в холопстве у Кузьмина-Караваева [1].

На стольника Яковлева, так же как и на Кузьмина-Кара-

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 41 (629).

ваева, донес его кабальный холоп П. Сергеев, сообщивший, что стольник порицал царя за частые поездки на Кокуй. Яковлев, вызванный в Преображенский приказ, заявил, что Сергеев его оклеветал, «избывая холопства и побегу и воровства своего». В доказательство он сослался на то, что в приказе Холопьего суда есть его челобитная о побеге Сергеева. Ромодановский послал запрос и, получив подтверждение показаниям Яковлева, прекратил следствие и приказал, наказав Сергеева кнутом, вернуть его стольнику [1].

Дело помещика Рымарева возникло по извету его крепостного крестьянина М. Васильева, заявившего, что он слышал от кабального холопа Рымарева, В. Давыдова, будто бы их помещик говорил «непристойные слова». На допросе в Преображенском приказе Васильев сообщил, что помещик утверждал, будто бы помещичьи крестьяне, добровольно пошедшие в солдаты, если их убьют, попадут в ад, так как «к сатане попал и за сатану и умер», а крестьяне, сданные в даточные своими владельцами, попадут в мученики. В качестве свидетелей Васильев выставил Давыдова и крестьянина Самойлова с женой.

Самойлов и его жена Анна показали, что сами таких слов от помещика не слышали, но знают от Давыдова, что он так говорил.

Давыдов подтвердил извет Васильева, добавив, что Рымарев говорил эти слова тогда, когда несколько крестьян из его вотчины ушло записываться в солдаты против его воли и он «злобствовал». Давая показания, Давыдов сослался еще на одного свидетеля, портного мастера, жившего в доме Рымарева.

Вызванный в Преображенский приказ, Рымарев, выслушав извет, показал, что крестьяне извратили его слова, придав им не тот смысл, так как, говоря «збежал к дьяволу и дьявольскую смерть принял», он имел в виду своего крестьянина, ушедшего в солдаты, но затем бежавшего из полка и повешенного за побег. Давыдов, показал Рымарев, исказил его слова сознательно, желая отомстить ему за то, что он его бил, наказывая за пьянство и озорничество. Ссылку Давыдова на портного Рымарев принял.

Портного мастера разыскивали довольно долго. Пока выясняли, где он, Давыдов, пытанный в застенке, от своих показаний отказался. В дальнейшем, хотя портной и подтвердил первые показания Давыдова, дело было прекращено. Рымарев был освобожден, а Давыдов и Васильев сосланы в Сибирь с женами и детьми. Показания Рымарева не проверялись [2].

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 87 (733).
[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 274 (982).

Если изветчики из крепостных проявляли упорство и настаивали на справедливости своего извета, дела обычно затягивались на длительное время. Так, например, процесс костромского помещика Огарева, против которого выступал его крепостной крестьянин Усов, начавшийся 29 ноября 1699 г., не был закончен в мае 1703 г.

Дело Огарева началось так же, как и дело Рымарева. В Преображенский приказ явился его крепостной крестьянин А. Артемьев, заявивший, что он слышал от крестьянина же Усова о том, что их помещик, рассказывая об Азовском походе, говорил «непристойныя слова».

На допросе Игнатий Усов показал, что Огарев при нем и крестьянине Алексееве говорил: «...первая де азовская служба была нам тяжела и чаяли де мы, что нас на приступ пошлют, немного де нас бог помиловал, чуть де было мы на него, государя, рук не приложили». Усов заявил, что об этих словах он извещал местному священнику Т. Павлову, который сказал об этом Огареву, и тот просил Усова через того же попа извета не делать, обещая, что «ево за то будет жаловать». Но, показал Усов, он не согласился и, так как сам заболел, послал в Москву крестьянина Артемьева.

Огарев, допрашивавшийся вторым, заявил, что Усов просил у него отпускную, но получил отказ и тогда стал его шантажировать: ссылаясь на крестьян Алексеева и Киселева, угрожал ему через попа изветом, хотя он никогда никаких «поносных» слов о государе не говорил.

После очной ставки, на которой оба повторили свои показания, Ромодановский послал за попом и крестьянами Алексеевым и Киселевым, хотя Усов категорически отрицал, что Киселев находился в помещичьих хоромах тогда, когда Огарев говорил об Азовских походах. Вскоре поп Т. Павлов и крестьянин Алексеев были привезены. Киселева же в вотчине не оказалось, так как он бежал.

Т. Павлов показал, что Усов извещал ему на Огарева, ссылаясь при этом на Алексеева и Киселева, и одновременно просил выяснить, почему помещик его «бьет и мучает, а вины де своей он, Игошка, не ведает». Священник передал слова Усова Огареву, а спустя некоторое время ходил к нему вместе с Усовым, который просил отпускной, но получил отказ. Таким образом, из показаний священника выходило, что свой извет на Огарева Усов сделал ему до отказа помещика дать отпускную, то есть тогда, когда у Усова еще не было причин шантажировать Огарева. С другой стороны, упомянув о Киселеве и отпускной, Павлов частично подтвердил показания помещика. Алексеев, допрашивавшийся после Павлова, полностью подтвердил извет Усова.

23 февраля 1700 г. Усов и Алексеев были взяты в застенок. Первому дали 20, а второму, хотя он был только свидетелем, 25 ударов кнутом. Однако ни Усов, ни Алексеев от своих обвинений не отказались. Через пять дней Алексеев умер.

После трехмесячного перерыва, вызванного поездкой Ромодановского в Воронеж, следствие возобновилось. 12 июня 1700 г. дело было доложено боярам, которые пожелали допросить Огарева. Выслушав его показания и задав ему несколько вопросов относительно военной службы, бояре приказали проверить данные им сведения в Разрядном приказе. Месяц спустя, когда показание Огарева о том, что во время I Азовского похода он служил под командованием Шеина, подтвердилось, бояре вынесли решение взять Усова на пытку вторично. Однако Усов от своих обвинений не отказался.

20 сентября Усов был пытан в третий и 25 октября в четвертый раз. Показаний он не переменил.

30 октября бояре вновь допрашивали Огарева, а затем Павлова и Усова. Но ничто не изменилось. Хотя Усов был пытан уже четыре раза и ни разу не изменял показаний, указа бояр об отправке в застенок Огарева не последовало. Павлов был отпущен на поруки, а Огареву было предложено принять меры к розыскам Киселева.

В марте 1701 г. и в сентябре 1701 г., согласно решению бояр, Усов был пытан в пятый и в шестой раз. Однако он продолжал стоять на своем.

5 января 1703 г. в Преображенский приказ был, наконец, доставлен Киселев. На вопрос, слышал ли он когда-нибудь от Огарева «непристойные речи», Киселев ответил отрицательно. Усов заявил, что он не мог слышать, так как его при разговоре не было. На вопрос судьи, почему же священник назвал фамилию Киселева Огареву, Усов ответил, что, рассказывая Павлову о словах Огарева, он, имея ввиду Алексеева, не назвал его фамилии, а упомянул только о его специальности плотника, священнику, же, видимо, послышалось не плотник, а плотники, почему он и решил, что речь шла также и о Киселеве, который, как и Алексеев, был плотником.

20 февраля 1703 г. Усов был пытан в седьмой раз, но несмотря на то, что ему вместо обычных 25 нанесли 33 удара кнутом, дал те же показания. 10 мая его пытали в восьмой, а 7 июля в девятый раз. Показаний он не изменил и от обвинений не отказался. Конца у дела не сохранилось [1].

Для другого костромского помещика Василия Аристова,

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., д. 289.

который, как показывал его крепостной крестьянин Клим Рудин, порицал Петра I и утверждал, что он не настоящий царь[1], обстоятельства сложились менее благоприятно, чем для Огарева. Рудин, так же как и Усов, обвиняя помещика, не менял показаний, но после третьей пытки он умер. Так как никаких свидетелей у него не было, кроме обвиняемого, пытать было некого.

Попытки Ромодановского установить, бывал ли Рудин в доме Аристова и шил ли ему, как он утверждал, кафтан, путем опроса соседа Аристова, местного духовенства, дворовых Аристова, его старосты и крестьян, а также крестьян соседней деревни, никаких существенных результатов не дали, хотя было опрошено 47 человек. Одни отговаривались полным неведением. Другие показывали, что Рудина в доме Аристова не встречали, но ручаться за то, что он там никогда не бывал не могли. Единственно, что было установлено при допросе старосты и крестьян,— это то, что за пять лет до возникновения дела Рудин ссорился с помещиком из-за земельного надела. Вопрос о «непристойных словах» оставался открытым.

Единственным, не испробованным из всех известных в то время методов расследования оставалась пытка обвиняемого, но прежде чем применить ее, Ромодановский дважды допросил Аристова у «пытки» и только затем он был взят на дыбу. Аристов был пытан три раза, но менее жестоко, чем крестьянин-изветчик Рудин.

Пытки Аристов выдержал и был оправдан, «для того, что он против извету с трех пыток не винился и тем розыском очистился». Мотивировка этого приговора со ссылкой на очищение обвиняемого трехкратной пыткой, как видно из других следственных дел, на крепостных крестьян не распространялась. Дело Аристова слушалось в Преображенском приказе с августа 1703 г. по 28 ноября 1704 г[2].

Наряду с такими, весьма характерными случаями из судебной практики Преображенского приказа, когда обоснованность мотивировки приговора была сомнительна, там же часто велось следствие и по преднамеренно ложным изветам.

К числу таких дел следует отнести процесс монахов Колязинского монастыря, на которых бобыль Аверкиев донес, что они хотели убить Петра I. Впоследствии, отказавшись от

---

[1] Рудин приписывал ему слова: «это де нам какой царь, он де не царь, а взят с Кокуя. А наш де царь в забвении, в немецком государстве. Видишь де, живет все по-немецки и бояр много казнил и стрельцов много побил, а набрал все дрязгу, холопья в солдаты. А стрельцы де были воины» (ЦГАДА, ф. Преобр. пр., д. 231).

[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., д. 231.

обвинений, Аверкиев показал, что затеял дело с целью отомстить архимандриту и келарю, так как они не раз отдавали приказы бить его «безвинно», а также монастырскому подьячему Севрюкову, который «чинил дому его разорение» и служителю Татаринову за то, что он заставлял «на себя работать безденежно, весть чулки непрестанно» [1].

Таким же «затейным изветом» явился извет крепостной девушки Нелидовой, обвинившей свою помещицу А. Волынскую в том, что она поддерживала связь с царевной Софьей и намеревалась умертвить Петра I с помощью колдовского зелья, которое собиралась влить в царский след [2]. Признавшаяся после второй пытки, что она оклеветала Волынскую, Нелидова показала, что ее извет был вызван жестокостью помещицы, продержавшей ее около трех лет под арестом в дальней деревне.

И. Нелидова и Аверкиев, процессы которых слушались в 1698 г., были казнены [3].

В 1700 г. кабальный человек стольника Ивана Стрешнева Никита Резанов также сделал ложный извет на своего помещика, приписав ему фразу, в которой шла речь об убийстве Петра I. Резанов показал, что делая извет, он надеялся запугать своего помещика и тем избавиться от побоев» [4].

В 1701 г. кабальный холоп дьяка Алексеева Чукаев сделал ложный извет на жену Алексеева Дарью. Он показал, что, раздавая своим людям месячину, Дарья говорила: «...ныне де указ состоялся великого государя, что прибирают по прежнему вольницу. А которые де и преже сего из дому их пошли в вольницу и ничего де они не нашли, а и иные де которые пойдут, ничего не найдут. А и прежние де солдаты, которые были их дому послуживцы, говорят: только де им под Ругодевом государева жалованья дано по шапке

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 27 (566).

[2] Обвинение, предъявленное Волынской, считалось очень серьезным, так как тогда верили, что вливая отраву в след человека, можно его уничтожить. Из записок И. Желябужского известно, что даже князь Василий Голицын, один из наиболее образованных людей того времени, заставил в свое время привлечь к ответственности дворянина И. Бунакова, который, якобы «вынимал у него князя след». Дело Нелидовой подробно описано С. Соловьевым. Русская история с древнейших времен, т. XIV, гл. III, стр. 1204—1205.

[3] Интересно, что после казни Нелидовой, ее обвинения были снова предъявлены Волынской в 1700 г. ее крепостным М. Ананьевым, а в 1701 г. — чухломским посадским человеком А. Канном. Извет Ананьева и сделанная в связи с ним выписка по делу Нелидовой были изданы Новомбергским в книге «Слово и дело государево», т. II, изд. 1909 г., стр. 17—24.

[4] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 122 (784) и 145 (809).

сухарей. Да они ж де говорили, лутче де им служить королю, нежели государю». На следствии выяснилось, что Чукаев дважды убегал от Алексеева и записывался в солдаты, но по челобитным Алексеева из полков отчислялся, так как был «татарской породы». Признавшись, что он оклеветал Дарью, Чукаев показал, что надеялся таким путем освободиться от холопства. По приговору Ромодановского он был бит кнутом на козле, запятнан и сослан в Азов на каторгу [1].

В 1700 г. крестьянин Переяславль-Рязанского уезда О. Васильев также сделал ложный извет на управляющего вотчиной Исаева, заявив, что он передает разные сплетни о личной жизни Петра. Впоследствии Васильев показал, что делая извет, он хотел отомстить Исаеву, который в то время как он был «в бегах», жену его «из дому ево выбил, и дом ево разорил, и хоромное строение распродал, а скотину и лошадей согнал и сына ево отвез» к помещику [2].

С ложными изветами на своих помещиков крестьяне выступали не только в одиночку, но и группами в несколько человек, предварительно договорившись друг с другом о содержании извета и о свидетельских показаниях.

Типичным процессом такого рода был слушавшийся в Преображенском приказе в 1700 г. процесс веневского помещика, стольника Михаила Пашкова.

Дело Пашкова было возбуждено 2 января 1700 г. в связи с изветом крестьянина Степана Салтанова, донесшего, что помещик его Пашков совершил три преступления. Во-первых, показал Салтанов, Пашков «называл себя царем, а государя бранил», во-вторых, ограбил проезжих подрядчиков, в-третьих, присутствуя при ссоре помещиков Офросимова и Тютчева, во время которой Тютчев бранил Петра I, уговорил Офросимова не делать на Тютчева извета. Салтанов ссылался на нескольких крестьян и крестьянок, крепостных Пашкова.

Пашков был привезен в Москву через 18 дней. Из каких-то источников он, несомненно, знал в чем его обвиняют и сумел подготовиться так, что следствие сразу пошло по наиболее невыгодному для крестьян пути. Прежде всего Пашков привез с собой только одного крестьянина Л. Никулина, который, как оказалось впоследствии, был самым неустойчивым и трусливым из привлекавшихся по делу крестьян. Этот свидетель, проделавший весь путь от Венева до Москвы вместе с помещиком, изрядно напуганный, на первом же допросе оказал Салтанову весьма слабую поддержку. Явно опасаясь и той и другой стороны, он дал самые нечеткие

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 250 (944).
[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 419 (1172).

показания, а именно: заявил, что «непристойных слов» от помещика не слыхал, но слышал о них от других, что Тютчев с Офросимовым ссорились, но о чем они говорили не знает и что Пашков подрядчиков не грабил, а только поколотил их кулаком и отпустил.

Второй маневр Пашкова заключался в том, что после того, как он дал свои показания и заявил, что ни в чем не виноват, в Преображенский приказ явились помещики Тютчев, Офросимов и Данилов, которые подтвердили часть его показаний. Выяснилось, что дело о ссоре Тютчева с Офросимовым решалось в Разрядном приказе и Тютчев за свои слова «государь нас не управит» был бит батогами. Таким образом, одно из обвинений отпадало сразу. Только после этого в Преображенский приказ были доставлены свидетели — крестьяне: Л. Ефимов, П. Ефимова, Е. Павлова.

Ничего не зная ни о показаниях помещиков, ни о сбивчивых словах Никулина, они полностью подтвердили извет Салтанова и после очной ставки были сразу же отправлены в застенок. Во время пытки все они дали те же показания, а П. Ефимова добавила, что подтвердить их может еще один свидетель, крестьянин М. Ефимов. После показания Ефимовой, Пашков был отпущен из Преображенского приказа на 18 дней для того, чтобы найти и доставить к следствию М. Ефимова.

За время этой отлучки Пашков поднял на ноги все веневское дворянство и, вскоре после его возвращения, в Преображенский приказ явились дать свои показания 11 веневских помещиков и 2 местных священника. Все они подтвердили показания Пашкова, Тютчева и Данилова. Дал показания в пользу Пашкова и крестьянин М. Ефимов, соответствующим образом подготовленный помещиком.

Тем не менее, крестьянки и Л. Ефимов продолжали настаивать на том, что извет Салтанова справедлив и выдержали по второй пытке.

12 июня 1700 г. дело Пашкова было доложено боярам, которые приказали послать запрос в Венев, чтобы узнать, есть ли там челобитье подрядчиков на Пашкова. Воевода ответил, что такового «не сыскано». Решено было вновь пытать крестьян. Возможно, что дело затянулось бы еще, но крестьянин Никулин 20 сентября 1700 г. заявил, что все дело было затеяно «по подговору» Салтанова и стал уличать крестьян. Первой призналась Е. Павлова, затем Л. Ефимов. Крестьянка П. Ефимова, не переменив речей, вынесла третью пытку, но через несколько дней, чувствуя себя плохо, попросила священника и на исповеди призналась ему, что Никулин сказал правду.

После признания свидетелей, на второй пытке Салтанов признался, что подговаривал крестьян выступить против Пашкова для того, «чтоб им тем доводом получить себе свободу». Поправившаяся Ефимова показала, что хотели отомстить помещику за жестокие побои, которые были нанесены ей после того, как сын ее Иван бежал из вотчины.

30 октября 1700 г. бояре приговорили Салтанова, Ефимову и Павлову к смертной казни. Петр I не утвердил этого приговора и приказал Салтанова и Ефимову бить кнутом и по урезании языка сослать в Азов, а Л. Ефимова и Павлову, запятнав, сослать в Сибирь. Вместе с Салтановым была выслана и его семья [1].

В том же 1700 г., с ложным изветом на своего помещика Полуектова, выступил коломенский крестьянин М. Васильев, которого по предварительному сговору поддержали дворовый человек Полуектова, Корнильев и крестьянин Прокофьев. После признания они были по указу Петра I биты кнутом, запятнаны и сосланы в Азов с женами и детьми [2].

Заранее сговорившись, явились с изветом на своего помещика Чирикова и новоторжские крестьяне Клим Евтифеев и Афанасий Степанов. Дело их слушалось в Преображенском приказе в 1704 г. Извет на Чирикова был сделан ими по предложению Клима Евтифеева, который надеялся избавить себя и своих односельчан от помещика, так как был «к ним помещик их, Михайло, зело жесток».

Человек уже пожилой, имевший женатого сына, не раз уходивший из родной деревни и уводивший «в бега» других, Евтифеев хорошо знал, что ждет его в случае неудачи. Поэтому он очень тщательно продумал содержание извета и придал ему такую правдоподобность, что даже опытный князь Ф. Ю. Ромодановский, выслушав его, немедленно отправил караул солдат на московский двор Чирикова, и специального посланца в его новоторжскую вотчину [3].

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 179 (852).

[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 156 (819).

[3] Обвиняя Чирикова и его родных, Евтифеев утверждал, что они говорили о Петре I: «не государь де он, разоритель, разорил домы наши все без остатку. Зачал де службы и удалые де головы все погубил, а ево де голова цела, а если б де ево, государя, не было и службы б не было». «Какой де он государь... ездит де по Кокуям». «Лутче б жили за шведом и платили ему дани, а не за государем жили»; о Т. Н. Стрешневе: «все де разоряет, холопий сын Тихон Стрешнев, уставил де овес и сено и подводы»; о Шереметьеве: «все де радеет и служит боярин Борис Петрович, чтоб де ему потерять голова своя»; о Меньшикове: «ныне де воеводою Александр Данилович, а наперед де сего живал по харчевням и торговал пирогами да орехами и квасом. Какой он воевода». (ЦГАДА, ф. Преобр. пр., д. 154).

Кроме того, прежде чем сделать извет, Евтифеев провел некоторую подготовку к процессу и на месте, распространив среди крестьян, главным образом дворовых, слух, что Чириков и его тесть Измайлов бранили царя. Делая это, он надеялся на то, что крестьяне на суде на вопрос, слышали ли они, что помещик их говорил «непристойные слова», ответят утвердительно. Осторожность, свойственная Евтифееву, заставила его открыть свой замысел только двум лицам: сыну Фирсу и крестьянину Степанову, который согласился пойти с ним в качестве второго изветчика.

Расследование по извету Евтифеева и Степанова продолжалось шесть месяцев. Чириков, его жена, два сына, шурин и тесть — все были арестованы, а имущество их описано. Однако замысел Евтифееву не удался. Неискушенный в юридических тонкостях, крестьянин не учел того, что лица, слышавшие о факте преступления, не признаются свидетелями и показания их не имеют никакого веса. 36 крестьян, допрошенных Ромодановским не смогли подтвердить извета, так как самое большее, что они могли сказать, это то, что слышали о преступлении Чирикова от изветчика. Не выдержал и Степанов. На третьей пытке он признал себя виновным и рассказал, что пойти с ложным изветом убедил его Евтифеев.

Сам Евтифеев повинной не принес. Через месяц после третьей пытки, на которой повторил все свои обвинения, он умер. Колодники, сидевшие с Евтифеевым в одной камере, рассказали, что только однажды, увидев как привезли в приказ его жену и молоденькую сноху, он сказал: «...теперь де мне пришло, что приносить повинная. Пропаду де я один, а жену и сына не погублю напрасно» и, помолчав, добавил: «...а все де мне то учинилось от товарыща моево, изветчика, крестьянина Афонасья Степанова».

После смерти Евтифеева, Степанов, несмотря на его раскаяние, был бит кнутом нещадно, запятнан и сослан на каторгу. Сын Евтифеева Фирс, который, зная о намерениях отца, не донес на него, был бит кнутом и отдан в солдаты [1].

Интересным групповым выступлением крестьян, стремившихся получить свободу и отомстить помещику с помощью ложного извета, было разбиравшееся в Преображенском приказе в 1705 году дело помещика Павлова. Оно возникло так же, как и дело стольника Пашкова, по извету крепостного крестьянина М. Родионова, заявившего, что помещик Павлов бранил царя, заставляющего дворян нести постоянную службу, и высказывал сожаление, что Петр I до сего времени не погиб.

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., д. 154.

Извет Родионова был подтвержден его отцом, братом и еще тремя крестьянами как на допросе, так и на очных ставках с помещиком. Однако стойкости и решимости у этих крестьян не хватило. В тюрьме во избежание пыток они принесли повинную и показали, что помещика своего оклеветали по сговору «по злобе своей за налогу, что он будучи в селе Богатищеве их бивал ослопьем и плетьми и батоги безвинно». Крестьяне заявили, что хотели «от него, помещика своего, отбыть».

Чистосердечное признание не избавило их от наказания. После пыток Ромодановский приговорил изветчика и четырех свидетелей за ложный извет и ложные показания к битью кнутом, запятнанию, вырезанию ноздрей и ссылке на каторгу пожизненно. Только отец изветчика Родион Парамонов «за старостью» после битья кнутом был сослан в Азов «в пашню» с женой и детьми [1].

Далеко не всегда безнаказанно проходили для крестьян их выступления в суде против помещика и тогда, когда их извет признавался правдивым. Об этом свидетельствует упоминавшееся ранее дело князя В. Солнцева-Засекина.

В. Солнцев-Засекин обвинялся, как известно, в произнесении «непристойных слов». Кроме того, изветчик рассказал, что он занимался грабежом и во время одного из налетов на прохожих убил сына боярского Ф. Маслова и его слугу. В процессе следствия свидетельскими показаниями было дополнительно установлено, что Солнцев-Засекин был предельно жесток, забил насмерть двух крестьян и дворовую девушку, насиловал женщин и избивал кнутом своих крепостных даже за мелкие проступки. Крестьяне Солнцева-Засекина были запуганы и терроризированы. По указу Петра I, Солнцев-Засекин, признавший себя виновным, был казнен.

Извет на князя сделал его бывший крепостной, солдат Семеновского полка Парфен Поляков. Поляков не был очевидцем преступлений, совершенных Солнцевым-Засекиным, и, делая извет, ссылался на свой разговор с крестьянином Л. Мелентьевым. Мелентьев извет подтвердил. Обычно в таких случаях, свидетель-очевидец, со слов которого был сделан извет, считался главным изветчиком. Но в деле Солнцева-Засекина суд решил иначе. По окончании дела Мелентьев был бит кнутом, запятнан и сослан в Сибирь за то, что не сделал извета сам, а действовал через Полякова. Такая же участь постигла и пятерых крестьян-свидетелей, подтвердивших извет о «непристойных словах» князя и раскрывших

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., д. 296, стб. 393 (1143), л. 128.

целый ряд других его злоупотреблений и преступлений. Среди битых кнутом, запятнанных и сосланных в Сибирь крепостных Солнцева-Засекина, наказанных за то, «что они слыша от него, князь Василья, про государя непристойныя слова, не извещали», были две женщины. За то, что не сделали извета, были наказаны и три крестьянина, подтвердившие, что Солнцев-Засекин грабитель и убийца. Они были биты кнутом и сосланы в Сибирь, без запятнания [1].

Таким образом, несмотря на то, что Соборное Уложение давало крепостным, если шла речь о «государевом слове и деле», официальное право выступать и свидетельствовать против помещиков, практически их выступления чаще всего судьи использовали против них же.

Количество подобного рода примеров так же, как случаев выступлений крестьян с критикой правительства и с доносами на помещиков, можно было бы значительно увеличить. Но они не изменили бы наших представлений о характере и классовой сущности крестьянских политических процессов, проходивших в Преображенском приказе. Все они убедительно свидетельствуют об одном и том же — росте недовольства крестьян усилением феодально-крепостнического гнета помещиков, а также увеличением налогов и государственных повинностей, которые тяжким бременем ложились на народные массы.

* * * * *

Наряду с крестьянскими процессами, проходившими в Преображенском приказе, большой интерес представляют процессы солдат. Количество этих процессов невелико, но они позволяют судить о настроении солдат, их сочувствии стрельцам, подозрительном и враждебном отношении к иностранным офицерам, недовольстве тяжестью военной службы и т. д.

Одним из первых солдатских процессов был слушавшийся в Преображенском приказе в 1697 г. процесс новоприборного солдата Якова Григорьева, который обвинялся в намерении составить и поднести царевне Софье челобитную с просьбой помочь солдатам добиться от начальства выдачи им сухарей. Как утверждалось в доносе, Григорьев хотел привлечь к ее составлению других солдат.

Извет оказался справедливым. Яков Григорьев не отрицал, что хотел составить такую челобитную и говорил о ней с солдатами. О том, что его замысел сочтут преступным, он не подозревал.

Молодой солдат, недавно прибывший в столицу, ничего не знал о борьбе Петра I с Софьей, ее заточении и враждеб-

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 301 (1034).

ном отношении к царю. Он наивно представлял себе, что царевна, являясь близкой родственницей царя, получив челобитную и прочитав о тяжелом положении солдат, пойдет с нею к назначенному «ведать Москвою» князю Ромодановскому, попросит его за них, а князь не откажет ей в просьбе.

Чистосердечно рассказывая о том, как он стал думать о подаче челобитной царевне, Григорьев показал, что на эту мысль навел его случай с солдатами Лефортова полка, о котором он слышал от солдатки Арины Гавриловой. А. Гаврилова, сообщил Григорьев, рассказала ему, что недавно, когда солдаты Лефортова полка стояли на карауле у Кремлевского дворца, на Красное крыльцо вышла царевна и стала с ними беседовать. Солдаты пожаловались ей, что из 30 алтын, которые им положены в месяц, дают им вместо 6 по 4 деньги в день, удерживая по 2 деньги в день на церковь и на «выворот», а хлебного жалования им совсем не дают. И царевна им посочувствовала, сказав «...только де на вас, что красные кафтаны...».

Имени царевны, показал Григорьев, он узнать не смог и решил, что это была Софья, о доброте и милостивом отношении которой к стрельцам он от кого-то слышал. Случай с солдатами вызвал в нем надежду на помощь царевны, и он стал говорить со своими товарищами о составлении к ней челобитной «о сухарях». Написать челобитную он не успел.

Показания Григорьева о переговорах «царевны» с солдатами вызвали у Ф. Ю. Ромодановского большой интерес. После допроса А. Гавриловой, которая сказала, что слышала этот рассказ на улице от незнакомых солдатских жен, в Преображенский приказ было взято несколько солдат Лефортова полка. После их допроса выяснилось, что в основу рассказа о «царевне» легло достоверное событие. К караульным солдатам из Лефортова полка выходила из дворца богато одетая женщина и спрашивала их из какого они полка, подолгу ли стоят на карауле, сколько им платят жалования и чем они кормятся. Кто-то из солдат принял ее за царевну.

Выявив участников этой беседы и установив время, когда она произошла, Ромодановский нашел и виновницу этого разговора. Ею оказалась постельница царевен, боярыня Коптева. На допросе, после неудачной попытки отрицать свою вину, она призналась, что затеяла разговор с солдатами «спроста», от скуки. По окончании следствия, дело было доложено Боярской Думе.

Боярыне Коптевой Дума приказала «за ее вышеписанные слова, о чем было ей тех солдат спрашивать и говорить с ними непристойно, учинить наказанье, бить плетьми и сослать под начал в Горский девич монастырь, что во Пскове».

Относительно солдата Якова Григорьева бояре приговорили: «...у плахи сказать ему смертную казнь и положить на плаху и, сняв с плахи урезав ему язык», сослать в Сибирь. Товарища его солдата И. Бездворного за поддержку замысла о челобитной приказали бить кнутом на козле и сослать в Сибирь «на вечное житье в пашню». А. Гаврилова была бита плетьми, а пятеро солдат Лефортова полка за разговоры с боярыней биты батогами [1].

Дело Я. Григорьева и солдат Лефортова полка показывает, что уже в то время, когда регулярная армия еще только начинала создаваться, положение солдат было тяжелым. Не улучшилось оно и в дальнейшем.

Тяжелое материальное положение, трудности военной службы, жестокое обращение и произвол начальства, суровые наказания и почти полное бесправие — все эти явления порождали недовольство среди солдат, которые, будучи формально свободными, фактически находились в состоянии, близком к положению крепостных.

Недовольство солдат усиливалось еще и тем, что у тех, кто пришел в армию добровольно из крепостной деревни, вопреки воле помещика, или бежал от непосильного посадского тягла, рушились надежды на то, что «государева служба» обеспечит им независимое и свободное существование [2].

В некоторых полках Севского разряда недовольство было так сильно, что в 1698 г. у солдат появилось стремление к сближению со стрельцами, хотя причины их недовольства были совершенно иными, чем у стрельцов. Весной, накануне стрелецкого мятежа, среди них говорилось, что если стрельцы выступят, то солдатам следует оказать им содействие и поддержку.

За такие высказывания весной 1698 г. по доносу Л. Елизарьева в Преображенский приказ был взят солдат из полка генерала К. Ригемана Иван Ельшин. В ходе следствия выяснилось, что Ельшин с товарищами явился из Севска в Москву в конце 1697 г. в качестве полкового челобитчика с жалобой на жестокость и притеснения генерала Ригемана. Поданную ими челобитную в Разрядном приказе приняли, но после ознакомления с ней челобитчики по приказу судьи были биты

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 15 (488) и 23 (516).

[2] Весьма показательно, что уже в первые годы XVIII столетия солдатская служба совершенно перестает привлекать крестьян. Это происходило не только потому, что шла непрерывная война, но и потому, что они перестали видеть в солдатской службе спасение от крепостной зависимости. Среди крестьян, провожающих рекрутов, чаще стали слышаться речи, что «таким худым лутче жить за бояры, а за государем жить хуже». (ЦГАДА. ф. Преобр. пр., д. 145).

кнутом и отосланы обратно в полк. Ельшин, боясь преследований со стороны генерала, бежал с дороги и вернулся в Москву, где нашел пристанище у своего дяди, рейтара С. Ельшина. Его неосторожные разговоры вызвали донос и он был арестован [1]. Приговора по делу не сохранилось.

Имело место недовольство среди солдат и в тех полках, которые стояли в Москве.

Солдат полка Гордона Рыбенок, осенью 1698 г. пришедший навестить свою мать в деревню помещика Лазарева в Дмитровском уезде, на вопрос бывших односельчан, «где лутче жить и у кого во дворе больши жалованья дают» — у помещика или на «государевой службе», ответил: «Где де ныне добро. В большом де хто и царством владеет, а постоянства нет. За Азовскую де службу и за Воскресенскую посулил нам сукна да деньги и тех сукон и денег, нам не дано. Избаловался де он, государь». В словах солдата содержался прямой выпад против Петра I и по извету на него было немедленно произведено расследование. По приговору Ф. Ю. Ромодановского, Рыбенок был бит кнутом, а затем сослан в Сибирь с женой и детьми «на вечное житье» [2].

Из полка Гордона в 1698 г. привлекались к судебной ответственности за «непристойные речи» также солдаты Федор и Петр Алексеевы [3].

Не менее ярко выражают настроения солдат и другие политические процессы. Значительный интерес представляет процесс солдат полка Козлова, проходивший в 1700 г., который показывает, что солдатское недовольство сильно беспокоило правительство и оно серьезно опасалось как бы это недовольство не слилось в одно русло с выступлениями стрельцов.

Дело солдат полка Козлова возникло 22 марта 1700 г., когда стрелец Плясунов, один из участников стрелецкого мятежа 1698 г., оставленный в числе немногих стрельцов для доследования и содержавшийся под стражей во дворе у Б. П. Шереметева, заявил, что он хочет дать важные показания. В Преображенском приказе, куда его доставили, Плясунов сделал донос на всех, стоявших в карауле в течение

---

[1] В доме, где скрывался Ельшин, жила родственница Л. Елизарьева стрельчиха А. Антипина. В разговоре с ней Ельшин жаловался, что «посылают де их, солдат на государеву службу, и дают им только по полтине человеку, тут де и подъем и жалование», а затем сказал, что солдаты сочувственно относятся к стрельцам и в случае чего их не выдали бы. Антипина рассказала о словах Ельшина Елизарьеву и тот сделал извет (ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 43 (632).

[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 74 (703).

[3] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 80 (716).

истекших суток, солдат из полка Козлова, разговоры которых он слышал.

В первой смене караула стояли солдаты Н. Серебряников, бывший ранее тяглецом Басманной слободы, и уроженец села Кимры — Р. Сапожников, бывший крепостной кравчего В. Ф. Салтыкова. Серебряников с возмущением, вполне понятным в бывшем посадском человеке, рассказал Сапожникову, что недавно проходя через торговые ряды, солдаты из полка, которых было около 300 человек, по распоряжению писаря Гавренева, стали брать у торговых людей разные съестные припасы бесплатно и тем самым нанесли им большие убытки. Впрочем, добавил он: «...как де нам не воровать, всего де жалованья приказано нам дать хлеба и овса, по полуосьмине на человека». Затем Серебряников рассказал, что торговые люди пошли жаловаться князю Ф. Ю. Ромодановскому, но тот и разговаривать с ними не стал и выгнал их.

Где теперь найдешь управу, согласился с ним Сапожников, и в свою очередь сообщил, что, идя по улице, слышал, как жаловались дворцовые служители: «приказал де государь боярину Тихону Никитичу дать своего государева жалованья дворовым людям за юфть хлеба, ржи и овса по шестидесяти алтын и тот де свой указ рукою своею закрепил, а он де, Тихон Никитич, тем дворовым людем выдал за юфть по семи гривен». И «они де, дворовые люди, идут дорогою и плачут».

Во второй смене караула солдат М. Роздевай, ранее бывший оброчным крестьянином суздальского Спасо-Ефимьевского монастыря, жаловался второму караульному Герасимову на солдатскую жизнь и в заключение сказал: «...наша де стремянчина подымается вся под Азов, идут все до одного человека». Что он хотел этим сказать, кого имел в виду под «стремянчиной» и зачем эта «стремянчина» намеревалась идти в Азов, Плясунов не знал.

Еще более резко говорил солдат третьей смены караула Самсон Бессонов, бывший тяглец Казенной слободы, стоявший на посту вместе с солдатом Осипом Ивановым, также бывшим тяглецом Екатерининской слободы. Бессонов говорил: «...служим де другой год, а жалования нам ни по копейке не выдано. Били челом государю от них, солдат, челобитчики, их же полку солдаты Матюшка Зверев с товарищи и государь де приказал денежное жалованье и хлебное им выдать полное, стрелецкий оклад. А боярин князь Иван Борисович Троекуров и столынк, князь Федор Юрьевич Ромодановский отказывают и их, челобитчиков бьют. Да он же де, князь Иван Борисович, тому Звереву угрожает, сошлю де тебя, челобитчика... в ссылку, где ворон и костей не зано-

сил». «Какая де это служба,— заключил Бессонов, это де перевод люцкой. Только де теперь и дела, принесть ружье к съезжей избе и поставя ударить челом: спасиба де государю за службу и побредем куды годно. Лучше де жить в Крыму, нежели здесь!».

«Так де тебя за караул тотчас и загребут»,— заметил ему Иванов. Но Бессонов не смутился. «Не я де один,— ответил он,— ведь де и все придут и ружье положат. Воля де ево государева, а топерьва все на плаху готовы».

Затем, показал Плясунов, солдаты заговорили о том, что в полку решено вновь послать Зверева к царю, бить челом о жаловании и ему уже стали собирать на дорогу в Воронеж по две деньги с человека, но об этом узнал Ф. Ю. Ромодановский и ехать Звереву не велел. «Да и што де бить челом, ведь де уж били челом не однова, лишь де головы пробивают»,— закончил разговор Бессонов.

Внимательно выслушав Плясунова, дьяк Преображенского приказа Яков Никонов сделал вывод, что разговоры солдат являются опасными и отдал распоряжение арестовать их. О полученном извете он послал подробное сообщение в Воронеж, где находился тогда Ф. Ю. Ромодановский. 1 апреля из Воронежа последовал указ следствия по делу не задерживать и «тех вышеписанных солдат расспросить в застенке и розыскать боярину, князю Ивану Борисовичу Троекурову, да думному дворянину Ивану Остафьевичу Власову, дьяку Якову Никонову».

Следствие по делу солдат Козлова полка развивалось в основном по двум направлениям. Во-первых, со всей тщательностью выяснялся вопрос о том, намеревались ли солдаты посылать Зверева в Воронеж и кто был инициатором подачи челобитной о жаловании.

По этому вопросу, кроме лиц, названных Плясуновым, были допрошены солдаты Зверев, Гребенщиков, Андреев и другие, всего 13 человек. Следствием было установлено, что челобитная о жаловании, поданная несколько месяцев тому назад, была удовлетворена и часть жалования солдаты получили. Деньги же, сбор которых производился организованно по капральствам, предназначались в награду челобитчикам, в числе которых был Зверев, за их хлопоты. Производился этот сбор с ведома полковника Козлова. Однако, так как жалование было выдано не сполна, то среди солдат шли всякие разговоры по этому поводу и многие говорили, что Зверева следует послать вторично к царю, в Воронеж. Хотя вторая челобитная составлена не была, некоторые солдаты полагали, что деньги собирают на дорогу челобитчику. Зверев показал, что ехать в Воронеж он не собирался, но

однажды, будучи пьян, предлагал солдатам свои услуги. Кто первый начал вести переговоры в полку о составлении второй челобитной, следствию выяснить не удалось.

Во-вторых, следствие стремилось выяснить, не было ли в полку заговора и не имелось ли у солдат связи со стрельцами. Это подозрение возникло у следователей из-за слов Роздевая о стремянчине, а также той откровенности, с которой солдаты говорили в присутствии находившегося под арестом стрельца Плясунова.

На допросах и жестоких пытках, которым солдаты подверглись четыре раза, им упорно и настойчиво задавались одни и те же вопросы: зачем они говорили с Плясуновым, не для «заводу ли бунту» или не для какой-либо «бунту науке»? Есть ли у них знакомые в стрелецких полках? Имел ли кто-нибудь из них переписку или живую связь с Азовом и у кого из них есть в Азове родственники или знакомые среди стрельцов-переведенцев или донских казаков? Замышляли ли они «бунт» и кто тому «бунту» первый «заводчик». На все эти вопросы солдаты отвечали отрицательно и ни в чем, кроме того, что вели разговоры, услышанные Плясуновым, не признавались.

12 июня 1700 г. дело было доложено боярам, которые вынесли решение: Бессонова, наиболее энергично выражавшего недовольство солдат, казнить; Роздевая сослать на каторгу; Иванова — бить батогами, а остальных «для того что пытаны трижды и четырежды» освободить.

22 июня приговор бояр рассматривался Петром I. Он заменил Бессонову смертную казнь ссылкой на каторгу. Роздевая приказал вновь взять в застенок и допросить еще раз: «...кто их стремянчина и для какова воровства в Азов подымаетца и не было ль у них с кем или с азовскими жителями какой меж себя пересылки и хто у них тому делу на Москве или в Азове или в иных тамошних городках пущей был завотчик, чтоб он про то сказал имянно».

Роздевай показал, что стремянчиной он называл своих однополчан потому, что они жили там, где ранее стоял стрелецкий Стремянный полк, и более ничего не добавил. 24 августа Петр приказал бить его кнутом и сослать на вечную каторгу в Азов [1].

Недовольство солдат вызывало у правительства сильное беспокойство, и Преображенский приказ систематически вел борьбу с его проявлениями. Наряду с солдатами, порицавшими условия «государевой службы», на скамье подсудимых Пре-

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 194 (886) и 202 (894).

ображенского приказа можно было нередко встретить солдат недовольных немецкой одеждой или неодобрительно говоривших о том, что царь ест по средам и пятницам мясо, или распространявших слухи, будто бы «светлому воскресенью не быть, а разгавливаться в вербное воскресенье»[1]. Привлекались к суду и солдаты, виновные в передаче рассказов о том, что царь хотел извести царевича[2], или порицавшие Петра I за его образ жизни[3]. Осуждались солдаты и за разговоры о появлении антихриста[4].

В 1708 г. в Преображенском приказе слушалось дело солдата Колмакова, привлекавшегося к суду вместе с крестьянами Хохулиным и Мокробородовым, по обвинению «в согласии к воровству и к бунту»[5].

В 1717 г. капрал С. Невстриев за слова «за очи и бояр, и князей, и королей, и государей бранят» был приговорен к наказанию плетьми[6].

Следствие по солдатским процессам велось обычным порядком, с привлечением свидетелей и применением пыток.

Большой интерес представляют найденные в делах Преображенского приказа доносы солдат на офицеров-иностранцев, проникнутые недоверием и неприязнью к ним, а также на наиболее ненавистных начальников.

В 1701 г. такой извет был сделан солдатом Я. Татариновым, обвинившим в измене своего полковника Н. Балка. Татаринов сообщил, что Балк после сражения под Нарвой, разговаривал с пленными шведами по-немецки, а затем приказал вернуть им знамена и оружие. После дачи объяснений, Балк

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., д. 138, 181 и 195, стб. 151 (815).

[2] В 1705 г. солдат Костаусов рассказывал: «В прошлых годех царевич Алексей Петрович отпросился у великого государя в Суздаль, в монастырь, где мать ево, царевичева, богу молитца. И в то де время, отпустив ево, царевича, великий государь поехал за ним царевичем ночью сам и хотел его царевича известь. И встретился ему, государю, навстречу стар человек, борода велика и плешив. И он де (схватил его) за бороду и тот де старый человек (бросил) государя о землю и молвил, полно де тебе, куды ты едешь, воротись назад. И он де государь испужався того и поворотил к Москве» (ЦГАДА, Госархив, разряд VI, д. 16).

[3] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., д. 377, стб. 393 (1143).

[4] Солдат А. Шмулов, сосланный в тюрьму Соловецкого монастыря, говорил: «последние де времена ныне стали. Были де у нас на царстве два царя, а пишут де в книгах, что после тех двух царей будет антихрист. Он де государь антихрист, потому что людей кнутом бьет и головы сечет своими руками, и с немцем табак тянет» (ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 296 (1027).

[5] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 413 (1165).

[6] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., д. 907.

был отпущен, а Татаринов, указом Петра I отчислен из полка и отослан в Преображенский приказ [1].

О недоверии солдат к иноземцам свидетельствует и извет, сделанный летом 1701 г. солдатами, стоявшими на карауле во дворе у капитана Яна Лигница. В нем они сообщали, что денщик поручика Горкера Будылев говорил им: «Наши де капитаны бусурманы, нет в них христианства, что так бьют. Какие де это начальные люди, я де ведаю некогда съезжались они кумпанством своим к Ивану Лигницу и четвертой роты к порутчику на двор и переписывались де в Ругодев письмами, что на Москве делаетца».

На допросе Будылев заявил, что он подозревает в измене целую группу офицеров-иностранцев, бывавших у Горкера, так как ему известно, что они неоднократно через польского и бранденбургского посланников писали за границу. В ходе следствия выяснилось, что офицеры писали письма родным, с ведома своих русских начальников А. Головина и Виниуса. Дело было доложено Петру I. Он приказал немедленно освободить иноземцев, а Будылева отдать «в денщики начальному человеку русскому» [2].

Ложные изветы солдат на ненавистных им офицеров, отличавшихся особой жестокостью и произволом, имели некоторое сходство с «затейными» изветами крестьян на своих помещиков и вызывались тем же стремлением отомстить им за бесчеловечное отношение и тяжкую эксплуатацию.

Типичный «затейный» извет был сделан солдатом Матвеем Сайдашным на полковника Митчела и на известного своей жестокостью Василия Соковнина, назначенного Петром I после казни его отца А. П. Соковнина на службу в Белгород. Свой извет Сайдашный заранее тщательно продумал и умышленно увязал с делом Циклера. Чтобы придать ему большую правдоподобность, он искусно переплел вымышленные им события с достоверными фактами и подобрал необходимых для этого свидетелей, которые могли эти факты подтвердить.

[1] Дело это возникло в Пскове и рассматривалось там же. Татаринов был приговорен за ложный извет к повешению, но к счастью солдата, во Псков приехал Петр I, который, узнав о деле, пожелал лично допросить Татаринова. «И ево, Якова, про тот извет спрашивал: хто ево, Якова, на полковника извещать научал и где ево родина. И он де, Яков, ему государю сказал тож, что и в извете своем говорил, а извещать де ево на полковника никто не научал, а родина ево в Сибири, в Табольску. А из Сибири ево, Якова, вывез боярин и оружейничей Петр Васильевич Шереметев». После допроса, Петр распорядился «ево, Якова, свободить и железа с него снять», а затем приказал отослать его в Москву, в Преображенский приказ. Какова была дальнейшая судьба этого солдата, неизвестно (ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 234 (927) и 246 (940).

[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 205 (897).

Один из таких фактов, который умело использовал Сайдашный, имел место в полку Митчела в 1701 г., за несколько месяцев до подачи извета. Это был случай, происшедший с неким подпрапорщиком Лаврентием, который по какому-то ему одному известному поводу заявил «слово и дело». На допросе полковник Митчел бил подпрапорщика палкой, проломил ему голову, а затем приказал наказать батогами и посадил под арест. Через восемь недель Лаврентий был выпущен и совершил неудачный побег из полка. Он был пойман, доставлен в полк и приговорен за побег к повешению. Затем казнь была заменена ему битьем кнутом, но он не вынес большого количества ударов и после наказания скончался.

Сайдашный, явившись в Преображенский приказ, заявил, что слышал от сына полковника Митчела Ивана, будто бы его отец и Василий Соковнин «умышляли на государево здоровье убивство, как он, государь, ныне пойдет на Воронеж, чтоб ево, государя, на дороге убить до смерти» и этого подпрапорщика Лаврентия «призывали на государево убивство с собой в думу. И он, Лаврентий, в том не утерпел, сказал за собою государево дело». Тогда, показал Сайдашный, полковник Митчел, мучениями и побоями, заставил Лаврентия подписать повинную челобитную, в которой было написано, что он кричал «слово и дело» будучи пьян, и когда Лаврентий, намереваясь спасти царя, бежал, то Митчел поймал его и приказал забить кнутом.

Далее Сайдашный рассказал, что он решил убедиться, действительно ли Митчел и Соковнин имеют намерение убить царя, и заявил сыну Митчела Ивану, что желает принять участие в заговоре. Тот свел его с отцом. Митчел и Соковнин, по словам Сайдашного, спрашивали его: «...мочно ли тебе своей братьи на это дело приговорить» — и убеждали, что «государя убить, учинить не диковина потому что государь ходит малолюдством». Затем Василий Соковнин сказал ему: «Если де ты с нами пойдешь и то дело зделаетца, что государя убьют, а я де буду на Москве, по-прежнему, и ты де у нас будешь взыскан и также полком владеть будешь как теперьво владеет полком Андрей Митчел».

Далее Сайдашный сообщил о том, что, узнав о планах заговорщиков, он решил ехать с изветом и купил себе лошадь, но Митчел заподозрил его в измене и арестовал. Однако ему удалось бежать со Съезжего двора и он явился к генералу Ригеману, которому заявил, что знает «слово и дело». Но Ригеман не отослал его в Москву, а велел сковать и посадить в местную тюрьму. Там его продержали шесть недель, несмотря на то, что он упорно при разных капитанах и поручиках заявлял «слово и дело». В заключительной части изве-

та приводились факты о том, что Митчел сильно злоупотреблял своими правами, брал взятки, использовал солдат не по назначению и жестоко наказывал их.

Следствия по извету Сайдашного не сохранилось [1].

Таким же «затейным» был извет и солдата полка генерала Ригемана И. Степанова, который утверждал, что «говорил де им, солдатам он, Карлус, чтоб они взяв у него зелья, поехали к Москве и дождався в Москве великого государя то зелье как будет он, государь, итти, на переходе посыпать через дорогу и как де государь на то зелье найдет и того де часу его не станет» [2].

Изветы солдат на офицеров, так же как и изветы крестьян на помещиков, кончались большей частью оправданием офицеров и обвинением солдат. Так, в 1704 г. полковник Нелидов, обвинявшийся солдатом А. Братским во взяточничестве и произнесении слов: «...мне де государь не указал, чтоб с вас не брать и впредь де мне государь не укажет». «Воевода де сидит в городе, хочет з города сыт быть, а я де полку полковник завсегда хочу с полку сыт быть, а напредки де покуду поживу в полку буду сыт и стану брать. Не боюсь де я государя, что де похочу в полку, то зделаю», — несмотря на то, что подобные обвинения предъявлялись ему вторично, был оправдан. Извет Братского должным образом не расследовался и основанием для освобождения обвиняемого суду послужили лишь его показания, в которых он отрицал свою вину. Изветчик, выдержавший на допросе две пытки, был признан виновным в ложном доносе и отослан в Адмиралтейский приказ для ссылки на каторгу [3].

Материалы политических процессов солдат показывают, что их недовольство и доносы на офицеров вызывались феодально-крепостническими порядками в армии, тяжелым материальным положением и бесправием солдат.

* * * * *

В делах Преображенского приказа значительное место занимают политические процессы посадских людей, на долю которых приходится около 18% всех слушавшихся там политических дел. Эти процессы также представляют значительный интерес, так как отражают настроения посадских людей и их отношение к политике, проводимой правительством Петра I.

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 369 (1116).
[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 85 (727).
[3] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., дд. 270, 291, стб. 393 (1143).

Недовольство посадских людей политикой правительства вызывалось прежде всего ростом старых и установлением новых, прямых и косвенных, налогов, частыми рекрутскими наборами, насильственным переселением в новые города, увеличением повинностей посадских людей, а также и самим порядком управления, при котором процветало взяточничество, вымогательство, волокита и произвол администрации. Недовольство посадских людей усиливалось ростом числа государственных монополий, регламентацией, введением гербовой бумаги. Большое недовольство вызвал указ о запрещении старого русского платья, причинивший большие убытки многим ремесленникам и торговцам, специализировавшимся на изготовлении и продаже этой одежды. Посадских людей многих городов особенно обременяли постоянные постои солдат. Политика Петра I, ставившая своей задачей возвышение дворянства и защиту интересов богатого купечества, способствовала росту и обострению классовой борьбы в городе.

Верхушка посада получала от правительства разные льготы и привилегии: денежные ссуды, выгодные заказы, право разработки руд и покупки земель, выгодные откупа и т. п. Она увеличивала свои барыши, расширяла старые и открывала новые промышленные и торговые предприятия. Одновременно с этим владельцы мелких и средних ремесленных и торговых заведений разорялись, усиливалась эксплуатация посадской бедноты. Положение рядовых посадских людей резко ухудшилось.

В органах городского управления, возникших в результате реформы, власть также находилась в руках богатых людей. Противоречие между богатой частью и основной массой посадского населения возросло и недовольство рядовых посадских людей резко усилилось. Именно из их среды чаще всего и выходили лица, привлекавшиеся к суду за политические преступления. На скамье подсудимых в Преображенском приказе сидели владельцы небольших лавок и мастерских, ремесленники и мелкие торговцы, не обладавшие большими капиталами и обремененные посадским тяглом, а также представители той части посадского населения, которая жила работой по найму [1]. Случаи привлечения к суду представителей верхушки посада были единичны [2].

---

[1] В Москве к ним примыкали и многочисленные дворцовые служители, обслуживавшие нужды Кремлевского дворца.

[2] Из крупного купечества за порицание правительственной политики к суду привлекался: Г. Романов (Никитин), дело которого было описано С. В. Бахрушиным в ст. «Торги гостя Никитина в Сибири».

Росту недовольства посадских людей политикой Петра I способствовали их тесные хозяйственные и родственные связи со стрельцами, которые после мятежа 1698 г. подвергались жестоким преследованиям. Значительное влияние на настроения посада оказывало и консервативное духовенство, которое объявляло такие непонятные и чуждые народным массам нововведения Петра I, как брадобритие, новое летоисчисление, немецкое платье, куренье табака и т. п., нарушением православной веры.

Недовольство посадских людей и обострение классовой борьбы в городах сильно беспокоили правительство. Поэтому к доносам на посадских людей в Преображенском приказе не случайно относились очень внимательно и обвиняемым, переступившим порог этого учреждения, редко удавалось избегнуть наказания.

Основное содержание политических преступлений посадских людей заключалось в осуждении внешней и внутренней политики Петра, порицании его поведения, сочувствии лицам, признанным правительством государственными преступниками, а также в распространении всевозможных слухов, порочивших царя.

Случаи, когда посадские люди привлекались к суду за выражение сочувствия государственным преступникам, наиболее часто встречались в конце 1690-х и в начале 1700-х годов, после многих массовых публичных казней, которые произвели на народ тяжелое и скорбное впечатление.

К числу таких процессов относится дело торговца московской Казенной слободы Андреяна Фомина и его жены. Оба они были виновны в том, что, возвратившись домой после казни Соковнина и Пушкина, стали бранить царя и выразили мнение: «Напрасно де Федька Пушкин и Алешка Соковнин казнены. Довелось де было вместо их на том месте головам быть тем, хто на них извещал». Донос на Фоминых сделал их кабальный работник Д. Волков, подтвердивший свои показания на двух пытках.

Фомин и его жена на допросе сначала отрицали свою вину и объясняли извет Волкова тем, что он не хочет «по записям жить урочных лет». Но, так как они не являлись дворянами, Ромодановский послал их в застенок и на пытке они признали себя виновными. После этого признания Ромодановский еще раз допросил Фомина, стараясь выяснить, что побудило его так говорить, не знал ли он Соковнина и Пушкина и почему так энергично осуждал изветчиков. Фомин показал, что ни тех, ни других он не знал, а жалел преступников «собою спроста, а не умыслом».

По окончании следствия имущество Фоминых было опи-

сано, а они биты кнутом и сосланы в Сибирь [1]. Жене Фомина кроме того урезали язык. Волков был освобожден от долговой кабалы и награжден десятью рублями [2].

В 1701 г. в Преображенском приказе слушалось дело московского посадского человека переплетчика Фролова, привлеченного к судебной ответственности за положительный отзыв о Талицком. По приговору Ромодановского Фролов был бит кнутом и сослан в Сибирь [3].

Особенно часто привлекались посадские люди к суду за порицание действий Петра в отношении стрельцов и за свое сочувствие к ним.

Одоевский посадский человек Ф. Корольков, работавший по найму посыльным у местного воеводы, возвращаясь из Москвы в Одоев, рассказал встреченным им на пути одоевским дворянам, что на Москву движутся стрельцы и добавил: «поделом де они хотят бояр рубить». За эти слова он был бит кнутом и, по урезании языка, сослан в Сибирь с женой и детьми. Новокрещенная татарка Анна Кучумова, работавшая по найму у стольника Кашаева, в 1701 г. в разговоре с его дворовыми людьми осудила царя за отношение к стрельцам и сказала, что он лично рубил им головы и руку свою «окрепил над стрельцами». По приговору Ромодановского она была бита кнутом и по урезании языка сослана в Сибирь [4].

Сочувствие, выраженное посадскими людьми к стрельцам, в случае доноса неизбежно влекло суровое наказание. Судебному преследованию и наказанию часто подвергались и такие люди, которые и не мыслили порицать поступки царя и действия его администрации.

Посадский человек, сказавший в 1700 г., что «государь де был в Азове и стрельцов, которые были в Азове же простил всех потому, что ему Азов отдали и принесли вину свою. Вот де тебе государь Азов, а в головах наших воля твоя» — был бит батогами «за лишние речи». В 1703 г. посадская женщина А. Пошивалова, жительница Великих Лук, также была бита батогами за то, что стала «тужить по стрельцах, которые кажнены: жаль де мне одново человека, пятидесятника Василья, а чей сын не упомнит, только стоял у ней во дворе» [5].

---

[1] И. Корб сообщает, что такому же наказанию были подвергнуты в 1698 г. некий дьяк и его жена, которые, проходя мимо колесованных стрельцов, вздохнув сказали: «Кто из людей знает виновны вы были или невинны». И. Корб. Дневник путешествия в Московию. СПб., 1906, стр. 69.

[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 57 (673).

[3] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 325 (1068).

[4] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 77 (713), 213 (905).

[5] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 149 (813), д. 62.

Строго карались посадские люди, которые, разговаривая о стрельцах, высказывали предположение, что могут быть новые стрелецкие мятежи.

В 1702 г. московский посадский человек, по прозвищу Маленький, сказавший: «Стрельцов де государь в посад пожаловал и им де то и лучше. Как де они стрельцы съедутца для торгу в один город и они де в собранстве будут и удумав, сделают повешенных стрельцов и краше. А на Москве де у тех стрельцов оставлены дети, которые выданы розных чинов за людей и свойственников много и отрыжка от них, в год или в два, как нибудь, а будет», — за эти слова был бит кнутом, запятнан в обе щеки и сослан в Сибирь. Собеседники Маленького, один из которых подтвердил — «быть де обрату от последних стрельцов», а второй сообщил, будто бы «хотят де последние стрельцы собираться и делать и чинить так же для чего де шли к Москве повешенные стрельцы» — были биты кнутом и отправлены в ссылку [1].

Посадские люди привлекались к судебной ответственности и за представление стрельцам убежища.

В 1704 г. жена вязниковского посадского человека Анна Брызгалова, обвинявшаяся местным попом Лукиным в том, что прятала у себя в доме «ведомого вора, изменника государева, Ваську Окользина», была арестована, пытана и содержалась в тюрьме около года. Вместе с ней был арестован и ее муж. Оба они, в конце концов, умерли от пыток. По ходу следствия к делу привлекалось одиннадцать свидетелей и расследование велось крайне тщательно, хотя «какова чину тот Васька и чей сын и откуда» изветчик не сказал и судья только подозревал, что он был стрельцом [2].

За критику деятельности правительства и за распространение разных слухов посадские люди систематически привлекались к суду в течение всего царствования Петра I.

За резкие выпады против правительства подвергались суду москвичи: часовых дел мастер Петр Кирсанов, истопник Е. Никонов, новгородцы — купец Ф. Кошкин и земский бурмистр Агапитов, дмитровский посадский человек Большаков, вологодец Квасников и многие другие.

Дело Кирсанова возникло в сентябре 1700 года. Извет на часового мастера сделал оброчный крестьянин Новодевичьего монастыря Петр Анурьев, который сообщил, что когда был обнародован указ, обязавший посадских людей нести караульную службу и стали назначать, кому караулить, Кирсанов,

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., оп. 288, стр. 431—432.
[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., д. 121.

стоя в толпе, говорил: «разоряет де нас боярин, князь Иван Борисович Троекуров, стакався со стольником, со князем Федором Юрьевичем Ромодановским и з бурмистры. Затевают напрасно, велят переделывать платье и збирают деньги и тех де денег собрано мало, а боярин де князь Иван Борисович писал к государю через почту ложно, денег де в зборе мало от того, что то платье не переделывают чинятца ослушны, кладут снурки на старые кафтаны. Да се же де ныне хотят ставить на караул. То де все они учинили собою, без государева ведома. Государь де про то и не ведает. Збирайтесь де братцы, пора де их всех каменьем побить».

На допросе Кирсанов отрицал свою вину. Но на очной ставке он допустил разноречие в своих показаниях и был взят в застенок. На второй пытке Кирсанов признал себя виновным.

21 января 1701 г. дело Кирсанова было доложено Петру I. Царь «сей выписки слушав, указал часовнику Петрушке Кирсанову за ево воровство и возмутительные слова, сказав ему смертную казнь, учинить жестокое наказанье: бив кнутом и запятнав сослать в ссылку, в Сибирь, на пашню в дальние городы з женою и з детьми, на вечное житье» [1].

Истопник Столовой палаты Евтифей Никонов был арестован караульными солдатами 11 апреля 1701 г. за то, что кричал: «Великий государь проклят потому, что завел в Московском государстве немецкие чулки и башмаки». Когда его привели на Потешный двор, в Приводную палату, Никонов бился и говорил «сумозбродные слова». На другой день, на допросе он показал, что страдает падучей болезнью и во время приступа теряет разум.

Чтобы проверить его показания, Ромодановский затребовал в Преображенский приказ всех истопников, сторожей и других служителей Столовой Палаты. Явилось 19 человек. Одни показали, что видели Никонова в момент приступа эпилепсии, другие слышали, что он страдает припадками, но никто из них не подтвердил, что больной теряет при этом разум. Тогда Ромодановский решил подвергнуть Никонова своеобразной судебной экспертизе. Он отправил его в Новоспасский монастырь и приказал монастырским властям проследить, будут ли у него приступы болезни. Монахи продержали Никонова до 4 июня. Никаких признаков болезни или умопомешательства они не заметили и отослали его обратно. Продержав его еще месяц в приказе, 4 июля 1701 г. Ромодановский приказал «Явтюшке Никонову за ево воровство и непристойные

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 175 (843).

слова учинить наказание, бить кнутом и запятнав сослать в ссылку в Сибирь, на вечное житье, с женою и с детьми»[1].

Новгородец Ф. Кошкин говорил о Петре I «какой де он царь, он вор, а не царь, царишко, государство все разорил и у нас посадских людей торги отнял». На суде Кошкин пытался оправдаться тем, что когда напивается пьян, то «в безумстве своем что говорит, того не помнит». Показание Кошкина подтвердила его жена и тогда Ф. Ю. Ромодановский поручил генерал-майору Я. Брюсу проверить это показание путем проведения в Новгороде повального обыска. Брюс допросил 161 человека и все они подтвердили, что пьяный Ф. Кошкин буянит и ругается. Многие даже считали его «порченым».

30 марта 1702 г. Ромодановский доложил о деле Кошкина Петру, который приказал сослать новгородца за то, что он в пьяном виде «всякие слова говорил», в Азов, с женой, детьми, отцом, матерью, братьями и всем имуществом[2].

Приговор Петра вызвал целый переполох в семье Кошкиных, так как у обвиняемого было три женатых брата, живших отдельно. Свое хозяйство имел и отец. Все они обратились к Петру с челобитной, прося разрешения остаться на месте. Рассмотрев ее, царь изменил приговор и в ссылку с Ф. Кошкиным отправились только жена и дети[3].

Новгородский бурмистр Агапитов был привлечен к суду за то, что бранил царя и все «царского величества войско» за поражение, которое они потерпели под Нарвой. «Ходили де вы под Ругодев мяса есть да народу трудить, а не Ругодев брать», — говорил он изветчику, сержанту князю Ухтомскому, «есть ли б де мяса не ели, так Ругодев бы взяли». Ухтомский выдвинул против Агапитова ряд свидетелей, в числе которых был генерал-майор Яков Брюс. Конца у дела не сохранилось[4].

Дело дмитровского посадского человека Большакова и его жены Марьи слушалось в Преображенском приказе зимой 1703 г. Возникло оно по извету бродячего портного Кутьина, работавшего в доме Большаковых. Кутьин заявил, что Большаков, примеряя платье нового фасона, бранился и сказал «хто до то платье завел, тово бы де повесил». Жена же Большакова, вспоминая прошлое, говорила «прежние де государи по монастырям ездили, богу молились, а нынешний де государь только на Кокуй ездит, а в монастыри не ездит и богу

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 290 (1027). Отрывки дела опубликованы Новомбергским в кн. «Слово и дело государево», т. II.

[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 312 (1048) и 387 (1136).

[3] Кошкины вели крупную торговлю со странами Западной Европы и перевод в Азов был для них равносилен разорению.

[4] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 349 (1094).

не молитца». Кроме того она в сочувственном тоне упоминала о стрельцах.

Извет Кутьина подтвердили три свидетеля. Не отрицали своей вины и Большаковы. Во время пыток, на которых им задавался вопрос о том, с какой целью они так говорили и кто с ними «в думе был», Большаков умер. Жена его вынесла три пытки, во время которых ей, в общей сложности, было нанесено 75 ударов кнутом, повторяя, что говорила «без умыслу». В конце сентября 1704 г. Ромодановский приказал наказать ее кнутом и сослать в монастырь на Белое озеро. Имущество Большаковых было конфисковано [1].

В 1705 г. за резкое порицание царя и его указа о брадобритии привлекались к суду вологодский посадский человек Квасников и москвич Б. Петров.

Приговора по делу Квасникова, открыто призывавшего не подчиняться указу, не сохранилось. Б. Петров по приговору Ромодановского был бит кнутом, запятнан и сослан на каторгу на 10 лет [2].

В 1707 г. к суду была привлечена посадская женщина Н. Федорова, которая называла Петра I чертом и жаловалась на тяжесть солдатских постоев. По приговору Ромодановского она была нещадно бита кнутом. К такому же наказанию вместе с ней были приговорены изветчик и свидетель — солдаты Гришаев и Федотов, которые, как выяснилось на следствии, сначала не хотели делать на Федорову извета и потребовали от нее в награду за молчание пять рублей. Деньги эти у них были отобраны и записаны в приход Преображенского приказа [3].

Слухи, за распространение которых посадские люди привлекались к суду, были разнообразны. Чаще всего эти слухи относились к Петру I, иногда касались бояр, а также вызывались некоторыми событиями и даже появлением новых указов. Многие из этих слухов, особенно относящиеся к Петру I, были заимствованы ими от духовенства, лиц близких к консервативным боярам и от стрельцов.

Некоторые слухи возникали и в среде посадских людей. Так, например, в 1697 г. по Москве вдруг распространился слух, что в приказах не станут приниматься жалобы на грабителей и грабители, задержанные после двух часов ночи, будут безнаказанно отпускаться. Эти слухи, возникшие вследствие издания указа, запрещающего ночное хождение по улицам, вызвали резкие нарекания по адресу Петра. За распро-

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., д. 93.
[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 393 (1143).
[3] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., д. 427.

странение их стали привлекать к судебной ответственности, как за дезинформацию о действиях властей.

В числе лиц, на которых поступили изветы по этому поводу, оказалась жена владельца портняжной мастерской Кобылина. После допроса Ромодановский вынес приговор: бить ее «вместо кнута, сняв рубаху, плетьми нещадно» [1].

В том же 1697 г., вскоре после казни Якова Янсена, о преступлениях которого бирючи объявляли на площадях во всех городах, в уездах возник слух, будто бы царь сам «тому Якушке голову отсек топором». Ельнинский посадский человек М. Тихонов, рассказывавший об этом в Серпухове и арестованный по извету одного из слушателей, был по приговору Ф. Ю. Ромодановского бит батогами. Легкость наказания объяснялась тем, что, распространяя этот слух, Тихонов хотел не опорочить, а, наоборот, возвеличить царя, и фактически был наказан за то, что в своем усердии перестарался [2].

За распространение слухов о недостойном образе жизни Петра I посадские люди карались судом очень строго.

Новгородский серебряник Карп Железников в 1700 г. был приговорен к битью кнутом, урезанию языка и ссылке в Сибирь за то, что рассказывал, будто бы «государь с христова дни в церкви божией ноября по тринадцатый день не бывал» и «живет в Немецкой слободе», а чердынец Петр Манов за аналогичные разговоры был в 1704 г. бит кнутом и сослан на каторгу «в вечную работу». Посадский Ларчихин, мимоходом упомянувший об отношении Петра к Анне Монс, был в 1707 г. бит кнутом нещадно [3].

Сурово наказывались посадские люди и за передачу слухов о немецком происхождении Петра. Смоленская посадская женщина Матрена была за это преступление приговорена к битью кнутом, урезанию языка и ссылке в Сибирь, «в дальние городы, на вечное житье». Вместе с ней к судебной ответственности был привлечен ее свояк дьяк Авдеев, который знал о преступлении свояченицы, но не принял мер. Во время следствия он умер [4].

Посадский человек Ларион Зломан, живший близ Нижнего Новгорода, в селе Лыскове, за слова «какой де он государь, он де не государь, немчин. Государь де ездил в Стекольное и попал там в неволю и ныне де он, государь, в неволе, в Стекольном, а вместо ево к Москве прислан немчин, а к тому де немчину и сестра приехала из немецкой земли и

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 19 (497).
[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 287 (1018).
[3] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 161 (825), 393 1143), 416 (1168).
[4] ЦГАДА, Госархив, разряд VI, д. 14 и ф. Преобр. пр., стб. 158 (822).

ные она на Москве», — был приговорен боярами к смертной казни. Виновным он себя признал на второй пытке, после которой был пытан еще четыре раза: «в том от кого он те непристойные слова слышал и к какому намерению он их говорил». Зломан проявил большую выносливость и стойкость, перенес в общей сложности 156 ударов кнутом, но никого не назвал. После почти двухлетнего расследования 3 февраля 1703 г. приговор бояр, утвержденный Петром, был приведен в исполнение. Запись в деле гласит, что «тот лысковец Ларион перед Преображенским приказом кажнен, отсечена голова» [1].

Несмотря на суровые наказания, легенда о немецком происхождении царя распространялась длительное время. В 1719 г. за передачу этой легенды посадская женщина Анна Силина была приговорена к ссылке в монастырь на Белое озеро [2].

Посадские люди привлекались к суду и за разговоры об измене бояр.

В марте 1701 г. Ромодановский приговорил к битью кнутом, урезанию языка и ссылке в Сибирь с женой и детьми посадского человека из села Лыскова А. Шевеля, который рассказывал, будто бы «кажнены на Москве, на Болоте, боярин князь Федор Юрьевич Ромодановский да Щербатой, с пятнадцать человек за то, хотели они великого государя изрезать ножом». На допросе Шевель показал, что новость эту он слышал в Нижнем Новгороде, от случайных собеседников, имен которых не знал [3].

В 1704 г. к судебной ответственности за порочащие бояр рассказы были привлечены дворцовый повар Чуркин и его жена. Сам Чуркин, обслуживавший царевну Татьяну Михайловну, рассказывал о ее бедности и бранил кравчего И. С. Хотетовского за жадность: «ей государыне к кушанью ставит яйца гнилые и кормит ее, государыню, с кровью». Кроме того, он бранил Меньшикова и прибыльщиков, возмущался введением налога на бани и длительным сроком солдатской службы. Жена Чуркина передавала один из своеобразных вариантов легенды о пленении и спасении царя, носивший явный антибоярский характер. Она рассказывала, что после того, как царю удалось освободиться из «Стекольного царства», где его ставили на горячую сковороду и держали в темнице, и он возвратился в Москву, бояре решили от него избавиться, для чего «зделали бочку, а в ней набили гвоздья и в тое

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 45 (635).
[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 446 (1199).
[3] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 267 (968).

де бочку хотели ево, государя, положить». Спас царя стрелец, который предупредил его об опасности, а сам лег на его постель и, принятый боярами за царя, был брошен в море. По приговору Ромодановского, Чуркин и его жена были биты кнутом и сосланы в Сибирь, а их дом и имущество конфискованы [1].

В ноябре 1705 г. в Преображенском приказе слушалось дело кадашевца Ивана Гаврилова, который, по словам извет-чика подьячего Кудрявцева, говорил, что «в Астрахани смятение учинилось не от тамошних жителей, учинилось с Москвы, от сильных лиц», «от боярина князь Бориса Алексеевича да от князь Василья Голицына» и утверждал, что будто бы из-за того, что «в том деле имя ево, боярина, князь Бориса Алексеевича помянулось», «стрельцами астраханскими разыскивать перестали».

Признавший себя виновным, Гаврилов показал, что известие это он услышал от посадского Василия Бабушкина, который торгует в бобровом ряду. Бабушкин был также привлечен к ответственности. Конца у дела не сохранилось [2].

Наряду с политическими процессами крестьян, солдат и посадских людей в Преображенском приказе имели место и процессы «гулящих людей». Это были главным образом беглые люди: крестьяне, бросившие свой «тяглый жребий», разорившиеся посадские люди, солдаты, дезертировавшие из армии, бежавшие стрельцы и т. п. Преследуемые и разыскиваемые правительством и помещиками, они вынуждены были постоянно менять место жительства в поисках работы или других средств к жизни. Составляя особую группу населения, неразрывно связанную общностью интересов с широкими народными массами, гулящие люди были опасными и трудноуловимыми возбудителями недовольства политикой правительства Петра I и передатчиками разного рода «непристойных речей».

К числу процессов «гулящих людей» относится процесс нищего Чичи, бывшего крестьянина Галицкого уезда, слушавшийся в 1701 г., и процесс бывшего нижегородского посадского человека Андрея Иванова, слушавшийся в 1704 г. Оба они явились в Москву: Чича — «ходить по миру», так как по старости он работать уже не мог, а Иванов — в поисках заработка.

Чича был арестован во дворе боярина Б. П. Шереметева, куда пришел просить милостыню, по доносу сидевшего там под арестом стрельца Плясунова. Плясунов показал, что Чича

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., д. 204, отд. 393 (1143).
[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., д. 405.

подойдя к нему под окошко и узнав, кто он, сказал: «милые де вы служивые головушки, де пропали занапрасно. Я де и за тех бога молю которые порублены, а иные де под Ругодевом, новоприборные солдаты, пропали от изменников, от бояр и от немцев. А ево де, великого государя, они ж бояре и немцы обошли, час де доброй найдет, все хорошо, а иной де найдет, так рвет и мечет. Да вот де ж и на бога он, великий государь, поступил, от церквей колокола снимает. Из Девичья монастыря колокол взял в триста пуд и все де царство погибает». На допросе в Преображенском приказе Чича признал предъявленные ему обвинения и после четырех пыток был приговорен к ссылке в Сибирь, «в пашню» [1].

Андрей Иванов сам заявил «слово и дело», был взят караульными солдатами и доставлен в Преображенский приказ. На допросе он сказал, что намерен «извещать государю в том, что он, государь, разрушает веру христианскую, велит бороды брить, платье носить немецкое и табак велит тянуть». Иванов надеялся, что царь, выслушав его, прикажет «все то переменить». Во время следствия, подвергнутый тяжелым пыткам, он умер [2].

В 1701 г. к судебной ответственности привлекался гулящий человек Назар Смирной, говоривший, что донские казаки намерены захватить Азов и перейти в турецкое подданство, из-за «воровства бояр». Вместе с ним к суду привлекались и его собеседники, посадский человек Сметанин, кузнец Веретенников и казак Пчелинец, которые также порицали правительство и рассказывали легенду о немецком происхождении Петра [3]. Совершенно аналогичны процессы и других гулящих людей.

Проходившие в Преображенском приказе политические процессы посадских людей показывают, что недовольство деятельностью правительства и усилением феодально-крепостнического гнета охватило многие города и носило массовый характер. В Преображенский приказ доставлялись посадские люди не только из Москвы, но и из других городов: Серпухова, Пскова, Великих Лук, Великого Новгорода, Нижнего Новгорода, Ярославля, Чердыни, Астрахани и др.

В отдаленных от центра городах, где крепостнический гнет сочетался с неограниченным произволом местных властей и был особенно тяжел, недовольство посадских людей принимало крайне острые формы.

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 270 (971).
[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., д. 245.
[3] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., д. 291.

Так, в 1705 г. в Астрахани началось крупное восстание местных стрельцов, солдат и посадских людей против правительства.

Процесс участников Астраханского восстания, рассмотрению которого посвящена следующая глава, был одним из наиболее крупных политических процессов, слушавшихся в Преображенском приказе.

ГЛАВА V

ПРОЦЕСС УЧАСТНИКОВ АСТРАХАНСКОГО ВОССТАНИЯ 1705—1706 гг.

Астраханское восстание 1705—1706 гг. относится к числу тех исторических событий, которые до сих пор еще изучены мало. Буржуазная историография, вообще уделявшая недостаточно внимания проблемам классовой борьбы и народным движениям, не оставила ни одной монографии, посвященной этой теме. Буржуазные историки Н. Устрялов, А. Брикнер, а также крупнейший буржуазный историк С. Соловьев в своих работах по истории России при Петре I рассматривают Астраханское восстание бегло и односторонне, только в связи с изложением ими общего хода исторических событий[1]. Очень мало внимания уделено Астраханскому восстанию и в трудах местных историков-краеведов[2].

Значительным шагом вперед в деле изучения Астраханского восстания были публикации и статьи советского историка В. И. Лебедева, но многие важные вопросы, касающиеся восстания, продолжают оставаться невыясненными.

Изучение Астраханского восстания не входит в задачи данной работы. Однако поскольку процесс его участников проходил в Преображенском приказе, необходимо остановиться на нем более подробно, так как исследование этого процесса поможет и изучению истории самого восстания.

Первая жалоба на злоупотребления астраханских должностных лиц поступила в Преображенский приказ 26 марта

---

[1] С. М. Соловьев. История России...., т. XV, гл. II; Н. Г. Устрялов. История царствования Петра Великого, т. IV, ч. I. СПб, 1863; А. Г. Брикнер. Иллюстрированная история Петра Великого, т. I, гл. XV. СПб., 1902.

[2] М. С. Рыбушкин. Записки об Астрахани. М., 1842.

1705 г. от писаря стоявшего в Астрахани солдатского Тысячного полка Семена Калачникова. Долгий путь в Москву он совершил с целью принести извет на капитана своего полка «новокрещенного иноземца» Мейера и воеводу Тимофея Ржевского, надеясь тем самым раскрыть и пресечь их самоуправство и незаконные действия. По сообщению Калачникова Мейер был крайне жесток, всячески притеснял солдат и использовал их в личных целях. Несмотря на правительственный запрет, он посылал их в набеги на калмыков и забирал себе захваченную добычу. Мейер брал взятки, обсчитывал солдат при выдаче жалования. Некоторых из них он заставлял брать для себя взаймы деньги, а затем расплачиваться по этим долгам. Из-за Мейера, показал Калачников, «многия бежали и домов своих отстали». Все попытки подать жалобу на капитана воеводе кончались тем, что он брал челобитчиков в Приказную Палату, держал под арестом и бил кнутом «безвинно» [1].

Извет был принят, но Ф. Ю. Ромодановский не придал тревожному сигналу из Астрахани никакого значения. Подобные жалобы на злоупотребления «начальных людей» были часты и разбирались далеко не всегда. Показания Калачникова были записаны, положены вместе с составленной им челобитной в ларь и забыты.

Однако очень скоро Астрахань грозно напомнила о себе. В июле 1705 г. там началось одно из крупнейших восстаний первой четверти XVIII в., охватившее ряд юго-восточных городов.

В начале XVIII в. Астрахань была одним из самых крупных городов России. Удобное географическое расположение, благодаря которому она стала центром торговли с востоком, множество расположенных в ее окрестностях соляных озер, богатых самосадочной солью, и обильные рыбой воды Волги и Каспийского моря способствовали быстрому развитию города. Обширный астраханский посад, населенный торговцами и ремесленниками разных специальностей, соле- и рыбопромышленниками, виноградарями, морскими кормщиками, постоянно пополнялся торговыми людьми, приезжавшими из разных городов России и стран Востока. Весной и летом в Астрахань стекалось большое количество беглого и гулящего люда, находившего себе работу в порту, на соляных и рыбных промыслах, на расположенных под Астраханью государственных селитренных заводах. В Астрахани и ее окрестностях постоянно жили и юртовские татары. Вследствие погра-

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., д. 336, по описи 287.

ничного месторасположения Астрахани и близости к калмыкам; только недавно признавшим власть русского государя, в городе находился значительный военный гарнизон из конных и пеших стрелецких, а также солдатских полков [1].

Восстание, вспыхнувшее в городе с огромным и пестрым по своему составу населением, который имел важное военное и экономическое значение в жизни русского государства, вызвало серьезную тревогу и опасения у правительства Петра I. В напряженный период Северной войны оно отвлекало значительные военные силы и нарушило нормальную хозяйственную и финансовую деятельность страны. Пламя восстания угрожало распространиться в Поволжье и донские «верховые городки», где имелось большое количество недовольных, среди которых было много беглых крестьян и гулящих людей. Правительству было необходимо быстро и энергично подавить восстание и тем самым предотвратить угрозу его перерастания в крестьянскую войну.

Петр I, находившийся в Гродно, узнав о восстании и допуская возможность похода восставших на Москву, в письме от 12 сентября 1705 г. отдал Т. Н. Стрешневу распоряжение вывезти из Москвы и спрятать в надежном месте находившиеся там деньги, ценности, оружие [2].

Серьезные опасения, которые внушало Петру I астраханское восстание, заставляли его использовать в борьбе с ним все имеющиеся в распоряжении правительства средства.

Район восстания был блокирован и связи восставших с ближайшими городами и областями прерваны. Опасаясь, что астраханское движение все же найдет отклик в соседних районах и стремясь ослабить недовольство населения правительством, Петр I приказал прекратить в ряде уездов взыскание недоимок по налогам, снизил и даже отменил отдельные поборы.

Правительству Петра I удалось также использовать и углубить внутренние противоречия в лагере восставших во время переговоров с ними, что значительно ослабило силу восстания. Одновременно против восставших были брошены крупные военные силы, подкрепленные отрядами казаков и калмыков.

---

[1] В 1705 г. в Астрахани стояли два конных стрелецких полка, общей численностью 1000 человек, солдатский (Тысячный) — 1000 человек, Московский стрелецкий полк — 600 человек, три астраханских стрелецких полка с общим количеством 900 стрельцов (Д. Галачалова, Б. Кореитова, М. Кореитова) и солдатский так называемый Яхтинский полк, обслуживавший флот.

[2] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, т. XV, стр. 1383. Изд. «Общественная польза».

В марте 1706 г. восстание было подавлено. Многие активные участники его были арестованы и преданы суду. Процесс участников Астраханского восстания велся в Преображенском приказе.

* * * * *

Первые известия о восстании в Астрахани, полученные в Москве в августе 1705 г., поступили в приказ Казанского Дворца, ведавший всеми приволжскими землями, от астраханского стрелецкого полковника Дмитрия Галачалова. В своем письме Галачалов сообщал, что «июля против 30-го числа в четвертом часу ночи в Астрахани московские и астраханские конные и пешие стрельцы и солдаты учинили бунт». Ворвавшись в Кремль они «били в набат, как на пожар» и собрали огромное количество людей. Затем «из начальных людей Никиту Зажарского [1] и других, захватя в Кремле, побили до смерти. А июля 30 числа в десятом часу дни, сыскав воеводу Тимофея Ржевского и в кругу говоря ему бутто он бороды брить и платье немецкое носить заставил своим изволением, убили до смерти. И многих начальних людей сыскав побили ж, а иноземцы де все побиты». Галачалов извещал, что восставшие избрали себе атаманов: рыбопромышленника Якова Носова, астраханского посадского человека Гаврилу Ганчикова и стрельца из его полка Ивана Астраханца. В заключение он предупреждал, что астраханцы намереваются склонить к измене донских казаков, которым написали письмо с призывом поддержать восстание [2].

Послав соответствующее донесение Петру I, находившемуся под Митавой, судья приказа Казанского дворца князь Б. А. Голицын изложил содержание письма Галачалова, боярам, созванным Т. Н. Стрешневым на совещание по поводу астраханских событий. Бояре сразу же квалифицировали события в Астрахани как опасный «бунт», разработали план первых мероприятий против восставших и избрали для ведения военных действий воеводу. Спустя три недели, задолго до подавления восстания, в Преображенском приказе началось предварительное следствие по «Астраханскому делу».

Началом предварительного следствия по «Астраханскому делу» следует считать 17 сентября 1705 г., когда из Посольского приказа в Преображенский привезли задержанных в Черкасске и переправленных в Москву делегатов Астрахани на Дон. Одновременно в Преображенский приказ были

---

[1] Н. Зажарский был полковником одного из стрелецких конных полков.

[2] ЦГАДА, Госархив, разряд VI, д. 17, л. 6.

переданы адресованная Посольскому приказу[1] отписка донского атамана Лукьяна Максимова и документы, отобранные у арестованных астраханцев.

Л. Максимов писал, что астраханские «посыльщики» появились в Черкасске 25 августа и потребовали экстренного сбора Донского круга. Кругу «посыльщики» предъявили письмо за многими подписями и астраханской городской печатью, в котором астраханцы сообщали казакам об убийстве ими воеводы Т. Ржевского и призывали стать с ними «в обче» за веру и старые обычаи. Посланцы показались Донскому кругу подозрительными и были задержаны.

В той же отписке Л. Максимов сообщал, что по сведениям царицынского воеводы Турчанинова, полученным им от калмыков из кочующего близ Астрахани улуса Чемета, восставшими убито 300 человек «начальных людей». В будущем же они намереваются «быть в Царицыне, а с Царицына быть в Азове и на Таган Роге, а лотки де у них готовы»[2].

Прежде чем приступить к допросам арестованных, Ф. Ю. Ромодановский познакомился с содержанием отобранных у них документов. Это были «проезжее письмо», выданное делегатам астраханским правительством, письмо астраханского круга к донским казакам и грамота Земского приказа о введении в Астрахани немецкого платья, отправленная в июле 1705 г. воеводе Т. Ржевскому.

«Проезжее письмо», заверенное печатью «Великого государя града Астрахани», было адресовано «на реку на Дон, во все донские городки к атаманам и казакам». В нем от имени «старшин Якова Носова да Гаврила Ганчикова и от всего Астраханского войска» сообщалось, что астраханские служилые люди М. Скорняков и И. Кисельников «с товарыщи» едут «с нашим письмом до Черкасского города» «с ведомостью, что мы стали за веру христианскую» «для того, что в Астрахани воеводы и начальные люди кланелись болваном, кумирским богом и немецкое платье носили и бороды и усы брили и нас заставливали тож чинить поневоле». «Проезжее письмо» было датировано 2 августа 1705 г. и кончалось просьбой пропустить посланных в Черкасск[3].

В письме на Дон, датированном 31 июля 1705 г., которое было адресовано войсковому атаману и всему войску Дон-

---

[1] Территория, занимавшаяся донскими казаками, находилась в ведении Посольского приказа.

[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 400 (1150).

[3] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 397 (1147).

скому, а составлено от имени астраханского войска и всех посадских людей, причины восстания излагались подробнее [1].

«Ведомо мы вам чиним,— писали астраханцы,— что у нас в Астрахани учинилось за веру христианскую, и за брадобритие и за немецкое платье и за табак. И что к церквам божиим нас и наших жен и детей в русском старом платье не пущали, а которые в церковь поидут и у тех, у нашего мужского и женского полу платье обрезывали и от церквей отлучали и выбивали вон и всякое ругательство нам и женам нашим и детем чинили и болванам кумирским велели поклоняться». Далее они жаловались на введение новых налогов на бани и погреба, и на отмену хлебного жалования стрельцам. Все притеснения привели к тому, писали астраханцы, «что стала нам быть тягость великая» и мы, «посоветовав меж собой», «того не могая терпеть и веры христианской отбыть, противились и воеводу Тимофея Ржевского и из начальных людей иных убили до смерти, а иных посадили за караул».

Затем астраханцы сообщали, что слышали, будто бы «в Казани и в иных городех поставлены немцы по два и по три человека на дворы и тамошним жителям и женам их, и детем чинили утеснения и ругательство по вышеписанному, как и нам было в Астрахани». Письмо заканчивалось призывом к казакам «за веру христианскую обще постоять и умереть». На обороте письма находилось 146 подписей [2].

Грамота Земского приказа о немецком платье, отобранная у посланцев на Дон, должна была, по-видимому, служить доказательством правдивости жалоб астраханцев на запрещение русского платья и возбудить, вместе с письмом, недовольство среди казачества.

Документы, присланные в Преображенский приказ, представляли для следствия большой интерес, так как вышли из лагеря восставших и отражали их настроения, требования и задачи. Одновременно они являлись бесспорным доказательством обвинения и позволяли следствию установить ряд неизвестных ему деталей восстания.

---

[1] За текстом письма следовал длинный список имен стрелецких пятидесятников, сержантов и посадских людей, который заканчивался словами: «и все, что в Астрахани есть». Имена Я. Носова и Ганчикова в этом списке никак не выделены и помещаются среди подписей других посадских людей. Это позволяет предположить, что в момент составления письма они не являлись старшинами, что и подтверждается впоследствии другими материалами следствия.

[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 398 (1148). Копия этого письма, находящаяся в письме Ф. Апраксина Петру I, опубликована Н. Устряловым. См. Н. Г. Устрялов. История Петра Великого, т. IV, прил. 2, док. 324.

Прежде всего в письме на Дон имелось признание в сознательно организованном убийстве воеводы и «начальных людей», так как астраханцы сами сообщали, что совершили это убийство «посветовав меж собой». Затем в письме говорилось, что основной причиной восстания явились насилия со стороны воеводы и других административных лиц, связанные с введением немецкого платья. Но, с другой стороны, астраханцы открыто заявляли о своем нежелании носить это платье, брить бороды, курить табак и призывали казаков совместно бороться против этих нововведений. Тем самым восставшие признавали, что они не только порицают царские указы, но и «чинят противность» им. Составление и отправка восставшими письма на Дон свидетельствовали о том, что астраханцы энергично стремились привлечь на свою сторону казачество и расширить границы восстания, направленного не только против воеводы Т. Ржевского, но и против политики правительства Петра I.

Для следствия ценность письма на Дон заключалась также в том, что на нем поставили свои подписи непосредственные участники астраханских событий. Эти подписи могли помочь выявить главных «заводчиков бунту».

Так как перед каждой подписью указывалось звание лица, давшего свою подпись, следствие могло определить, что в восстании принимали участие разные слои населения: стрельцы, солдаты и как астраханские, так и приезжие посадские люди. Среди подписей посадских людей наряду с подписями рядовых членов посада встречались подписи земских бурмистров, бурмистров Делового двора и лиц, принадлежавших к гостинной сотне. Несколько нерусских подписей свидетельствовало о том, что к восстанию присоединились юртовские татары, индийцы и армяне.

Все лица поставившие свои подписи под «воровским» письмом, признавались бунтовщиками и должны были быть привлечены к ответственности. Письмо с их подписями являлось неоспоримой уликой против них и давало основание произвести аресты рукоприкладчиков тогда, когда это станет возможным [1].

Допрос астраханских посланцев на Дон производился в присутствии съехавшихся в Преображенский приказ бояр.

---

[1] Однако впоследствии этот список в качестве основания для арестов использован не был. Многие подписавшие письмо на Дон лица не только отошли от восстания, но и перешли на сторону правительства и за измену восставшим получили прощение. Аресты производились по спискам, составленным в Астрахани, в канцелярии фельдмаршала Шереметева, который был послан подавить восстание.

Делегация астраханцев на Дон состояла из пяти человек. Во главе её стояли стрельцы Конного полка Михайло Скорняков и Иван Кисельников. Кроме них, в состав делегации входили стрелец Конного полка Яков Якимов, стрелец Московского полка Григорий Артемьев и младший подьячий Астраханской Приказной Палаты Иван Ермаков. В качестве охраны им были даны два черноярских стрельца Волокушин и Кормильцов [1]. Все они заявили, что участия в восстании не принимали и были посланы на Дон «неволею», причем везли их будто бы туда под караулом. М. Скорняков показал, что когда началось восстание, он хотел бежать в калмыцкие степи, но был задержан астраханскими стрельцами, после чего вскоре получил приказание ехать на Дон. Г. Артемьев прежде всего попытался отмежеваться от стрельцов, заявив, что он «стрелецкой службы не нес», «имел торговый промысел и вместо себя на караулы наймовал». Он утверждал, что на Дон послан силой и «ныне де от тех бунтовщиков страждает в подослании с письмами невинно». Кисельников и Якимов, желая доказать свою непричастность к восстанию, заявили, что они «и жены их и дети ходят в таком платьи какое им носить велено, и бороды, и усы у себя бреют безо всякого принуждения, из доброй своей воли» [2].

Охотно давая показания о себе, астраханские «посыльщики» становились довольно сдержанными, когда заходила речь о самом восстании и его участниках. Так, все они, включая и Г. Артемьева [3], показали, что не знают имен «начальных заводчиков бунту».

Самыми подробными по сравнению с показаниями других оказались показания М. Скорнякова. Он сразу же подтвердил сведения полковника Д. Галачалова, сказав, что «то де смутное время в Астрахани учинилось от Московских стрельцов и от солдат, которые на житье сосланы в Астрахань». Отговорившись незнанием имен организаторов восстания, он показал, что «ныне де у тех бунтовщиков начальными людьми ярославец гостинной сотни Яков Носов, который был в Астрахани у государева рыбного промыслу, да астраханец посацкой человек Гаврило Ларионов, да Антип Ермолаев сын, прозванья не упомнит, да астраханской стрелец Дмитриева

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 400 (1150).

[2] Там же.

[3] Как выяснилось впоследствии, Г. Артемьев не только знал имена всех организаторов восстания, но и сам являлся одним из «начальных заводчиков». В ночь на 30 июля он руководил вторжением стрельцов во двор капитана Мейера и лично убил его жену.

полку Галачалова, Федор Шолудяк и всеми де астраханскими жителями возмутили и ныне возмущают» [1].

Это показание оказалось очень важным для следствия. Во-первых, благодаря Скорнякову, из списка лиц, подписавших письмо на Дон, кроме Я. Носова и Ганчикова, чьи имена были уже известны Ф. Ю. Ромодановскому по документам, судья получил возможность выделить как «пущего заводчика» еще одного человека — бурмистра Антипу Ермолаева. Во-вторых, Скорняков назвал как «начального человека» стрельца Шелудяка. Сопоставляя это показание с упоминанием Галачалова о стрельце Иване Астраханце, следствие установило имя еще одного «заводчика бунту» имя Ивана Шелудяка.

Отвечая на вопрос о причинах восстания, Скорняков показал, что не знает, какой именно факт послужил толчком к началу восстания, но за несколько дней до этого в городе было сильное брожение и недовольство, вызванное насильственным бритьем бород и обрезыванием русского платья. В Астрахани, сказал Скорняков, кроме того, ходили слухи о том, что воевода намерен отобрать у стрельцов оружие и заставить поклоняться болванским кумирам. Он пояснил, что «кумирами де они, бунтовщики, называют столярные работы личины деревянные, на которых у иноземцев и у русских начальных людей кладутца накладные волосы, ради бережения, чтоб не заминались». Скорняков показал, что астраханцы надеются найти поддержку у донских и яицких казаков, а также в Царицыне. На вопрос Ф. Ю. Ромодановского о настроении донских казаков Скорняков ответил, что в Черкасске и тех городках, которые их делегация проезжала, они «ни единого человека такого не видали, которой бы о каком возмущении разговаривал и повидимому де они, донские казаки, к тем бунтовщикам не пристанут» [2].

Важным дополнением к письмам на Дон и показаниям Скорнякова были показания черноярских стрельцов Волокушина и Кормильцова. От них бояре узнали о присоединении к Астрахани Черного Яра, аресте черноярского воеводы Вашутина и избрании черноярским атаманом дворянина Кузьмы Калентьева. При этом Волокушин и Кормильцов заявили, что Черный Яр присоединился к Астрахани «неволею», под давлением большого отряда астраханских стрельцов, который заставил черноярцев принести присягу астраханскому правительству. О себе Волокушин и Кормильцев показали, что они были назначены к Скорнякову

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 400 (1150).
[2] Там же.

и его товарищам в провожатые и ехали с ними от Черного Яра до Черкасска.

Единообразие показаний, скупость содержащихся в них сведений и малоубедительные уверения посланцев в их непричастности к восстанию не могли не вызвать сомнений. Вскоре они подтвердились. Через несколько дней из приказа Казанского дворца в Преображенский было передано письмо, написанное Скорняковым и Кисельниковым «с товарыщи» в Астрахань еще до их приезда в Черкасск и перехваченное правительственной администрацией где-то на пути. В этом письме делегаты сообщали Я. Носову и Г. Ганчикову, что они благополучно миновали Верхний и Нижний Чиры и Пятиизбянск, отпустили охрану, за исключением двух стрельцов, и едут дальше одни. Они писали, что посланное с ними письмо, согласно инструкции круга, читали во всех городках и задержаны не были. Таким образом, оказалось, что расставшись со стрелецкой охраной и очутившись вне сферы влияния астраханцев, Скорняков и его спутники не поспешили бежать, а продолжали выполнять задание восставших. По приказу Ф. Ю. Ромодановского все семеро были взяты в застенок и подвергнуты пытке. Однако новых показаний никто из них не дал [1]. После этого Ромодановский, выполняя требование Петра I, отправил всех арестованных по «Астраханскому делу» «к царскому величеству в поход, в Польские городы» [2].

Отослав арестованных, Ф. Ю. Ромодановский немедленно приступил к дальнейшему сбору сведений об Астраханских событиях. Прежде всего, он потребовал от приказа Казанского Дворца присылки копий всех сообщений, поступавших туда с места восстания. В ответ на это требование ему были присланы копия упоминавшегося выше письма полковника Галачалова и копии протоколов показаний, данных по прибытии в приказ Казанского Дворца тем же Галачаловым и смотрителем астраханских селитренных заводов Г. Мансуровым. Эти показания Ромодановскому было важно иметь в деле, так как, во-первых, они исходили от лиц, принадлежащих к правительственной администрации, а во-вторых, от непосредственных очевидцев событий.

В своих показаниях Г. Галачалов подтвердил, что восстание было начато стрельцами и солдатами, а затем в общих чертах повторил то же, что ранее изложил в письме. Он

---

[1] ЦГАДА, Госархив, разряд VI, д. 17, л. 5.

[2] Письмо Петра I Ромодановскому от 21 сентября 1705 г., опубликованное Н. Устряловым в его «Истории Петра Великого», т. IV, прил. I, док. 136 и ЦГАДА, Госархив, разряд VI, д. 17, л. 5.

добавил только, что, кроме него, остались в живых товарищ воеводы Апухтин и полковник Армянинов, скрывшиеся в доме митрополита. Восставшие их не тронули и даже пытались добиться, чтобы они вместе с митрополитом подписали письмо на Дон, для чего приходили к митрополичьим покоям «всем кругом». Получив отказ, восставшие поставили к хоромам митрополита караул. Галачалову удалось бежать в степь и с помощью калмыков достичь Саратова [1].

Из показаний смотрителя селитренных заводов Мансурова явствовало, что на заводы явился отряд вооруженных стрельцов, которые подняли заводских работных людей, и с их помощью перебили заводскую администрацию и работавших на заводах пленных шведов. Спасая свою жизнь, Мансуров бежал в степь, где был подобран калмыками.

Спустя некоторое время, из приказа Казанского Дворца в Преображенский приказ было прислано 12 черноярских стрельцов, привезенных из Царицына. Стрельцы подтвердили показания Волокушина и Кормильцова. О себе они сообщили, что были назначены в провожатые к астраханским «посыльщикам» и довезли их до Нижнего Чира, после чего, не желая принимать участия «в бунте» и боясь «смертного убивства, на Черный Яр не поехали, а поехали на Царицын, явитца, воеводе и в степи калмыки поимав их, отвезли на Царицын воеводе» [2]. Допросив черноярцев, Ф. Ю. Ромодановский отослал их к Петру I. На этом первый этап предварительного следствия закончился.

* * * * *

В то время как в Преображенском приказе восстанавливались детали событий, происшедших в Астрахани, восстание успело перебросится в ряд других городов. В Москву поступали тревожные сведения о присоединении к Астрахани Красного Яра и Гурьева, о восстании на Тереке [3], о движении астраханцев к Царицыну.

Быстрое развертывание событий требовало от правительства принятия немедленных и энергичных мер. Но посланный на подавление восстания фельдмаршал Шереметев с войсками двигался слишком медленно и, чтобы выиграть время и ослабить восстание, Петр I решил воздействовать на астраханцев мирными средствами. 11 октября 1705 г. он приказал составить от своего имени грамоту к восставшим, в которой

[1] Позже выяснилось, что спаслись и полковники М. Кореитов и Б. Кореитов, нашедшие, как и Галачалов, убежище у калмыков.

[2] ЦГАДА, Госархив, разряд VI, д. 17, л. 5.

[3] Город Терек был расположен на р. Терек у его впадения в Каспийское море. В 1725 г., после персидского похода, крепость была ликвидирована и жители Терека переведены в новую крепость св. Креста.

«отечески» порицал их за восстание[1] и советовал «от сего намерения отстать и напамятовать обещание и крестное целование и свои верные службы». Он предлагал им прекратить мятеж, прислать ему повинную челобитную и предупреждал, что в противном случае «за то ваше ослушание и упорство, непопредит Бог, и неповинные крови взыщутся и посланы будут на вас ратные люди». За подачу повинной грамота обещала «указ милостивый»[2]. Своим послом к астраханцам Петр I направил астраханского «посыльщика» Ивана Кисельникова.

Переговоры Петра I с повстанцами не оказали сколько-нибудь значительного влияния на работу Преображенского приказа по выявлению активных участников восстания. Ф. Ю. Ромодановский хорошо понимал истинный смысл переговоров Петра I с астраханцами и знал, что помилование никогда не будет распространено на организаторов и руководителей восстания. Поэтому он продолжал тщательно собирать все данные, которые проливали свет на астраханские события.

В декабре 1705 г. в Москву прибыл терский воевода Дмитрий Молостев. Проявив незаурядную энергию и решительность, он выдержал в своих хоромах 15-недельную осаду восставших, а затем тайно выбрался из города[3] и, собрав преданных правительству людей, подавил восстание терчан.

Штурмом овладев городом, Молостев по собственной инициативе произвел на месте следствие и вынес смертные приговоры тем, кого считал наиболее опасными и активными деятелями восстания. После этого он явился в Москву, чтобы отдать отчет в своих действиях.

Молостев привез в Преображенский приказ протоколы произведенного им следствия и четырех участников восстания — стрельцов стоявшего в Тереке московского полка Некрасова. Эти протоколы и показания стрельцов в сочетании с показаниями самого Молостева позволили Ф. Ю. Ромодановскому полностью восстановить картину терских событий и выяснить, какую роль играли в них астраханцы.

---

[1] «Ведомо нам в. г., учинилось, что между вами учинилось в Астрахани междоусобие. Воеводу Тимофея Ржевского и полковников и начальных людей побили. Да вы же имеете намерение свое итти в верховые городы. А для чего и за что у вас такое междоусобие учинилось, о том нам великому государю неведомо. И буде от воеводы были к вам обиды и налоги или наши в г. наложены на вас какие поборы и вам стало быть несносно, вам бы было о том бить челом, а так не чинить» (ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 399 (1149).

[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 399 (1149).

[3] Он забрался в пустую бочку и был вывезен в ней верными ему людьми за пределы города (ЦГАДА, Госархив, разряд VI, д. 17, л. 137).

Степан Тимофеевич Казак, терский житель, занимавшийся выделкой стругов, который был избран восставшими терчанами в помощники атамана, а затем казнен Молостевым, на следствии в Тереке показал, что волнения в городе начались по приезде туда астраханских «посыльщиков».

Делегация Астрахани на Терек, возглавляемая стрельцом Иваном Емельяновым, также как и делегация на Дон, была снабжена письмами. Кроме того, она привезла с собой деревянный манекен для париков, который показывали терчанам, как доказательство того, что «начальные люди» поклонялись болванам. Иван Емельянов и его спутники действовали в Тереке гораздо активнее, чем Скорняков и Кисельников в Черкасске. Прежде всего они собрали вокруг себя терчан, создав таким образом «круг», и прочли им письма. Особенно сочувственно слушали астраханцев стрельцы полка Некрасова, челобитчики которых незадолго до восстания ездили в Астрахань с жалобой на своего полковника и имели дело с воеводой Т. Ржевским. «За то их челобитье,— показал в Преображенском приказе терский стрелец Яков Юрасов,— ево, Якова, да товарища ево Семена Семенова он, Тимофей Ржевской, бил» [1].

После чтения писем терские жители «закричали всем кругом», что они «с ними, астраханцы, за веру стоять готовы». Кроме того, делегаты Астрахани выступали с речами, в которых говорили о поругании веры иноземцами, о том, что иноземцы издеваются над русскими обычаями и что все это происходит из-за того, что «великого Государя в живе нет».

«Приехав астраханцы на Терек,— показывал Степан Казак,— привезли письмо князь Алдигирею Канбулатовичу Черкатому и к терским всяким жителям и гребенским казакам и теми письмами и болванами всех возмутили. И бутто великого Государя в живе нет, а облатынили де веру немцы и велят молитца болванам. Есть ли де вы за веру станете и вы де к нам пришлите на помощь людей. И те слушачи слова все устрашились и всем городом возмутились и пришли к воеводе на двор с кольи» [2]. Стрельцы полка, сосланного из Москвы в Терек, Иван Кошуля и Семен Серебряк, как показал в Преображенском приказе стрелец того же полка Г. Ветошник, «с кольи те письма выслушав пошли к воеводе

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 412 (1163). Своего полковника Некрасова, показал Юрасов, они обвиняли в том, что он систематически удерживал у них деньги при выдаче жалования: «сперва по 8 алтын 2 деньги, в другорядь по 10 алтын, в третий ряд по 20 алтын, в четвертых по 16 алтын 2 деньги у человека».

[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 395 (1145).

на двор и просили подполковника на Илью Некрасова убить, и воевода им ево не отдал» [1].

На следующий день «по утру»,— рассказывал С. Казак,— терчане снова «приходили всем городом на двор под окошко» к воеводе. Молостев, стоя у окна, «им говаривал ис хором, чтоб астраханцам веры не имать и не мутитца, а есть ли бы государя в живе не было и о том бы де ему воеводе ведомость была б преж их. И чтоб им не мутитца и воровским письмам и смутным речам веры не имать, а на ково есть досады и вы де принесите челобитье и тем будет указ». Выслушав речь воеводы, московские стрельцы, как показал Казак, «почали кричать несугласно». По-видимому, они вновь стали требовать выдачи Некрасова, так как далее, по словам Г. Ветошника, «многолюдством с ружьем вломясь к нему в хоромы, взяли ево Илью сильно и отвезли в приказ за караул и ис приказу взяв и пытав убили всем полком до смерти» [2].

Впоследствии стрелец Некрасовского полка Иван Голый, попавший в Преображенский приказ после падения Астрахани, добавил, что стрельцы его полка «выбрав старшин, учали всем полком полковника своего Некрасова, собрався в Кремле, пытать. И на пытке спрашивали чево он вычитал деньги из их годового жалования по полтине и по 20-ти и 23 алтына 2 деньги у человека, и по какому указу и где он те вычетные деньги дел. И пытав его, положа на плаху, всем их полком стрельцы велели ему отсечь голову. И он де, Иван, с своею братьею, стрельцами, ему, Илье, голову отсечь приговаривал и кричал, чтоб ево жива не пускать за то, что он, Илья, будучи их полку, после полковника их Петра Козлова, побил многих стрельцов до смерти, а имяно убил Ивана Короткова за то, что он, Иван, будучи у него на карауле у журавля ево переломил ногу» [3].

После этого, «сошед с двора», стрельцы и терчане выбрали атаманом посадского человека Василия Авдеева, а его помощником Степана Казака. Затем,— показал на следствии Казак,— терчане «о соединеньи с астраханцы крест целовали всем городом и гребенские казака в том же целовали крест и черкаса и татара куран целовали в соединеньи быть с ними» [4].

После ухода терчан с воеводского двора Молостев с верными ему людьми запер ворота и превратил свои хоромы в

---

[1] В. И. Лебедев. Астраханское восстание 1705—1706 гг. Ученые записки Моск. гор. пед. ин-та, т. II, вып. I за 1941 г.

[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 395 (1145), стб. 416 (1167).

[3] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 412 (1163).

[4] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 395 (1145).

крепость, которая оказалась в состоянии вынести длительную осаду.

Однако единства среди терчан не было. Прежде всего, восстанию не сочувствовала верхушка посада. Сам атаман Василий Авдеев, избранный, впрочем, как показал С. Казак, «неволею», был сторонником воеводы. Колеблющуюся позицию занимали стрельцы Терского конного полка. Верность правительству сохраняла большая часть гребенских казаков во главе с атаманом К. Федоровым [1]. На стороне воеводы остался и черкасский князь Дивей Канбулатович.

Находясь среди терчан, сторонники воеводы вносили раскол в ряды восставших, вселяя в них недоверие к астраханцам. Особенно усердие, по словам Молостева, проявил уздень Дивея Темирхан, который «пуще всех великому государю прямил и на всех бунтовщиков кричал и от того воровства их унимал» [2].

Отсутствие единства ослабляло ряды восставших и усиливало позиции воеводы. Это хорошо понимал представитель наиболее решительной части восставших Михаил Страхов.

Писарь Московского стрелецкого полка М. Страхов, человек незаурядный и хорошо грамотный, пользовался большим авторитетом как у своих однополчан, так и вне полка. При выборе старшины он был введен кругом в члены правительства восставших в качестве писаря и казначея. В противоположность Авдееву и довольно инертному и нерешительному Казаку, Страхов был сторонником решительных действий. Добровольно присоединившийся к восстанию в силу внутренних убеждений, Страхов стал наиболее решительным и активным руководителем терчан. О том, чтобы поднять в Тереке

---

[1] Гребенской казак Кирсан Бедрин, находившийся в момент восстания в Астрахани и затем включенный в состав посольства И. Емельянова на Терек, попавший в Преображенский приказ после падения Астрахани, впоследствии дополнил рассказ Молостева некоторыми подробностями. Он показал, что возбудив терчан, И. Емельянов отправился в Гребени. «И как они приехали в Гребени, и воровские письма гребенскому атаману Кириле Федорову подали, и болванов объявили и такие слова, что в Астрахани воевода и начальные люди астраханских жителей заставливали кланятца кумиру таким болваном, а государя на Москве в живе нет, и Москвою и боярами и князьями овладели немцы, осталось де всего бояр три человека и те в бегах, слыша от астраханских бунтовщиков в кругах, а от кого за многолюдством не упомнит, говорили». Но, показал Бедрин, «в Гребенях де тому воровскому письму и их воровским словам гребенские атаманы и старшины и гребенские жители не поверили и к тому воровству не пристали и в Астрахань не поехали. А выбрались де из Гребеней охотники, гулящие люди и бездомные, всего 18-ть человек и в Астрахань поехали» (В. И. Лебедев. Астраханское восстание 1705—1706 гг. Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та, т. II, вып. I за 1941 г.).

[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 395 (1145).

восстание против правительственной администрации он думал задолго до приезда астраханцев. «Есть-ли бы де вы не поспешили астраханцы на Терек,— писал он в Астрахань,— и у нас быть было де такому делу, что и у вас в Астрахани— побить воеводу и начальных людей». На следствии он полностью признал обвинение, показав, что «полку своего полчан возмущал к измене и чтоб воевод побить многажды о том помышлял» [1].

Страхов являлся автором письма к астраханским старшинам, в котором от имени терчан сообщал, что они «за веру христову и за брадобритие и за табак, и за немецкое платье, мужское и женское и за отлучение церкви божией, за то за все с ними астраханцами стоять и умереть ради вопче». Из-за текста этого письма на заседании круга у Страхова вышло столкновение с более умеренным С. Казаком. Страхов написал, что в Тереке терчане, так же как и астраханцы, терпят всякие насилия со стороны воевод и начальных людей. Казак протестовал против этого, доказывая, что в Тереке никаких притеснений людям не чинят, так как носить немецкое платье не заставляют. Однако круг поддержал Страхова, приказав ему переписать набело составленный им текст, который затем подписали «всех полков стрельцы и всяких чинов люди, терские жители».

Вероятно, не без влияния Страхова, тот же круг вынес решение послать на помощь астраханцам отряд стрельцов. В поход было выделено девяносто человек, из которых пятьдесят являлись стрельцами Московского полка. Во главе отряда был поставлен стрелец того же полка Андрей Хохлач. Уходящим из захваченной терчанами казны было выдано, согласно показаниям Страхова, по рублю денег, фунту свинца и фунту пороха [2].

О судьбе этого отряда Молостев сообщить ничего не мог, так как в Терек стрельцы не вернулись. «Терский атаман» А. Хохлач был включен Ф. Ю. Ромодановским в списки «пущих заводчиков».

Сталкиваясь на собраниях круга, на улицах, в харчевнях и других местах скопления людей с открытыми сторонниками правительства и видя колебания посадских людей и стрельцов конного полка, сбитых с толку разноречивыми слухами, Страхов надеялся обеспечить успех восстания, прибегнув к решительным действиям против воеводы. Он понимал, что оставшийся в живых воевода, нетронутые хоромы которого возвышались в центре города, неминуемо начнет борьбу с вос-

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 395 (1145).
[2] Там же.

станием и уже теперь исподволь руководит действиями своих приверженцев. Поэтому с первых дней Страхов думал и говорил об убийстве воеводы. Сначала он обратился с этим к С. Казаку и убедил его в своей правоте настолько, что Казак повел разговор о необходимости убить воеводу со стрельцом И. Васильевым и пятидесятником Горбуновым.

Однако, когда вопрос об убийстве воеводы был поставлен на круге, начались разногласия. По-видимому, против Страхова выступила значительная часть круга во главе с В. Авдеевым, высказавшаяся против штурма воеводских хором. Часть круга поддержала Страхова. Степан Казак показал, что в те дни, когда «к воеводе по ночам и в день ходили на приступ к хоромам», он «видячи несугласие отстал и нанимался у тезика у Мурмаламета струги делать и многое время был на море» [1].

Первые штурмы хором окончились неудачно. Однако Страхов стоял на своем. Стрелец Московского полка Сергей Иванов на допросе показал, что «за городом в харчевне» Страхов призывал стрельцов Московского полка к самостоятельным действиям. «Станем де мы своим полком промышлять,— убеждал он,— выбрав своих пушкарей станем стрелять изо всех пушек по тем хоромам, где отсиживаетца запершись воевода. А убьем большова воеводу и меньшова убьем». Страхов признал улику Иванова правильной и подтвердил, что «он де Михайло, всеми возмущал, но все паче на приступ пытались к воеводе приходить, чтоб ево убить и пожитки ево разделить в полк» [2].

После бегства воеводы из города разногласия среди восставших усилились. Воевода, обосновавшись у черкасского князя Дивея, собирал силы для борьбы с восставшими и засылал в Терек своих агентов, которые распространяли среди терчан подрывные и провокационные слухи. Многие жители, несмотря на противодействие стрельцов, покидали город и переходили на сторону правительства [3]. На совещаниях круга стали одерживать верх умеренно настроенные элементы.

Когда из Астрахани на Терек приехала вторая делегация и стала, как показал Страхов, вновь возмущать «к измене терских жителей», она встретила не такой прием, как первая.

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 395 (1145).

[2] Там же.

[3] Упоминавшийся выше терский стрелец Иван Голый, давая показания, рассказал, что «они же де Иван с товарищи, всем полком приговаривали и отсекли голову своего ж полка стрельцу Антипу Кочетенку за то, что он Антип, ночью, будучи в Терках из города перелезши ушел было за реку Терек к горским черкасам (В. И. Лебедев. Астраханское восстание 1705—1706 гг. (Ученые записки Моск. гор. пед. ин-та, т. II, вып. I за 1941 г.).

Раскол в рядах восставших заметно усилился после того, как Д. Молостеву удалось захватить 1200 рублей, посланных из Астрахани в Терек, «от воров на роздачу тем терским ворам». Он воспользовался этим и через своих агентов объявил в городе о том, что тем, «кто от воровства своего перестанет», раздаст деньги «в жалование». Рассказывая о своем маневре Ромодановскому, Молостев сообщил, что после этого около 150 человек перешло на его сторону, «а на тех смотря и достальные воры стали розделятца надвое» [1].

По-видимому, именно в это время и произошло тайное совещание стрельцов Московского полка, о котором, как показал Страхов, не знали ни В. Авдеев, ни стрельцы Конного полка. На этом совещании, сказал Страхов, «приказали де ему в Астрахань писать всем полком Московские стрельцы», «чтоб прислать из Астрахани им на помощь войска для того, что терские жители, конные и пешие стрельцы с ними не тянут». Письмо было вручено стрельцам Московского полка Назару Афанасьеву и Василию Косому, которые отплыли в Астрахань. Однако, как показал в Преображенском приказе Назар Афанасьев, «лед их до Астрахани не допустил», и после четырехнедельного плавания они «от голода на Терек поворотились» [2].

Пока стрельцы Московского полка совещались о дальнейших действиях, Авдеев договорился с воеводой о том, что выманит за город «Мишку Страхова с товарыщи семь человек». Не подозревая об измене атамана, Страхов с товарищами выехал по его совету за пределы города и был схвачен воеводой [3]. Арест Страхова и измена Авдеева окончательно дезорганизовали терчан. Многие направились к воеводе с повинными. Сторонники Страхова, узнав о предательстве, «сели в осаду в малом городе», но ночью воевода пошел на приступ и овладел городом.

Докладывая Ромодановскому о своей расправе с восставшими, Молостев сказал, что он «ис тех пущих воров десять человек казнил смертью, а многих пытал и учиня наказанье и приведчи к крестному целованию, велел жить на Тереке попрежнему до указу. А выбрав десять человек добрых людей, ис тех, которые от них, воров, страдали, приказал над ними (ворами) денно и нощно смотрить и подслушав воровских слов извещать. И по таким изветам тех ж воров за их злоумышленные разные слова многих казнил смертью ж и тем тот бунт удержал» [4].

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 395 (1145).
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.

Следствие и приговор Молостева не вызвали никаких сомнений у Ф. Ю. Ромодановского. Все действия терского воеводы, были признаны правильными. Материал следствия по терскому восстанию был приобщен к Астраханскому делу, а привезенные Молостевым колодники впоследствии казнены вместе с астраханцами.

21 февраля 1706 г. в Москву возвратился И. Кисельников. Он привез с собой письмо от астраханского митрополита Самсона, несколько челобитных и составленную астраханским кругом «отписку астраханских жителей, русских и иноземцев, всяких чинов людей». Копии этих документов были переданы в Преображенский приказ. Кроме того, по требованию Ромодановского ему были присланы показания Кисельникова и его спутников, данные ими в Кремле боярам.

Бояре, допрашивая астраханцев, интересовались только одним вопросом: как была принята царская грамота и решили ли астраханцы прекратить «бунт».

Астраханцы показали, что Кисельников, привезший царскую грамоту, был принят астраханским кругом «с честью». Ознакомившись с грамотой, старшины призвали в круг митрополита, воеводу Апухтина, дьяка С. Васильева и в их присутствии текст был прочитан всем вслух. После этого митрополит отслужил торжественный молебен. Впрочем, при чтении грамоты полного согласия на круге не было, «иные усомневаясь чинили развратг, бутто та грамота прислана без ево государева указу». После молебна старшины распорядились снять с грамоты несколько копий для рассылки их по стрелецким полкам и городам, а подлинник отдали на хранение в митрополичью ризницу. Спустя десять дней, 13 января, митрополит привел всех к присяге Петру I и круг вынес решение: «буде от кого впредь с того числа будет какая неверность и им — чинить указ, чего они будут достойны» [1].

Показания астраханцев полностью подтвердились письмом митрополита, который излагал события, связанные с приездом Кисельникова, точно таким же образом.

Для следствия по «Астраханскому делу» эти показания были мало интересны. Несомненно, больший интерес представляла собой «отписка астраханских жителей», получившая в исторической литературе название «повинной челобитной». В ней подробнейшим образом перечислялись злоупотребления Т. Ржевского, самовольно увеличивавшего налоги, устанавливавшего в свою пользу разные поборы с населения, эксплуатировавшего в своих интересах служилых людей и с исключи-

---

[1] С. М. Соловьев. История России., т. XV, гл. II, стр. 1384. ЦГАДА, Госархив, разряд VI, д. 17.

тельной жестокостью проводившего в жизнь указ о ношении немецкого платья. В отписке сообщалось, что подобным же образом вели себя и другие должностные лица, причем особенно изощрялись иноземцы, от которых «были русским людям налоги горше иных начальных людей» [1].

«Отписка астраханских жителей», содержавшая большой фактический материал, была приложена Ф. Ю. Ромодановским к делу, но не оказала никакого влияния на ход процесса. Злоупотребления воеводы и других должностных лиц, как бы велики они не были, представлялись суду только незначительным, по сравнению с преступными действиями восставших, проступком не заслуживающим особого расследования. Не были приняты во внимание изложенные в отписке факты и как смягчающее вину астраханцев обстоятельство. Преступление восставших, посягнувших на государственную власть, рассматривалось как тягчайшее государственное преступление, требующее сурового и беспощадного наказания виновных.

После приезда Кисельникова следствие по «Астраханскому делу» замедляется. Это замедление явилось результатом того, что Петр I, получив от Кисельникова и сопровождавших его астраханцев заверения в покорности, объявил о своем намерении амнистировать астраханцев и запретил вошедшему в марте 1706 г. в Черный Яр фельдмаршалу Шереметеву применять суровые репрессивные меры в отношении повстанцев. Он опасался, что слухи о таких действиях фельдмаршала, если их допустить, дойдут до Астрахани и уничтожат результаты, достигнутые им при переговорах с восставшими. Поэтому Петр I приказал Шереметеву «зачинщиков причинных ничем не озлоблять и только их перепоручить и дать им жить на свободе и всяко тщитися, чтоб лаской их привлечь и чтоб они о своем состоянии писали к астраханцам» [2]. Преображенский приказ, не получая из-за этого распоряжения ни новых сведений, ни арестованных, вынужден был в течение нескольких месяцев довольствоваться известиями, которые поступали в Москву из штаба фельдмаршала.

Между тем известия носили тревожный характер. Уже 4 марта, одновременно с радостным сообщением о том, что Черный Яр раскрыл перед ним свои ворота и черноярцы «все вашему Величеству вины шатости своей принесли со всяким покорением», Шереметев писал Петру, что сведения об Астра-

---

[1] ЦГАДА, Госархив, разряд VI, д. 17, л. 9—17. Часть этой отписки была опубликована С. М. Соловьевым. История России., т. XV, гл. II, стр. 1384—1386.

[2] С. М. Соловьев. История России., т. XV, гл. II, стр. 1383.

хани неутешительны. Человек, посланный фельдмаршалом в Астрахань еще из Саратова, вернулся и привез с собой отписку, в которой астраханцы предлагали Шереметеву «помешкать на Царицыне». Посланный же рассказал, что астраханцы пустить в Астрахань царские войска не хотят и «многие возвраты между ими учинились».

9 марта 1706 г. на стан к фельдмаршалу Шереметеву явился архимандрит астраханского Спасского монастыря Антоний. Его сопровождали подьячий астраханской Приказной палаты И. Щетинин, посадский Ф. Клементьев и два представителя юртовских мурз. Они привезли фельдмаршалу письмо от митрополита Самсона и строителя астраханского Троицкого монастыря Георгия Дашкова, которые просили Шереметева поторопиться с прибытием в Астрахань, так как там «чинитца великое возмущение и несогласие». Одни,— писал Дашков,— хотят впустить фельдмаршала в город, другие против, отчего между «ими бунтовщиками великая распря».

На словах приехавшие передали, что у «воров и бунтовщиков по многие дни круги и мятеж великой, и многие ходят с ружьем и с копьи. И как присыланы были от него фельтмаршала указы и против тех указов говорят, что де ему в Астрахани делать и для чего с полками без указу великого государя идет. У нас де посланы к в. г. челобитчики. А буде придет к Астрахани с полками — в город пустить не хотят, разве с малыми людьми, с 50 человек или менши. И пушки и снаряд по городу готовят и говорят: есть де у нас яблок много. Мы де и попов поставим по городу и какова пора будет мочно де отобраться человек с тысячу и больше и выйтить на вылоску. И хотели дворы и слободы выжечь, так же с учугов и с Красного Яра и с Селитренного городка людей забрать и сесть в осаду. А если что явитца, большой снаряд, которой будет им не в мочь, хотели затопить в воду, а достальной захватить с собой и итить на Аграхань, и велели делать струги. А митрополита астраханского по многие дни говорили, чтоб ево убить» [1].

По мере приближения правительственных войск к Астрахани, количество перебежчиков возрастало. Люди переходили в одиночку и группами. В большинстве случаев это были представители дворянства, духовенства, крупного купечества и стрелецкой верхушки. Так, в лагерь Шереметева, кроме лиц уже упоминавшихся, перешли архимандрит астраханского Вознесенского монастыря Рувим, строитель Троицкого монастыря Г. Дашков, пятидесятник Б. Торопчанин, слободчик С. Мар-

[1] С. М. Соловьев. История России, т. XV, приложения.

ков, сержант Тысячного полка П. Красильников, стрелец В. Калинин, пятидесятники пеших полков Р. Грехов, Н. Колос и И. Северьянов, дворянин Я. Епанчин, солдат Яхтинского полка И. Филиппов, подьячий П. Рычков, юртовской мурза К. Урусов, сын табунного головы И. Кашкарина Тарыбердей «с товарыщи», «бухарского двора жители» Р. Бакеев и К. Сеитов, посадский В. Яковлев, «индейского двора жители Анбуран Мулин с товарыщи», армяне О. Афанасьев и И. Иванисов, «торговый человек» А. Иванов «с товарищи», бурмистры О. Твердышев и А. Анциферов, дворянин А. Лапшинский «с товарыщи» [1]. Перебежчики приносили повинные челобитные, которые тут же регистрировались в специальной книге.

В числе перебежчиков оказалось много лиц, в свое время подписавших письмо на Дон. Однако, благодаря переходу в лагерь правительства, все они, за исключением Н. Колоса, получили прощение и по «астраханскому делу» не привлекались [2].

Бурмистры Твердышев и Анциферов донесли фельдмаршалу, что стрельцы, собрав в город гулящих людей, «что ни есть» решили оказать ему сопротивление. Дворянин Лапшинский, явившийся во главе последней группы перебежчиков, когда войско Шереметева находились в двух верстах от Астрахани известил, что город заперт и готов к обороне [3].

13 марта 1706 г. после ожесточенного боя восставшие астраханцы вынуждены были сдаться, и солдаты Шереметева вошли в город.

Сопротивление восставших правительственным войскам вызвало недовольство Петра I. Тем не менее он считал необходимым известный период времени сохранить по отношению к ним некоторую мягкость и снисходительность. Петр опасался, что принятие крутых мер вызовет в Астрахани новый взрыв негодования, оттолкнет от правительства перешедших на его сторону людей и поведет к новым серьезным осложнениям. Считая необходимым примерно наказать организаторов и руководителей восстания, он, однако, решил не спешить с этим делом.

Прежде всего он оставил в силе свой «милостивый указ» и предложил Шереметеву объявить его астраханцам. Члены астраханского правительства, так же как и другие активные деятели восстания, были оставлены на свободе. Аресты лиц, под-

---

[1] ЦГАДА, Госархив, разряд VI, д. 17, л. 58—64.

[2] Пятидесятники Б. Торопчанин, И. Северьянов, Р. Грехов, сержант Красильников, бурмистры О. Твердышев и А. Анциферов, посадский В. Яковлев и др. Никита Колос, как показало следствие, принадлежал к числу «пущих заводчиков».

[3] ЦГАДА, Госархив, разряд VI, д. 17, л. 38.

лежавших привлечению к судебной ответственности, было решено произвести постепенно и незаметно. Проверяя и внося исправления в составлявшиеся для фельдмаршала Шереметева указные статьи, Петр I наметил в них план действий.

На первых порах Шереметев должен был, «спрося секретно митрополита» «и разведав от других подлинно от добрых людей, хто начинатель воровству был в Астрахани, и хто удерживал после указу милостивого, и когда послали с повинною, от кого у них после той высылки разврат явился», узнать имена «пущих заводчиков». Затем он должен был «взять под караул» Я. Носова, Ганчикова и «лутчих воров» из Московского, Яхтинского и Тысячного полков. Стрельцам Конного полка Шереметев должен был вернуть оружие и выслать их в Петербург на смену стоящим там полкам, сказав, «чтоб за такую милость вины свои заслужили». Далее статья предписывала, «когда оные пойдут, после того ден пять или неделю спустя, господину фельдмаршалу, дождався полков городских, Смоленского и Московского новоприборных, которых оставя в Астрахани, самому со всеми полками и драгуны итить прямо к Смоленску, взяв с собой всех астраханских, черноярских, красноярских служилых людей, приведя ко кресту и перепоруча крепкою порукою». Вести их надлежало безоружных, «а ружье их весть за своим караулом», сказав им, что «дано будет им в Смоленске, а ныне для того не отдано, чтоб з дороги не розбежались». Для усиления охраны Петр приказал Шереметеву захватить с собой несколько калмыцких отрядов. По прибытии в украинские города, Шереметев должен был «пущих заводчиков послать к Москве, за добрым караулом» [1].

Статья вторая предписывала вывезти из Астрахани всех гулящих людей, дополнив молодыми астраханские полки, а остальных, отправив на судах в «ближние московские городы», «опричь зело старых». Специальной статьей Шереметеву предлагалось установить, как вели себя отпущенные из Москвы в Астрахань бывшие астраханские «посыльщики» на Дон и часть спутников Кисельникова. В случае, если бы оказалось, что они принимали участие в сопротивлении, статья предписывала «с ними також учинить как с прочими астраханцы, по разсмотрению, а московского кой был с письмами на Дон [2] с протчими кои приличатца, причесть к Носову с товарыщи и выслать их так же». Статьи предписывали доставить в Москву «пущих заводчиков», среди которых упоминались как «лутчие воры» Я. Носов, Г. Ганчиков, солдат Тысячного полка И. Федоров, стрельцы Галачалова полка Иван Васильев да

[1] ЦГАДА, Госархив, разряд VI, д. 17, стр. 71—77.
[2] Имеется в виду стрелец Московского полка Григорий Артемьев.

Прохорко [1], стрельцы Московского полка П. Тихонов, И. Баранов, А. Ясаул, стрелец Кореитов полка Яким, стрелец Булай и писарь Яхтинского полка.

Аресты Шереметеву было «велено делать смотря по времени и по состоянию тамошних дел».

Однако план Петра I был осуществлен только частично. Фельдмаршал Б. П. Шереметев, ближе познакомившись с положением дел, считал необходимым как можно быстрее изолировать и вывезти из Астрахани «воровских старшин и заводчиков бунту». Заняв Астрахань, он был вынужден объявить «милостивый указ» царя, хотя и не был с ним согласен. Оставление на свободе Я. Носова, Шелудяка и других наиболее активных участников восстания, а также враждебное отношение населения и гарнизона города к правительственным войскам вызывали у него серьезные опасения. В одном из писем к Ф. А. Головину, Шереметев просил спешно прислать ему указ, что делать с «пущими заводчиками». «Я такого многолюдства и сумасбродного люду отроду не видал и надуты страшною злобою,— жаловался он,— и весьма нас имеют за отпадших от благочестия. Как надуты и утверждены в такой безделице» «...надобно его (Я. Носова) и других заводчиков и Яхтинской полк вывесть к Москве, тогда здешние люди успокоятся и об них тужить не будут». Шереметев настаивал на том, чтобы сделать это как можно скорее. «Как вода розольетца, боюсь,— писал он,— чтоб не разбежались, а удержать их нельзя» [2].

В ожидании царского указа Шереметев тайно собрал сведения о «начальных и пущих заводчиках бунту» и установил за ними тщательное наблюдение. Большую помощь оказали ему астраханский митрополит Самсон и старец Г. Дашков, знавшие лиц, «которые в Астрахани были в бунте, старшинами и в есаулах и пущих заводчиков» [3]. Дашков вручил фельдмаршалу заранее составленные именные росписи участников восстания [4].

---

[1] То есть И. В. Шелудяк и П. Носов.

[2] Н. Устрялов. История Петра Великого, т. IV. Приложение II, док. 380.

[3] ЦГАДА, Госархив, разряд VI, д. 17, л. 18.

[4] Старец Дашков являлся одним из самых активных агентов правительства. Он немало способствовал расколу в рядах восставших и выдал многих деятелей восстания. Шереметев в том же письме к Ф. А. Головину дал ему весьма положительную характеристику: «Соборный старец Дашков сколько в тот бунт народу укрощал! И какими мудрыми факциями действовал, что никто из бунтовщиков дела его не мог знать. Дивлюсь, откуда явилось у него столь мудрое происхождение! А если бы не его радетельность Астрахань конечно разорилась бы».

Кроме того, к Шереметеву поступило несколько «изветных заручных челобитных астраханцев, солдат и стрельцов», в которых они, принося повинные и желая заслужить прощение, назвали ряд имен деятельных участников восстания. Значительную помощь при выяснении имен организаторов сопротивления царским войскам оказал Шереметеву захваченный им архив астраханской старшины. Там среди других документов оказалось «заручное» письмо, «по которому те бунтовщики приговорили ево с ратными людьми в город не пустить». Поставленные под ним подписи указали фельдмаршалу активных сторонников сопротивления.

Одновременно Б. П. Шереметев занимался выявлением убытков, причиненных государству астраханским восстанием. По данным произведенной им ревизии «воровское правительство» истратило 56 282 рубля 31 алтын 1 деньгу казенных денег, не считая ущерба, принесенного раздачами хлеба и расходами боевых припасов [1].

Занимаясь, таким образом, предварительным расследованием, Б. П. Шереметев значительно облегчил задачу Преображенского приказа, куда впоследствии доставил и собранный им материал и основную массу виновников астраханских событий.

Между тем, положение в Астрахани оставалось напряженным. Продолжалось глухое брожение, ходили разные тревожные слухи. Следить за оставшимися на свободе «заводчиками» становилось все труднее, так как снятие блокады привлекло в город много постороннего народу. Все это заставило Шереметева ускорить аресты.

5 мая 1706 г. он написал Петру, что взял старшин и «пущих заводчиков» за караул, так как иначе «никакими мерами уберечь было их нельзя, розбежались бы все». Действия Шереметева были вызваны еще и тем, что ему донесли, будто «бунтовщики почали было собираться тайно в скрытых местех и советывать, чтоб солдат подавить ночью». Сообщая об этом, Шереметев писал, что «из них сысканы, кто заводил — Голочалова полку стрелец Терешка Иванов» [2].

Производя аресты, Шереметев начал и «розыски». Т. Иванов по его указу был казнен, стрелец Буйло (Булай) умер от пыток. После казни, писал Шереметев Петру I, «астраханцы многие полками принесли челобитную именами пущим заводчикам и как все те заводчики приняты и посажены, все умолк-

---

[1] ЦГАДА, Госархив, разряд VI, д. 17, л. 63—64.
[2] Там же, л. 123—124.

ли»[1]. 26 мая, уведомляя царя о получении им указных статей, Шереметев сообщил, что он арестовал уже 240 человек[2].

Опасаясь везти колодников сухим путем, фельдмаршал отправил их водой, послав Петру соответствующее объяснение. Одновременно он отослал в Преображенский приказ захваченный им в свое время архив астраханского старшины. Таким образом, летом 1706 г. князю Ф. Ю. Ромодановскому был передан целый ряд важных для следствия материалов.

Архив астраханского «воровского» правительства[3] содержал в себе значительное количество разного рода документов, скопившихся в канцелярии Якова Носова за время его управления Астраханью. Там имелись указы старшины, обширная переписка с Красным Яром, Черным Яром, Тереком и Гурьевым, а также с калмыцкими тайшами, черкасскими князьями и татарскими мурзами. В архиве хранились челобитные разных лиц Я. Носову, письменные доклады, составлявшиеся для Я. Носова, описи имущества, конфискованного у начальных людей и оборудования, вывезенного с селитренных заводов. Там имелись списки стрельцов, назначенных в поход под Царицын, списки астраханского гарнизона, кормщиков, плотников и работных людей, записи о приверстке в полки новых солдат и пушкарей, ведомости денежных и хлебных раздач. Там же сохранились и решения круга, скрепленные подписями.

Большое значение для следствия имели решения круга, указы старшин, переписка с городами и записи о стрелецких посылках и денежных выдачах, содержащие важный обличительный материал.

Из решений круга самыми интересными для следствия являлись «Советное письмо»[4], составленное 1 августа 1705 г. и «Договорное письмо», написанное 10 марта 1706 г.[5]. Сопоставление этих двух документов давало следствию возможность с большой точностью установить, какие социальные группы откололись от восстания, а следовательно, заслужи-

---

[1] ЦГАДА, Госархив, разряд VI, д. 17, л. 124.

[2] Там же, л. 86—88.

[3] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 394 (1144), 396 (1146), 398 (1148), 401 (1151), 402 (1153), 403 (1154), 404 (1155), 408 (1159), 410 (1161). Отдельные документы из астраханского архива были опубликованы В. И. Лебедевым в журн. «Историк-марксист» № 4 за 1935 г. и в Ученых записках Моск. гор. пед. ин-та, т. II, вып. I за 1941 г.

[4] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 396 (1146).

[5] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 410 (1161). Документ опубликован В. И. Лебедевым в числе других документов по астраханскому восстанию в журн. «Историк-марксист» № 4 за 1935 г. под названием «Приговор об оказании восставшими сопротивления царским войскам».

вали «милостивого указа», и кто являлся наиболее непримиримым врагом правительства.

«Советное письмо», текст которого почти полностью совпадал с текстом письма на Дон, было подписано на собрании круга, сразу после событий 30—31 июля 1705 г. В нем подробно излагались причины, толкнувшие астраханцев на восстание, причем совершенные ими убийства должностных лиц трактовались как приведение в исполнение приговора, вынесенного всеми жителями города.

Составляя этот документ и предлагая кругу скрепить его подписями, руководители восстания стремились, во-первых, оправдать действия восставших; во-вторых, придать им некое подобие законности и, в-третьих, прочнее связать с делом восстания разные социальные группы населения (и в первую очередь верхушку посада), возложив на всех долю ответственности за события. «Советное письмо» являлось своеобразным письменным дополнением к данной восставшими устной присяге. Текст был заверен городской печатью и скреплен подписями старшин, представителей стрелецких и солдатских полков, посадскими людьми, включая бурмистов и членов гостиной сотни, астраханцами и приезжими, русскими и татарами.

«Договорное письмо», составленное в период наибольшего брожения и раскола в рядах восставших, когда у ворот города уже стояли царские войска, носило иной характер.

Сравнение обоих документов показывает, что «Советное письмо» было составлено от имени всех жителей города Астрахани, так как начиналось именами старшин, за которыми следовал длинный перечень лиц разных званий, заключавшийся словами «и все, что в Астрахани есть». «Договорное же письмо» было написано от имени стрелецких и солдатских полков. В составлении его не принимали участия ни старшины, ни посадские люди. Это подтверждается и оборотной стороной документов, где ставили свои подписи рукоприкладчики.

На «Договорном письме» стояли подписи стрельцов и солдат. Из всех жителей посада к нему приложил руку только один Михайло Синбирянин [1].

Сличая оба письма, следствие должно было вывести заключение, что посадские люди не являлись решительными сторонниками сопротивления правительственным войскам, а следовательно, отошли от восстания. Вся ответственность за события 12 и 13 марта ложилась на стрельцов и солдат. Сви-

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 410 (1161).

детельство документов подтверждало, таким образом, показания перебежчиков, о которых упоминал в своих письмах Шереметев.

Текст «Договорного письма» также значительно отличался от текста «Советного письма».

«Договорное письмо», написанное после того, как стрельцы и солдаты решили оказать сопротивление царским войскам, должно было закрепить это решение и обеспечить единство действий в полках. Лишь коротко упомянув о том, что они «стали за православную христианскую веру, за брадо- и усобритие и за немецкое платье», стрельцы и солдаты обязывались своим «договорным письмом» «и ныне стоять в единодушии и никаких злоб друг на друга не мыслить». «Договорное письмо» устанавливало, что «буде кто против сего нашего любовного письма в чем не устоит и ему за то учинена будет смертная казнь, по войсковому приговору». Перебежчиков оно предписывало убивать на месте, без суда: «а будет кто из города к нему боярину в полки или куды побежит, и, где пойман будет тут ево и смертью казнить». Стрельцы и солдаты договорились и записали это в письмо, не пускать фельдмаршала в Астрахань «до указу великого Государя, как наши челобитчики с Москвы с иво великого Государя указом будут». О старшине Я. Носове, о посадских людях и каких-либо других «жителях града Астрахани» в «Договорном письме» не упоминалось ни одним словом. Не было на нем и городской печати [1].

«Договорное письмо» было подвергнуто в Преображенском приказе тщательному изучению. Впоследствии оно часто использовалось на допросах в качестве улики.

Не менее важное значение имела для следствия переписка астраханских старшин со старшинами других городов. Из отписок, поступивших на имя Я. Носова, Ромодановский установил имена старшин Красного Яра и Гурьева. По отпискам были составлены специальные выписки, также применявшиеся во время допросов как улики.

Ведомости стрелецких посылок помогли установить имена лиц командовавших действовавшими под Царицыном отрядами; ведомости выдачи жалования помогли найти людей, получавших деньги из рук «воровских старшин». Подписи под описями конфискованного имущества указали на лиц, производивших конфискации.

Захватом астраханского архива фельдмаршал Шереметев оказал огромную услугу Преображенскому приказу, облегчив

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 410 (1161).

процесс дознания и значительно ускорив этим следствие по «Астраханскому делу».

Баржи с колодниками начали прибывать в Москву в августе 1706 г. В начале сентября следствие в Преображенском приказе уже шло полным ходом. «Стрельцы, астраханские заводчики и пристальцы все с пыток в бунте винятся», — писал 13 сентября Петру I Ф. Ю. Ромодановский [1].

Количество лиц, привлекавшихся по «Астраханскому делу», было очень велико. Колодничьи избы Преображенского приказа не могли вместить всех, и арестованных пришлось размещать в московских монастырях.

Через несколько лет, составляя выписку по «Астраханскому делу», затребованную в кабинет Петра, служители Преображенского приказа дьяк Былинский и подьячий Томилов, в свое время занимавшиеся этим делом, не могли указать точного количества привлекавшихся к суду. На страницах 18—19 этой выписки они сообщали, что в Преображенский приказ поступило 276 человек от Б. П. Шереметева и позже, по грамотам Ромодановского, было арестовано еще 47 человек, то есть было взято 323 человека. На 27 странице той же выписки они указывали, что по окончании следствия 320 человек было казнено, и во время розыска умерло 45 человек, то есть получилось 365 человек [2].

Первая цифра явно ошибочна. Из сохранившихся записей Преображенского приказа видно, что колодников, арестованных по грамотам Ромодановского, было значительно больше, чем 47 человек. Так, 17 марта 1708 года из одного только С.-Петербурга, куда были переведены на службу астраханские полки, по требованию Преображенского приказа выслали для суда 78 человек астраханских и красноярских стрельцов [3]. Сохранились заметки о присылке воеводой Хованским 18 человек из Астрахани, о взятии к следствию 5 человек из Москвы и Коломны, о высылке в Москву нескольких человек из Терека [4].

Вторая цифра ближе к действительности, но также несколько занижена, так как не учитывает лиц, приговоренных к каторге и ссылке. Впрочем, таких было немного.

К каким социальным группам относились лица, привлекавшиеся за участие в Астраханском восстании к суду? По сохра-

---

[1] Н. Устрялов. История Петра Великого, т. IV, приложение II, док. 417.

[2] ЦГАДА, Госархив, разряд VI, д. 17, л. 18, 19, 27.

[3] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 416 (1167). Кстати, эта выписка скреплена тем же дьяком Былинским.

[4] ЦГАДА, Госархив, разряд VI, д. 17; ф. Преобр. пр., стб. 400 (1150).

нившимся архивным материалам удалось установить имена и социальное положение 293 человек обвиняемых.

Эта цифра распределяется следующим образом:

По городам	Привлекалось к суду							
	посадских людей	гулящих людей	приказных служителей	казаков	черкас	стрельцов	солдат	итого
Астрахань	14	10	2	—	—	143	53	222
Красный Яр . . .	1	—	—	—	—	26	—	27
Черный Яр . . .	—	—	—	—	—	3	—	3
Терки	2	—	1	—	2	30	—	35
Донские станицы	—	—	—	1	—	—	—	1
Москва	5	—	—	—	—	—	—	5
Всего . .	22	10	3	1	2	202	53	293

Из астраханских стрельцов, привлеченных к суду, 41 человек числился в Московском полку, 33 человека принадлежали к полку Галачалова, 30 человек — к конным полкам, 28 — к Яхтинскому полку, 9 — к полку Кореитова. Принадлежность двух человек — стрельца и пушкаря — установить не удалось.

Фактически количество стрельцов и солдат, привлекавшихся по «астраханскому делу», было еще выше. Былинский в выписке указывает, что из 320 человек казненных, стрельцов и солдат было 281 [1]. Так как из материалов следствия явствует, что несколько стрельцов умерло за время следствия, а некоторые были приговорены к каторжным работам [2], цифру 281 следует еще несколько увеличить. Таким образом, стрельцы и солдаты составляли около 88% всех обвиняемых. Около 12% обвиняемых составляли посадские люди, гулящие люди и приказные служители. Последних было незначительное количество.

Приступая к допросу обвиняемых и свидетелей по «астраханскому делу», в Преображенском приказе стремились выяс-

[1] ЦГАДА, Госархив, разряд VI, д. 17. На стр. 19 Былинский указывает, что стрельцов и солдат — рядовых участников восстания было 257 человек; на стр. 27, после поименного перечисления «пущих заводчиков» ставит цифру 26. Из 26 человек не стрельцами и не солдатами были только двое: А. Ермолаев и донской казак Елисей Зиновьев (таким образом, 257 + 24 = 281 человек).

[2] В частности, к каторжным работам были приговорены Д. Гладков (Железо) и А. Черношапкин.

нить все детали событий 30 июля — 2 августа, царицынских походов и организации сопротивления царским войскам. Эти события привлекали внимание следствия потому, что в них наиболее ярко проявлялось враждебное отношение восставших к правительству. Собранный материал должен был лечь в основу обвинительного заключения.

Главной задачей следствия было определение состава преступления отдельных лиц, выявление их связей и установление для них соответствующего наказания. Вопрос о связях главных участников восстания особенно интересовал Петра I, который не верил, что главной причиной астраханского восстания было увеличение налогов, произвол и злоупотребления местной администрации и неприязнь к иноземным бытовым нововведениям. По его приказанию Ф. Ю. Ромодановский должен был выяснить, не являлось ли восстание результатом происков со стороны консервативной боярской оппозиции или шведских интриг.

Процесс участников астраханского восстания начался допросом старшин Якова Носова и Антипы Ермолаева [1].

Носов, ярославец «гостинныя сотни первой статьи», постоянно жил в Астрахани «у государева рыбного промыслу». Человек уже немолодой, он имел взрослого сына и дочь [2], Я. Носов был хорошо известен в городе своим богатством, энергией и умом. Он пользовался большим уважением у жителей посада и стрельцов. Б. П. Шереметев, называя Я. Носова великим вором и раскольником, отмечал, что даже после подавления восстания «все его боятся и в шапке с ним говорить нихто не может» [3].

На допросе Я. Носов держался с достоинством, сдержанно, отвечал кратко и показаний не менял. Он заявил, что «от кого и за что бунт учинился, воеводу и начальных людей кто побил, неведает» [4] и, несмотря на жестокие пытки, не назвал имен зачинщиков и активных деятелей восстания.

Я. Носов показал, что он не знал о готовящемся восстании и в ночь 30 июля находился у себя дома. Это его показание было подтверждено многими другими обвиняемыми. На рас-

---

[1] Г. Ганчиков еще во время восстания был обвинен восставшими в измене и смещен с поста старшины. Несмотря на это, он был арестован Б. П. Шереметевым, но вскоре умер.

[2] Подпись сына Я. Носова, Егора, часто встречается на документах среди других подписей. Е. Носов, жена Я. Носова Авдотья и дочь Екатерина долгое время содержались в Преображенском приказе. По окончании процесса они были сосланы (ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 393 (1143).

[3] Цитированное выше письмо Б. П. Шереметева к Ф. А. Головину.

[4] ЦГАДА, Госархив, разряд VI, д. 17, л. 18.

свете, «за час до дни», сообщил Я. Носов, к нему в дом явились «астраханские служилые люди многолюдством с ружьем и знамены», которые увели его на собрание круга [1], где он вместе со всеми подписал письмо на Дон. После этого его избрали старшиной.

Стрелец Терентий Уткин, рассказывая на допросе об избрании старшины, показал, что «по зачине бунта, в многолюдстве» стрельцы Конного полка Мелентий Тенютин и Иван Яковлев «говорили пуще всех, вместо воеводы выбрать в старшины Якова Носова, Гаврилу Ганчикова; а они де люди умные и все войско управят и всем народом» [2]. Из всех старшин Я. Носов считался главным и носил звание атамана.

В качестве старшины Я. Носов вместе с Ганчиковым и Иваном Шелудяком организовал управление городом. Он подготовлял поход на Черный Яр и Царицын, вел переписку с Тереком, Гурьевым, Красным и Черным Ярами, распоряжался казной, ведал судом и расправой. Среди других обвинений ему было предъявлено обвинение в убийстве астраханского дворянина Сергея Обернибесова, приговоренного кругом после суда к смертной казни [3]. Сызранец Данило Бородулин, посланный фельдмаршалом Шереметевым в Астрахань «с уговорным письмом, а более для разведывания» и вызванный в Преображенский приказ как свидетель, обвинял Я. Носова в том, что он резко и непочтительно отзывался о Петре и утверждал, что восставшие отстаивают правду и справедливость. «Здесь стали за правду и за христианскую веру», говорил Носов,— показывал Бородулин,— «коли нибудь нам всем умереть будет, да не вовся бы и не всякому так, как ныне нареченный царь, который называется царем, а христианскую веру порудил: он уже умер душою и телом». «Кроме того,— показал Бородулин,— Я. Носов отказался выпить за здоровье Петра I и назвал его «ругателем православных». О людях, сохраняющих верность Петру, Я. Носов говорил, что они «все пропали», т. к. «обольстили их начальные люди милостию» [4].

---

[1] ЦГАДА, Госархив, разряд VI, д. 17, л. 18.

[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 416 (1167).

[3] Дело С. Обернибесова возникло по извету посадского человека Судоплатова, который слышал, как Обернибесов говорил, что надо «бунтовщиков вырубить». Обернибесов был судим кругом и убит как изменник. Об этом убийстве в Преображенском приказе проводилось в сентябре 1707 г. специальное расследование. Допрашивались: Я. Носов, И. Шелудяк, П. Жегало, П. Носов, Судоплатов и др. (ЦГАДА. Госархив, разряд VI, д. 17, л. 19; ф. Преобр. пр., стб. 412 (1163).

[4] ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. I, кн. 18.

На допросе и очной ставке с Бородулиным Я. Носов отрицал этот разговор, однако обвинение его в произнесении «непристойных слов» про государя было оставлено в силе. В вопросах веры Я. Носов держался раскола и, по словам гулящего человека Артемия Александрова, называл митрополита льстецом, а попов волками [1].

Яков Носов до конца оставался на своем посту. Хотя его подпись и не стояла на приговоре об оказании сопротивления войскам Шереметева, он продолжал руководить восставшими и, по словам солдата Тысячного полка Дмитрия Гладкова (Железо), посылал людей на вылазку против царских полков [2].

Таким образом, следствие установило, что Я. Носов, хотя и не являлся организатором восстания, несомненно, сочувствовал ему и присоединился к восставшим вполне сознательно. Атаман восставших, возглавлявший новое правительство в течение всего периода восстания, Я. Носов по понятиям того времени был виновен в совершении тягчайшего политического преступления и подлежал смертной казни. Он, несомненно, был бы колесован, если бы не умер «после розыску», находясь в тюрьме Новоспасского монастыря. Краткая запись подьячего Преображенского приказа о его смерти гласит, что он «в болезни явился расколом и отца духовного не приняв умре, а тело зарыто в землю в поле» [3].

Имя Антипы Ермолаева, подписи которого в «Советном письме» предшествовало звание земского бурмистра, было известно Ромодановскому еще по показаниям Скорнякова. Однако Антипа Ермолаев оказался далеко не такой крупной фигурой, как Я. Носов.

На допросе А. Ермолаев показал, что он так же не знал о готовящемся восстании, как и Я. Носов, и был призван на круг уже после событий ночи 30 июля. 31 июля и 1 августа он вместе с другими посадскими людьми подписал письмо на Дон и «Советное письмо». Спустя несколько дней, показал А. Ермолаев, к нему домой явился стрелец Конного полка Борис Корова с тридцатью другими стрельцами и, заявив, что его требует круг, повел к старшинам. «И бунтовщики Шелудяк с товарищи велели тому Антипе быть в старшинах в Яицком городке» [4]. В своих показаниях Антипа Ермолаев пытаясь оправдаться, утверждал, что назначен старшиной он был «неволею», в бунте участия не принимал и согласился

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 412 (1163).
[2] Там же.
[3] ЦГАДА, Госархив, разряд VI, д. 17, л. 27.
[4] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 412 (1163) и 416 (1167).

принять назначение только из страха перед астраханской старшиной. Тем не менее Антипа Ермолаев был признан виновным и по окончании следствия казнен отсечением головы [1].

Начиная допрос участников астраханского восстания с Я. Носова и А. Ермолаева, которых он считал главарями всего движения, Ф. Ю. Ромодановский надеялся получить от них наиболее подробные сведения как об организации восстания, так и о его руководителях. Однако, как свидетельствуют материалы следствия, его надежды не оправдались. Ни Я. Носов, ни А. Ермолаев не дали следствию сведений об организации восстания, так как не знали о том, что оно готовилось. Еще меньше сведений получил Ф. Ю. Ромодановский от донского казака Елисея Зиновьева, избранного в атаманы тогда, когда к Астрахани подошли войска фельдмаршала.

Донской казак Елисей Зиновьев находился в отряде, посланном Л. Максимовым на подмогу Царицыну. Когда соединение астраханцев подходило к Царицыну, Хохлач предложил казакам вступить с ним в переговоры. Они начались на Сарпинском острове, но вскоре Хохлач был вынужден отступить. Присланных на переговоры казаков он взял с собой и привез в Астрахань. Среди них был Елисей Зиновьев [2].

По материалам Преображенского приказа трудно установить, что же заставило Елисея Зиновьева присоединиться к восставшим, так как его показаний обнаружить не удалось. Но достоверное известие о том, что он согласился стать атаманом даже тогда, когда царские полки стояли у ворот города, убедительно говорит, что он в наиболее трудное для восставших время решительно возглавил их сопротивление. Вина Елисея Зиновьева была признана особенно тяжелой, так как он присоединился к восстанию уже после милостивых царских грамот, нарушил присягу, данную на Дону перед походом в Царицын и возглавил сопротивление правительственным войскам. Он был казнен в числе «пущих заводчиков».

Картина следствия резко изменилась, когда Ф. Ю. Ромодановский приступил к допросам стрельцов и солдат. Прежде всего выяснилось, что мысль о восстании зародилась как в стрелецкой, так и в солдатской среде задолго до 30 июля.

Стрелец Московского полка Григорий Артемьев, будучи арестован вторично, на допросе признался, что «учал умышлять, до зачину бунта за месяц, собою». Стрелец Галачалова полка Иван Шелудяк показал, что «учал умышлять до бунту недели за две собою». Пушкарь солдатского Тысячного

---

[1] ЦГАДА, Госархив, разряд VI, д. 17, л. 19.
[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 412 (1163).

полка Гур Агеев заявил, что «учал умышлять один собою перед Ильиным днем незадолго». Думать о восстании, — показали они, их заставляли самоуправство полкового начальства и произвол воеводы. Все они признались, что вели в своих полках и среди знакомых из других полков разговоры о том, как тяжела стала жизнь, о злоупотреблениях воеводы, жестокости полковников и «свою братью к бунту призывали» [1].

Сначала Артемьев, Шелудяк и Агеев действовали каждый самостоятельно, так как не знали друг о друге и вокруг каждого из них образовалась маленькая группа единомышленников. Г. Агеев показал, что встретил сочувствие у стрельца Кореитова полка Якима Ростопчина, который в свою очередь, привлек стрельца Галачалова полка Прохора Носова. Прохор Носов, ставший одним из активнейших участников заговора, за две недели до восстания свел с Агеевым пятидесятника своего полка Никиту Колоса и стрельца Конного полка Дмитрия Казанца. Через стрельца Василия Быкова Прохор Носов узнал о существовании группы И. Шелудяка, а затем и о группе Артемьева. Вскоре все они объединились и начали готовиться к восстанию.

Недовольство среди солдат и стрельцов было вызвано целым рядом причин. Прежде всего сильнейшее влияние на рост недовольства среди стрельцов, а также и солдат оказывал вызывавший общее возмущение в Астрахани новый налоговый режим, установленный там воеводой Тимофеем Ржевским.

Управляя крупным городом, расположенным вдали от центра, уверенный в своей безнаказанности, Т. Ржевский начал с того, что обложил новыми сборами все виды городской торговли, начиная с крупных лавок и кончая мелочной продажей с рук и из лодок. При нем же были введены налоги на бани, погреба и печи, на точку топоров и ножей, на обработку хлопчатобумажной пряжи, на варку пива и браги. Взыскивалось: «с погребов, за лед — по гривне с сажени, с печей — по две деньги, з бань — на один год взято с них по рублю, на другой по пяти алтын з бани». За точку топора следовало платить 4 деньги, за нож — 2 деньги. За «битье бумаги» взыскивалось по 4 деньги за фунт [2].

Сбор многих налогов за взятки передавался воеводой в руки откупщиков, которыми чаще всего являлись представители городской администрации и офицеры полков. С многими из них Ржевский «вступал в долю», после чего позволял

---

[1] ЦГАДА, Госархив, разряд VI, д. 17, лл. 24—25.
[2] ЦГАДА, Госархив, разряд VI, д. 17, л. 9.

откупщикам произвольно увеличивать подлежащие ко взысканию суммы. Неплательщиков «бивали на правеже», а «кто о таких напрасных зборех бивали челом, что они зборщики берут с них лишнее и он воевода, на тех зборщиков управы никакой не давал, а их челобитчиков бивал жестокими побои за то, бутто на тех зборщиков бьют челом напрасно, те де зборщики за новые зборы дали откуп»[1].

В погоне за наживой Ржевский самоуправно потребовал от всех городских домовладельцев представления купчих крепостей на их дома и так как у многих этих документов не оказалось взыскивал с них штрафы.

Новые сборы и произвол администрации тяжелым бременем ложились на астраханских посадских людей. Воевода Т. Ржевский с «начальными людьми» и откупщиками вызывали общую ненависть всего населения Астрахани. Даже наиболее богатые посадские люди, купцы и рыбопромышленники выражали недовольство их деятельностью и злоупотреблением властью, так как они должны были платить высокие торговые пошлины, систематически делать воеводе и многочисленным представителям местной администрации богатые подарки, чтобы оградить себя от всевозможных придирок и самоуправства с их стороны.

Что же касается рядовых посадских людей, особенно посадских низов, которые занимались мелким ремеслом и мелкой розничной торговлей, то они оказывались в крайне тяжелом материальном положении. Сумма пошлин, взыскивавшихся за продажу товаров с рук, часто превышала их стоимость, что делало мелочную торговлю совершенно нерентабельной и разоряло мелких торговцев и ремесленников. Введение «причальных и отвальных» сборов привело к тому, что астраханцам приходилось платить пошлины даже за сено, дрова, и рыбу, привезенные ими для собственного хозяйства и потребления. «Он же воевода з Дмитрием Галачаловым да с воротником Афонасием Мещеряковым взяли себе на откуп новые многия зборы, чего преж сего не бывало,— показывали на допросе астраханцы,— с стругов и с лоток причальное и отвальное, с шалашей, с век и с походя чего, со всякого мелочного харчу и с товару поземельное, конную площадку. А буде кто привезет лоткою про себя и на продажу травы или рыбы, или дров — денег на шесть, или на десять, и с тех имали причальное, со всякой лотки — по гривне; а с походячим торгом, кто вынесет на две деньги, а поземельного заплатит — алтын, а кто продаст на десять денег — заплатит гривну...». «А буде кто выведет на базар про-

[1] ЦГАДА, Госархив, разряд VI, д. 17, л. 21.

давать какую скотину и того дни ее не продаст, а после того на другой и на третий день ту же скотину выведет продать и с той же скотины имали по вся дни поземельное» [1].

«Поземельное» бралось «с телеги и с саней и с пешего человека, опричь пошлин, по две деньги». Лица, имевшие торговый «шалаш» или место на лавке, где торговали «платенными и ветошным и щепетинным и всяким мелочным товаром», платили «по рублю с места на год, опричь оброчных денег». «С насадов и стругов на которых привожены в Астрахань из верховых городов и из Астрахани в те городы всякие товары и запасы» брали «привального имяно по 5 рублев, отвального потому ж» [2].

Рост торговых пошлин вызвал резкий рост цен на товары. В своих показаниях астраханцы рассказывали, что «наперед сего саженные дрова на берегу покупали по 8 алтын по 2 деньги и по 10 алтын сажень, а перед бунтом те ж дрова покупали по 16 алтын по 4 деньги и по 7 и по 8 гривен сажень однополенных дров». Резко повысилась и цена на хлеб, так как «он же воевода отдал на откуп всякий хлебный промысел во всей Астрахани. Всяким хлебным запасом велел торговать одним откупщикам, а посторонним, как преж сего было всякому свободно купить и продать не велел» [3].

Рост цен на хлеб и другие предметы первой необходимости также тяжело отражался на положении посадских людей, особенно портовых работных людей и работных людей рыбных и соляных промыслов.

Налоговый режим и вся система управления Ржевского вызывали недовольство стрельцов. Занимаясь ремеслом и торговлей они так же, как и все посадские люди, ощущали на себе тяжесть откупов и налогов, также платили «причальные» и «отвальные», торговые, банные и прочие сборы, также стояли на правеже. Ржевский не давал им никаких льгот и со всей суровостью взыскивал пошлины даже со стрелецких вдов, а также с жен и детей стрельцов, отправленных на шведский фронт. Последних в случае неуплаты воевода так же, как и прочих, «сажал на караул и бил на правеже и многие дворишки продавали и детей закладывали».

Недовольство посадских людей и стрельцов вызывало сочувствие и у солдат, которые не были так тесно связаны с посадом, как стрельцы, но все же имели постоянную связь с ним. Многие солдаты, как например Е. Обручник, В. Кузнец и др., в свободное от службы время «кормились своим ре-

---

[1] ЦГАДА, Госархив, разряд VI, д. 17, лл. 19—22.
[2] Там же.
[3] Там же.

меслом», у некоторых солдат, коренных жителей Астрахани, на посаде были дома и жили семьи. Кроме того, солдаты были постоянными покупателями хлеба и других продуктов, а поэтому остро реагировали на повышение цен.

Используя всякую возможность умножить свои доходы, Т. Ржевский своей властью значительно увеличил объем работ, который обычно выполняли для воеводского двора стрельцы и солдаты, а также наложил на все полки новые обязанности.

Особенно большое негодование вызывала среди солдат и стрельцов введенная воеводой дровяная повинность. По его приказу стрельцы и солдаты должны были обеспечивать дровами селитренные заводы, хотя ранее «для тех дров на заводы посылок не бывало»[1]. На каждого стрельца и солдата возлагалась обязанность заготовить и доставить на заводы по шесть сажен дров[2].

Отсутствие под Астраханью лесов делало дровяную повинность крайне тяжелой. Для того чтобы выполнить эти поставки, приходилось прибегать к найму заготовителей. По свидетельству допрошенных солдат и стрельцов эти шесть сажен дров обходились им от 4 до 7 рублей, что для того времени составляло значительную сумму. Ржевский увеличил и поставку дров на воеводский двор, потребовав вместо 2—3 стругов дров — 5—6 стругов ежегодно с каждого полка. Кроме того, стрельцы и солдаты заготовляли для воеводы сено, использовались им на разгрузке барж и т. п.

В начале 1705 г. было проведено снижение солдатам и стрельцам хлебного жалования, воспринятое ими как новая обида со стороны воеводы. «Да от них же воевод и начальных людей почали быть великие обиды», — показывали в Преображенском приказе стрельцы, — убавки хлебного жалования». Снижение было весьма значительным «при прежних де боярех и воеводах и при Тимофее Ржевском по 705 год им стрельцам и солдатом дано по 5 четвертей ржи, овса потому же на год, а с 705 году то хлебное жалование стали им давать с убавкою, по 3 четверти ржи человеку на год, а овса ничего не давано». Ходили слухи, «что он же воевода хотел у них убавить и денежного жалования»[3].

Если налоговая политика Ржевского, задевая стрельцов и солдат, сближала их с посадом, то произвол воеводы, незаконно использовавшего солдат и стрельцов на разных рабо-

---

[1] ЦГАДА, Госархив, разряд VI, д. 17, лл. 9—17.
[2] То есть около 58 м³ дров.
[3] ЦГАДА, Госархив, разряд VI, д. 17, лл. 21—22.

тах и возлагавшего на них новые повинности, а также снижение и тем и другим хлебного жалования, помимо возбуждения недовольства в полках, сильнейшим образом способствовали объединению солдат со стрельцами.

Этому содействовала и их ненависть к полковому начальству. Солдатские и стрелецкие полковники, подполковники и капитаны, так же как и воевода, стремились извлечь из своего служебного положения как можно больше личных выгод. В полках, где они являлись полными хозяевами, царили произвол, грубость и жестокость. Офицеры присваивали солдатское жалование, брали взятки и всячески использовали своих подчиненных как рабочую силу в личных целях. В показаниях, данных в Преображенском приказе, солдаты и стрельцы рассказывали, что им приходилось заготавлять для «начальных людей» дрова и сено, работать на дому и на огородах. Вступая в откупы, офицеры «откупали кто что захватит, а их, служилых людей в тех своих откупах посылали в работу» [1].

Все попытки солдат и стрельцов жаловаться на произвол офицеров были бесплодны. Воевода был связан с полковниками участием в откупах и «управы не давал». Поданные ему челобитные бесследно исчезали в воеводской канцелярии, а челобитчиков держали под арестом и «бивали кнутом». Как мы видели выше, никаких результатов не добился посланный в Москву с жалобой на воеводу и капитана Мейера, ходок Семен Калачников.

Особенно сильное недовольство вызывали у солдат и стрельцов высокомерные офицеры-иноземцы, которые не скрывали своего презрения к русским людям и всячески их эксплуатировали. В повинной челобитной Петру I, жалуясь, что иностранные офицеры установили «налоги горше иных начальных людей», астраханцы писали: «полковники и начальные люди, немцы, ругаючись христианству, многия тягости им чинили и безвинно били и в службах, по постным дням, мясо есть заставливали и всякое ругательство женам и детям их чинили». «Полковник Дивигней, с иноземцы, с начальными людьми, брали к себе насильством из служилых людей в деньщики и заставливали делать самыя нечистыя работы, они и жены их по щекам и палками били...» [2].

Сильно оскорбляло стрельцов и солдат пренебрежение иностранцев к русской культуре, обычаям и религии. Стрелец Галачалова полка Т. Соколов на допросе показал, что

---

[1] ЦГАДА, Госархив, разряд VI, д. 17, лл. 22.
[2] Там же, лл. 9—17.

он «умышлял до бунту побить шведов за то, говорили — будут де и они в их вере». Г. Артемьев в ночь восстания убил жену капитана Мейера, сказавшую ему как-то с насмешкой «станете де и вы в пост мясо есть» [1].

Непрерывный рост налогов, произвол, взяточничество и жестокость полкового начальства, насилия со стороны воеводы и сознание полного бесправия заставляли многих стрельцов и солдат видеть выход только в выступлении против ненавистных порядков. Стрелец Галачалова полка Степан Московитин, давая показания, сообщил суду, что недели за полторы до восстания, 18—20 июля слышал от незнакомых ему 2-х стрельцов Конного и Московского полков слова: «худо де в Астрахани делаетца. От воеводы де и от начальных людей стали великие обиды, завели де причальные и отвальные, хотя де хворосту на шесть денег в лотке привези, а привального дай гривну! Быть де томаше, а даром не пройдет!» [2].

Общее недовольство на посаде и брожение в полках заставили наиболее смелых, решительных и энергичных солдат и стрельцов выступить на борьбу с воеводой и «начальными людьми». Эта борьба, как они полагали, должна была встретить всеобщую поддержку. Так возник солдатско-стрелецкий заговор.

Однако неизвестно, как развивалась бы деятельность участников солдатско-стрелецкого заговора и как скоро они рискнули бы начать открытую борьбу с воеводой, если бы 23 июля 1705 года Т. Ржевский не получил из Земского приказа грамоты о запрещении русского платья и обязательном бритье бород. Эта грамота, объявленная астраханцам с приказом о немедленном исполнении, которую Ржевский и его помощники поторопились использовать в качестве повода для нового выкачивания денег у населения, вызвала взрыв негодования, охвативший все слои населения Астрахани. Запрещение русского платья и ношения бород, являвшихся для Петра I символом отсталости, не было понятно народу и повсеместно вызвало массовое недовольство. В Астрахани же проведение в жизнь указа о немецком платье и брадобритии приняло жестокий, оскорбляющий достоинство человека характер.

На допросе в Преображенском приказе астраханцы заявляли что «бороды резаны у нас с мясом и русское платье по базарам и по улицам и по церквам обрезывали ж; и тем всем от церквей и от торгу отогнали, и на реку по воду и платья

---

[1] ЦГАДА, Госархив, разряд VI, д. 17, л. 25.
[2] Там же, л. 53.

мыть было нельзя и по слободам учинился от того многой плач», «...а кого в русском платье в воротах поймают и с тех велено имать пошлин: с пеших по 4 гривы, с конных по 2 рубли с человека. А которые брить бород не похотят и с тех пошлины ж» [1].

Возмущение населения Астрахани иногда выражалось открыто. Пономарь Никольский церкви В. Беседин, узнав об указе, вынес на паперть и читал вслух книгу против брадобрития. После чтения он говорил: «Хорошо за это постоять, хотя б и умереть, вот о том и в книге написано» [2].

Целовальник из стрельцов Г. Евтифсев, назначенный воеводой собирать пошлины, показывали допрашиваемые, «с платья пошлин собирать не стал и бороды у себя не выбрил», заявив воеводе, что «хотя он умрет, а пошлин збирать и бороды брить не будет». За это он был арестован «и держан за караулом покамест ево, Тимофея, и начальных людей побили».

По городу распространялись слухи, «бутто великого государя не стало и для того воевода Тимофей Ржевский и начальные люди стали делать неподобно, веру христианскую покинули», «бутто свадеб не играть семь лет, а дочерей и сестер выдавать за немцев, которые будут из Казани в Астрахань 2000 человек, а мужескому полу женитца на немках». Среди стрельцов передавали, что «воевода неведомо для какого вымыслу у них всех хочет обрать ружье» [3].

Слухи и жестокие, варварские действия воеводы Т. Ржевского на посаде и в стрелецких слободах способствовали усилению брожения в полках. С. Московитин, не знавший о существовании стрелецкого заговора и только после событий 30 июля присоединившийся к восстанию, показал, что он «как велено в Астрахани носить немецкое платье и усы и бороды брить и збирать новые зборы и в народе почали от того стонать, что преж сего того ничего не бывало, и иные, кто неупомнит, передавали, что на Москве государя в живе нет» «...мыслил сам с собою о бунте». Он признался, что в разговорах со стрельцами «о том бунте приговаривал же, с такою своею мыслью, чтоб тот бунт кто нибудь учинил». Московитин, при случае браня своего полковника Галачалова, говорил «смотрите, как томаша станет и начальных людей всех побьют!» и он «первой поспеет» [4].

---

[1] ЦГАДА, Госархив, разряд VI, д. 17, л. 19.
[2] С. М. Соловьев. История России., т. VII, гл. II.
[3] ЦГАДА, Госархив, разряд VI, д. 17, л. 19—22.
[4] Там же, л. 53. «Томаша» — тревога, сумятица.

Общее возбуждение ободрило заговорщиков. Они активизировали свою деятельность во всех полках и число их сторонников быстро росло. Согласно показанию Шелудяка, П. Носова и других заговорщиков, после Ильина дня [1] к ним присоединились стрельцы Московского полка С. Тихонов, Т. Корешило, Т. Сиповщик, Х. Зимин, И. Баран и С. Калмык, Галачалова полка — А. Камышников, Т. Соколов и Г. Шапошников, Яхтинского — А. Сапожник и солдаты Тысячного полка П. Жегало, Ф. Воробьев и В. Панов. За каждым из них, как показали участники заговора, стояли «верные люди» в полках [2].

Подготовляя восстание, участники заговора действовали крайне осторожно. Больших совещаний они не устраивали. Связь между возникшими в полках группами осуществлялась через их организаторов, которые были связаны с руководителями заговора. Руководители, в количестве семи человек «до бунту за неделю сходясь меж собою в домы и к лавкам и к церкви, о том, чтоб учинить бунт, воеводу и начальных людей побить и за веру и за правду постоять и усов и бород не брить и немецкого платья не носить советовали, и что у них в полках о том совет есть и к тому делу люди готовы сказывали» [3].

Дальнейший план действий был неясен и самим организаторам восстания. Один из активных участников заговора, стрелец Московского полка Т. Корешило показал, что, овладев Астраханью и расправившись с «начальными людьми», они намеревались поднять донских казаков и в том случае, если те «к ним пристанут, и им Царицын взяв боем итти до Москвы и на дороге имать города, а противников побивать до смерти, для того, в Астрахани была молва, государь в Стекольном закладен в столбе, а на Москве управляют бояре Бутурлин да Головин, и пришед к Москве проведать было о том подлинно. А проведав, что было делать, о том в переговорке не было» [4].

К 30 июля о заговоре знало уже столько людей, что дальнейшая задержка с восстанием становилась опасной. 29 июля один из заговорщиков, Ф. Воробьев, говорил другим, что «есть ли того вечера для убивства воеводы они не пойдут и их всех перехватают», и предлагал «хотя б 10-и человекам пошед воеводу убить» [5]. В тот же вечер, как выяснилось на

---

[1] «Ильин день» — 20 июля.
[2] ЦГАДА, Госархив, разряд VI, д. 17, л. 63.
[3] Там же.
[4] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 410 (1161).
[5] ЦГАДА, Госархив, разряд VI, д. 17, л. 25.

допросе Ивана Шелудяка, к нему от Василия Быкова и Никиты Колоса явились стрельцы Галачалова полка Емельян Аристов и Петр Минаев. Они передали ему, что Быков просит, чтоб «он Шелудяк был к нему для убивства воеводы», «что люди у них в готовности, а есть ли де они бунту не учинят, а кто мимо их известит и им будет хуже» [1].

Решено было действовать в ту же ночь.

События ночи под 30 июля восстанавливались Ф. Ю. Ромодановским с большой тщательностью. Следствие установило, что «июля против 30 числа, на понедельник, часу в четвертом ночи собрався они у Никольской церкви человек с 300 и пришед к Кремлю в Пречистенские вороты вломясь, вошли в город». У ворот Т. Корешило «подлез под щиты и у ворот замок сломил», а П. Носов «ухватя Московского полку капитана, прозвищем Малую Землю, ударил о землю, да иноземца, от шмаков матроса, порубил саблею. И того капитана Малую Землю и иноземца, которого порубил, да дву человек иноземцев же, матросов же, да караульного капитана Греченина, которой у тех ворот стоял на карауле, итого 5 человек, скололи копьи да смерти» [2].

Войдя в Кремль, заговорщики действовали по намеченному ими плану. С. Тихонов, Т. Корешило, А. Портной, Т. Сиповщик и Х. Зимин кинулись искать воеводу. А. Артемьев с группой стрельцов отправился на двор к капитану Мейеру, а солдаты Тысячного полка — к полковнику Девиню. П. Жегало и Д. Казанец еще до вторжения в Кремль были посланы поднимать работных людей.

Однако осуществить руководство всеми действиями восставших было крайне трудно. «Неведомо кто» — показывали на следствии участники заговора,— били в набат и по набату сбежались в город стрельцы и солдаты всех полков и иных чинов многие люди» [3]. Примкнув к восстанию они действовали стихийно.

В эту ночь были убиты полковники Девинь и Зажарский, капитаны Мейер и Глазунов, подьяческий сын Кучумов, жена Мейера, капитан Яхтинского полка Бодман и другие иноземцы.

Одновременно возбужденные стрельцы и солдаты сводили счеты со своими однополчанами, которых считали доносчиками и приверженцами ненавистного начальства. Солдат Яхтинского полка К. Толмачев едва не зарубил саблей солдата того же полка Ф. Пелюгу, обвинив его в том, что он

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., ст. 412 (1163).
[2] ЦГАДА, Госархив, разряд VI, д. 17, л. 23.
[3] Там же.

«капитану на них солдат наговаривал». Солдат Иванов и стрелец Конного полка В. Уфимец с 30 людьми ворвались во двор к стрельцу Я. Добрыне, обвинили его в том, что он прячет сотника Званского и ранили его в обе руки [1].

Грабежа имущества «начальных людей» не производилось. Организаторам восстания удалось овладеть движением и не допустить стихийного грабежа. Этой же ночью они ставили к дворам убитых стрелецкие и солдатские караулы. Сержант Яхтинского полка Н. Баскаков на допросе показал, что после убийства жены Мейера Г. Артемьев поставил его «на том дворе на карауле у животов» [2]. П. Носов показал, что «в бунт, в первую ночь после убивства Тысячного полку полковника, на дворе ево у животов с разных полков стрельцами стоял стрелец Галачалова полка Михайло Белый». Солдат Тысячного полка Т. Кривочуров занимался тем, что собирал разбросанное по двору имущество Девиня, относил его «в хоромы и собрав запечатал своею печатью» [3].

Расправившись с «начальными людьми» и отправив Прокофьева Носова с отрядом стрельцов продолжать поиски воеводы, который ночью был не найден, несмотря на то, что его искали на воеводском дворе и в хоромах, на дворе у митрополита и в митрополичьих кельях», восставшие приступили к созданию своего правительства.

Традиционным выражением народной вольности в те времена было казачье круговое управление с выборной старшиной, существовавшее на Дону и хорошо известное жителям и гарнизону Астрахани. Эта форма управления и была избрана ими после захвата власти в городе.

На следствии выяснилось, что с утра по стрелецким слободам и посаду были посланы стрельцы, которые ходили по дворам созывая людей в круг. Таким образом, на круг были приведены Я. Носов и А. Ермолаев, стрельцы М. Коноплин, Е. Забродин, П. Точилка, подьячий И. Халтурин и многие другие [4].

Большинство шло на круг добровольно. В отношении некоторых приходилось применять угрозы. В. Саратовец, стрелец Галачалова полка, заявил Ромодановскому, что «во всех стрелецких полках по слободам ходили слободчики и высылали в круги неволею и говорили буде кто из них стрельцов в круг не пойдет и им быть в смертной казни». Аналогичное

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 416 (1167).
[2] Ученые записки Моск. гор. пед. ин-та, вып. I, т. 2, за 1941 г. (Публикация В. И. Лебедева).
[3] ЦГАДА, ф. Преобр пр., стб. 410 (1161).
[4] Там же.

показание дал и стрелец А. Сыромятников, рассказавший, что слободчики и урядники «кричали, чтоб все шли с ружьем в Кремль, а ково застанут в домах, тех станут рубить и колоть» [1].

Собирать людей стрельцы были разосланы и по пригородам. Гребенской казак К. Бедрин, находившийся за городом, «в государеве зимовье» показал, что утром туда явился «конной стрелец Дмитрий Казанец с саблею наголо и кричал на него, Кирсана, и на товарыщев ево, которые в том зимовье были, всего на 9 человек, чтоб они шли в город, стали де за веру, за усы, за бороды и за немецкое платье. И по тем его, Дмитриевым, словам они все в город пришли». Стрелец Василий Мантуров, косивший сено в семи верстах от Астрахани, на так называемом Алмазовом поле, показал, что за ним и другими находившимися там людьми приезжали четыре конных стрельца и «велели им быть в город» [2].

Первое собрание круга было очень многолюдным и бурным. Рассказывая о нем, К. Бедрин показал, что «в город сошлись всех полков стрельцы и солдаты и кричали чтоб выбирать на Терек и в Гребени с воровскими письмами, чтоб на Терках и в Гребенях учинить такой же бунт и за веру с ними заодно б постояли, а под Царицын учинить посылку для того, что всем же войском говорили, что бутто государя на Москве в живе нет и чтоб про него государя под Царицыном проведать, а от Царицына итти верховыми городами до Москвы» [3]. Руководил первым заседанием круга И. Шелудяк, имя которого было известно Ромодановскому еще в начале следствия, как имя старшины и «пущего заводчика».

Рядовой стрелец Галачалова полка Шелудяк, несомненно, являлся одним из видных деятелей астраханского восстания. Он пользовался у заговорщиков большим авторитетом и был заранее предназначен ими на пост старщины будущего правительства. Т. Корешило на допросе показал, что еще до восстания говорил со своими однополчанами, стрельцами Московского полка, о Шелудяке как о лице, достойном стать старшиной [4]. Шелудяк был сторонником активных действий восставших и, как он признал на суде, «мыслил, взяв Царицын, итти было до Казани и есть ли бы к ним пристали итти до Москвы и спрашивать про государя бояр, а буде те бояря на разговор с ними не пошли б и их побить» [5]. Он обладал незаурядными организаторскими способностями и неоднократно

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 412 (1163).
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же, стб. 416 (1167).
[5] ЦГАДА, Госархив, разр. VI, д. 17, л. 24.

выступал среди стрельцов и перед кругом с речами. Речи его были остры, доступны и хорошо запоминались. Давая свои показания, многие стрельцы цитировали из них отрывки. «Никак де государя нашего в живе нет, потому, что нам почали быть налоги великие! От церквей жен и детей, дочерей — девок отбивали и на портомойне ругали — обрезывали русское платье по пояс и для того по городу ходили нарочно сотники!» — передавал одну из речей Шелудяка стрелец Галачалова полка В. Саратовец [1].

Войдя в состав старшины в качестве ее члена, И. Шелудяк оказывал большое влияние на все действия астраханского правительства. Он «у побитых имал в круг животы, и под Царицын о посылках и деньги давать приговаривал» [2], подбирал людей для выполнения наиболее ответственных поручений, принимал вместе с Я. Носовым терчан и царских посланцев.

Суд признал И. Шелудяка виновным в совершении целого ряда тягчайших преступлений: в измене, организации «бунта», подстрекательстве и произнесении «непристойных слов». Он обвинений не опровергал. На вопрос Ромодановского говорил ли и зачем о том, что «государя в живе нет», Шелудяк ответил, что «в народ для возмущенья, чтоб к бунту пристали говорил, слыша из народной молвы, бутто государь не прямой, потому затеяно де, чего при прежних государях не бывало» [3]. Впоследствии Шелудяк был казнен в числе других «пущих заводчиков».

Проводя первое заседание круга, Шелудяк обратился к собравшимся солдатам, стрельцам, посадским и работным людям с объяснением причин, вызвавших восстание, и призвал всех поддержать восставших. Стрелец Конного полка Р. Кукара, давая суду свои показания, рассказал, что «в кругу Иван Шелудяк в сабле, ходя, говорил во весь круг: холопи де государевы, хорошо де нам постоять за веру, за усы и за бороды и за немецкое платье. Великого де государя в живе нет, от того де нам стали налоги великие» [4].

Когда П. Носов с солдатом Давыдовым, стрельцом Селезневым и другими нашли, наконец, «на воеводском дворе, за поварнею, в курятнике», воеводу и привели его на круг, Шелудяк произвел суд над Ржевским, во время которого воз-

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 412 (1163).
[2] ЦГАДА, Госархив, разряд VI, д. 17, л. 24.
[3] Там же.
[4] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 412 (1163). Аналогичные показания дали другие стрельцы разных полков: Т. Уткин, И. Филиппов, Ф. Бирюк, Т. Заяц, А. Сыромятников и В. Мурзицкой.

бужденные восставшие «скололи» воеводу копьями. После убийства Ржевского Шелудяк осуществлял далее планы участников заговора: организовал составление и подписание писем на Дон и Терек, провел выборы старшины и заставил астраханского митрополита дать священника для проведения присяги верности делу восстания и старшине [1].

На этом события первого дня восстания закончились.

Достаточно подробно восстановив ход событий ночи и дня 30 июля, князь Ромодановский не смог, однако, установить имена многих лиц, совершивших отдельные убийства. Осталось невыясненным кто убил полковников Девиня и Зажарского, капитанов Мейера и Бодмана [2], ряд иноземцев и сына подьячего Кучумова. Поэтому ответственность за их смерть была возложена в первую очередь на заговорщиков и во вторую очередь на лиц, признавших, что они примкнули к восстанию «в зачин бунту». Убийцей Т. Ржевского был признан стрелец Т. Уткин, на которого указал, ссылаясь на пятидесятника Галачалова полка Б. Хренова, стрелец того же полка И. Серебряков. Сам Уткин отрицал правдивость этого обвинения, но оно было оставлено в силе и Уткина казнили отсечением головы [3].

Возбуждение, вызванное набатным колоколом ночью 30 июля, как показало следствие, продолжалось несколько дней. После речи И. Шелудяка в городе усиленно заговорили о смерти царя и, слыша об этом, к восстанию примыкали все новые лица.

Кроме солдат и стрельцов, на ежедневно происходившие собрания круга являлось много посадских людей, представители которых поставили свои подписи под «Советным письмом», а также работных и гулящих людей.

Гулящий человек Е. Григорьев показал, что, узнав о восстании стрельцов и послушав их «воровские похвальные слова к бунту», он «к тем ворам и бунтовщикам пристать хотел и товарыщев своих, к тому воровству и бунту призывал». Гулящий человек А. Александров на допросе рассказал, что он в момент восстания был в 30 верстах от города, но, узнав о восстании, вернулся в Астрахань. Услышав от Я. Носова что в Астрахани «стали за веру, за бороды и за усы и за платье», он пошел в круг и стал говорить, «чтобы за веру, за платье и брадобритие постоять». Горячность Александрова понравилась кругу и он был послан с Шелудяком на переговоры с митрополитом Самсоном,— «говорить для чего он,

---

[1] ЦГАДА, Госархив, разряд VI, д. 17, л. 24.
[2] Капитан Глазунов был убит Т. Корешило.
[3] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 416 (1167).

митрополит, воеводе Тимофею Ржевскому не претил и не говорил, как тот Тимофей был жив, чтоб брадобритью не быть и платье немецкого не носить. Есть ли б де он, митрополит, ему, Тимофею, в этом воспретил и того бы кровопролития не было, для того, чтобы бороды и усы брить противно. Номоканоном и Кормчей книге и служебникам, по которым служат обедни» [1].

Круг вынес немало важных решений: о конфискации селитренных заводов и вывозе их оборудования в Астрахань, о походе вверх по Волге, о выдаче солдатам, стрельцам и приписным ремесленникам (садовникам, кормщикам и проч.) денежного жалования. Были отменены все введенные при Тимофее Ржевском налоги, уничтожены откупа и объявлена свободная торговля хлебом. Было подписано «Советное письмо», назначены делегаты на Дон и Терек, Красный Яр и Гурьев. По решению круга в полках были произведены выборы полкового начальства [2].

После того как возбуждение первых дней прошло, вся власть в городе стала осуществляться старшиной. Я. Носов, Г. Ганчиков, И. Шелудяк и другие члены старшины организовали сбор налогов (собирались «кабацкие и таможенные пошлины»), распоряжались захваченной восставшими воеводской казной и хлебными запасами, осуществляли суд и расправу, принимали и рассматривали разные челобитные, вели переписку с другими городами и т. п. Все их распоряжения выполнялись беспрекословно.

Основной опорой астраханской старшины являлись стрельцы и солдаты, которым поручалось выполнение всех наиболее важных и ответственных заданий. Стрельцы и солдаты несли охрану города и общественного порядка. Им было поручено заняться свозом в помещение бывшей воеводской канцелярии имущества убитых, бежавших и содержавшихся под арестом «начальных людей» [3]. Из них же назначались делегаты на Дон, в Терек и др. города. Специальным отрядом, образованным из стрельцов Конного, Московского и Галачалова полков, была проведена и важнейшая операция по захвату

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 412 (1163).

[2] Полковыми старшинами были избраны бывшие заговорщики: П. Жегало, И. Баран, Г. Шапошников и стрелец Конного полка Я. Ситников, а сотниками — П. Носов, Я. Саратовец, Н. Уфимец, Фролов и Яковлев (ЦГАДА, Госархив, разряд VI, д. 17; ф. Преобр. пр., стб. 416 (1167).

[3] Сохранившиеся среди других документов астраханского архива описи имущества Н. Зажарского и дьяка Семена Васильева были составлены П. Носовым. Шелудяк и Корешило в своих показаниях сообщили следствию, что свозом имущества Т. Ржевского ведали солдаты В. Дедов и Конев, а имуществом других лиц — пятидесятник Конного полка И. Балахна (ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 394 (1144) и 417 (1167).

селитренных заводов. По словам Т. Корешилы, Р. Кукары и И. Шапошникова в состав отряда входили стрельцы Г. Вергун, И. Скоробогатый, Ворона, Н. Уфимец, Худяков, Миколчанин, С. Московитин и др. В «Селитренном городке» стрельцы «шведов полоняников побили», распустили работных людей и вывезли в Астрахань заводское оборудование [1].

Стрельцами же был осуществлен и переворот в Красном Яру, все подробности которого были тщательно восстановлены следствием.

Красный Яр, расположенный на одном из рукавов Волги, к востоку от главного устья, был ближайшим к Астрахани крупным населенным пунктом. Большую часть его населения составляли стрельцы стоявшего там довольно значительного гарнизона. Несмотря на самостоятельное воеводское управление, Красный Яр был тесно связан с Астраханью и являлся фактически ее восточным форпостом, выдвинутым в калмыцкие степи. Через Астрахань красноярский гарнизон снабжался хлебом и оружием, боеприпасами и жалованием. Красноярские стрельцы, часто бывавшие в Астрахани «в посылках», постоянно общались с астраханцами, имели друзей и знакомых на посаде и среди стрельцов. Красноярские посадские люди, часть которых составляли выходцы из Астрахани, также были тесно связаны с астраханским посадом деловыми и родственными связями. И те и другие нередко испытывали тяготы произвола и злоупотребления Т. Ржевского. Красноярцы были хорошо осведомлены обо всем, что происходило в Астрахани и сочувствовали восставшим. Это позволяло астраханцам надеяться на поддержку с их стороны.

Решение о захвате власти в Красном Яру было принято астраханским правительством немедленно после его образования, так как оно ясно сознавало, какую опасность для него представляло существование в тылу у Астрахани старого воеводского управления, в распоряжении которого находился значительный военный гарнизон. Организация восстания в Красном Яру была поручена стрельцам Т. Корешило и Ф. Полетаю. К их отряду присоединились оказавшиеся в Астрахани в момент восстания красноярские стрельцы Г. Хортик и И. Одоленов.

Участник событий, происшедших в Красном Яру, Г. Хортик, давая показания в Преображенском приказе, сообщил, что отряд астраханцев действовал там весьма решительно и быстро. Хортик показал, что он и Иван Одоленов «для того бунту, чтоб учинить, на Красный Яр из Астрахани з бунтовщики ж, с московскими стрельцами с Терентием Корешилой,

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр. стб. 416 (1167), 394 (1144) и 410 (1161).

с Федором Полетаем прибежали на лошадех верхами, нарочно и красноярского воеводу сковали», после чего «ударили в набат и, выняв у себя сабли наголо, красноярцам же говорили: есть ли де старшин не выберете, на нас де не пеняйте»[1].

Следствие выяснило, что действия отряда астраханцев во главе с Т. Корешилой и Ф. Полетаем встретили сочувствие и активную поддержку со стороны красноярских стрельцов, которые и обеспечили им успех. Красноярец посадский человек Г. Баев назвал следствию имена 22 красноярских стрельцов, которые сразу же присоединились к приехавшим и «бунтовали з астраханцы за одно всем городом»[2].

Первое собрание красноярского круга, образованного сбежавшимися по набату людьми, прошло бурно. Сторонники восстания не получили единодушного одобрения. По-видимому, красноярский воевода Долгорукий вел себя иначе, чем Ржевский в Астрахани и не вызывал своей деятельностью всеобщего порицания и ненависти у красноярцев. Не было в Красном Яру и такого засилия иностранцев, как в Астрахани. Поэтому сторонники восставших астраханцев вынуждены были уговаривать участников круга присоединиться к восставшим и даже прибегать к угрозам. Больше всех,— показал Хортик,— говорил о том стрелец Иван Кузнечик. Он кричал: «либо де мы пропадем, либо де вы пропадете, есть ли де старшин не выберете и вам де сабли не миновать»[3].

Стрельцы Порун, Ветошник, Мельник и Баландин на приведенного в круг Долгорукого «бутто за его обиды кричали» и настаивали на отправке его в Астрахань. После обсуждения круг склонился к решению поддержать астраханцев и выбрать старшин. По настоянию стрельцов Синепупова, Тутаринова, Кормы, Баландина, Поруна, Мельника и Ветошника,— показал Г. Хортик,— «вместо воеводы выбрали старшин, красноярцев же Ивана Кочержонка, да Мартына Мелетина, а воеводу отдали вышеписанным астраханским бунтовщикам, в Астрахань»[4].

Сопровождать Т. Корешилу, Полетая и скованного воеводу Долгорукого в Астрахань красноярцы отправили нового старшину М. Мелетина и пятнадцать человек стрельцов «челобитчиков». Им вручили адресованную астраханской старшине челобитную, в которой, как показал Г. Баев, просили «воеводу, бутто за его к ним налоги, чтоб его убить до смерти»[5].

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 416 (1167).
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Там же.

По приезде в Астрахань М. Мелетин, как он сам показал на допросе, «в кругу старшинам и войску о том и бил челом». Получив санкцию Астраханского круга, челобитчики тут же изрубили Долгорукого саблями. «Они»,— показал Мелетин,— Иван Одолен, Иван Корма, Семен Баранов, Кондратей Черниченок, Еремей Мельник, Савелий Кириллов, Григорий Хортик — рубили саблями, Савелий Порун рубил бердышем, и как тот воевода был жив — зевал, и Одолен же ево дорубил». Принимал участие в расправе над воеводой и Т. Корешило [1].

Вскоре после убийства воеводы красноярцы вновь прислали в Астрахань челобитчиков, пятидесятников Е. Меньшого и стрельца А. Черношапкина, с просьбой разрешить им произвести дележ воеводского имущества. В награду за оказанную красноярцами поддержку восстанию астраханское правительство такое разрешение дало и красноярцы «животы его всем же городом раздували по себе». М. Мелетин показал, что «из животов его, воеводских, досталось ему з дувану восемь рублев» [2].

Вслед за Красным Яром к Астрахани присоединился Гурьев.

Город Гурьев, расположенный в устье Яика [3], являлся дальней пограничной крепостью. Его основным населением были ссыльные и переведенцы. Стрелецкий гарнизон Гурьева ежегодно менялся, причем «в годовую на Яик» обычно посылались красноярские и астраханские стрельцы.

Присоединение Гурьева к восстанию произошло по приезде туда астраханской делегации. Воевода Ф. Дмитриев был арестован и выслан с семьей в Астрахань. Старшиной был избран сотник Колтовский. После смены гурьевского гарнизона, проведенной астраханской старшиной, его место занял солдат М. Иванов, который до конца восстания возглавлял управление и оборону города.

Присоединение Красного Яра и Гурьева к Астрахани было встречено астраханским правительством с большим удовлетворением. Красноярский и гурьевский гарнизоны теперь не только не внушали опасений восставшим, но стали для Астрахани надежным заслоном от калмыков, угрожавших ей с востока.

Калмыцкие племена, управлявшиеся ханом Аюкой и кочевавшие в непосредственной близости к Астрахани, с первых же дней восстания проявили открыто-враждебное отно-

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 416 (1167), Госархив, разряд VI, д. 17.
[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 416 (1167).
[3] Яик — старое название реки Урал.

шение к восставшим. Они не только дали у себя убежище бежавшим из Астрахани «начальным людям» и осведомляли Царицынского воеводу обо всем, что делалось в городе, но и повели систематическую борьбу с астраханцами, совершая набеги на окрестности Астрахани, на городские пастбища, на рыболовецкие станы и покосы. Калмыки отбирали рыбу и портили рыболовные снасти, угоняли скот, жгли мелкие поселки и увозили пленных. Попытка восставших заключить мир с калмыками не удалась и астраханцы были вынуждены вести постоянную борьбу с ними, в свою очередь совершая наезды на их урочища и стада.

Нападения на калмыков послужили следствию основным обвинительным материалом против красноярского старшины М. Мелетина. Ознакомившись с его отписками к Я. Носову, в которых он сообщал о своих стычках с калмыками, Ромодановский составил для Мелетина специальный вопросник. Его спрашивали: «На Красном Яру для обережи от калмык старшиною был ли и за калмыки, которые шли под Астрахань ходил-ли? На переправах, за то, что они идут под Астрахань на бунтовщиков, их калмык громил ли и сколько человек и в которых урочищах в сколькие времена погромил? И в Астрахань к старшинам о том писал ли»? [1].

В отличие от Я. Носова, М. Мелетин вел себя на суде крайне нервно и несколько раз менял показания, пытаясь оправдаться. На первом допросе и пытке, уличаемый выписками из его собственных отписок, он признал все предъявленные ему обвинения. Вторично взятый в застенок, Мелетин принялся все отрицать, а на третьей пытке заявил, что в старшины был избран поневоле, деньги брать не хотел, а если и делал что-либо, то только под давлением стрельцов, «боясь себе от товарищей своих смерти». Он выдал многих еще оставшихся на свободе красноярских стрельцов и пытался свалить на них всю вину и ответственность за убийство Долгорукого. М. Мелетин показал, что стрельцы И. Одоленов и Д. Жировой заставили его бить челом астраханскому кругу об убийстве воеводы только угрозами. Они говорили, что «буде он, Мартын, того не сделает и он бы к ним на Красный Яр не ездил, а будет и приедет и они его в части изрубят» [2].

Однако его попытки оправдаться ни к чему не привели. Мелетин, так же как и А. Ермолаев, был приговорен к смертной казни.

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 412 (1163).
[2] Там же, 416 (1167).

Красноярские стрельцы были признаны виновными в организации восстания в той же мере, что и их астраханские товарищи.

Не менее тщательно в Преображенском приказе занимались расследованием всех обстоятельств, связанных с организацией и походами восставших под Царицын.

Допрашивая обвиняемых о Царицынских походах, Ф. Ю. Ромодановский интересовался главным образом тремя вопросами: каковы были цели походов, как они происходили, кто и в качестве кого принимал в них участие.

Проведенное расследование позволило уточнить состав преступления многих рядовых участников восстания и привлечь к ответственности целый ряд новых лиц, занимавших командные посты в отрядах, которые оперировали под Царицыном. Среди них оказались: полковой старшина Я. Ситников, назначенные сотниками стрельцы Яковлев, В. Уфимец, Фролов и Я. Саратовец, есаул Лебедев и знаменщик — Чентуков, бунчужный — терский стрелец В. Ионов, войсковой старшина — терский стрелец И. Голый, терский атаман А. П. Хохлач и др. [1].

Поход на Царицын, предпринятый астраханцами, рассматривался ими первоначально как первый этап похода на Москву, который они надеялись совершить вместе с донскими казаками. Как показало следствие, единого мнения о цели похода на Москву у восставших не было. Значительная часть солдат, рядовых стрельцов и посадских людей не распространяла своей ненависти к воеводе, офицерам и иноземцам на царя. Выступая против порядка управления, они склонны были считать виновником всех своих бед не царя, а бояр. Эта часть солдат и стрельцов полагала, что государя или «в живе нет» или «в полону, в Стекольном», или подменен, а «оттого и чинятся людям обиды великие». Главной задачей похода они считали истребление бояр и «проведывание про государя». Другая, меньшая часть, главным образом те стрельцы, которые еще сохраняли воспоминания о 1682 и 1698 годах и помнили старые обиды, примкнув к восстанию, надеялась добиться восстановления своих утрачечных привилегий и считала целью похода свержение Петра I. Выразителем мнения первых были И. Шелудяк и Т. Корешило, а вторых — стрелец Галачалова полка С. Московитин.

Родом москвич, С. Московитин происходил из потомственной стрелецкой семьи. Детство и отрочество С. Московитина прошло в столице, где служили в разных полках его отец и дяди. Он хорошо помнил охватившее московских стрель-

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 416 (1167) и 412 (1163).

цов недовольство политикой Петра I и разные разговоры, осуждающие его поведение и жалобы на недоброжелательное отношение к стрельцам, на приверженность царя к иностранцам, а также на введенные им тяготы военной службы. Большое впечатление произвел на него памятный стрельцам 1698 год, когда двое из его родственников были казнены за участие в восстании, а отец был вынужден покинуть Москву и до конца жизни служить в Киеве.

Указ о выводе стрелецких полков из столицы и запрещение оставаться там стрелецким семьям нанесли сильный удар благосостоянию московских стрельцов. «Стрелецкое разорение» тяжело сказалось и на семье С. Московитина, мать которого спешно ликвидировала свое хозяйство и торговое заведение в Москве, а затем переехала в Астрахань [1]. По примеру отца С. Московитин вступил там на службу в местный стрелецкий полк.

На допросе в Преображенском приказе С. Московитин показал, что когда в Астрахани началось преследование бород и русского платья и пошли толки о том, что «государя на Москве нет», он вспомнил московские разговоры о Петре и, в частности, версию о том, что он не настоящий, а «подменный царь». «Стрельцов всех разорили, разослали с Москвы, а в мире де стали тягости, пришли де службы, велят носить немецкое платье, а при прежних де царех того ничего не бывало»,— говорила 5—6 лет тому назад при нем, Степане, его матери жена столяра Андронова, крепостного человека Федора Лопухина. «Для того, де стрельцов разорили и платье переменили и тягости в мире стали (что) на Москве де переменный государь! Как де царица Наталья Кирилловна родила царевну, а в тож де время боярыня или боярышня, подлинно не упомнит ж, родила сына, и того де сына взяли к царице, вместо царевны, подменили» [2].

Московская версия и все слышанное когда-то о Петре объясняло, по мнению Московитина, астраханские события гораздо лучше, чем слух о том, что «государя на Москве нет». Государь был, но не настоящий, а «подмененный» и не из-за бояр, которые существовали всегда, а из-за него обрушились

[1] Судя по тому, что она все же оказалась в состоянии открыть в Астрахани оружейную лавку, что требовало наличия значительного капитала, отец Московитина относился к числу зажиточных стрельцов.

[2] На основании этого показания С. Московитина в Преображенский приказ были взяты его мать и крепостная Лопухина — Андронова. Обе признали правдивость показания Степана; Андронова показала, что передавала рассказ, услышанный ею от жены соседа — кузнеца. Та в свою очередь сослалась на крестьянку подмосковной вотчины того же Ф. Лопухина, в те годы нищенствовавшую в Москве. Последняя найдена не была (ЦГАДА, Госархив, разряд VI, д. 17, лл. 52—57).

на народ тягости и налетели иностранцы. И Москвитин распространял в Астрахани именно эту версию,— «говорил, про царское величество, что он подменной, а не прямой царь, старую веру переменил и ввел все латынское, платье велел носить немецкое, бороды и усы брить». При этом он ссылался на то, что «слышал об этом на Москве от неложного человека». С. Московитин показал, что он сознательно вел подобные разговоры, так как стремился, «чтоб бунтовщики в том ему поверили и с тех бы ево слов к бунту больше пристали» [1].

По мнению С. Московитина, основной задачей похода на Москву являлось избиение иностранцев и предъявление ультимативных требований Петру I, которого в случае отказа выполнить их, также надлежало уничтожить. «А пришед к Москве,— излагал свой план в Преображенском приказе С. Московитин,— немцов всех хто б где попался мужеска и женска полу побить было до смерти и сыскать было государя и бить челом, чтоб старой вере быть по прежнему, а немецкого бы платья не носить и бороды и усов не брить. А буде он, государь, платья немецкого носить и бород и усов брить перестать не велел и его б государя за то убить до смерти, чая по словам той помянутой столяровой жены, что он государь, подлинно подменной». Следовало, по его мнению, отомстить Петру I и за расправу со стрельцами в 1698 г. «Да и для того ево, государя, убить мыслил,— заявил Московитин на допросе,— что московских четырех полков стрельцов в Москве переказнил и казнены его Стенькины дядья, два человека, а достальных всех стрельцов он же, государь, велел разорить, разослать по городам». Поэтому он считал, что следует «Царицын взять боем и итти в верховые городы и до Москвы и всех призывать было к себе же, а кто б не пристал и тех было всех побивать» [2].

Мнение рядового стрельца С. Московитина не получило широкого распространения и одобрения восставших в Астрахани. Круг предпочел принять версию Шелудяка, что «великого государя в живе нет», а Москву захватили «бояре да немцы» и провозгласил поход на Москву «за христианскую веру и за государя» против иноземцев и бояр. Именно так объясняло замысел и цель похода большинство допрашиваемых обвиняемых и свидетелей [3].

Для С. Московитина непосредственным результатом его

---

[1] ЦГАДА, Госархив, разряд VI, д. 17, лл. 52—57.

[2] Там же.

[3] П. Жегало, А. Хохлач, И. Голый, И. Саратовец, В. Саратовец, Т. Корешило, И. Шелудяк и др.

показаний было то, что следствие отнесло его к числу «пущих заводчиков», хотя он не играл заметной роли в восстании и не занимал командных и ответственных должностей. Впоследствии его роль была сильно преувеличена самим царем, который в своих заметках на «Гисторию Свейской войны» объявил Московитина организатором и зачинщиком всего восстания [1].

Решение восставших выступить в поход на Царицын, как выявило следствие, было принято астраханским кругом в один из первых дней восстания. Принятию этого решения способствовало и общее возбуждение и первые значительные успехи восставших и радужные надежды на всеобщую поддержку.

Царицын, расположенный на излучине Волги вблизи от донских казачьих городков, был важным военно-стратегическим пунктом, от захвата которого зависел успех похода. В связи с этим астраханский круг вынес решение обратиться с призывом поддержать восстание к донским казакам и овладеть Черным Яром, единственным крупным населенным пунктом, находившимся между Астраханью и Царицыном. В Черный Яр был послан стрелецкий отряд, с которым выехала и делегация на Дон, возглавлявшаяся Скорняковым и Кисельниковым «с товарыщи».

В ожидании ответа от донских казаков и донесения из Черного Яра астраханское правительство развернуло энергичную деятельность по подготовке к походу на Царицын. Допрашивая Т. Корешилу, П. Жегало, П. Носова, А. Камышникова, П. Точилку, Ф. Полетая, И. Тулу и других участников похода, следствие установило, что для похода под Царицын были выделены люди из всех полков, составившие один отряд общей численностью 1000 человек. Атаманом был назначен стрелец Конного полка Иван Дериглаз.

Все отъезжающие получили оружие, боеприпасы и деньги по 10 рублей «в жалование». Ф. Полетай показал, что ему были выданы «ружье, турка да копье, да свинцу и пороху по фунту». Раздача производилась организованно через полковых пятисотников и сотников [2]. Средства для выдачи жалования астраханское правительство черпало из захваченной воеводской казны и, кроме того, «с таможни да с кабака», которые продолжали функционировать так же, как и до восстания.

---

[1] Заметки Петра I опубликованы Н. Устряловым в приложениях к IV тому его «Истории Петра Великого».

[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 416 (1167). Раздачей ведали: в Галачаловом полку — сотник И. Тимофеев, в Московском — сотник М. Бурмистров, в Конном — пятидесятник Т. Гвоздев и Е. Зиновьев, в Яхтинском — солдат И. Глодышев.

Участники похода показали, что из Астрахани они отплыли не дождавшись вестей с Дона, как только стало известно о присоединении к восстанию Черного Яра [1].

Но отсутствие сведений от посланной на Дон делегации беспокоило астраханское правительство, которое возлагало большие надежды на восстание казаков и их помощь в борьбе за Царицын. Поэтому, отправляя Дериглаза с его отрядом в поход, старши́на приняла решение выждать и снабдила его такими инструкциями, которые поставили атамана в полную зависимость от поведения казачества.

Дериглазу [2] поручалось, как показал на допросе П. Жегало, склонить к восстанию царицынский гарнизон и жителей города, не открывая военных действий. Для этого старши́на снабдила его соответствующим письмом к царицынцам, текст которого совпадал с текстом письма на Дон. В случае неудачи переговоров, Дериглаз должен был ждать прихода донских казаков и с их помощью «промышлять Царицын» оружием. Без донских казаков производить какие либо военные операции ему запрещалось.

Вторая задача Дериглаза и его отряда сводилась к тому, чтобы «проведать о государе». «А государь де в живых ли или нет, того не ведаем, а и ныне де говорят бутто он государь в Стекольном в заточенье и мы де послали до Царицына проведать, жив ли он государь»,— определил цель похода Дериглаза Яков Носов, разговаривая с прибывшим в Астрахань терским атаманом А. Хохлачом.

---

[1] Занимаясь детальным расследованием астраханского восстания, Ромодановский уделял мало внимания событиям, происшедшим в Черном Яру после прибытия туда вооруженного отряда астраханских стрельцов. Это объяснялось тем, что черноярцы были амнистированы Петром I и привлекались по делу в незначительном количестве. Амнистии, несомненно, способствовало то, что присоединение Черного Яра к восстанию было в значительной мере вынужденной уступкой астраханской военной силе. Основную массу населения Черного Яра составляли посадские люди, теснее связанные с посадскими людьми Царицына, в непосредственной близости к которому они находились, чем с посадом Астрахани. Это сказалось на всем поведении черноярцев. Подчинившись астраханскому правительству, они, однако, очень мягко отнеслись к своему воеводе Вашутину, которого содержали под арестом. Избранный старшиной дворянин Кузьма Калентьев зачастую действовал по указке воеводы. Многие черноярцы «отъехали» в Царицын, не желая принимать участия в восстании. Впоследствии черноярцы не оказали сопротивления фельдмаршалу, добровольно открыв ему ворота города. Активно поддерживала восстание только часть черноярских стрельцов.

[2] Судьба Дериглаза неизвестна. Из материалов следствия видно только, что он к суду не привлекался. Возможно, что его уже не было в живых.

Пассивность атамана Дериглаза явилась главной причиной неудачи его похода. Длительные безрезультатные переговоры с царицынцами, а затем с подошедшим к ним на помощь казачьим отрядом, посланным Л. Максимовым, привели к потере времени и Дериглаз упустил возможность взять город неожиданно, с хода. Нерешительность восставших была использована царицынским воеводой, который, получив помощь от донских казаков и калмык, перешел к активным действиям против отряда Дериглаза и заставил его отступить.

В это время в Астрахани были получены известия о восстании в Тереке, а затем на помощь астраханцам прибыл отряд терских стрельцов под командованием А. Хохлача и «охотники» из Гребеней. Это придало астраханскому правительству больше решимости и уверенности в своих силах. Оно пришло к выводу о необходимости активных действий против Царицына, и Дериглазу со специальным посыльным было отправлено новое распоряжение. Оно застало отряд в Черном Яру. «А как под Царицыном, в первой посылке, царицынской воевода по пересылкам их во всем им отказал,— рассказывал в Преображенском приказе Петр Жегало,— и поплыли они в Астрахань по-прежнему, и с ними на Черном Яру встретился Корентова полку стрелец, Константин Грахов и отдал из Астрахани от старшин письмо. А в нем было написано: буде царицынцы добром к ним не пристанут, чтоб они над Царицыном чинили воинской промысел и взяли б Царицын боем».

Но было уже поздно. Тысячный отряд Дериглаза не мог взять Царицына, гарнизон которого был приведен в боевую готовность и получал помощь от казаков и калмыков. Обсудив письмо старшины на войсковом круге «они всем войском того письма не послушали, назад к Царицыну не пошли, а поплыли в Астрахань по прежнему» [1]. Не вернулся обратно отряд Дериглаза и тогда, когда встретил посланный ему на помощь новый отряд, численностью в 700 человек, во главе которого астраханское правительство поставило А. Хохлача.

Терский атаман А. Хохлач стал известен в Преображенском приказе по сообщению терского воеводы Д. Молостева, который охарактеризовал его как одного из активных деятелей терского восстания. Вина его еще больше увеличилась тем, что он оказался одним из руководителей царицынского похода. А. Хохлач был подвергнут ряду допросов и пыткам. Оправдываться он не пытался и дал почти исчерпывающие показания на первом же допросе.

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 394 (1144), лл. 79—86 и 173; Уч. зап. Моск. гор. пед. ин-та, вып. I, т. II. Публикация В. И. Лебедева.

А. Хохлач рассказал, что по прибытии в Астрахань терский отряд явился в круг, где «Яков Носов да старшина Гаврило Ганчиков с товарищи ему Андрею и товарищем ево терчанам говорили, чтоб они с ними постояли за веру». Выслушав рассказ Я. Носова обо всем, что вытерпели астраханцы, и узнав об их сомнениях относительно судьбы государя, А. Хохлач от имени всех терчан заявил, что «мы де за христианскую веру и за государя стоять готовы», после чего и был назначен атаманом отряда, готового для отправки в помощь Дериглазу.

Отправляя А. Хохлача в путь, «Яков Носов с товарищи приказывали им словесно, чтоб они к себе близко калмык не припускали и будто они калмыки учнут на них напущать и их калмык велели им громить», но никаких заданий относительно Царицына не дали. В письме, данном Хохлачу, указывалось только, что надо «царицынцам говорить, чтоб они сверху к ним в Астрахань пропущали хлебные запасы и призывать их царицынцев к себе к бунту в сообщение» [1].

Отсутствие в этом письме упоминания о том, что следует «город Царицын взять боем», вызвало явное недоумение у Дериглаза и его спутников, незадолго до этого получивших прямое задание «промышлять Царицын боем». «На дороге де, ниже Черного Яру, на урочище Казыяре встретились они,— рассказывал А. Хохлач, — с атаманом Иваном Дериглазом и то посланное письмо с ними чли ж и меж войска де у них замялось». Решив, что астраханское правительство отменило посланное ему с Граховым распоряжение, и зная, что переговоры ни к чему не ведут, Дериглаз «велел ему Андрею с войском, которое послано было с ним, Андреем, плыть в Астрахань по-прежнему» [2].

Возвращение Дериглаза вызвало сильнейшее негодование астраханцев. Отряд Дериглаза, как показал А. Хохлач, «в город не пустили двои сутки», тогда как «ево Андрея с товарыщи в город пускали» [3]. Затем отряд Дериглаза был распущен, а сам он лишен звания атамана. Данные ему наказы были у него отобраны.

Возвращение отряда Дериглаза было первой крупной неудачей восставших. Отступление от Царицына сорвало планы астраханской старшины, восстание перестало распространяться вширь, и правительство Петра I легко организовало блокаду района восстания. Блокада нарушила нормальную тор-

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 412 (1163).
[2] Там же.
[3] Там же.

говую жизнь в Астрахани, а набеги калмыков на ее окрестности остановили работы на соляных и рыбных промыслах. Это причиняло богатым купцам, посадской и стрелецкой верхушке, владевшей промыслами, лавками, мастерскими, стругами и баржами, большие убытки.

Астраханское правительство было вынуждено организовать второй поход под Царицын. Его возглавил атаман А. Хохлач. Посылая А. Хохлача с отрядом из 700 человек под Царицын, старшина дала ему такой же наказ, как и Дериглазу, дополнив его только одним пунктом относительно переговоров с Царицыном о пропуске в Астрахань баржей с хлебом. Таким образом Хохлачу так же, как и Дериглазу, было предложено действовать в зависимости от поведения донских казаков. Рассказывая о втором походе, А. Хохлач сообщил: «и после де того, спустя с неделю, ево, Андрея, с вышеписанными с 700 человеки, послали под Царицын и дали ему другой наказ, который был у Дериглаза и велели говорить о пропуске хлебных запасов, и проведать про государя жив ли он, и спросить про то же донских казаков и буде донские казаки будут с ними за одно и пойдут вверх выше Царицына, и ему Андрею велели итти с ними ж и что будут донские казаки делать, то и ему приказывали делать» [1].

Поход А. Хохлача также был неудачным. Так как «в тех наказах, что город Царицын взять боем, было не написано», он ограничился ведением переговоров с казаками, которые происходили на Сарпинском острове. Не добившись прекращения блокады, но узнав от донских казаков, что «государь многолетствует», Хохлач вернулся в Астрахань, захватив с собой, как он выразился, — «для верности» «Ермолу Арапа да Елисея Зиновьева, да донских же казаков, которые стояли на заставе на Сарпинском острову 50 человек, да саратовцев 20 человек», которых «объявил атаману Якову Носову с товарищи» [2].

Показания А. Хохлача о целях «второй посылки» под Царицын были проверены Ромодановским путем допроса стрельцов И. Голого, В. Саратовца и других участников похода.

Из всех полученных им о Царицынских походах сведений Ф. Ю. Ромодановский отобрал только те, которые позволяли ему усилить степень виновности астраханцев, и, положив в основу показания И. Шелудяка, сделал такой вывод, что «Царицын им было взять боем, а с Царицына идти в верховые города до Казани, и собрався многолюдством, и к Москве, и

---

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 412 (1163).
[2] Там же.

на Москве про государя спрашивать бояр и учинить бунт и побить всех до смерти» [1].

На основании этого заключения все участники походов, имена которых следствию удалось выявить, были приговорены к смертной казни. «Пущие заводчики», а также сотники, пятидесятники и другие лица, занимавшие руководящие посты, были приговорены к колесованию или отсечению головы, рядовые участники похода — к повешению.

Большой интерес следствие проявляло и к событиям последних дней восстания, выявляя организаторов и активных участников сопротивления правительственным войскам.

Главными виновниками организации сопротивления, как установило следствие, опираясь на «Договорное письмо», донесения фельдмаршала и показания перебежчиков, были стрельцы и солдаты, известную поддержку которым оказали посадские низы. Во главе сопротивления стояли те же самые лица, которые входили в состав старшины и являлись участниками заговора.

Об организации сопротивления Ромодановский допрашивал почти всех привлекавшихся к суду лиц, задавая им одни и те же вопросы: кто именно был против впуска фельдмаршала в город, какое участие принимал в сопротивлении тот или иной обвиняемый или свидетель, каковы были причины, вызвавшие организацию сопротивления?

Из показаний перебежчиков и обвиняемых было установлено, что вскоре после второго похода на Царицын и прибытия в Астрахань Кисельникова с царской грамотой, обещавшей восставшим прощение, на круге начались разногласия. Зажиточная часть посада и тесно связанная с ней деловыми, дружескими и родственными связями стрелецкая верхушка высказывались за примирение с правительством и впуск царских войск в город. Большая же часть гарнизона и жителей города относилась к обещаниям царя недоверчиво и настаивала на том, чтобы подождать до возвращения в Астрахань представителей восставших, повезших в Москву их повинную челобитную. Часть стрельцов и солдат решительно выступала против соглашения с правительством.

С. Московитин показал, что «мыслил и свою братью и гулящих людей в кругах призывал и на базарех и у съезжей избы уговаривал не по одно время, — дождався весны и взяв в Астрахани пушки и порох и свинец, и разоря индейской и бухарской дворы и товары пограбя, утить из Астрахани на Аграхань или в иные крепкие места, где бы прилучилось, на вечное житье». А с теми, «кто не похотя с ними бежать, пу-

[1] ЦГАДА, Госархив, разряд VI, д. 17.

шек и пороху и свинцу давать не стали», «он, Стенька приговаривал битца» [1].

По мере приближения к Астрахани царских войск, в то время как от Кисельникова не было никаких известий, недоверие стрельцов к царским обещаниям все возрастало. Оно особенно увеличилось после того, как Шереметев на просьбу астраханцев «помешкать на Царицыне» ответил отказом. Обсудив положение на полковых кругах, стрельцы и солдаты решили сопротивляться и составили «Договорное письмо».

Т. Корешило, Я. Ростопчин, есаул Афонасий Пескарев и другие лица, тесно связанные с Шелудяком и возглавлявшие руководство в полках, показали, что текст «Договорного письма» был составлен писарем Тысячного полка Иваном Чарыковым, что «ходил во все полки о том повещать» стрелец прозвищем Донской и что особенно горячо ратовали за сопротивление стрельцы Рыбник, Стародубов и Конев [2].

На общем круге «Договорное письмо» не обсуждалось.

Отвечая Ромодановскому, кто именно был против впуска царских войск в город, большинство солдат и стрельцов отвечало совершенно одинаково «фельтьмаршала в город не пустить приговорили всеми полками» [3].

В последние дни восстания в Астрахани царило сильное возбуждение. На собраниях круга стрельцы «в народ возмутительные слова говорили, бутто по появлении фельтьмаршал города не возьмет, чтоб стояли крепко и буит похваляли» [4]. Посланный в Астрахань Д. Бородулин показал, что при нем в кругу стрельцы сокрушались, что сразу не пошли к Москве, и поносили Петра. «Какой он государь благочестивый! Полатынил всю нашу благочестивую веру», «не сила Божия ему помогает, ересьми он силен». «Христианскую веру поругал и облатынил». «Итти бы нам до самой столицы, до родни его, до Немецкой слободы и корень бы весь в ней вывести» [5].

Солдат Яхтинского полка, Михайло Железо «в приход к Астрахани фелтьмаршала говорил: то де дело малое, что фелтьмаршала убить, есть ли б де и великий государь был и они бы ему, государю череп сшибли» [6].

[1] ЦГАДА, Госархив, разряд VI, д. 17. Подобные разговоры, несомненно, способствовали росту боязни восстания у верхушки и средних слоев посада, толкая их на прямую измену и сговор с правительством. И недаром в числе первых перебежчиков оказались «бухарского и индийского двора жители», которым прямо угрожал Московитин.

[2] ЦГАДА, Госархив, разряд VI, д. 17, ф. Преобр. пр., стб. 416 (1167).

[3] Такие показания дали: С. Орлов, Ф. Бирюк, Б. Гаврилов, Д. Гладков (Железо) и другие (ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 412 (1163).

[4] ЦГАДА, Госархив, разряд VI, д. 17.

[5] С. М. Соловьев. История России, т. XV, гл. II.

[6] За эти «непристойные слова» Ромодановский причислил Михаила Железо к числу «пущих заводчиков» (ЦГАДА, Госархив, разряд VI, д. 17).

Следствие установило, что, готовясь к защите города, астраханская старшина произвела приверстку в полки гуляющих людей и привлекла к участию в обороне всех тех, кто умел владеть оружием. Бывший пушкарь Василий Вавилов, давно ушедший в отставку по старости, показал, что «в то время как фельдмаршал с ратными людьми пришел под Астрахань, взяли ево больнова бунтовщики в неволю, на Мачаловскую башню и велели стрелять по калмыкам. При этом они говорили ему: ты де старой пушкарь и стрелять умеешь». Гулящий человек Иван Дедов, попавший в Преображенский приказ в 1710 г. совершенно по другому делу, рассказывая свою биографию, сообщил, что во время астраханского восстания «ево, Ивана, приверстали, в неволю, в Московский полк, в стрельцы и выдали ему в два пойма денег по пяти рублев». Он «в круги с теми бунтовщиками ходил», и «крест целовал, чтоб друг за друга стоять»[1]. Гулящий человек И. Соловьев показал, что «до приходу фельдмаршала за день пистоль у него в руках была и две пули у него за щекою были»[2].

Готовясь к обороне, стрельцы и солдаты сожгли находящийся вне стен города посад и согнали в крепость весь имеющийся скот. Вход и выход из города был запрещен.

В дни осады, как выяснилось из показаний, стрелец М. Туменок «поставил против калмык и татар бунтовщиков с ружьем, человек з двести». П. Носов «осматривал по земляному валу караулов и усмотря, что в Ивановском монастыре стали делать бойницы, поставил против того монастыря пушку». Целовальник Зелейного двора посадский человек М. Калашников раздавал порох, свинец и бомбы. Казак Е. Зиновьев и И. Шелудяк «наряжали полки к бою». Оставался на своем посту и Я. Носов. Все они принимали участие и в последней вылазке[3].

Заканчивая следствие и составляя обвинительное заключение, Ф. Ю. Ромодановский признал огромное большинство обвиняемых достойными самого сурового наказания — смертной казни. В первую группу наиболее важных преступников вошли А. Ермолаев, Е. Зиновьев, А. Хохлач, И. Шелудяк, П. Носов, Т. Корешило, Г. Артемьев, Г. Агеев, Я. Ростопчин, П. Жегало, В. Быков, Д. Казанец, С. Тихонов, А. Сапожник, Г. Шапошников, Ф. Воробьев, С. Орлов, В. Панов, А. Камышников, А. Портной, Т. Соколов, Т. Сиповщик, Х. Зимин, И. Баран, С. Калмык, Н. Колос и А. Афанасьев, один

[1] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 416 (1171), 412 (1163)

[2] Уч. зап. Моск. гор. пед. ин-та, т. II, вып. I за 1941 г. Публикация В. И. Лебедева.

[3] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 412 (1163), 416 (1167); Госархив, разряд VI, д. 17.

из первых поставивший свое имя на «Договорном письме». В эту же группу вошли стрельцы М. Железо, С. Московитин. Ко второй группе было отнесено 44 человека, которые занимали руководящие должности в Царицынских походах и «в приход фельтмаршала над пушкарями были старшинами и указывали места ставить пушки и по нем и по начальном ево стреляли и в народ возмутительные слова говорили»[1]. Третью, самую большую, группу составили рядовые участники восстания; астраханские, красноярские и терские солдаты, стрельцы, гулящие и работные люди, посадские и приказные служители, принимавшие участие в кругах или участвовавшие в походах под Царицын и против калмыков, или принимавшие участие в обороне города, а также лица, получавшие деньги и хлеб из рук «воровских старшин».

Все они были приговорены к смертной казни.

Четвертую, очень незначительную по количеству, группу обвиняемых составили лица, приговоренные к каторге и ссылке. В нее вошли люди, находившиеся в родстве с «пущими заводчиками», как например, жена и дочь Я. Носова, стрельцы, сумевшие доказать, как стрелец И. Панов, свою непричастность к восстанию, но все же оставшиеся на подозрении и, наконец, те немногие участники восстания, казнь которых в силу каких-либо причин была отложена на долгий срок. В числе таких «удачливых» оказался красноярский стрелец А. Черношапкин, досидевший в Преображенском приказе до 1710 г., и затем сосланный на каторгу «навечно»[2]. В эту же группу вошел и черкасский князь Алдигирей со своим узденем Чортпаем[3].

---

[1] ЦГАДА, Госархив, разряд VI, д. 17.

[2] ЦГАДА, ф. Преобр. пр., ст. 400 (1150).

[3] Дело черкасского князя Алдигирея возникло 20 августа 1707 г. по доносу сотника Терских конных стрельцов И. Васильева. И. Васильев обвинял Алдигирея в том, что он находился в постоянной связи с астраханскими «бунтовщиками», писал к Я. Носову и во время терского восстания призывал к убийству воеводы и всех лиц, отказавшихся примкнуть к восстанию. Васильев привез с собой в качестве свидетелей трех терских стрельцов. Князь Алдигирей был взят в Преображенский приказ. Так как он отрицал правильность извета, князь Ромодановский приказал поднять протоколы допросов терчан, привезенные Молостевым, и просмотреть материалы астраханского архива. Оказалось, что давая показания, С. Казак назвал князя Алдигирея в числе других магометан, которые «целовали куран быть с ними заодно». Среди документов астраханского архива было обнаружено пять писем Алдигирея к Я. Носову, из которых выяснилось, что Алдигирей посылал в Астрахань для получения словесных директив своего узденя Чортпая. Чортпай также был арестован.

Уличенный Алдигирей изменил свои показания, но заявил, что держал связь с астраханцами для того, чтобы быть в курсе их наме-

Уточняя состав преступления как «начальных и пущих заговорщиков», так и рядовых участников восстания, князь Ф. Ю. Ромодановский в течение всего процесса настойчиво стремился дознаться, не было ли астраханское восстание вызвано происками консервативного боярства или шведов[1]. В письме к Петру I от 23 мая 1707 г. он писал: «...а в расспросах и у пытки спрашивали: от чего бунт у них зачался, так же нет ли писем с Москвы каких повелительных и бунту от всякого чина. Тут же спрашивали и о письмах: не писали ль от шведа, а также и иных государств». Однако таких связей Ромодановскому найти не удалось. «А стрельцы винятся только в своем воровстве, в бунте, — сообщал он Петру в том же письме, — в письмах же не винятся, говоря, что таких писем к ним возмутительных с Москвы ни от какого чину и из иных государств не присылывали, а стал у них тот бунт за немецкое платье, за бороды и за веру и иттить им было к Москве для бунту ж»[2].

рений и не допустить разорения Терека. Дело Алдигирея было доложено боярам, которые приказали Ромодановскому, кроме допросов и очных ставок со стрельцами и Чортпаем, применить к нему пытки. Алдигирей и Чортпай содержались в Преображенском приказе довольно долго. Только в 1708 г. по именному указу «тот князь Алдигирей бит кнутом и послан на житье к Архангельскому городу, а уздень ево в Санкт-Петербурх, в казачью слободу» (ЦГАДА, Госархив, разряд VI, д. 17, лл. 65—68).

[1] Подозрение в том, что астраханское восстание было результатом происков шведского правительства, которое якобы сеяло в Астрахани недовольство через немецких купцов, высказывал Плейер (донесение от 17 января 1706 г. опубл. Устряловым в прилож. к IV тому «Истории Петра Великого»). Это подозрение, как показало следствие, не имело под собой никакой почвы.

[2] Н. Г. Устрялов. «История Петра Великого», т. IV, гл. XVIII, стр. 507—508.

Единственное показание, указавшее было на связь с Москвой, дал С. Московитин, который на одном из допросов оговорил своих дядей, бывших стрельцов И. Сугоняя и И. Зайцева, живших после роспуска стрелецких полков в Коломне. Московитин показал, что, когда он ехал в Астрахань, И. Сугоняй, в присутствии Зайцева, сказал ему «есть ли де в Астрахани людей смутишь и Дон и Яик потянут с вами, а кому де против вас быть противным? Государь де ныне в полках, бьется со шведом, а города де все пусты, которые де малые люди и есть и те де того жаждают и ради вам будут» «мошно де старую веру утвердить как вы похотите» и дал ему «воровское письмо бутто Москвою завладели четыре боярина столповых» и «хотят Московское государство разделить на четыре четверти». Сугоняй и Зайцев были взяты на допрос и в застенок, но твердили, что Степан «поклепал их напрасно». Впоследствии он показал, что действительно оклеветал Сугоняя и Зайцева «избегая пыток и скорой казни» и, подтвердил это, вытерпев еще 2 пытки и жжение огнем. Сугоняй и Зайцев были освобождены (ЦГАДА, Госархив, разряд VI, д. 17, л. 55). Показание Московитина, несмотря на его ложность, интересно для истории восстания, поскольку оно выражает настроение представителя последнего поколения потомственных стрельцов.

Не увенчалась успехом и попытка Ромодановского обнаружить какие-либо связи между московскими стрельцами, расквартированными в Астрахани и Тереке, которые позволили бы установить, что восстания в обоих городах были результатом предварительного сговора. И астраханские заговорщики и рядовые участники восстания в своих показаниях давали одинаково отрицательные ответы: «у терских стрельцов с астраханскими ж московскими стрельцами о бунте умысел и пересылке какие были ль, того не ведают» [1].

Процесс следствия по астраханскому делу ничем существенным от следствия по другим политическим делам не отличался. Процесс дознания осуществлялся путем простых допросов, очных ставок и допросов с применением пыток. Запись в одном из дел Преображенского приказа гласит, что «в Москве, в Преображенском, они бунтовщики сперва не пытаны, а потом, с первой пытки, да перед бояры с двух пыток и с огня в распросех и меж собою по спорам с очных ставок порознь винились» [2].

Хотя эта запись упоминает только о трех пытках, следует полагать, что количество пыток, применяемых к отдельным лицам, было значительно выше. Не говоря уже о тех обвиняемых, которые меняли показания, что прибавляло им еще три «законных» пытки, более трех раз пытали и тех лиц, которые не меняли своих показаний. Следствие шло медленно, факты выяснялись постепенно и в связи с выяснением новых деталей событий приходилось подвергать уже опрошенных и пытанных людей повторным допросам и пыткам, которые должны были подтвердить их новые показания. Особенно частым допросам и пыткам, несомненно, подвергались «заводчики», состав преступлений которых был уточнен далеко не сразу. Пытки к астраханцам применялись те же самые, к которым обычно прибегали в Преображенском приказе: подъем на дыбу, дыба в сочетании с ударами кнутом и жжение огнем. Количество ударов, наносимых допрашиваемым, было неодинаково [3].

Пытки, применяемые к участникам астраханского восстания, были мучительны и жестоки. Многие умирали от них до

---

[1] Подобным образом ответили стрельцы Филиппов, Мантуров, Кузнец, Саратовец, Заяц, Неклек, Гаврилов, Сыромятников, Е. Черный, Н. Черный, А. Кобыла, С. Бирюк, атаман А. Хохлач и многие другие (ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 412 (1163).

[2] ЦГАДА, Госархив, разряд VI, д. 17.

[3] На одной из пыток отставной пушкарь В. Вавилов и стрелец Д. Гладков (Железо) получили по 25 ударов, стрельцы Плишни, Косой, Баскаков и Капустин — по 20 ударов, М. Мелетин — 21 удар, И. Голый — 27 ударов (ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 412 (1163).

окончания следствия. Дьяк Преображенского приказа Я. Былинский отметил 45 случаев смерти, что составляло около 12% обвиняемых.

Допросы обычно производились самим Ромодановским. При допросе «пущих заводчиков» иногда присутствовали бояре. Часть допросов рядовых участников восстания в виду огромного количества обвиняемых вели дьяки Былинский и Нестеров. По мелким дополнительным вопросам, так называемым «справкам», допросы проводились подьячими не в приказе, а в местах заключения.

Важность «астраханского дела», большое количество обвиняемых и сложность разбирательства привели к тому, что судебный процесс длился с августа 1706 года до начала 1708 года.

Приговоренных к смертной казни оказалось так много, что казни производились не сразу и в разных местах.

И. Шелудяк, П. Носов, Т. Корешило, П. Жегало, Г. Артемьев и Г. Агеев были колесованы перед Преображенским приказом, там же были отсечены головы бурмистру А. Ермолаеву и еще сорока двум человекам. Тридцати человекам отсекли головы на Красной площади, 242 человека были повешены на виселицах, сооруженных на дорогах, ведущих в Москву [1].

Занимаясь следствием по делу участников Астраханского восстания, судья Преображенского приказа Ф. Ю. Ромодановский интересовался главным образом антиправительственной деятельностью восставших. Внутренняя политика астраханской старшины и работа органов управления, созданных восставшими не привлекала его внимания. Поэтому такие важные вопросы, как налоговая, судебная и административная деятельность старшины, а следовательно и ее тактика в отношении разных слоев астраханского населения, освещаются в материалах следствия крайне скудно. Мало отражена в них и деятельность посадской верхушки, которая за свой переход на сторону правительства была амнистирована и к суду не привлекалась.

Полное и всестороннее изучение истории Астраханского восстания требует дополнения следственных данных другими материалами, прежде всего материалами архива астраханской старшины, только небольшая часть которого была использована во время судебного процесса, а также многочисленными письмами и донесениями административных лиц и правительственных агентов.

Подобное исследование не входило в задачи данной рабо-

---

[1] ЦГАДА, Госархив, разряд VI, д. 17, л. 27.

ты вследствие ограниченности ее темы, а поэтому она не претендует на исчерпывающее выяснение всех обстоятельств, связанных с историей Астраханского восстания. Однако материалы судебного процесса участников восстания дают много ценных фактических данных, которые позволяют сделать некоторые обобщения и выводы.

Прежде всего, материалы следствия дают возможность установить основные причины, характер и движущие силы восстания. Они показывают, что оно было народным, массовым городским восстанием, в котором наряду со стрельцами и солдатами принимали активное участие посадские, работные и гулящие люди.

Восстанию предшествовал солдатско-стрелецкий заговор, который возник в Астрахани еще до получения указа о немецком платье и брадобритии. Заговорщики были тесно связаны с посадом и всецело разделяли его недовольство налоговой политикой правительства и действиями местной администрации. Подготавливая выступление, они рассчитывали на участие в восстании широких слоев посада и их расчет полностью оправдался. Выступление участников заговора, рядовых стрельцов и солдат, против местных властей встретило общую поддержку всех жителей города, и власть в Астрахани была захвачена восставшими.

Хотя активное участие в восстании принимали все жители Астрахани: посадские, работные, гулящие люди и даже юртовские татары, с самого начала и до конца восстания стрельцы и солдаты составляли основное, наиболее сплоченное ядро всего повстанческого движения и являлись главной руководящей силой не только в Астрахани, но и в других примкнувших к восстанию городах [1].

Восставшие энергично выступили против произвола и на-

---

[1] Руководящая роль стрельцов и солдат вырисовывается по материалам следствия настолько ясно, что приходится совершенно отвергнуть высказанное В. И. Лебедевым (журн. «Историк-марксист» 1935, № 4 и Уч. зап. Мос. гор. пед. ин-та, т. II, вып. I за 1941 г.) предположение, будто бы во главе восстания стояли посадские низы: бурлаки, работные и гулящие люди. Вся эта масса угнетенного, типичного для Астрахани, населения являлась огромным резервом для всякого направленного против угнетения и эксплуатации движения и несомненно принимала участие в Астраханском восстании. Но материалы следствия не содержат никаких указаний на то, что гулящие или работные люди входили в состав старшины, руководили осуществлением отдельных мероприятий или выбирались на административные посты. В. И. Лебедев считает выдающимся гулящим человеком И. Голого. Но это ошибка. Из показаний И. Голого видно, что он был стрельцом терского полка Некрасова, принимал участие в расправе с полковником, а затем выехал в Астрахань и участвовал в походе под Царицын.

силий местной администрации и офицеров, особенно иноземцев, а также против тяжести налогового бремени[1].

Борьба и практическая деятельность восставших ясно свидетельствуют об антифеодальном характере Астраханского восстания. Это подтверждается и их попыткой привлечь на свою сторону донских казаков, чтобы общими силами осуществить поход на Москву.

Попытка объединиться с донскими казаками таила в своей основе опасность возникновения народного восстания против правительства Петра I на значительной территории русского государства. Такая опасность была вполне реальна, так как на Дону и в других районах страны имелось достаточно горючего материала, способного вспыхнуть в любое время. Это сказалось на тактике правительства Петра I, которое не только военной силой, но и путем переговоров стремилось задушить восстание.

Астраханское восстание было одним из наиболее организованных городских восстаний XVII—XVIII вв. Восставшие создали свои органы управления, которые успешно выполняли правительственные функции. Они выделили из своей среды незаурядных военачальников и администраторов: И. Шелудяка, Я. Носова, Т. Корешило, П. Носова, П. Жегало и др. То, что главной силой восстания были стрельцы и солдаты, составлявшие сплоченный, организованный, привыкший к совместным действиям коллектив, в то же время неразрывно связанный с посадом не только в хозяйственном, но и в правовом отношении, наложило свой отпечаток на весь ход восстания. Это сказалось и в конце восстания, когда на посаде начались колебания, а затем переход на сторону правительства значительной части посадской и стрелецкой верхушки. Рядовые стрельцы и солдаты при поддержке основной массы посадского населения, а также работных и гулящих людей продолжали борьбу до конца.

---

[1] Выяснившаяся в процессе следствия интересная деталь восстания, что солдатско-стрелецкий заговор возник до получения в Астрахани указа о немецком платье и брадобритии, говорит о том, что восстание назревало постепенно и было вызвано именно налоговым гнетом и произволом властей, а не частным указом Петра I. Однако указ о немецком платье оказал некоторое влияние на ход восстания, так как ускорил взрыв народного недовольства.

Призыв астраханцев бороться против введения немецкой одежды и бритья бород был совершенно неправильно истолкован буржуазными историками С. М. Соловьевым и Н. Г. Устряловым, которые, игнорируя основные требования восставших, рассматривали восстание как бунт «ревнителей старины» против реформ Петра I (С. М. Соловьев История России.., т. XV, гл. 2; Н. Г. Устрялов. История царствования Петра Великого, т. IV).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Заканчивая исследование политических процессов, проходивших в Преображенском приказе, следует признать, что организация этого приказа и его деятельность по борьбе с политическими преступлениями, осуществлявшаяся в общегосударственном масштабе, имела большое значение и представляет большой интерес для изучения истории развития русского государства конца XVII — первой четверти XVIII в. Созданный в период упадка и начинавшейся ликвидации старой приказной системы государственного управления, возглавляемого боярской Думой, Преображенский приказ сыграл важную роль в создании и укреплении нового аппарата власти Российской империи. Изучение деятельности этого приказа позволяет с большей полнотой понять указание В. И. Ленина, что «русское самодержавие XVII века с боярской Думой и боярской аристократией не похоже на самодержавие XVIII века с его бюрократией, служилыми сословиями...» [1]. Организованный по типу старых приказов, Преображенский приказ, однако, существенно отличался от них тем, что был первым централизованным государственным учреждением, которому подчинялись по вопросам борьбы с политическими преступлениями все остальные центральные и местные органы управления.

Проходившие в Преображенском приказе политические процессы бояр, духовенства, дворян, стрельцов, крестьян, посадских, работных и гулящих людей, а также процесс участников Астраханского восстания 1705—1706 гг. показывают не только сложный переплет борьбы вокруг проводившихся пра-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 308.

вительством Петра I реформ в лагере феодалов-крепостников, но и отношение к ним народа. Эти процессы освещают также резкое недовольство широких народных масс политикой правительства и их выступления против возраставшего феодально-крепостнического гнета.

Следственная и судебная практика Преображенского приказа убедительно свидетельствует о классовом, крепостническом характере его деятельности. В этом наглядно убеждают результаты процессов, по которым видно, что с 1697 по 1709 гг. было оправдано: крестьян 7,1%, посадских людей 8,6%, солдат 2,2, помещиков 54, офицеров 81%. Об этом же говорят и данные о мерах наказания, применяемых к простым людям. Крестьяне, солдаты и посадские люди карались за «непристойные речи» телесными наказаниями, членовредительством и ссылкой на каторгу, в то время как к представителям дворянства за то же преступление применялись только телесные наказания.

Процессы бояр, духовенства, дворян и стрельцов дают много ценных сведений о формах и характере борьбы против реформ представителей различных социальных групп, привилегии которых в той или иной степени были затронуты реформаторской деятельностью правительства Петра I. Эти процессы показывают консервативность и сословно-классовую ограниченность требований этих групп и их изолированность от народа. Исключением в этой группе процессов являются процессы стрельцов и представителей низшего духовенства. В них нашли свое отражение не только их общность с выступлениями представителей консервативной оппозиции, но и недовольство народных масс, с которыми они близко соприкасались и были тесно связаны хозяйственными, сословными и другими интересами.

В процессах крестьян, солдат и посадских людей с большой силой и яркостью проявляется недовольство народных масс, на плечи которых ложилась вся тяжесть реформ, ростом феодально-крепостнической эксплуатации. В этих процессах, составляющих около 70% всех политических дел, рассматривавшихся в Преображенском приказе, особенно резко и сильно звучат обвинения по адресу Петра I, что он не настоящий русский царь, а немец, «весь де мир выел», и рассказывается о крайне тяжелом положении широких масс, обремененных налогами и многочисленными государственными повинностями, страдающих от крепостнического гнета и безудержного произвола администрации. Они отражают также наивные, патриархальные представления народа о хорошем царе, что сказалось, в частности, в идеализации царевича Алексея.

Материалы процесса участников Астраханского восстания

1705—1706 гг. дают возможность выяснить многие связанные с историей этого события вопросы, позволяют полнее и глубже выявить его причины и классовую сущность, а также организацию и деятельность органов управления, созданных восставшими. Главной причиной восстания было длительное, постепенно накапливавшееся недовольство стрельцов, солдат и посадских людей тяжестью налогов, произволом и злоупотреблениями местной администрации, возглавляемой Т. Ржевским, лихоимством и жестоким обращением офицеров, варварским проведением в жизнь указа о немецком платье и т. д. Несмотря на то, что главной и наиболее организованной силой в этом восстании были стрельцы и солдаты, оно не было локальным солдатско-стрелецким мятежом, а массовым, организованным городским восстанием, в котором от начала и до конца принимали активное участие основные массы посадского населения, работные и гулящие люди.

Восставшие, истребив большую часть старой администрации, создали свои органы управления, отменили многие налоги и сборы (собирались только таможенные и кабацкие пошлины), организовали охрану порядка в Астрахани и присоединившихся к ней городах и населенных пунктах, уничтожили торговые монополии и конфисковали имущество убитых и бежавших «начальных людей». Восставшие не ограничились присоединением к Астрахани близлежащих городов и, несмотря на отсутствие у них ясного плана действий, энергично боролись за расширение территории, охваченной восстанием, и замышляли поход на Москву.

По средствам борьбы, размаху и движущим силам Астраханское восстание 1705—1706 гг. было антифеодальным, антикрепостническим движением.

Беспощадная борьба, которую вел Преображенский приказ с политическими преступлениями, отличавшаяся особой суровостью в отношении народных масс, свидетельствует не только о классовой направленности его деятельности, но и о серьезной опасности, которой угрожало правительству Петра I обострение классовой борьбы в городе и деревне.

Изучение политических процессов помогает также полнее выявить своеобразие классовой борьбы в России конца XVII—первой четверти XVIII в., ее причины и движущие силы, а также характер народных волнений и восстаний того времени.

Материалы о карательной деятельности Преображенского приказа, направленной против консервативной оппозиции, народных движений и народного недовольства показывают, что он сыграл важную роль в укреплении крепостнического государства. Они также отражают и то, что прогрессивная евро-

пензация России и усвоение ею западноевропейской культуры осуществлялись грубыми и дикими средствами. «Петр ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства» [1].

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 307.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. 1697 г. марта 6 — Приговор по делу думного дворянина И. Е. Циклера, окольничего А. П. Соковнина, стольника Ф. Пушкина и других лиц, обвинявшихся в составлении заговора на жизнь Петра I.

1697 года, марта в 6 день великий государь царь и великий князь всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержец слушав сей докладной выписки указал и бояре приговорили: Ивашка Цыклера и Алешку Соковнина, Федьку Пушкина да стрельцов Ваську Филипова, Федьку Рожина, донского казака Петрушку Лукьянова казнить смертью за то, что они, Ивашко и Алешка и Федька, умышляли ево, великого государя, убить до смерти. И говорил он, Алешка, чтоб на царстве быть Шеину для того, что безроден, а он, Ивашко, говорил, — счастье де Борису Петровичу Шереметеву, стрельцы ево любят. А после того он же, Алешка говорил, чтоб выбрать на царство ево, Ивашка Цыклера. И про то убивство он, Ивашка, в дому своем им, стрельцом, говорил и учиня то смертное убивство было им, умысля воровски, и он, Ивашко, хотел з донскими казаками и с московскими стрельцами з Дону, оставя городовое дело Таган Рога, итти для московского разоренья и чинить то ж, как и Стенька Разин.

А они, стрельцы, Васька и Федька, с донским казаком Петрушкою Лукьяновым, умысля воровски, хотели збунтовать, з донскими казаками и с московскими стрельцами итти к Москве и разорять казаком Москву с конца, а стрельцам з другово конца.

А стрельцам Никитке Корсакову, Тимошке Скорняку учиня жестокое наказанье, з женами и з детьми сослать в Сибирь в Баргузинской острог, что за Байкалом, на вечное жи-

тье в пашню, за то: Микитка Корсаков слышав от Ивашка Цыклера про убивство великого государя, а Тимошка Скорняк слышав от Федьки Пушкина непристойные слова, которые к убивству причинны, ему, великому государю, не известили.

Алексея Обухова и Бориса Батурина за непристойные их слова послать: Алексея в Белгород, а Бориса в Севск и служить им в тех полкех в прежних их чинех, и к Москве им без указу великого государя не ездить.

А стрельцов же Устинка Самсонова и Степанку Воротникова и донского казака Микишку Роскащина свободить, для того, что по розыскному делу вина их, Устинкина и Микишкина, явилась малая, а Стенькино и вины не явилось.

У Матвея Пушкина, за воровство сына его Федьки, честь боярство отнять и послать ево в Сибирь, и служить ему по Енисейску, а дворов ево московских и вотчин на ево, великого государя, не отписывать. Боярина Федора Прокофьевича Соковнина сослать с Москвы в дальние ево деревни, а к Москве ему ни для каких дел до указу великого государя не ездить. А детей ево, Федоровых, всех послать в Севск и служить им в Севском полку в прежних чинех, в которых они написаны в Розряде, а к Москве без указу не ездить.

У Алешкиных детей Соковнина, у Василья, у Федора, у Петра, у Ивашковых детей Цыклера чины их, к которым они написаны в Розряде, за воровство отцов их отнять и написать их, Василья с братьями, по Белугороду и служить им в Белогороцком полку, а Цыклеровых по Курску. А к Москве им без указу великого государя не ездить же. А из поместей их и из вотчин и особых их дач дать им: Василью 25 дворов, а Федору и Петру и Ивашковым детям Цыклера по 5-и дворов. А буде за ними особых дач нет и им дать то ж число ис поместий и из вотчин отцов их. А Федькиным детям Пушкина из поместий и из вотчин и из их особых дач, за воровство отца их не давать, а отписать те ево Федькины и детей ево и достальные Ивашковы и Алешкины и детей их поместья и вотчины, и московские их дворы, и животы на великого государя и по оценке продать, а деньги взять в ево, государеву, казну.

А женам их, Ивашкове и Алешкине и Федькине, и дочерям-девкам ис тех их поместий и вотчин ничего не давать, а дать им загородные их дворы, да из животов их дать против того, как дано Федькиной жене Шакловитого.

А людей Алешкиных и Ивашковых и Федькиных отпустить.

А Ларнона Елизарьева за то, что он про то убивство ему, великому государю, известил, пожаловал великий государь в

дьяки. Да ему ж дать из Ивашковых поместей и вотчин Цыклера 50 дворов крестьянских. А Григорья Силина — в старые подьячие, да ему ж дать из ево, Ивашковых, животов на 1000 рублев и быть им у дел на Житном дворе, что у Мясницких ворот.

А что Васька Филиппов говорил про Ивана Стрешнева, бутто он, Васька, слышал от стрельца Тимошки Скорняка, а он, Тимошка, бутто слышал от него, Ивана, подобные слова Федькиным словам Пушкина, и по розыску вины ево, Ивановой, не явилось потому, что тот Тимошка в роспросе и с пыток во всем ево, Ивана, очистил.

Скрепил дьяк Автамон Иванов.

ЦГАДА, ф. Преобр. пр., стб. 541 (485), лл. 56—58.

2. 1722 г.— Выписка, составленная в Преображенском приказе по требованию кабинет-секретаря Петра I А. Макарова, собиравшего материалы для «Гистории Свейской войны», по следственному делу участников Астраханского восстания.

Об Астраханском бунте.

В Преображенском приказе в розыскном деле об Астраханском бунте написано:

В 1705 г. сентября в 17 день в Преображенской приказ присланы ис Посольского приказу астраханские да черноярские стрельцы, да астраханской ж приказной полаты подьячей, всего по имяном 7 чел., которых в тот приказ прислал того ж сентября в 16 день з Дону, из Черкаского, атаман Лукьян Максимов с казаками всего войска, с отпискою. А подослали их к ним из Астрахани бунтовщики, с прелесными и проезжими воровскими письмами. А имянно: конного Зажарского полку Михайло Скорняков, Иван Кисельников, Яков Якимов, московского Армянинова Григорей Артемьев, черноярцы, конного ж, Афонасей Волокушин, Григорей Кормильцов, подьячей Иван Ермаков.

А в помянутой отписке з Дону написано: того ж 705 г. августа в 30 день, писал к ним с Царицына воевода Афонасей Турчанинов, августа ж де в 9 и в 13-м числех Чеметева улусу калмыки, по имяном 4 чел., подали на Царицыне ему, Турчанинову, от того Чеметя два письма, в которых по переводу явилось написано: В Астрахани де Тимофей Ржевской убит, да начальных людей побито 300 чел. и поднялись де из Астрахани 1500 чел. А по ведомости де из Астрахани от астраханн-

ских татар быть им на Царицыне, в Азове, на Таган Рогу. И чтоб им, казаком, быть опасным, и послали б в свои городки письма, и служа и радея в. государю шли б на Царицын для обережи. И они де, атаманы и казаки, приговорили в кругу учинить крестное целование, чтоб хто не изменил, да и во все казачьи городки послали войсковые письма о том же под смертною казнью. А против тех изменников, выбрав конных и в судовую изо всех городков, велели итить учинить с теми изменники бой, чтоб их такова намерения не допустить.

Да того ж августа в 25 день, в Черкаском явились помянутые астраханские жители и подали им в кругу письмо за руками, в котором написано, и в допросе сказали, послали де их из Астрахани астраханские жители и всяких чинов люди о том, что в Астрахани учинилось за веру христианскую и за бороды, и за немецкое платье, и за табак, что к церквам их и жен их, и детей в руском платье не пущали и от церквей отлучали, и всякое ругательство чинили. И брали с них банных по рублю, с погребов, с сажени, по гривне, да хлебное жалование отняли. И они де, терпев долгое время и посоветовав меж собою, чтоб им веры христианские не отбыть, и что стала тягость великая, не могая терпеть и веры христианской отбыть, противились и из них де иных убили досмерти, а иных де за караулы посадили. И чтоб они, донские, посоветовав меж собой, постояли б с ними и учинили б к ним в Астрахань ведомость. А они де их ожидали и на них надеялись. Им же де, астраханцом, учинилось ведомо всяких чинов от людей, что в Казани и в иных городех поставлены немцы и тамошним жителем, и женам их, и детем чинят ругательство ж, как и им в Астрахани, тягость и убивство служилым людем досмерти. И для того к ним, донским, посланы из Астрахани вышеписанные нарочно.

И они де, донские, того злого совету не приняли и тех воровских присыльщиков приняв и оковав, и с ними прелесные их письма, прислали в Посольской приказ.

А в воровских прелестном и в проезжем письмах написано: 1705 г. июля в 31 день, войсковому атаману Якову Филиппову и всему донскому войску служилые по полкам и по чином и купецкие, и всяких чинов люди из Астрахани ведомо чинят. В Астрахани учинилось за веру христианскую и за протчее, о чем писано выше сего. Да к тому пополнено: велели де им поклонятца болваном, кумирским богом и у начальных людей кумирских богов вынели. Да к тому воровскому письму руки приложили руские 142 чел., да иноземческих 4 руки. У тех ж воровских писем печать государства Астраханского

В воровском же письме, каково в Преображенской ж приказ прислано ис приказу Казанского дворца, которое писали

з Дону помянутые посланные из Астрахани, к астраханским ж бунтовщикам под Царицын написано: приехав де они до Пяти изб и до Верхнего и до Нижнего Чиру посланное с ними письмо прочитали. И тамошние жители им сказали,— собою де они ведомости сказать им не умеют, потому что подсудны войску, а на чем положат из войска и они так будут чинить, и чтоб они ехали к войску в Черкаской.

А в Преображенском приказе перед бояры те посланные в распросех, из них же два человека с одной пытки, а достальные с подъему, о бунте, за что и от кого учинился, и хто где и с кем сходясь о том, умышляли, и за что кого побили,— не знают и сами в том умыслу не были, и на Дон посланы из круга, от старшин, поневоле и за караулом. А про сходство с донскими в Пяти избах и о прочитанье писем и о письме своем под Царицын к астраханским бунтовщикам сказали тож, что и в вышеписанном их присланном письме написано. Из них ж один человек, Григорей Артемьев, в распросе не пытан и с пытки пополнил: тот де бунт учинился за вышеписанные обиды и за протчее, о чем написано в вышеписанном воровском письме на Дон.

Да того ж 705 г. сентября ж 26-го ж числа, в Преображенской ж приказ, присланы из приказу Казанского Дворца черноярские стрельцы, поимяном 12 чел., которые в тот приказ присланы с Царицына для того, что они за вышеписанными астраханцы на Дон, до казачьих городков, посланы были с Черного Яру в провожатых. И в Преображенском приказе в роспросех в том не запирались. Посланы де были поневоле от черноярского их старшины, да от астраханских бунтовщиков, которые в тож время были на Черном Яру, идучи под Царицын для бунту ж. И с Нижнего де Чиру те астраханцы их отпустили на Черной Яр по прежнему. И они от астраханских бунтовщиков, которые в то время были под Царицыном, убоясь смертного убийства, на Черной Яр не поехали, а ехали на Царицын, явитца воеводе и в степи калмыки, поимав их, отвезли на Царицын к воеводе.

А про умысел к бунту и кто тому пущие заводчики, и за тот бунт учинился, сказали не знают ж.

И после распросов они, провожатые и вышеписанные посланные на Дон астраханцы из Преображенского приказу посланы к царскому величеству в поход, в польские городы.

Да в 1706 г. в разных месецех и числех, в Преображенском же приказе по розыскному астраханскому делу во время розыску о астраханском бунте, из приказу Казанского Дворца прислано письмо Герасима Мансурова, Дмитрия Галачалова, каково они писали к боярину, ко князю Борису Алексеевичу Голицыну, да их, Мансурова и Галачалова роспросные речи,

что роспрашиваны они, против того ж письма, в приказе Казанского Дворца о помянутом бунте. А в письме написано:

В 1705 г. июля против 30-го числа, в четвертом часу ночи, в Астрахани московские и астраханские конные и пешие стрельцы и салдаты учинили бунт, били в набат, как на пожар, и чаели пожару в Кремле, бежали с топорами. И бунтовщики из начальных людей Никиту Зажарского и других, захватя в Кремле, побили до смерти. А июля 30-го числа, в первом часу дни, сыскав воеводу Тимофея Ржевского и в кругу, говоря ему бутто он бороды брить и платье немецкое носить заставил своим изволом, убили ж до смерти. И многих начальных людей, сыскав побили ж, а иноземцы де все побиты. А июля ж по 31-е число в живых воевода Опухтин, полковник Армянинов, да дьяк. И июля ж 31-го числа написав те бунтовщики письма к донским и к Яицким казакам, и на Терек, чтоб все были с ними в соединении, и присылали к митрополиту и Опухтину, и к Армянинову приложить руки и они рук не приложили. А выбраны в атаманы ярославец Яков Носов да астраханец посацкой человек Гаврило Ганчиков, да Галачалова полку стрелец Иван Астраханец. А намерение имеют итти в верховые городы. А они, Мансуров и Галачалов, чрез юртовских татар и калмык прибыли степью до Саратова.

А которого месяца и числа то письмо писано и в Москве получено, о том в том письме не написано.

Да августа в 10 день того ж году они ж, Мансуров и Галачалов в приказе Казанского Дворца явились и в распросех о зачине того бунта, о набате и о побитых сказали тож, что написано в письме их выше сего. А они де, убоясь того бунту, ушли, Галачалов из Астрахани, а Мансуров с селитренных заводов, в калмыцкие улусы, а из улусов, не займуя городов, степью прибыли на Саратов и написав о том вышеписанное письмо послали чрез почту, да и в Синбирск послали письмо ж, чтоб судов с хлебными запасы в Астрахань не отпущать до указу с Москвы.

Да в письмах, каковы к тому ж розыскному делу во время розыску ж о том же бунте, присланы в Преображенский приказ из Посольского приказу, написано:

706 г. февраля в 21 день Преображенского полку сержант Михайло Щепотев прислал к Москве в Посольской приказ астраханцов Кисельникова с товарыщи, 15 чел. с повинною, а велел с ними ехать к ц. величеству в поход. И те присланные из Посольского приказу приведены были в Столовую полату перед бояр и по осмотру взяты у них две отписки, одна астраханского митрополита, другая астраханских всех жителей, да 14 челобитен.

А в распросе те присланые сказали, как они, Кисельников, посланную с ним в. государя милостивую грамоту в Астрахани всем жителем в кругу объявил и они, приняв ее с честию и призвав в круг митрополита и воеводу Опухтина, и дьяка, велели ее честь вслух. А что ему, Кисельникову, наказано было от ц. величества говорить всем астраханцом, обещая им милость и прощение в винах их, и он всему кругу говорил. И астраханцы де той его, в. г., грамоте и изустному его ц. величества приказу обрадовались и сказали,— мы де от него в. государя никогда не отстаем и милости его в. государя не отчаеваемся. И по прошению их митрополит про здоровье его, в. государя, того ж дня, не расходясь, пел в соборной церкве молебен со всем собором и приводил их ко кресту. И с той грамоты списав списки роздали по полкам. А подлинную принесли к митрополиту, в соборную церковь в ризницу, и обещали на нее зделать серебряной ковчег. А их послали к в. государю об отпуску вин их с повинною, с отписки и челобитными, в которых о учиненных им тягостях написано имянно.

Да в грамоте ц. величества, какова послана за собственною его, ц. величества, рукою в Астрахань к служилым и купецким, и всяких чинов людем того ж 706 г., писано:

Писали они к его ц. величеству с стрельцом Кисельниковым с товарыщи ото всех астраханских жителей, что они по приятии его, в. государя, милостивой грамоты, за подписанием его ц. величества собственныя руки и с приложением государственные печати, обрадовався нечаянной к себе его, в. государя, милости, о его, в государя, здравии молили бога и крест целовали служить ему, в. государю, верно и быть во всяком послушании. И естьли кто из них станут служить неправдою, хотя что малое, и за то б им от господа бога на оном веце вечно мучитися во огне неугасимом и на соборе быть в проклятии, и от его, в. государя, меча казнь принять. А за что учинилось междоусобие, прислали челобитные за руками, прося о милостивом прощении вин своих, о чем и митрополит, с ними ж прося, о том же прощении писал же. И о том о всем ему, в. государю, известно, на что милосердуя, яко сущей христианской монарх, по слезному их прощению, вины их в том отпустил и предать вечному забвению милостиво повелел. И чтоб они, видя, его, в. государя, милость во всем, кому в Астрахани быть велено, были послушны и вины свои заслужили верно, как обещание свое приносят. А по челобитью их указано разсмотреть и указ учинить милостиво, бояром и воеводам впредь.

А в отписке астраханского митрополита написано:

Астраханские де служилые и всяких чинов люди, призвав

его в круг, и помянутую его государеву грамоту увидев за подписанием высокодержавной его царского пресветлого величества руки и за красною печатью, слушали с великим прилежанием и со слезами. А о молебстве и о крестном целованье и что та грамота в ризнице, и о серебреном ковчеге написано то ж, что сказали помянутые присланные выше его.

А в отписке ж астраханских жителей, русских и иноземцев, всяких чинов людей написано: астраханской де стрелецкой голова Кареитов с присланною его, в. государя, грамотою в Астрахань к ним не поехал неведомо для чего, а прислал к ним письмо ис калмык, чтоб они тое грамоту у него приняли на съезде. И они к нему ехать не посмели, для того калмыки и подобные им да того Кореитова брат, да Михайло Заманов под Астрахань и под Черным, и под Красным Яром, и в Гурьеве городке войною на рыбных ловлях и на сенокосех русских многих людей побили до смерти и в полон побрали, конские и скотинные стада отогнали и учуги разорили. А по письму их отдал тое грамоту посланному от них мурзе князь Каспулату Урусову. И они, приняв ее с великою честию, за премногою его, в. государя, к ним милость, о его государском здоровьи молебствовали. А о другой его ж, в. государя, милостивой же грамоте, присланной с Кисельниковым с товарыщи, иные из них усомневаясь чинили розврат, бутто та грамота прислана без его государева указу, на что его ж царское величество в подтверждение указал послать из Гродни вышеписанную свою, в. государя, грамоту за подписанием собственныя своея руки и с приложением государственныя печати, дабы они сумнения не имели и об отпуске вин своих прислали б челобитчиков. И тое его, в. государя, милостивую грамоту приняли они с великою честию и о его, в. государя, здравье молебствовали ж, и впредь по прежнему своему обещанию и крестному целованию ради служить по прежнему правдою. А естьли ныне и впредь станут служить неправдою, хотя что малое, и им за то дабы от господа бога на оном веце вечно мучитеся во огни неугасимом, а на соборе быть в проклятии и от его, в. государя, меча казнь приять.

А за что у них учинилось междоусобие, о том в винах своих послали челобитные. А в повинных написано: междоусобие учинилось за брадобритие и за немецкое платье, и ото многих воеводы Ржевского и полковников, и начальных людей для взятков налог и обид, и разорения. Чинил он, воевода, не против его, в. государя, указу и грамот, по совету с полковники и с начальными людьми; не дал им сроку в деле немецкого платья для своей корысти, посылал

по многие праздники и в воскресные дни капитана Глазунова да астраханца Евреинова к церквам и по большим проезжим улицам, и по перекресткам и у мужеска, и у женска полурусское платье обрезывали не по подобию и обнажали перед народом, и всякое ругательство над ними и женским, и над девичьим полом чинили и от церквей отбивали, и их били, и усы, и бороды, ругаючи, обрезывали с мясом. И по грацким воротам целовальники их и жен их в руском платье, имая, приводили в Приказную палату и брали со всякого человека по 4 гривны. Он же, Ржевской, у них, служилых людей, ружье, а у торговых людей кремни и серу обрал и продавал, и продавать им, служилым людем, не велел, а для чего, не сказал. Хлебного жалованья давать им не велел ж и давано ржи по малому числу, с 704-го году Петровского сроку генваря по 1-е число 705-го году, а овса и дачи не было. Да с них же имано с бань по рублю и по 5 алтын, с погребов с сажени по гривне, подымных по две деньги с дыму, валешных по две деньги, от точенья топоров по 4 деньги, с ножа по 2 деньги, от битья бумаги по 4 деньги с фунта, с варенья пив и браг с конных по 5 алтын, с салдат и с пеших стрельцов по гривне. А с маломочных и со вдов, и которые в Свейском походе, а женам их и детем платить было нечем, и тех сажали за караул и бил на правеже, и многие де дворишки продавали и детей закладывали. У них же служилых людей и у всех грацких жителей дворам спрашивал купчих, и которые дворы построены на данных местех, а иные купленые, и в моровое поветрие крепости утерялись, и в пожар сгорели, и с тех крепостей брал пошлины вдвое и втрое. А с рыбных и соляных, и с иных всяких промыслов брали откупщики с стругов и с насадов привального по рублю и по 2, и по 3, и по 5 рублев, а с мелких струшков по полтине, с рыбных ловецких лоток и з дров, и с травы, и со всякого приезду по гривне, хотя кто привезет на 6 денег рыбы или травы, или дров половину лотки. А с лесу и з дров и з запасу, со всякие сажени, по 6 денег. Да поземельного брали с лошади и с коровы по 4 деньги, з барана, свиньи, с овцы, с лисиц по 2 деньги, с конских и с коровых кож по 10 денег, да с лошадей же, которых покупали для службы, имали пошлины с рубля по 10 денег, с шерстей потому ж.

А в тех откупах он, Ржевской, с начальными людьми были товарыщами. Он же, Ржевский, з житного двора хлебные запасы, выбирая самое доброе на выбор, возили на свои загородные дворы в анбары. И татарской и калмыцкой базары откупали и тот хлеб калмыком и татаром, и едисаном, и енбулуком продавали. А топлую и гнилую муку давали им вместо ржи, а за промол и за мешки имали по 8 денег. И на та-

тарской и на калмыцкой базары с продажным ни с чем их не пущали. Тако ж и в караванную пору хлебные запасы и дрова, и лесные припасы, и сено закупали, а им, маломочным, продавали большою ценою. И рыбные ловли, которые даны им изстари за службы и за полонное терпенье, у них отняли.

Он же, Ржевской, хороших лошадей имал у них безденежно, а хлебные запасы из стругов велел без указу выгружать и возить на Житной двор им, служилым людем, и они выгружали и возили на себе мимо подрятчиков, и он, Ржевской, за провоз тех запасов имал с подрятчиков деньги. И моклой и гнилой запас целовальником велел принимать у подрятчиков в неволю и за то бил батожьем насмерть. И от тех побои один человек умре. Он же, Ржевской, посылал знакомца своево Данилу Елагина для выемки огня и всяких дел, и тот Елагин многие домы разорил безвинно, и жен их имал, и всякое ругательство и разорение и убытки чинил.

Да табашной голова Андрей Евреинов многих их братью, служилых и всяких чинов людей, подметывали табаком, а он, Ржевской, для своих взятков тех людей пытал и взятки с них брал, и многих из Астрахани в иные городы безвинно ссылал. Он же посылал их зимним путем для рубки дров к селитренному варению по два года, человек по 600 и по 700. И ставили на всякого человека по 5-и сажен двойнику. И многие их братья служилые люди от стужи помирали и на плаву с плотами, от погод и в проносах тонули, и в полон взяты. А которые де плоты погодою разобьет, и для тех посылал в другой ряд. Да и про домашний свой обиход для дров и сена, и травы их посылал же и буде за погодою травы привесть невозможно, и тое траву велел им покупать. Их же посылал на овощные и селитренные струги для караулу и на работу до Царицына и до Саратова, и до Сызрани бес прогонных денег. Им же, за поставленные дрова к селитренному варению, велено по государеве грамоте выдать за всякую сажень по 8 гривен и Герасим Мансуров им не выдал, и торговых людей струги з дровами и плоты против Селитренного городка для своей корысти останавливал, и за те дрова денег ничего не давал. Да и у них, служилых людей, дрова ж, которые возили лотками в Астрахань на свои нужды, он же, Мансуров, брал безденежно. И многих их братью с караулов посылал для рыбные ловли для себя, и всякую домашнюю работу работать велел. Да на Сергея Обернибесова работные люди извещали, хотел де он за городом, где они, служилые люди, живут с Ишеем и с юртовскими татары, дворы их зажечь и их рубить. И против того извету он, Обернибесов, во всем не заперся.

А полковники и начальные люди, немцы, ругаючись христианству, многие тягости им чинили и безвинно били, и в службах по постным дням мясо есть заставливали, и всякое ругательство женам их и детем чинили. А воевода Ржевской по челобитью их указу не чинил. Он же Ржевской велел имать крепостных дел подьячим, сверх указу, лишних денег: с малой крепости по 6 денег, а з больших по полтине и больше. И те деньги имал себе. И о тех поборах к Москве и в Казань посылали они челобитчиков, а указу о том не учинено. А о вышеписанных всех обидах хотели они для челобитья из Астрахани послать и их не пустили. А дьяк Семен Васильев подал им письмо своей руки, что ружье обрать велел он, Ржевской, собою и товарыщу, Опухтину, не сказывал. И всякие дела делал собою, бес товарыща, и ево, дьяка, заставливал помечать в неволю.

Да голова Михайло Кареитов, будучи в посылке к Аюкаю тайше, а брат ево, Борис, провожал ево, Ржевского сына Александра к калмыкам и соединясь с калмыки в Гурьеве городке и перед Астраханью учуги и рыбные ватаги, и сенные станы разорили, и людей многих в полон побрали, и до смерти побили. А на учуге Чурке он, Кареитов, старца убил до смерти и церковь разорил, и образы обдирали.

Да Ржевской же в Караганской бусе з головою Галачаловым да с Мещеряком был в паю. А шведов полоненников, которые присланы к селитренному варению в работу, мимо учужных людей ставил собою в начальные люди, и у яхт, и у шмаков были в матрозах. И от них была им налога горше иных начальных людей.

Голова Зажарской имал себе на всякой год с обоих конных полков в спуск человек по 10 и по 20 и больши, и брал с них по 10 и 20, и по 30 рублев с человека и больши, а вместо их, в службы и в посылки, и в караулы, посылал их, маломочных. А сенные покосы, которые для служеб даны дедам и отцам их, отдавал от себя им и всяких чинов людем и татаром в пашни, в наем. У них же отымал хороших лошадей, а денег давал по малому числу, а у иных брал безденежно. Их же посылал для дров и сена, а что они привозили для своей нужды и не того имал по половине. Да из них же плотников, портных, сапожников на себя и на Ржевского, и начальных всяких чинов людей заставливал работать в неволю, безденежно.

Полковник же Дивигней с иноземцы, начальными людьми, брали к себе насильством из них домовых людей, в денщики, и деньги не в мочь. И сверх спусковых денщиков держал у себя иных денщиков и конюхов, и поваров и велел им давать подмогу из зборных их брацких денег. А хто не

похочет дать, тех бил и увечил на смерть и не в очередные службы посылал.

А начальные люди, иноземцы, денщиков брали себе поневоле домовных нарочитых людей, не в очередь же, и имали с них деньги ж не в мочь. А сверх денщиков брали иных денщиков и караульщиков и посылали их по воду и с платьем, и конюшни и отходы чистить заставливали, и постели под них стлали, и разували, и детей их пестывали, бани топили. И их братью они, и жены их, по щекам и палками били, и горшки как похотят наставливали и держали. И для покупки харчу их посылали, а которой харч им не покажетца, правили вдвое. Гусей и уток пасли, а которой гусенок или утенок умрет, правили деньги. И на дворех их стоя обиды и налоги им чинили, и над женами их насмехались, и младенцев их до смерти побивали.

И кто придет бить челом, и полковник их, челобитчиков, бил и увечил на смерть. И велел им и женам их и детем делать немецкое платье безвременно. И они де домы свои продавали и образы святые закладывали. И бороды, и усы брил и щипками рвал насильством, и от побои ево многие их братья померли. Ему ж полковнику покупали сено и дрова из своих брацких денег и займывая, а он, полковник, ис того сена и дров давал перевотчику Арну и иным начальником иноземцом. А которые их братья посыланы с начальными людьми иноземцы за моря на яхты и на шмаках, и они, иноземцы, в осеннее время подымали их на дерева и з дерева в воду, в моря бросали и под яхты и под шмаки протаскивали, и от того их братья многие помирали, а иных в бочках с яхт на моря в черни пущали. А полковник челобитчиков, которых они хотели посылать о тех обидах бить челом, бил и увечил и от тех побои многие померли ж.

Они ж у маеора Каршевского погребы и хоромы, и землянки строили, струбы запущали, пива про него и про знакомцев ево варили и бани топили, и из земляной бани и с погребов воду выливали, и всякие нужды и обиды и налоги терпели.

Морского флота капитан Ларион Меэр набрал в полк 250 человек и служили она на шмаках и на яхтах летом и зимою бессменно, а жалования до 704-го году им не было, выходили вечернюю порою для милости. И приехав он, капитан, с моря с ними в Астрахань, велел им быть в готовности на Яик. А что они били челом ему на подъем о жалованье и он подвел воеводе двух коней, чтоб их, 9 человек, бить кнутом, а десятого вешать, бутто за огурство. И воевода Ржевской велел у них ружье и багинеты обрать и биты они кнутом. И для той всеконечной гибели, чтоб им на море го-

лодною смертью не умереть, брали они у воротника Мещеряка муку ржаную и сухари в долг, двойною ценою, синбирской муки мешок по полтине и поехали на Яик наги и боси, а иные их братья и по се число из того долгу не откупились. И как по указу 1704 г. велено им давать денежное и хлебное жалованье он, маеор, с капитаны и с порутчики, и с прапорщики, и с матрозы своей команды стал им чинить великие обиды и налоги наипаче прежних. Брал к себе насильством и нападкою их братью, салдат, нарочитых домовых людей и, сверх спусковых денщиков, держал у себя иных денщиков и конюхов, и поваров человек по 20 и велел им давать подмогу из брацких денег. И начальные люди и матрозы денщиков и караульщиков брали ж, поневоле ж и чинили такое ж ругательство и деньги правили, и над женами и над детьми ругались ж, и посмехались как выше написано. У капитана ж в огороде работали 5 чел. бессменно всякую огородную работу, з женами и з детьми. И верблюды и лошади в чигирях ходили их.

Он же, капитан, по отъезде к Москве с морским чертежом, приказал морской флот их порутчику Ивану Блунтберу да штырману Якову Лунту. И они, ругаючись, били их безвинно. А боцманы и матрозы велели себя носить чрез воду в лотки на себе. И ругаясь, осенним временем, посылали в студеную воду с рычагами, топлые засыпные шмаки и яхты ворочать. А те шмаки и яхты и всеми полками, по веленю воеводы Ржевского, не подняли. Тот же поручик Блунтбер брал с них нападками на месяц по рублю и по полтине, и по 10 алтын с человека. И посылал их по дрова про свой обиход, а за паузок велел деньги платить им же свои и платили от паузка по 5 рублев. А иных их братью посылали в косы за зверьми и брали все на себя безденежно.

Он же, капитан, выбрал из них 60 чел. и учил называть погоды по немецкие, и которые их братья выговорить не умеют, бил их и морил голодом. Он же, капитан, велел им скаску дать в Приказной полате, бутто он, капитан, до жалованья роздал им своих денег 2220 руб. И они, убоясь чтоб по прежнему не битым быть кнутом, такую скаску дали. Он же де велел им делать платье немецкое одним цветом, также и женам их, бессрочно. И их братья должились великими долгами. И бороды и усы им выбрили, и ругаясь называли их фрыгами и полуверцами.

И в осеннее время по снастям на блоках на дерево подымали и в воду бросали, и под шмаки и под яхты протаскивали, и в бочках с яхт в море метали и от того многие померли. Матрозы ж запытали их братью 4-х человек до смерти.

А полковник Ефрем Армянинов, будучи в полку, с воево

дою Ржевским и с начальными людьми были в поземельных и в конских откупах, и в Караганской бусе.

Голова Михайло Кареитов, будучи у полку, спущал по 10 и по 15 чел. и имал с них по 12 руб., и работали на него всякую работу, и имал с них взятки. И мастеровые люди на него ж работали безденежно.

Голова ж Борис Кареитов, будучи у полку лет з 20, чинил всякие налоги и взятки всякие брал, и изо взятков же их братью спущал, и всякую работу работать их заставливал. И мастеровые люди работали безденежно ж. И в посылки для своих корыстей, и в работу к юртовым мурзам и табунным головам, и к своей братье дворяном, и подьячим посылал. И кому по наряду достанетца ехать на стругах за море и в верховые посылки, тех очередных не отпускал, а отпускал охочих, а брал с человека по 2 и по 3 рубли. А с тех, что были в верховых посылках имал дрова. И у дач их хлебного жалованья брал с них, со всякого человека, по четверику овса. И какая скотина з двора ево пропадет, правил на них деньги вдвое.

Голова ж Дмитрей Галачалов, будучи в полку, чинил такие ж налоги и взятки имал, и по дрова посылал, и, буде судно разобьет и дров не привезут, правил по рублю и больши с человека. И всякую работу работали и хоромное строение строили, и для торгу с калмыки построили 3 анбара да 2 лавки. И ради мены с калмыки посылал их человек по 10 и больши з запасом и для обережи навстречу им посылал их человек по 10 и больши. И в студеное время посылал ловить рыбу с неводом. Они ж похотели всеми полками около салдацкой слободы, от большие вешние воды, срубить обруб и по очереди в работу писать не велел, а велел выбрать охочих 20 чел. и, собрав со всякого человека по 6 алтын по 4 деньги, дал работникам небольшое, а достальным покорыствовался. У денежного ж жалованья имал с них по 10 денег с человека, бутто по указу, и хто дать не похотел, тем чинил многое разоренье и мучительство, и посылал не в очередь в неугодные службы. А на татарском базаре меною и продажею с татары и с калмыки кормились они с платежом откупу. А тот откуп отдан был ему ж, Дмитрею. У него ж Дмитрея на дворе стояли на карауле их братья, а ево, Дмитриев, человек украл у него меду и за тое мед, кроме того человека, доправил на них, 5-ти человеках, по 3 алтына по 2 деньги с человека.

Яхтинской капитан Меэр, по приказу воеводы, заставливал морских и волжских кормщиков и кузнецов, и плотников делать на себя и на матрозов всякие поделки: и кореты, и сундуки оковывать, и топоры, и заступы, и лошадей ковать,

безденежно и в своем товаре. И двум человекам кузнецам переломал руки и впредь они службы служить и изделья делать негодны. И на Селитренных заводах всякую работу делали бес кормовых денег. И ругаючись привязывал к щегле, и двух человек бросил в море безвинно.

Головы ж Галачалов, Зажарской, Кореитовы торговали на татарском и на калмыцком базарех хлебными припасы и деревянною посудою, а купецких и всяких чинов людей не пускали и продавать не давали. А буде кто, хотя мало что, кроме их прикащиков, на те базары принесет, имали себе и их приводили в приказ, и били, и увечили. И они, головы, с Мещеряком с товарыщи имали за рыбу и за всякой овощ дворянского, пятую и четвертую долю.

Табашной откупщик Андрей Евреинов всяких чинов многих людей табаком подметывая, в приказ приводил, а воевода, для своей корысти, многих пытал и взятки брал, и всякое ругательство им и женам их чинили.

А пушкарской голова Извеков спущал пушкарей по 2 чел. в год и брал по 9 и 10 руб. с пуску. А ково отпущал по дрова, брал с них себе по сажени и по две дров, а ково на рыбу отпущал, брал рыбою и деньгами, а за морскую посылку по полтине и больши. А с очередных в службы и в посылки — посулы, а вместо их посылал иных не в очередь. И многих приверстывал в пушкари и брал с них по рублю и по полтине, а надобных людей отставливал. А у денежного жалования давали они неволею по 5-и алтын и по гривне, и по 10 денег. А кто не даст, бивал батоги. И работу работали, и лед в погреб клали, человек по 10 на день. А кто не похочет льду класть, брал с пуску по 2 гривны с человека.

На бухарцов, на гилянцов, на аграханцов и на иных иноземцов, и на татар воевода Ржевской положил многие подати вновь: с стругов с лоток — привальное, и со всяких мелочных продаж с мест — оброки. И во всяких промыслах с откупщиками был в товарыщах. А им, иноземцам, от него была налога в том, отдал в татарских юртах и в татарской ясашной слободе, и на их дворех воду возить на откуп, и велел воду покупать по 4 деньги бочку. А женам их и детем на своих лошадех и верблюдах возить и на себе носить не велел, и взял с них за то сверх откупу 21 рубль. А как бухарской и хивинской их караван с товары пришел в Астрахань и они тот товар в Астрахани, в таможне, явили и пошлины платили сполна, а он, Ржевской, сверх того со всякой привозной овчинки да со всякого верблюда, с отпуску из Астрахани в Хиву и в Бухару и с привозу, имал по гривне, да с копыт по 8 денег, да водопойного по 6 денег. И нехотя

отпустить караван их с товары в отпуск, взял с них 20 руб. и отпустил. С них же брал по 2 деньги з дыма, а где станут с продажным, с чем ни есть, на 10 денег и на гривну, и на рубль, а откупщики по ево воевоцкому велению брали с них и з русских з 10-и денег по 10 денег, з гривны по 2 деньги, с рубля по 3 алтына по 2 деньги, с лоток привального по гривне, с мест по 2 деньги. И от того на рыбный харч учинилась дороговля. А о каких нуждах приходили били челом отказывал для взятков. С них же положил з бань по рублю.

Их же жены и дети, и братья, и родственники выходили в Астрахань ис полону ис калмык и от едисан и Ржевской же имал с калмык и с едисанов взятки коньми и верблюды и деньгами, а тех полоненников отдавал им, калмыком и едисаном, назад. А по делам их имал с них великие посулы. А которые платили в казну ясаку по 23 алтына по 2 деньги, и тот ясак из своей корысти велел збирать дворянину Ивану Михайлову по 8 гривен и по 30 алтын, а отписей им не давал. К нему ж возили сено и дрова и отходы прятали. А оставших их сирот после отцов и матерей пожитки брал к себе в неволю. А кого их отпущал за море, брал по рублю и по сафьяну, и по пуду пшена сорочинского. Да Каспулата мурзы Урусова улусные 2 чел. ехали в Астрахань в домы, а терские жители, татары 13 чел., ехали степью к Аюкаю тайше для выкупу жен своих и детей, которых у них побрали в полон калмыки, и в степи голова Зажарской тех Урусова людей и терских жителей татар, да с ними 40 лошадей, взяв прислал в Астрахань, а воевода пытал их безвинно и оттого иные померли. Да с них же брали коньми и кобылицами.

Им же дана государева грамота, с мечетей и с свадеб поборов имать не велено, а воевода ж взял с них деньгами и ясыри, и коньми. Да и из денежного кормового жалования всякой дачи имал с них треть. Да калмыцкого владельца Чемета взял терского татарского полону две девки татарки.

А вышеписанные взятые 40 лошадей и платье, и деньги розделил с стрелецкими головами по себе.

На Красном Яру Степан Долгоруков, будучи воеводою восемь лет, чинил красноярцом великое разорение и взятки имал насильством. Им же велено в службу менятца отцу с сыном, брату с братом, дяде с племянником, а он с мены и з дворов, которые построены вновь, имал насильством рубли по 3 и по 4. А кто поедет на рыбную ловлю,— по полтине да по белуге. И на рыбных станах рыбу и иные взятки имал насильством. И пригородил к себе во двор городовую башню и велел наймывать на караулы дворовых своих людей. У него ж были годовых денщиков со ста по 7 чел. И с них брал по 13 руб. с человека за отставку, с престарелых, и кого на

их место приверстывал,— по 2 руб. с человека. А у кого калмыки лошади и скотину отгоняли и сена потравили, брал баранту себе, а им давал малое число. И на ево ж они дрова возили, сена косили. Он же у калмык скупал лошади, верблюды скотин по 200 и больши, а сеном кормил их. Он же убил стрельцов 2-х человек. А у вдов коровы и лошади имал насильством.

Они ж на дворе ево отходы чистили и всякую работу работали. А которые неженатые в службах в свейских походех, и тех жалование брал себе. А что они ж делали струги для походу за воровскими казаками, и с плотников нападкою взял 6 руб. Он же посылал для торгу в Астрахань людей своих, а в работу посылал стрельцов, бив, неволею. На него ж рыбу ловили и соль ломали безденежно.

И в тех ево обидах били челом они в Астрахани воеводе Ржевскому и он указу не учинил. Ржевской же не выдал им хлебного жалования, овса, за полтора года. Платье немецкое и обувь носили, и поземельные оброки, и з домовых бань по рублю и по 5 алтын, а с погребов по гривне с сажени, и с печей, и с горнов платили. А что они пожалованы по 10 пуд. человеку соли, он имал по 3 пуда с человека. Да по ево ж веленью на женах их и на детях платье резали и брали в воротах по 4 гривны с человека. У них же воды, которыми они были пожалованы, отнеты. Он, Ржевской, овощь в огородех брал насильством, и в калмыцкие улусы посылал красть лошадей и имал себе, и в том с калмыки была ссора и разоренье. У денежного полугодового жалованья имал с них, с конных по гривне, с пеших по 10 денег, от хлебного жалования по четверику овса. От провозу по 8 денег с чети. Он же таможенным клеймом воровским клеймил свои товары и отпуски в Хиву и в Бухару. И за те ево налоги они убили ево до смерти.

Черноярцы.

У черноярских жителей данные воды из давних лет на прокормление всему граду, с рыбными ловлями от города вверх и на низ по 5 верст, на сторону, приехав с Москвы прибыльщик Дашков отнял. И они взяли у него в оброк по 70 руб. на год. Им же и женам их и детем велено платье носить немецкое и бороды и усы брить в неволю, а у них кроме калмыцких тулупов одежи никакой нет, и делать немецкого платья за скудостью не в чем. Из них же многие престарелые, а иноземцы за то их бранят и называют нехристианами. Им же велено ездить на немецких седлах, а кого поймают на русском, или в русском платье, и с тех брали с конного по 2 руб., с пешего по 13 алтын 2 деньги с человека. А к астраханским жителем пристали они поневоле, что их только

272 чел. и стоять было не с кем. В той их вине волен великий государь.

Да в 706 г. августа в 27 день в Преображенской же приказ в отписке из Астрахани фелтьмаршала ковалера Бориса Петровича Шереметева написано: велено де ему, осведомясь тайно, чрез астраханского митрополита да старца Дашкова и иных, сыскав воров, которые в Астрахани были в бунт старшинами и в ясаулах и пущих завотчиков прислать к Москве. И он тех бунтовщиков, старшину Якова Носова и иных пущих завотчиков, по взятии города по изветным заручным челобитным астраханцов, солдат и стрельцов, и по росписям помянутого старца, и по заручному письму, по которому те бунтовщики приговорили ево в город не пустить, собрав и роспрося всех, не розыскивая ими, и роспросные их речи прислал в Преображенской приказ.

И по тем роспросным речам явилось: над всеми бунтовщики атаманов 2 чел., в том числе помянутой Яков Носов да донской казак Елисей Зиновьев, в приход фельтмаршала был против ево во всяком управлении[1].

Старшина, земских дел бурмистр Антип Ермолаев. Итого 3 чел.

Астраханских и терских стрельцов и салдацких полков старшин, есаулов, пятидесятников, десятников и редовых, и пушкарей, и работных людей, и гребенских казаков и подьячих, всего 273 чел.

А в воровском письме, по которому ево фельтьмаршала приговорили не пускать, за руками написано: написали они, бунтовщики, то письмо советовав между собою всеми полками. Стали они за веру и за брадобритие, и за немецкое платье, и что их и жен их, и детей к церквам в руском платье не пускали и от церквей отбивали и обрезывали не по подобию, и ругали всячески. И ныне им стоять всем единодушно, а буде кто того в чем не устоит, и ему за то учинена будет смертная казнь. А как придет к Астрахани с полками фельтьмаршал и им ево со всеми полками до указу, как их челобитчики с Москвы с указом будут, в Астрахань не пущать. А будет кто из города в полки или куды побежит и того, поимав, казнить смертью.

А в распросех в Астрахани помянутые атаман Носов, старшина Ермолаев сказали: той ночи, как учинился бунт, за час до дни пришед к ним на дворы астраханские служилые люди многолюдством з знамены и с ружьем. А кто имены не знают. И взяв их в круг учинили их старшинами в неволю.

---

[1] На полях помета: «Зиновьев взят под Царицыным в приход бунтовщиков на переговорке».

А от кого и за что бунт учинился и воеводу, и начальных людей, и иноземцов кто побили не ведают.

Елисей Зиновьев в атаманы выбран в приход к Астрахани фелтьмаршала и собрав служилых и гулящих людей, нарежал полки к бою и выходил на вылоску.

Розных полков стрельцы и салдаты и пушкари, поимяном 7 чел., до бунту за неделю, сходясь меж собою в домы и к лавкам, и к церкви о том, чтоб учинить бунт, воеводу и начальных людей побить и за веру и за правду постоять, и усов и бород не брить, и немецкого платья не носить советовали и что у них в полках о том совет есть и к тому делу люди готовы друг другу сказывали.

190 чел. к бунту пристали по набату, деньги взяли стоять заодно. Из них ж 111 чел. под Царицыном были.

44 чел. в круги ходили. Из них ж деньги взяли и под Царицыном были, да в приход фелтьмаршала над пушкарями были старшинами и указывали места ставить пушки, и по нем и по полчаном ево стреляли, в народ возмутительные слова говорили бутто по явлению фелтьмаршал города не возьмет, чтоб стояли крепко, бунт похваляли, на Обернибесова в словах, что он говорил бунтовщиков вырубить, извещали, за что и убит.

23 чел. в бунт были в Селитренном городке в работе и в домех своих.

1 чел. взят в Астрахани под Царицыном на переговорке.

В Преображенской же приказ по грамотам взяты из Астрахани и присланы из розных мест 47 чел.

А в Москве, в Преображенском, они ж, бунтовщики, сперва не пытаны, а потом с первой пытки, да перед бояры с двух пыток и с огня, в распросех и меж собою по спором с очных ставок порознь винились и говорили:

Бунт учинился у них за то, перед бунтом, за месяц и больши, прошла базарная молва, бутто в. государя не стало и для того де воевода Тимофей Ржевский и начальные люди стали делать неподобно: веру христианскую, покинули и делают по бусурманские, сами у себя бороды и усы бреют и в немецком платье ходят, да и их де, астраханских жителей, тож делать заставливают. И бороды резали у них с мясом и руское платье по базаром и по улицам, и по церквам обрезывали ж и тем всех от церквей и от торгу отогнали, и на реку по воду, и платья мыть ходить было нельзя. И по слободам у них учинился от того многой плач. А в Астрахани портных мастеров было мало и те все были у воеводы на дворе, делали немецкое платье, а им вскоре платье поспешить делать было невозможно. И с руского де платья и з бород воевода ж пошлину велел имать до присылки к нему с Москвы из Зем-

ского приказу государевы грамоты о том за многое время. И прибиты были о том по воротам указы. А кого в руском платье в воротех поимают, и с тех велено имать пошлины, с пеших по 4 гривны, с конных по 2 руб. с человека. А которые бород брить не похотят, и с тех пошлины ж по указу ж. И для того де по всем воротам поставлены были целовальники с ящики.

И целовальник ж де, стрелец Григорей Ефтифеев, с платья пошлин збирать не стал и бороды у себя не выбрил. И Тимофей де Ржевской того целовальника спрашивал, для чего он тех пошлин не збирает и бороды у себя не выбрил. И тот де целовальник сказал, хотя он умрет, а пошлин збирать и бороды брить не будет. И Тимофей Ржевской велел ево держать и держан за караулом, покамест ево, Тимофея и начальных людей побили.

Он же воевода, с головою з Дмитрием Галачаловым, да с воротником Афонасьем Мещеряковым взяли себе на откуп новые многие зборы, чего преж сего не бывало: с стругов, с лоток причальное и привальное, с шалашей, с век и с походя чего, со всякого мелочного харчу и с товару — поземельное, конную площадку, а будет кто привезет лотков про себя и на продажу травы или рыбы, или дров денег на 6 или на 10 и с тех причальные имали со всякой лотки по гривне. А с походячим торгом кто вынесет на 2 деньги, а поземельного заплатит алтын, а кто продаст на 10 денег, заплатит гривну. И с стругов, на которых привожены в Астрахань из верховых городов и из Астрахани в те города всякие товары и запасы, привального имано по 5 руб., отвального потому ж. Да с погребов, за лед, по гривне с сажени и с печей по 2 деньги, з бань на один год взято с них по рублю, на другой по 5 алтын з бани. А поземельного имано с телеги и з саней и с пешего человека, опричь пошлин, по 2 деньги. С рубленых шалашей, с скамей, где торговали платеным и ветошным и щепетинным и всяким мелочным товаром, по рублю с места на год, опричь оброчных денег. И в тех деньгах, кому вскоре заплатить будет нечем, бивали на правеже.

А буде кто выведет на базар продавать какую скотину и того дня ее не продаст, а после того на другой или на третей день ту же скотину выведет продать ж и с той же скотины имали по вся дни поземельное.

А кто о таких напрасных зборех на зборщиков бивали челом, что они, зборщики, берут с них лишнее, и он, воевода, на тех зборщиков управы никакой не давал; а их, челобитчиков, бивал жестокими побои за то, бутто они на тех зборщиков бьют челом напрасно, потому те де зборщики за те новые сборы дали откуп.

Он же, воевода, отдал на откуп всякой хлебной промысел: во всей Астрахани всякими хлебными запасы велел торговать одним откупщиком, а посторонним, как преж сего было, всякому свободно купить и продать не велел.

Да и всех служилых полков начальные люди, все вступили в откупы и откупали кто что захватит, а их, служилых людей, в тех своих откупах посылали в работу. Они ж, начальные люди, с них же, служилых людей, имали себе великие взятки, годовые спуски рублев по 15 и по 20 с человека, с промышленных людей, и за те взятки обходили их в караулах и в работах и в посылках, а те караулы и работы и посылки ослуживали они, маломочные люди.

Да от них же де, воеводы и начальных людей, почали быть им великие обиды, убавки у них хлебного жалования. А при прежних де боярех и воеводах, и при Тимофее Ржевском, по 705 г., хлебное жалованье им, стрельцом и солдатом, дано по 5 четей ржи, овса потому ж на год. А с 705 г. то хлебное жалованье стали им давать с убавкою, по 3 четверти ржи человеку на год, а овса ничего не давано. Да им же де слух был такой, что он же воевода хотел у них убавить и денежного жалованья только убавки не было.

Да наперед сего саженные дрова на берегу покупали по 8 алтын по 2 деньги и по 10 алтын сажень, а перед бунтом те ж дрова покупали по 16 алтын по 4 деньги и по 7 и по 8 гривен сажень однополенных дров для того, что те дрова откупщики откупили бутто на Селитреные заводы, для своих корыстей потому, на заводы тех дров откупя отпустят малое число, а достальные продают дорогою ценою. А на те заводы для дров Тимофей Ржевской посылал вверх по Волге их, стрельцов и салдат, и те дрова на те заводы ставили они по указу сполна по 6 сажен на человека и из них иные вместо себя для тех дров посылали наемщиков. А найму давали по 4 и по 5 и по 6 и по 7 рублев человеку. Они ж полками дрова важивали Тимофею Ржевскому стругов по 5 и по 6, а до него, Тимофея, для тех дров на заводы посылок не бывало, а про воеводу дрова ставливали малое число, струга по 2 и по 3 в год.

В Астрахани ж на торгу, до бунту за неделю или дней за шесть, прошло слово, бутто свадеб им не играть семь лет, а дочерей и сестер выдавать за немцев, которые будут ис Казани в Астрахань 2000 чел., а им, мужескому полу, женитца на немках. И перед зачином бунта, в воскресенье, в один день, испужався таких слов, было у них по стрелецким и по салдацким и по посацким слободам свадеб со сто. А отдавали замуж безвременно, убоясь чтоб не быть им за немцами. И многие их братья, стрельцы и салдаты, и всяких

чинов люди, напився на тех свадьбах пьяни, тот бунт и учинили.

Да в народе ж прошел слух и сумневались все, что он же воевода, неведома для какова вымыслу, у них у всех хочет обрать ружье.

И тех де всех обид и налог им, служилым людем, стало терпеть невмочь.

И в воскресный день, июля против 30 числа, на понедельник, часу в четвертом ночи, собрався они у Никольской церкви человек с 300 и пришед к Кремлю, в Пречистенские вороты вломясь, вошли в город. И у тех ворот из завотчиков Прохор Носов ухватя Московского полку капитана, прозвищем Малую Землю, ударил о землю, да иноземца, от шмаков матроса, порубил саблею. И того капитана Малую Землю и иноземца, которого порубил, да двух человек иноземцов же, матросов же, да караульного капитана Гречанина, которой у тех ворот стоял на карауле, итого 5 чел. скололи копьи до смерти.

И из них неведомо кто били в набат и по набату збежались в город стрельцы и салдаты всех полков и иных чинов многие люди и искали воеводу на воевоцком и на митрополье дворех, в хоромах и в кельях и не нашли. И взяв у митрополита ис кельи подьяческого Васильева сына Кучукова и на митрополье дворе, перед рундуком, что к соборной церкви, скололи копьи. Да у того ж рундука Конного полку голова Михайла Зажарской лежал убит, мертв же. Да в той же ночи Тысяшного полку салдаты на дворе убили до смерти своево полку полковника, да иноземец капитан Меэр объявился на улице в Кремле убит ж до смерти ж. А кто имяны из них бунтовщики тех начальных людей и иноземцов побили, того они за многолюдством и за почным временем не ведают. Капитана Меэра жену на дворе у него заколол копьем до смерти Московского полку стрелец Григорей Артемьев за то, что она до того бунту, за сколько дней не упомнит, ему, Григорью, говорила, станете де и вы в пост мясо есть.

И на другой день, в понедельник, собрався в круг многолюдством, выбрали в старшины Якова Носова с товарыщи. А воеводу на воевоцком дворе сыскали в курятнике вышеписанные же Прохор Носов да Тысяшного салдат Иван Давыдов, Коротова полку стрелец Тимофей Селезнев многолюдством и привели в круг, и за вышепомянутые ево досады убили до смерти.

И, выбрав старшин, на третий день, во вторник, всеми полками целовали крест, что им за веру и друг за друга стоять до смерти. И за то всех полков стрельцом и солдатом приговаривали дать денег по 10 руб. человеку, ис таможен-

ных и ис кабацких доходов. И написав, послали с нарочными посыльщики на Дон, на Терек, на Яик, в Гребени к атаманом и х казаком, и к терским стрельцам воровские возмутительные письма, что воевода и начальные люди наложили на них новые зборы и велели им брить бороды и усы, и носить немецкое платье, а русское обрезывали, и бутто велели им кланятца кумирским богом, и тем их от церквей отлучили, и чтоб они к ним пристали и за то б с ними стояли, а они в том на них надеютца. И для свидетельства на Терек и в Гребени послали резной болван с личиною, с накладными волосами.

А после того они, завотчики и бунтовщики, из Астрахани под Царицын сами ходили и свою братью, воров и бунтовщиков, астраханских и терских стрельцов и салдат посылали призывать царицынцов и донских козаков к себе в помочь. И итти было с ними в верховые городы до Казани и в городех собрався, и итти было до Москвы проведать про государя, жив ли он государь, для того, в народе была молва, бутто ево, государя, в живе нет. А иные говорили, бутто он, государь, в заточеньи в Стекольном, а на Москве не прямой государь. А от кого имяны в народе, та молва прошла, не знают. А Царицын взять было им боем, а с Царицына итти в верховые городы до Казани и собрався многолюдством и к Москве. И на Москве про государя спрашивать бояр и учинить бунт, и побить всех до смерти.

А порознь пущие к бунту заводчики, стрельцы и салдаты, о умысле винились.

Тысяшного салдацкого полку пушкарь Гур Агеев учал умышлять один собою, перед Ильиным днем незадолго, и призывал к тому ж бунту товарыщев.

Кореитова Яким Ростопчин умышлять стал по призыву вышеписанного Гура и к бунту призывал свою братью.

Галачалова полку Прохор Носов учал умышлять по призыву вышеписанного Ростопчина и свою братью призывал. И в зачине бунта с товарыщи скололи до смерти 4-х человек, и искал воеводы для убивства и сыскав и приведчи в круг, скололи копьи до смерти. В Царицынском походе был сотником. В приход фелтьмаршала осматривал по земляному валу караулов и усмотря, что в Ивановском монастыре стали делать бойницы, поставил против того монастыря на валу пушку.

Того ж полку Иван Шелудяк учал умышлять до бунту недели за две собою. А как привели в круг воеводу и ево роспрашивал, и в народ для возмущения, чтоб к бунту пристали, говорил, слыша из народной молвы, бутто государь не прямой, потому затеяно де чего при прежних государех не

бывало. И для приводу о воровстве их ко кресту, взял у митрополита попа. И у побитых имал в круг животы. И под Царицын о посылках и деньги давать приговаривал. И взяв Царицын, итти было до Казани, и, естьли б к ним пристали, итти до Москвы и спрашивать про государя бояр и буде бы бояря на разговор с ними не пошли и их побить.

Того ж полку Василей Быков умышлять учал по призыву вышеписанных Прохора Носова, Ивана Шелудяка и свою братью призывал.

Московского Григорей Артемьев учал умышлять до зачину бунта за месяц собою и свою братью к бунту призывал. И, учиня бунт, иноземца капитана Мезра жену ево заколол до смерти. И был с товарыщи на Дону с возмутительными письмами.

Конного Дмитрей Казанец умышлять о бунте учал по призыву вышеписанного ж Прохора Носова, а за сколько времени не помнит. И в зачин бунта, в Зимовье, призвав к бунту работных людей и по народной молве говорил про государя, что он, государь, в Стекольном в заточенье.

Московского ж Сергей Тихонов учал умышлять с Ильина дни, по призыву вышеписанных товарищев и ждал кто б тот бунт зачал и к тому был готов. И в зачин бунта искал воеводу для убивства.

Яхтинского полку Андрей Сапожник, Галачалова Гаврило Шапошников учали умышлять по призыву вышеписанного Григорья Артемьева, накануне того бунта. И в бунт он, Гаврила, был полковым старшиною.

Московского Терентий Корешило учал умышлять с Ильина дни, по призыву вышеписанных же и в зачин бунта, с своею братьею, в Кремль, в ворота подлез под щиты и у ворот замок сломил и искал воеводы для убивства. И взяв с полковнича двора капитана Глазунова скололи и изрубили до смерти. Он ж с товарыщи взяли для убивства в Астрахань красноярского воеводу и как красноярцы бунтовщики того воеводу рубили и кололи, и он ево ж рубил же.

Тысяшного полку Федор Воробьев, Семен Орлов, Василей Панов умышлять стали по призыву вышеписанных же перед зачином того бунта. И Федор ж говорил, естьли того вечера для убивства воеводы они не пойдут и их всех перехватают и хотя б 10-и человеком пошед воеводу убить.

Галачалова полку Андрей Камышников учал умышлять с Ильина дни и с своею братьею, чтоб тот бунт учинить говаривал. И воеводу сыскав, для убивства привели в круг и убили при нем. Тысяшного Авдей Портной учал умышлять с Ильина дни и к тому бунту был готов, и учиня бунт искал воеводу для убивства.

Галачалова Тимофей Соколов умышлял до бунту побить шведов за то, говорили им, будут де и они в их вере. И в зачин к тому бунту пристал.

Московского Тарас Сиповщик, Харитон Зимин к бунту пристали по призыву вышеписанного Прохора Носова накануне того бунта и искали воеводу для убивства.

Московского Иван Баран о бунте сведал перед зачином ввечеру и по зачине к тому бунту пристал и был полковым старшиною.

Московского ж пятидесятник Алексей Афанасьев о бунте сведал от вышеписанного Петра Тиханова того дни как бунт учинился.

Того ж полку Степан Демьянов, Калмык он ж, о бунте сведал от вышеписанного Прохора Носова того дни, как бунт учинился и к тому бунту пристал.

Тысяшного полку Петр Жегало к бунту пристал в зачин того бунта и призвал к тому ж бунту из Зимовья работных людей. И приговаривал воеводу убить и выбрать старшин, и был есаулом и в старшинах.

Галачалова Никита Колос о бунте умышлял и свою братью призывал по призыву вышеписанного ж Прохора Носова до зачину бунта недели за две.

Яхтинского Михайла Железо, в приход к Астрахани фелтьмаршала, говорил, то де дело малое, что фелтьмаршала убить. Естьли б де и в. государь был и они бы и ему, государю, череп сшибли.

В тех же пущих заводчиках Московского ж полку Стенька Московитин, а о воровстве ево учинена особая выписка.

Всего тех пущих заводчиков по розыску явилось 26 чел. и из них же винились, крест целовали и деньги взяли стоять и помереть заодно и против фелтьмаршала с ратными людьми чинили противность.

По тому ж делу астраханские ж и терские, и черноярские, и красноярские стрельцы, и посацкие, и иных чинов, и гулящие люди по розыску винились. К тому бунту пристали в зачин и по зачине бунта, в воровские круги ходили и крест целовали, и деньги, по 10 руб., взяли стоять за веру и за бороды и за платье заодно. А иные из них под Царицын ходили, из них же приговаривали фелтьмаршала Бориса Петровича в город не пущать и выходили против войск царского величествы на вылоску. Из них же пушкари бросали бомбы. А иные винились в грабежах во время бунту ж пожитков и в убивствах. Красноярцы убили до смерти воеводу их, Степана Долгорукова, терчаня на Терках полковника их, Некрасова, пытав, казнили смертью ж и пожитки их разделили себе. Из них же в Селитренном городке шведов побили

до смерти ж. А иные посыланы были с воровскими возмутительными письмами в розные места.

И вышеписанной их воровской атаман Носов после розыску держан был за караулом в Новоспасском монастыре и в болезни явился расколом, в церковной противности, и, отца духовного не приняв, умре. И тело зарыто в землю в поле.

А из вышеписанных ж пущих завотчиков кажнены смертью, перед Преображенским приказом колесованы, Гур Агеев, Прохор Носов, Иван Шелудяк, Григорей Артемьев, Терентей Корешило, Петр Жегало, итого 6 чел.

А товарыщи их кажнены смертью ж, отсечены головы, у Преображенского приказу, астраханец посацкой человек, земских дел бурмистр Антип Ермолаев с товарыщи, по имяном 42 чел.

На Красной площади Федор Шишка с товарыщи, 30 чел.

Около Москвы по дорогам перевешаны 242 чел. Да во время розысков и после розысков померли 45 чел.

Всего колесовано, кажнено и померло 365 чел.

Справил Алексей Томилов.

На полях скрепа: диак Яков Былинский.

ЦГАДА, Госархив, разр. VI, д. 17., лл. 3—27 об.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Аарон, монах — 146.
Аввакум, протопоп — 91, 134, 136, 158.
Авдеев Алексей, дьяк — 216.
Авдеев Василий, терский посадский человек — 234—235, 237—238.
Аверкиев, бобыль — 54, 191—192.
Авраамий, игумен — 5—6, 78—87, 91—130.
Агапитов, земский бурмистр — 212, 214.
Агафонов, стрелец — 181.
Агеев Гурий, астраханский солдат — 255, 283, 287, 316, 319.
Адриан, патриарх — 76—77, 128, 132, 142, 149.
Аксентьев Кузьма, стрелец — 113.
Аксинья, колодница — 118.
Алдигирей Канбулатович, черкасский князь — 233, 284—285.
Александр, дьякон — 156—157.
Александров Артемий, гулящий человек — 253, 267.
Алексеев Гаврила, дьяк — 192—193.
Алексеев Егор, приказчик — 178.
Алексеев Лука, крестьянин — 189—190.
Алексеев Петр, солдат — 201.
Алексеев Федор, солдат — 201.
Алексеев Яков, стрелец-пятисотник — 107—108.
Алексеева Дарья, жена дьяка — 192—193.
Алексей Михайлович, царь — 57, 72—73, 79, 90—91, 96, 103, 136, 148—149, 157, 169, 181.
Алексей Петрович, царевич, сын Петра I — 33, 74, 101, 127, 137—138, 176—178, 205, 291.
Ананьев Михаил, холоп — 192.
Андреев Андрей, посадский мальчик — 62.
Андреев Кузьма, старообрядческий проповедник — 158—159, 164.
Андреев Семен, певчий — 153.
Андреев, солдат — 203.
Андрей, священник — 135, 140, 144.
Андронова, крепостная — 274.
Анисифоров Григорий, крестьянин — 169.
Анна, крестьянка — 169.
Анофреев И., крестьянин — 30.
Антипин Абрам, стрелец — 122.
Антипин, посадский человек — 30.
Антипина Авдотья, стрельчиха — 201.
Антоний, архимандрит — 241.
Анурьев Петр, крестьянин — 212.
Анциферов Артемий, астраханский земский бурмистр — 242.
Апраксин Андрей Матвеевич, дворянин — 13.
Апухтин Никита, товарищ астраханского воеводы — 231, 239, 299, 304.
Арап Ермолай, донской казак — 280.
Аргамаков, помещик — 161.
Арина, крестьянка — 169.
Аристов Василий, помещик — 190.
Аристов Емельян, астраханский стрелец — 263.
Аристов Федор, стрелец — 117.
Армянинов Ефрем Борисович, полковник — 231, 296, 299, 306.
Арн, переводчик — 305.
Артарская Ефимья (Афимья), стрельчиха — 103.
Артемьев А., крестьянин — 189.

Артемьев Григорий, астраханский стрелец — 228, 243, 254—255, 260, 263, 264, 283, 287, 296—297, 315, 317, 319.
Артемьев Дмитрий — 43.
Артемьев Терентий, стрелец — 114, 117.
Артемьев Фрол, крестьянин — 170, 173.
Арчил, имеретинский царевич — 177.
Астраханец Иван — см. Шелудяк И. Ф.
Афанасьев Алексей, астраханский стрелец-пятидесятник — 283, 318.
Афанасьев Назар, терский стрелец — 238.
Афанасьев Осип, армянский купец — 242.
Аюка, калмыцкий хан — 271, 304, 309.

Б

Бабушкин Василий, посадский человек — 218.
Баев Григорий, посадский человек — 270.
Бажевольный Юрий, нищий-юродивый — 97.
Бакеев Раим, бухарский купец — 242.
Баландин Иван, красноярский стрелец [1] — 270.
Балахна Иван, астраханский стрелец-пятидесятник — 268.
Балашев Сергей, крестьянин — 176—177.
Балк Николай, полковник — 205.
Баран Иван, астраханский стрелец — 244, 262, 268, 283, 318.
Баранов И. — см. Баран Иван.
Баранов Семен, красноярский стрелец — 271.
Баранчеева, помещица — 168.
Барыбин Никифор Зиновьевич, подьячий — 60.
Баскаков Никита, сержант — 264, 286.
Батурин Борис, стольник — 96—97, 99, 295.
Батурин Венедихт, полковник — 96—97.
Башмаков Иван, полковник — 114.
Бедаур Максим, приказчик — 177—178.
Бедрин Кирсан Емельянович, гребенской казак — 235, 265.
Бездворный Иван, солдат — 200.
Безобразов Андрей Ильич, стольник — 70.
Белов Афонасий, стрелец — 112.
Белосельский Иван, холоп — 61.
Белый Михаил, астраханский стрелец — 264.
Беседин Василий, пономарь — 261.
Бесихин Матвей, стрелец-пятидесятник — 121.
Бессонов Самсон, солдат — 202—204.
Бессонова Евдокия, жена подьячего — 62.
Бидлоо Николай, доктор — 186.
Бирюк Степан, астраханский стрелец — 286.
Бирюк Федор, астраханский стрелец — 266, 282.
Блошонок Семен, крестьянин — 23.
Блунтбер Иван, порутчик — 306.
Богданов Семен, дьяк — 185.
Богданов Семен, крестьянин — 173—174.
Богданов, подьячий — 57.
Бодман, капитан — 263, 267.
Бокова Прасковья, дворянка — 187.
Большаков посадский человек — 212, 214—215.
Большакова Мария, посадская женщина — 214—215.
Борисов Емельян, мальчик — 177.
Бородин А., посадский человек — 64.
Бородулин Даниил, посадский человек — 252—253, 282.
Борятинский Алексей, князь — 18.
Братской Афонасий, солдат — 208.
Брехов Семен, стряпчий — 125.
Брос Кондратий, крестьянин — 31.
Брызгалова Анна, посадская женщина — 212.
Брылкин Калина, стрелецкий голова — 61.
Брюс Яков Вилимович, генерал-майор — 214.
Брямин Андрей, помещик — 160—162.
Брямин Григорий, помещик — 160—162.

[1] Здесь и далее имеются в виду стрельцы гарнизона г. Красного Яра (нижнее Поволжье).

Бубнов Игнатий, подьячий — 79—82, 85, 91.
Бугаев Нестор, стрелец — 114, 116—117.
Буданов Роман, стрелец — 110—111.
Будылев Самсон, солдат — 206.
Буженинов Моисей, солдат Преображенского полка — 82.
Букин Александр, стрелец — 127, 148.
Букреев, помещик — 50.
Булай, астраханский стрелец — 244—245.
Булгаков Яков Романович, купец гостинной сотни — 55, 61, 64.
Бунаков Иван, дворянин — 192.
Бурлак Илья Иванович, донской казак — 99.
Бурмистров Михаил, астраханский стрелец — 276.
Бутман А., олонецкий комиссар — 13.
Бутурлин — Большой Иван Иванович, стольник — 10, 262.
Бутурлин Ф., стольник — 170.
Бухарев, солдат — 156.
Быков Василий, астраханский стрелец — 255, 263, 283, 317.
Былинский Яков, дьяк Преображенского приказа — 19, 249—250, 287, 319.
Быченок Иван, стрелец — 117.

В

Вавилов Василий, отставной пушкарь — 283, 286.
Варлаам, монах — 145.
Василий, крепостной — 23.
Василий, крестьянин — 180.
Василий, стрелец-пятидесятник — 211.
Васильев Иван, терский стрелец — 237, 243, 284.
Васильев Моисей, крестьянин — 195.
Васильев М., крестьянин — 188.
Васильев Никифор, дьячок — 44.
Васильев Остафий, крестьянин — 193.
Васильев Патрикей, стрелец — 110, 111.
Васильев Петр, крестьянин — 173, 175.
Васильев Петр, певчий — 156.
Васильев Родион, крестьянин — 173, 175.
Васильев Семен, дьяк — 239, 268, 304.
Васильев Филипп Петрович, крестьянин — 173, 175.
Васильев Фока, крестьянин — 179—181.
Васильева Афимья, крестьянка — 173, 175.
Вашутин, черноярский воевода — 229, 277.
Вергун Григорий, астраханский стрелец — 269.
Веретенников П., кузнец — 219.
Ветошник Григорий, терский стрелец — 234.
Ветошник Савва, красноярский стрелец — 270.
Ветчинкин Влас, крестьянин — 124—126.
Виниус Андрей Андреевич, думный дьяк — 206.
Владимиров Григорий, сельский бурмистр — 50.
Власов Иван Остафьевич, думный дворянин — 203.
Волков Данила, холоп — 61, 210—211.
Волокушин А. Ф., черноярский стрелец — 228—229, 231, 296.
Волох Марфа, стрельчиха — 66—67.
Волох Тимофей, стрелец — 66—67, 118, 125.
Волоцкий Василий, подьячий — 59.
Волынская Авдотья, помещица — 54, 192.
Вонифатьев Стефан, протопоп — 134.
Воробьев Федор, астраханский солдат — 262, 283, 317.
Воробьев, солдат — 57.
Воробьин В.— 70.
Ворона, астраханский стрелец — 269.
Воронецкий Иван, кольский воевода — 121—122.
Воротников Степан, стрелец-пятидесятник — 88, 99, 295.
Вялый С., офицер — 151.

Г

Гавренев М., полковой писарь — 202.
Гаврилов Борис, астраханский солдат — 282.

Гаврилов Василий, священник — 186.
Гаврилов Иван, астраханский стрелец — 286.
Гаврилов Иван, посадский человек — 218.
Гаврилов, священник — 52.
Гаврилова Арина, солдатка — 199—200.
Галахтионов Я., крестьянин — 170, 172.
Галачалов Дмитрий Герасимович, полковник — 223—224, 228—231, 243, 245, 250, 254—256, 259—268, 273, 276, 298—299, 304, 307—308, 313, 316—318.
Галкин Петр, солдат — 127.
Ганчиков Гаврила Ларионович, астраханский посадский человек — 224—226, 228—230, 243, 251—252, 268, 279, 299.
Гвоздев Терентий, астраханский стрелец-пятидесятник — 276.
Гелвасий, монах — 133—134.
Геннадий, новгородский архиепископ — 134.
Герасим, монах — 49.
Герасимов А., солдат — 202.
Герасимов Иван, подьячий — 81.
Герман, монах — 150—152.
Гладков Дмитрий, астраханский солдат (Железо) — 250, 253, 282, 286.
Глазунов, капитан — 263, 302, 317.
Глеб, монах — 145.
Глодышев Иван, астраханский солдат — 276.
Голиков Иван Иванович, купец, историк — 41, 71, 90, 129.
Голицын Андрей Иванович, кн. боярин — 70, 108.
Голицын Борис Алексеевич, кн. боярин — 39, 114, 116—117, 157, 161, 218, 224, 299.
Голицын Василий Васильевич, кн. боярин — 59, 70, 93, 187, 192, 218.
Голицын Дмитрий Михайлович, кн. киевский губернатор — 32.
Голицын Петр, кн. — 92.
Головин Автоном, генерал — 10, 16, 206.
Головин И. И., псковский воевода — 58.
Головин Федор Алексеевич боярин — 244, 251, 262.
Голый Иван, терский стрелец — 234, 237, 273, 275, 280, 286, 288.
Голяков С., сторож — 52.
Горбунов Степан, терский стрелец-пятидесятник — 237.
Гордон Патрик, генерал — 43, 74, 76, 201.
Горкер (Хоркер) Александр, поручик — 206.
Горталов А., колодник — 22.
Грахов Константин, астраханский стрелец — 278—279.
Грачев, книготорговец — 159.
Грашевский Матвей, колодник — 13.
Гребенщиков, солдат — 203.
Грек Яков, полковник — 117.
Грехов Родион, астраханский стрелец-пятидесятник — 242.
Греченин, капитан — 263, 315.
Григорьев Григорий, священник — 177.
Григорьев Г., крестьянин — 30.
Григорьев Елисей, гулящий человек — 267.
Григорьев Яков, солдат — 198—200.
Гришаев Семен, солдат — 215.
Грязной Иван, крестьянин — 179—180.
Гуляев, солдат — 27.
Гундертмарк, Христофор, полковник — 103—104, 112.
Гусев Степан, солдат — 30.

Д

Давыд, иезуит — 73.
Давыдов В., холоп — 188.
Давыдов Иван, солдат — 266, 315.
Данилов М., помещик — 194.
Данилов, помещик — 173—174.
Дарья, крестьянка — 181.
Дашков Георгий, игумен — 241, 244, 311.
Дашков, «прибыльщик» — 310.
Девинь Лаврентий, полковник — 259, 263—264, 267, 304.
Дедов Василий, астраханский солдат — 268.
Дедов Иван, гулящий человек — 283.
Демка, донской казак — 89.
Денисов Михаил, дьякон — 135, 140, 144.
Дериглаз Иван Дорофеевич, астраханский стрелец — 276—280.

Дивей Канбулатович, черкасский князь — 235, 237.
Дивигней — см. Девинь.
Дивов Д. И.— 18.
Дий, монах — 112—117.
Дионисий, дьякон — 149, 151.
Дионисий, монах — 114.
Дмитрий, ростовский митрополит — 139.
Дмитрий, монах — 49.
Дмитриев Федор, гурьевский воевода — 271.
Дмитриев Якушка — см. Янсен Яков.
Добрыня Яков, стрелец — 264.
Долгополов, стрелец — 181.
Долгорукий Владимир Дмитриевич, кн. боярин — 39, 108.
Долгорукий Степан, воевода Красного Яра — 270—272, 309, 318.
Долгорукий Яков Федорович, кн. боярин — 110—111.
Долгорукий Юрий Алексеевич, кн. боярин — 111.
Донской, астраханский солдат — 282.
Дружинина Анастасия, холопка — 54, 187.
Дуб Кирилл, крестьянин — 55—56.
Дубровский, помещик — 181.
Дугин Алексей, подьячий — 112—113.
Дуденков, крестьянин — 169.
Дунаев Афанасий Алексеевич, подьячий — 138, 140.

Е

Евдокимов, священник — 23.
Евреинов Андрей, откупщик — 302, 303, 308.
Евтифеев Григорий, целовальник — 261, 313.
Евтифеев Клим, крестьянин — 195—196.
Евтифеев Фирс Климович — 196.
Егорова Екатерина, стрельчиха — 127.
Екатерина Алексеевна, царица, жена Петра I — 154, 177.
Екатерина Алексеевна, царевна, сестра Петра I — 38, 60.
Елагин Данила, дворянин астраханский — 303.
Елизавета Петровна, царица, дочь Петра I — 138.
Елизарьев Ларион, стрелец-пятисотник, потом дьяк — 60, 87—88, 90, 98—99, 200—201, 295.
Елисеев Григорий, священник — 38—39, 60.
Ельчанинов, полковник — 111.
Ельшин Иван, солдат — 200—201.
Ельшин Семен, рейтар — 201.
Емельянов Иван, астраханский стрелец — 233, 235.
Епанчин Яков, астраханский дворянин — 242.
Еремеев М., крестьянин — 49.
Ермаков Иван, подьячий — 228, 296.
Ермолаев Антипа, астраханский земский бурмистр — 228, 229, 250—251, 253, 254, 264, 272, 283, 287, 311, 319.
Ермолаева Агафья, крестьянка — 181.
Ерофеев Иван, приказчик — 175—176.
Ершов Борис Гаврилович — 108.
Ефимов Иван, крестьянин — 195.
Ефимов Л., крестьянин — 194—195.
Ефимов М., крестьянин — 194.
Ефимова Прасковья, крестьянка — 194—195.
Ефимьев Иван, священник — 156, 157.
Ефросинья, монахиня — 63.

Ж

Жегало Петр, астраханский солдат — 252, 262—263, 268, 275—278, 283, 287, 289, 318—319.
Железников Карп, посадский человек — 216.
Железо Дмитрий — см. Гладков Д.
Железо Михаил, астраханский солдат — 282, 284, 318.
Желтовский В., черкашенин — 44.
Желябужский Иван Афанасьевич, дворянин, автор записок — 13, 40, 90, 100, 192.
Желябужский Василий Тимофеевич, стольник — 13.
Жировой Дмитрий, красноярский стрелец — 272.
Жуков Иван, стрелец-пятисотник — 110—111.
Жуков Кузьма, крестьянин — 186.

З

Забродин Ефим, астраханский стрелец — 264.
Заворуев Илья, работный человек — 51.
Зажарский Никита, полковник — 224, 263, 267—268, 296, 299, 304, 308—309, 315.
Зайцев Иван, крестьянин — 285.
Заманов Михаил, кн. стольник — 301.
Захар, мальчик — 63.
Захарий, монах — 148.
Захарий, монах — 145.
Заяц Никифор, стрелец-пятидесятник — 112.
Заяц Терентий, астраханский стрелец — 266, 286.
Званский Иван, сотник — 264.
Зверев Матвей, солдат — 202, 203.
Зимин Харитон, астраханский стрелец — 262—263, 283, 318.
Зиновьев Елисей, донской казак — 250, 254, 280, 283, 311—312.
Зиновьев Емельян, астраханский стрелец-пятидесятник — 276.
Зиновьев, посадский человек — 23.
Зломан Ларион, посадский человек — 216—217.
Зорин Василий Андрианович, стрелец — 107—108.
Зотов Никита Моисеевич, думный дьяк — 39, 132.
Зуй Василий, крестьянин — 85—86.

И

Иванисов Иван, армянский купец — 242.
Иванов Автамон Иванович, думный дьяк — 100, 296.
Иванов Андрей, посадский человек — 218—219.
Иванов Артамон, пономарь — 135, 139—140, 142, 144.
Иванов Афанасий, посадский человек — 242.
Иванов Василий, стрелец — 125.
Иванов Василий, астраханский солдат — 264.
Иванов Григорий, посадский человек — 140—141, 144.
Иванов Иван Артамонович, посадский человек — 140, 142.
Иванов Кирилл, крестьянин — 173.
Иванов Клим, стрелец — 110.
Иванов Кузьма, стрелец-пятисотник — 116—117.
Иванов Макар, астраханский солдат — 271.
Иванов Осип, солдат — 202—204.
Иванов Петр, крестьянин — 169.
Иванов Прокофий, см. Конархист Петр.
Иванов Роман, священник — 145—146.
Иванов Сергей, терский стрелец — 237.
Иванов Терентий, астраханский стрелец — 245.
Ивинский, помещик — 175—176.
Игнатий, епископ тамбовский — 135, 137, 140—144.
Извеков, пушкарский голова — 308.
Измайлов, помещик — 196.
Илларион, митрополит суздальский — 135.
Ильин, помещик — 52.
Инехов Иван Трифонович, генеральный писарь — 17, 80.
Иоаким, патриарх — 70, 72—77.
Иоанн Алексеевич, царь, брат Петра I — 49, 90.
Ионов Василий, терский стрелец — 273.
Иосиф, монах — 123.
Исаев, приказчик — 193.
Исайя, митрополит нижегородский — 152—153.
Исаков Петр, подьячий — 19, 59.

К

Кабан, крестьянин — 176.
Казак Степан Тимофеевич, посадский человек — 233—237, 284.
Казанец Дмитрий, астраханский стрелец — 255, 263—264, 283.
Казанец Федор, певчий — 137—138.
Каин Андрей Степанович, посадский человек — 192.
Калачников Семен, полковой писарь — 222, 259.
Калашников Михаил, целовальник — 283.
Калентьев Кузьма, дворянин — 229, 277.
Калинин Василий, астраханский стрелец — 242.
Калмык Степан, астраханский стрелец — 262, 283, 318.

Камышников Андрей, астраханский стрелец — 262, 276, 283, 317.
Капарский, дьячок — 156.
Капустин Моисей, астраханский солдат — 286.
Каршевский, майор — 305.
Касимовец Мартын, крестьянин — 163.
Кашаев, стольник — 211.
Кашкарин Ишей, табунный голова — 242, 303.
Квасников С., посадский человек — 212, 215.
Квашнин, помещик — 23.
Квашнин — Самарин, помещик — 168.
Кикин А., помещик — 169.
Киндяков Алексей, писарь — 114, 117.
Киреев Андрей, помещик — 51, 162.
Киреева, помещица — 162.
Кириллов Дмитрий, батырщик — 140, 144.
Кириллов Ефим, дьячок — 133.
Кириллов Савелий, красноярский стрелец — 271.
Кириллов, крестьянин — 51.
Кирилловец Иона, дьякон — 149, 151.
Кирсанов Петр, посадский человек — 212—213.
Киселев Борис, крестьянин — 189—190.
Кисельников Иван, астраханский стрелец — 225, 228, 230, 233, 239—240, 243, 276, 281—282, 296, 299, 300—301.
Клементьев Федор, посадский человек — 241.
Клушина Анна, постельница царевен — 103.
Кляпошников Иван, колодник — 61.
Кобыла Алексей, астраханский стрелец — 286.
Кобылина, посадская женщина — 216.
Кобылкин Тимофей Евтифеевич, посадский человек — 61.
Козлов Н., полковник — 201—203.
Козлов Петр, полковник — 234.
Колзаков Федор, полковник — 103—104, 112, 123.
Колмаков М., солдат — 205.
Колос Никита, астраханский стрелец-пятидесятник — 242, 255, 265, 283, 318.
Колтовский Степан, сотник — 271.
Колычев И. Я.— 18.
Конархист Петр (Прокофий Иванов), монах — 154, 155.
Кондратьев, крестьянин — 23.
Кондратьев, стрелец — 12.
Кондырев Петр Тимофеевич, боярин — 12—13, 185.
Конев Григорий, астраханский солдат — 268.
Конев Леонтий, астраханский стрелец — 282.
Конищев, полковник — 133.
Коноплин Макар, астраханский стрелец — 264.
Константинов Федор, переписчик — 85.
Константинов Феоктист, посадский человек — 140, 144.
Коптева Ульяна, боярыня — 199.
Корб Иоганн, секретарь австрийского посольства в России — 211.
Кореитов Борис Федотович, полковник — 223, 231, 255, 278, 301, 304, 307—308.
Корситов Михаил Федотович, полковник — 223, 231, 244, 250, 301, 304, 307, 308, 316.
Корешило Терентий, астраханский стрелец — 262—263, 265, 268—271, 273, 275—276, 282—283, 287, 289, 317, 319.
Корма Иван, красноярский стрелец — 270—271.
Кормильцев Г. А., черноярский стрелец — 228—229, 231, 296.
Корнилов Ларион, крестьянин — 179, 180—181.
Корнилов Мина, солдат — 126.
Корнильев Семен, дворовый человек — 195.
Корнилова Прасковья, стрельчиха — 126.
Коробейщиков Михаил, стрелец — 110.
Корова Борис, астраханский стрелец — 253.
Корольков Федор, посадский человек — 211.
Коротков Иван, терский стрелец — 234.
Корсаков Никита, стрелец-пятидесятник — 95—96, 99, 294—295.
Косой Василий, терский стрелец — 238, 286.

Костаусов Иван, солдат — 205.
Костюрин Василий, стряпчий — 50—51.
Кочержонок Иван, красноярский стрелец — 270.
Кочетенок Антип, терский стрелец — 237.
Кошкин Федор Тимофеевич, посадский человек — 55, 212, 214.
Кошуля Иван, терский стрелец — 233.
Крапоткин М., князь — 70.
Красильников Петр, сержант — 242.
Крекшин Андрей Иванович, дворянин — 177—179.
Кренев Никифор, подьячий — 79—81, 85.
Кривой Петр, стрелец — 118—119.
Кривой Семен, крестьянин — 177.
Кривочуров Тихон, астраханский солдат — 263.
Кривцов, полковник — 109—110, 113, 115—116.
Кудрявцев Марк, подьячий — 218.
Кузнец Борис, астраханский стрелец — 286.
Кузнец Василий, астраханский солдат — 257.
Кузнецов Герасим, стрелец — 123, 125.
Кузнецов Р., крестьянин — 170, 172.
Кузнечик Иван, красноярский стрелец — 270.
Кузьмин Григорий, крестьянин — 168.
Кузьмин-Караваев Афанасий, стольник — 54, 187.
Кукара Родион, астраханский стрелец — 266, 269.
Кульман Квирин, немец — 73.
Куракин Борис Иванович, кн. дипломат — 80, 81, 91.
Курбатов Алексей Александрович, дьяк — 57.
Кутьин, портной — 214—215.
Кучуков Василий, подьячий — 263, 267, 315.
Кучумова Анна, посадская женщина — 211.

Л

Лаврентий, игумен — 151—152.
Лаврентий, подпрапорщик — 207.
Лазарев А., помещик — 201.
Лампадчик Алексей, архимандрит — 153.
Лапшинский Алексей Ф., дворянин — 242.
Ларин, казак — 52.
Ларионов Гаврила — см. Ганчиков Г. Л.
Ларчихин И., посадский человек — 216.
Латышев Савва, солдат — 163.
Лебедев Иван, астраханский стрелец — 273.
Леонтьев Алексей, крестьянин — 170—171.
Леонтьев Григорий, крестьянин — 47.
Лефорт Франц Яковлевич, генерал-адмирал — 76, 86, 89, 102, 104, 107, 123, 126, 149, 199—200.
Лигниц Ян, капитан — 206.
Лопатин Сергей, подьячий — 113.
Лопухин Василий Абрамович, боярин — 71, 173—174.
Лопухин Петр Абрамович (Большой), боярин — 71, 82.
Лопухин Петр Абрамович (Меньшой), окольничий — 71, 79.
Лопухин Сергей Абрамович, стольник — 71.
Лопухин Ф. М.— 71, 274.
Лопухина Евдокия Федоровна, царица, первая жена Петра I — 33, 50—51, 71, 82, 160.
Лопухины, дворянский род — 86—87.
Лука, священник — 135, 140, 144.
Лукин Григорий, бомбардир — 82.
Лукин Петр, священник — 112.
Лукьянов Петр, донской казак — 89, 97, 98—100, 294.
Лукьянов, полковой священник — 109—110.
Лунт Яков, штурман — 306.
Львов, кн., комендант — 178.
Люшин, помещик — 161—162.

М

Майснер Товиас, переводчик — 64
Макаров Алексей Васильевич, кабинет-секретарь Петра I — 296.
Македонский, князь — 22.
Максимов Лукьян, донской атаман — 225, 254, 278, 296.
Максимов, дьякон — 133.
Малафеева Аксинья, крестьянка — 57.

«Малая Земля», капитан — 263, 315.
Маленький, посадский человек — 212.
Манов Петр, посадский человек — 216.
Мансуров Герасим Алексеевич, стольник — 230, 231, 298—299, 303.
Мантуров Василий, астраханский стрелец — 265, 286.
Мануйлов Василий, дьяк Преображенского приказа — 19.
Мануйлов Гаврила, монах — 62—63.
Мария, посадская девочка — 63.
Марина, крестьянка — 174.
Марков Гаврила, крестьянин — 50.
Марков Евтифей, лекарь — 23.
Марков Степан, стрелец — 241.
Мартынов Афанасий, крестьянин — 170, 172.
Марфа Алексеевна, царевна, сестра Петра I — 38, 103, 107.
Масановец Илья, приказчик — 127.
Масленников Лука, стрелец-десятник — 110—111.
Маслов Артемий, стрелец — 105, 107—108.
Маслов Ф., сын боярский — 197.
Матвеев Андрей Артамонович дипломат — 90.
Матвеев Артамон Сергеевич, боярин — 91.
Матвей см. Миронов Михаил.
Матрена, посадская женщина — 216.
Медведев Сильвестр, протопоп — 12, 73—74.
Медведев Михаил, дьячок — 146—147.
Мейер Ларион, капитан — 222, 228, 259, 263, 267, 305, 307, 315, 317.
Мелентий монах — 153.
Мелентий крестьянин — 177—178.
Мелентьев Ларион, крестьянин — 197.
Мелетин Мартын Федотович, посадский человек — 270—272, 286.
Мельник Еремей, красноярский стрелец — 270, 271.
Меншиков Александр Данилович, князь — 82, 168, 171, 195, 217.
Меньшой Евсевий, красноярский стрелец — 271.
Мещерский Иван, князь — 161—162.
Мещерский Н., вологодский воевода — 30.
Мещеряк Афанасий Константинович, откупщик — 256, 304, 306, 308, 313.
Миколчанин Григорий, астраханский стрелец — 269.
Милославская Мария Ильинична, царица, жена царя Алексея Михайловича — 79, 90, 98.
Милославские, боярский род — 86, 90—91, 106.
Милославский Александр, стольник — 71.
Милославский Иван Михайлович, боярин — 79, 98, 100.
Милославский Матвей Богданович, боярин — 79, 85.
Миляков Федот, садовник — 140—141.
Минаев Петр, астраханский стрелец — 263.
Минай — 86.
Миронов Михаил (Матвей), священник — 135, 140, 144.
Митчел Андрей, полковник — 206—208.
Митчел Иван — 207.
Михаил Федорович, царь — 57.
Михайлов Агей, крестьянин — 177—178.
Михайлов Григорий, солдат — 57.
Михайлов Иван, священник — 133.
Михайлов Иван, дворянин — 309.
Михайлов Остафий, крестьянин — 24.
Михайлов, дьяк — 56.
Мокробородов К., крестьянин — 205.
Молостев Дмитрий, терский воевода — 232—236, 238—239, 284.
Монс Анна Ивановна — 76, 161, 216.
Морозовы, бояре — 90.
Морозова Федосья Прокофьевна, боярыня — 91.
Москвитин Степан, астраханский стрелец — 260—261, 269, 273—276, 281—282, 284—285, 318.
Мулин Анбуран, индийский купец — 242.
Мурзицкий Василий, астраханский солдат — 266.
Мурмаламет, тезик — 237.

Мусин-Пушкин Иван Алексеевич, боярин — 128, 153.
Мышецкая, помещица — 168.

Н

Нагибин Семен, крестьянин — 173—174.
Нагой Иван, монах — 132—134, 136.
Нарышкины, дворянский род — 73, 86, 91.
Нарышкин Лев Кириллович, боярин — 79, 87, 179.
Нарышкина Наталья Кирилловна, царица, мать Петра I — 70, 73, 79, 80—81, 90, 149, 181, 274.
Наталья Алексеевна, царевна, сестра Петра I — 154.
Невстриев Степан, капрал — 205.
Незнамов Селиверст, подполковник — 110.
Неклек Иван, астраханский стрелец — 286.
Некрасов Илья, полковник — 233—234, 288, 318.
Нелидов Афанасий, полковник — 208.
Нелидова Евдокия, дворовая девушка — 54, 192.
Немиров Алексей, холоп — 54, 56.
Ненила, крестьянка — 174.
Неплюев Афанасий Романович — 70.
Неплюев Леонтий Романович, окольничий — 70.
Неплюев Петр, стольник — 70.
Неронов Иван, протопоп — 134.
Нестеров Василий, дьяк Преображенского приказа — 19, 153, 287.
Нефедьев Афанасий, стрелец — 116—117.
Никита, священник — 154.
Никитин, крестьянин — 170.
Никитин В., священник — 156.
Никитин Гаврила Романович, купец — 6, 209.
Никитин Г., крестьянин (пристав) — 171.
Никитин Иван, священник — 145—147, 164.
Никитин Леонтий, священник — 146.
Никитин Семен, крестьянин — 173.
Никитин Яков, стрелец — 111.
Никифоров Степан, стрелец-пятисотник — 113.
Никон, патриарх — 134.
Никонов Афиноген, крестьянин — 23.
Никонов Евтифей, посадский человек — 212—213.
Никонов Мирон, солдат — 57.
Никонов Яков, дьяк Преображенского приказа — 18—19, 203.
Никулин Л., крестьянин — 193—194.
Новгородов Савва, стрелец-пятидесятник — 121, 122, 136.
Новокщенов Е., сержант — 180.
Ногин А., крестьянин — 51.
Носов Егор — 251.
Носов Прохор, астраханский стрелец — 244, 252, 255, 262—264, 266, 268, 276, 283, 287, 289, 315—319.
Носов Яков Иванович, купец гостинной сотни — 224—226, 228—230, 243—244, 246, 248, 251—253, 264, 266—268, 271—272, 277, 279—280, 283—284, 289, 299, 311, 315, 319.
Носова Авдотья, жена Я. Носова — 251, 284.
Носова Екатерина, дочь Я. Носова — 251, 284.

О

Обернибесов Сергей, астраханский дворянин — 252, 303, 312.
Обручник Ермолай, астраханский солдат — 257.
Обухов Алексей, полковник — 96—97, 99, 295.
Обухов Матвей, солдат — 57.
Овчинников Михаил, крестьянин — 176—177.
Огарев Семен, помещик — 189—191.
Одоленов Иван, красноярский стрелец — 269, 271—272.
Озеров Иван, полковник — 115.
Окользин Василий — 112.
Олимпий, священник — 123—124.
Опухтин см. Апухтин.
Орленок Семен, посадский человек — 157.
Орлов Семен, астраханский солдат — 317, 283.
Орлов Степан, астраханский стрелец — 282.
Осмолов Василий, капитан — 60.
Офросимов, помещик — 193—194.

П

Павлов Григорий, помещик — 196.
Павлов Тимофей, священник — 189—190.
Павлова Евдокия, крестьянка — 194—195.
Панов Василий, астраханский солдат — 262, 283, 317.
Панов Иван, астраханский стрелец — 284.
Пантелеева Афросинья, посадская женщина — 181.
Парамонов Родион, крестьянин — 197.
Пасынков, солдат — 31.
Пашков Михаил, стольник — 193—196.
Пелюга Федор, астраханский солдат — 263.
Пескарев Афанасий, астраханский солдат — 244, 282.
Петр I Алексеевич, царь — 3—5, 7—16, 20, 24—26, 30, 32, 34—44, 46—47, 49—54, 56, 61, 63—66, 68—87, 90—94, 98—110, 112, 116—122, 126—137, 140—154, 156—175, 182, 186, 191—193, 195—198, 201, 204, 205—206, 208—219, 221, 223—224, 226—227, 230—232, 234, 239—240, 242—245, 249, 251—252, 259—260, 273—277, 279, 282, 285, 289, 291—294, 296.
Петр Петрович, царевич, сын Петра I — 127.
Петров Борис, посадский человек — 215.
Пигарев, солдат — 150.
Пилат Понтий, римский консул, по преданию судивший Христа — 166.
Питирим, монах — 45.
Плейер Отто Антонин, австрийский посол в России — 12, 285.
Плишин Яков, астраханский солдат — 286.
Плясунов Севастьян, стрелец-пятидесятник — 61, 108, 201—204, 218.
Подвинский Иван, см. Подвинский Иосаф.
Подвинский Иосаф, монах, бывший певчий — 156—157.
Покидин Алексей, стрелец — 121, 122.
Полетай Федор, астраханский стрелец — 269—270, 276.
Полосухина Анна, крестьянка — 173—174.
Полоцкий Симеон, ученый монах, поэт — 72.
Полтев Яков Федорович, стольник — 52, 61.
Полуектов, помещик — 195.
Поляков Парфен — 197.
Попов Аника, отставной прапорщик — 147.
Портной Авдей, астраханский солдат — 263, 283, 317.
Портной Сергей, крестьянин — 176.
Порун Савва (Савелий ?), красноярский стрелец — 270—271.
Посошков Иван Тихонович, публицист — 6, 84—86, 166.
Посошков Роман Тихонович, крестьянин — 85—86.
Потемкин, помещик — 170.
Пошивалова Авдотья, посадская женщина — 211.
Прозоровский Алексей Петрович, кн. боярин — 113, 115, 133.
Прозоровский Никита Петрович, князь — 108.
Прозоровский Петр Иванович, кн. боярин — 39, 79, 108.
Прокофьев Алексей, крестьянин — 195.
Протасьев Александр Петрович, окольничий — 18.
Протопопов Д., солдат — 65.
Протопопов, полковник — 114—116, 133.
Протопопов, помещик — 181.
Пушкин Матвей Степанович — боярин — 80, 94, 99, 295.
Пушкин Федор Матвеевич, стольник — 50, 55, 80, 90, 94, 95—97, 99—100, 294—296.
Пчелинец, казак — 219.
Пышкин, Тимофей, стрелец — 110.

Р

Разин Степан, донской казак, предводитель крестьянской войны 1670—1671 гг. — 89, 117, 125, 294.
Разуваев Дмитрий, стрелец — 111.
Распопин Михаил, целовальник — 121.
Растворов Василий, донской казак — 30.
Резанов Иван, донской казак — 54, 145.
Резанов Никита, холоп — 192.

Реткин, солдат — 127.
Решетов Семен, стрелец — 115, 117.
Ржевский Александр Тимофеевич — 304.
Ржевский Алексей Иванович, окольничий — 79.
Ржевский Тимофей Иванович, астраханский воевода — 222, 224—227, 232—233, 239, 255—258, 260—261, 266,—270, 292, 296, 299, 301—310, 312—314.
Ригеман Карл Андреевич, генерал-майор — 118, 200, 207—208.
Ригмонт К. см. Ригеман.
Римский-Корсаков Михаил, стольник — 54.
Римский-Корсаков Игнатий, архимандрит — 75.
Родионов Иван, священник — 133.
Родионов М., крестьянин — 196—197.
Рожин Федор, стрелец-пятидесятник — 96, 99—100, 294.
Роздевай М., солдат — 202, 204.
Розет, посадский человек — 30.
Романов Гаврила см. Никитин Г. Р.
Романов Иван, подьячий — 56.
Романов Семен, крестьянин — 168.
Романов Яков см. Булгаков Я. Р.
Ромодановский Иван Федорович кн. судья Преображенского приказа — 20, 27, 177—179.
Ромодановский Михаил Григорьевич, кн. воевода — 106.
Ромодановский Федор Юрьевич, кн. стольник, судья Преображенского приказа — 10, 12—13, 15—16, 20, 22, 24, 27, 29—32, 36—40, 42, 45, 50—52, 54, 56—57, 59—64, 84, 86—87, 106, 108, 116—117, 121—125, 134, 138—140, 142, 144—145, 147—148, 151—156, 159, 170—176, 179—181, 186—191, 193, 195—197, 199, 201—203, 210—211, 213, 215—218, 222, 225, 229—232, 234, 236, 238—240, 246, 248—249, 251, 253, 254, 263—267, 272—273, 277, 280—285, 287.
Роскащин Никита, донской казак — 295.
Ростопчин Аким (Яким), астраханский стрелец — 244, 255, 282—283, 316.
Ртищев М., стольник — 185—186.
Ртищев Федор Михайлович, боярин — 78—79, 92.
Ртищевы, дворянский род — 79, 90.
Рувим, архимандрит — 241.
Рудеев Кузьма, стрянчий — 79—80, 83, 85, 113.
Рудин Клим, крестьянин — 191.
Румянцев, каптенармус — 60.
Рыбенок Елизар, солдат — 201.
Рыбник Антон, астраханский стрелец — 282.
Рымарев Семен, помещик — 187—189.
Рычков Петр, подьячий — 242.

С

Савельев Анисим, крестьянин — 177—178.
Савельев Иван, ученик Г. Талицкого — 138, 140, 142, 144.
Савельев Филипп Анисимович, крестьянин — 178.
Савин Иван, посадский человек — 137, 139, 142, 144.
Савин, монах — 133, 134
Сайдашный Матвей, солдат — 206—207.
Салтанов Степан, крестьянин — 193—195.
Салтыков Василий Федорович, кравчий — 202.
Самойлов Иван, стрелец-пятидесятник — 110.
Самойлов Я., крестьянин — 188.
Самойлова Анна, крестьянка — 188.
Самопальщиков Матвей, сторож — 66—67.
Самсон (Самсоний), астраханский митрополит — 239, 241, 244, 267.
Самсонов Устин, стрелец-пятидесятник — 96—97, 99, 295.
Сапожник Андрей, астраханский стрелец — 262, 283, 317.
Сапожников Р., солдат — 202.
Сарапка Василий, стрелец — 125.
Саратовец Василий, астраханский стрелец — 264, 266, 275, 280, 286.
Саратовец Иван, астраханский стрелец — 275.
Саратовец Яков, астраханский стрелец — 268, 273.
Сафьянников Никифор, купец гостиной сотни — 149, 151.

Свищов Афанасий, помещик — 162—163.
Северьянов Иван, астраханский стрелец-пятидесятник — 242.
Севрюков Василий, подьячий — 192.
Сентов Кожек, бухарский купец — 242.
Селезнев Тимофей, астраханский солдат — 266, 315.
Семенов Андрей, холоп — 140, 144.
Семенов Д., крестьянин — 170—171.
Семенов Игнатий, дьячок — 156—157.
Семенов Пантелей, крестьянин — 123—126.
Семенов Родион, холоп — 39.
Семенов Семен, терский стрелец — 233.
Сергеев Парфен, крестьянин — 180.
Сергеев П., холоп — 188.
Сергий, игумен — 65, 152.
Серебряк Семен, терский стрелец — 233.
Серебряков Иван, астраханский стрелец — 267.
Серебряников Н., солдат — 202.
Сериков Пимен, колодник — 126.
Сеченов, посадский человек — 31.
Сидоров, посадский человек — 64.
Силин Григорий, стрелец-пятидесятник, впоследствии подьячий 87—88, 90, 99, 296.
Силина Анна, посадская женщина — 217.
Сильвестр, монах — 148.
Симонов, помещик — 49.
Синбирянин Михаил, посадский человек — 247.
Синепупов Савва, красноярский стрелец — 270.
Синовщик Тарас, астраханский стрелец — 262—263, 283, 318.
Ситников Яков, астраханский стрелец — 268, 273.
Скорняк Тимофей, стрелец-десятник — 96, 99, 294—296.
Скорняков Михаил, астраханский стрелец — 225, 228—230, 233, 253, 276, 296.
Скоробогатый Иван, астраханский стрелец — 269.
Скоробоцкий Михаил, стрелец — 110—111.
Скунила Семен, стрелец — 64—65.
Смагин Поликарп, крестьянин — 52.
Сметанин, посадский человек — 219.
Смирнов Иван, старообрядческий проповедник — 159.
Смирнов Назар, гулящий человек — 219.
Собакин Алексей, стольник — 70.
Собакин Степан, стольник — 70.
Соковнин Алексей Прокофьевич, окольничий — 50, 55, 87, 90—95, 97—100, 161, 187, 210, 294.
Соковнин Василий Алексеевич, стольник — 91, 94, 97, 206—207, 295.
Соковнин Петр Алексеевич — 94, 294.
Соковнин Федор Прокофьевич, боярин — 90, 98—99, 295.
Соковнин Федор Алексеевич — 295.
Соковнины, дворянский род — 79, 91.
Соколенский Герасим, монах — 54.
Соколов Тимофей, астраханский стрелец — 259, 262, 283, 318.
Соколов Тимофей, донской казак — 117.
Соколов, казак — 23.
Солнцев-Засекин Афанасий, князь — 54.
Солнцев-Засекин Василий, князь — 160, 197—198.
Соловьев Иван, гулящий человек — 283.
Сосновский Андрей, холоп — 115—116.
Софроний, игумен — 148.
Софья Алексеевна, царевна, сестра Петра I—9—10, 12, 26, 36, 38, 56, 69—70, 73, 77, 79, 80, 86, 87, 90, 92—93, 98, 100, 102—103, 106, 107, 119, 156, 192, 198—199.
Спиридонов Василий, стрелец — 110—111.
Спиридонов Кузьма, стрелец — 110—111.
Срезнев М., воевода — 157.
Стародубов Дмитрий, астраханский стрелец — 282.
Старцев Иосиф, крестьянин — 169.
Старчонок Осип, разбойник — 13, 171.
Степанида, попадья — 140.
Степанов Афанасий, крестьянин — 195—196.

Степанов Иван, солдат (бывш. стрелец) — 118, 208.
Степанов Савва, стрелец — 97.
Степанов Ф., крестьянин — 168.
Страдников Иван, подьячий — 59.
Стратилат Андрей — 85.
Страхов Михаил, полковой писарь — 235—238.
Стрешнев Иван Родионович, стольник — 96—97, 99, 168, 192, 296.
Стрешнев Тихон Никитич, боярин — 39—40, 51, 104, 106, 111, 140, 143, 179, 195, 202, 223—224.
Стрижев, стрелец — 12.
Строганов — 127.
Ступин Степан, дьяк — 18.
Суворов Иван, писарь — 17, 18, 19.
Сугоняй Иван, посадский человек (бывш. стрелец) — 285.
Судоплатов, посадский человек — 252.
Сыромятников Алексей, астраханский стрелец — 265—266, 286.

Т

Талицкий Григорий Васильевич, «книгописец» — 5, 49, 55, 135—145, 147, 149—151, 158, 186, 211, 267.
Талицкий Михаил — 140, 142, 144.
Тарлыков Григорий, холоп — 12, 185.
Тарыбердей Ишеевич, юртовский татарин — 242.
Татаринов Агафон, монастырский служитель — 192.
Татринов Яков, солдат — 205—206.
Татьяна Михайловна, царевна, тетка Петра I — 51, 217.
Твердышев Осип Степанович, астраханский бурмистр — 242.
Тверитинов Дмитрий Евдокимович — 18.
Темирхан, уздень черкасского князя Дивея — 235.
Тенютин Мелентий, астраханский стрелец — 252.
Тимофеев Иван, сотник — 276.
Тимофеев Иван, священник — 153.
Тимофеев Парфен, стрелец — 56, 116—117.
Титов Григорий, стрелец-пятидесятник — 115—117.
Титова Матрена, дворянка — 162.
Тихонов Давыд, стрелец — 116—117.
Тихонов М., посадский человек — 216.
Тихонов Петр, астраханский стрелец — 244, 318.
Тихонов Сергей, астраханский стрелец — 262—263, 283, 317.
Тихонов, монастырский служитель — 63.
Товия, иезуит — 73.
Толмачев Кузьма, астраханский солдат — 263.
Томилов Алексей, подьячий Преображенского приказа — 19—20, 249, 319.
Торопчанин Борис, астраханский стрелец-пятидесятник — 241—242.
Точилка Петр, астраханский стрелец — 264, 276.
Троекуров Иван Борисович, кн. боярин — 39, 104, 106, 108, 202—203, 213.
Троилов Устин, конюх — 57.
Троицкий Иван, стрелец — 110—111.
Трусова Аксинья, посадская женщина — 47, 56, 61.
Трушка, донской казак — 99.
Тула Иван, астраханский стрелец — 276.
Тума Василий, стрелец — 103, 107, 119.
Туменок М., стрелец — 283.
Турчанинов Афанасий Васильевич, царицынский воевода — 225, 296.
Тутаринов Никита, красноярский стрелец — 270.
Тютчев Василий, поручик — 152—153.
Тютчев Петр, дьяк Преображенского приказа — 18.
Тютчев, помещик — 193—194.

У

Угримов, дьяк — 31.
Удалов Илья, рыбак — 86.
Украинцев Емельян Иванович, дьяк — 18.
Улеснев Яков, стрелец — 115—117.
Улита Тимофеевна, крестьянка — 181.
Урусов Казбулат, мурза юртовских татар — 242, 301, 309.
Урусов Я., стольник — 179.

Урусова Евдокия Прокофьевна, боярыня — 91.
Усов Игнатий, крестьянин — 189—191.
Уткин Терентий, астраханский стрелец — 252, 266—267.
Уфимец Василий, астраханский стрелец — 264, 273.
Уфимец Никифор, астраханский стрелец — 268—269.
Ухтомский Яков, князь — 214.
Ушаков В., стольник — 179.

Ф

Федор Алексеевич, царь — 55, 72, 73, 91.
Федоров В., подьячий — 24.
Федоров Иван, священник — 49, 148.
Федоров Иван, астраханский солдат — 243.
Федоров Кирилл, атаман гребенских казаков — 235.
Федорова Афимья, посадская женщина — 181.
Федорова Наталья, посадская женщина — 215.
Федотов К., сержант — 215.
Феодосий, иеромонах — 155.
Феодосий, монах — 49.
Феоктистов Михаил — 98.
Феофилакт, монах — 149—152.
Филиппов Василий, стрелец-пятидесятник — 89—90, 94—96, 98—100, 286, 294, 296.
Филиппов Иван, астраханский солдат — 242, 266.
Филиппов Павел, подключник — 140—141, 144.
Филиппов С., крестьянин — 180.
Филиппов Яков, атаман войска Донского — 297.
Филиппов, посадский человек — 23.
Филиппов, солдат — 150.
Фирс, архимандрит — 156—157.
Фомин Андреян, посадский человек — 50, 55, 61, 210.
Фомина, посадская женщина — 211.
Фролов Аким, астраханский стрелец — 268, 273.
Фролов И., переплетчик — 211.
Фролов, нестор, помещик — 162.
Фролов, крестьянин — 56.

Х

Халтурин Илья, подьячий — 264.
Хилков Юрий, кн., стольник — 39.
Хитрово, дворянский род — 79, 90.
Хитрово Акулина Афонасьевна, боярыня — 12, 70.
Хованский Иван Иванович, кн. боярин — 140—142, 186.
Хованский Петр Иванович, кн. боярин — 108, 186, 249.
Хортик Григорий, красноярский стрелец — 269, 270—271.
Хотетовский Иван Степанович, кравчий — 217.
Хохлач Андрей Прокофьевич, терский стрелец — 236, 254, 275, 277—280, 283, 286.
Хохулин М., крестьянин — 205.
Хренов Борис, астраханский стрелец-пятидесятник — 267.
Худяков Андрей, астраханский стрелец — 269.

Ц

Циклер Иван Елисеевич, думный дворянин, полковник — 5, 55, 60, 84, 87—90, 92—100, 187, 206, 295—296.
Циммерман Христофор, полковник — 65.

Ч

Чарыков Иван, полковой писарь — 282.
Часовникова Евдокия, посадская женщина — 50, 56.
Чебоксарь Михаил, стрелец — 114—115, 117.
Чеботарь Афанасий, донской казак — 44.
Чегликов Г., помещик — 161.
Чемет, калмыцкий князек — 225, 296.
Чентуков, астраханский стрелец — 273.
Черкасский Михаил Алегукович, кн. боярин — 39, 86, 108, 137, 187.
Черниченок Кондратий, красноярский стрелец — 271.
Черношапкин Алексей, красноярский стрелец — 250, 271, 284.
Черный Даниил, полковник — 103—104, 112.

Черный Емельян, астраханский стрелец — 286.
Черный Никифор, астраханский стрелец — 286.
Чернявский З., холоп — 185—186.
Чириков Михаил, помещик — 195—196.
Чича М., нищий — 218—219.
Чичагов Иван, помещик — 162.
Чортпай, уздень черкасского князя Алдигирея — 284—285.
Чубаров Афанасий, полковник — 103—104, 112, 119.
Чукаев Г., холоп — 192—193.
Чуркин Яков, дворцовый повар — 217—218.

Ш

Шакловитый (Шекловитый) Федор Леонтьевич, думный дьяк, окольничий — 5, 12, 13, 42, 70, 74, 87, 93, 98, 102, 118, 295.
Шалгин Иван, см. Игнатий, епископ тамбовский.
Шапошников Гаврила, астраханский стрелец — 262, 268, 283, 317.
Шапошников Иван, астраханский стрелец — 269.
Шевель А., посадский человек — 217.
Шеин Алексей Семенович, боярин — 39, 43, 86, 93, 104, 111, 190, 294.
Шелудяк Иван Васильевич, астраханский стрелец-десятник — 224, 229, 244, 252—255, 262—263, 265—268, 273, 275, 280, 282—283, 287, 289, 299, 316—317, 319.
Шелудяк Федор, см. Шелудяк И. В.
Шеншин Семен Полуэктович, подполковник — 42.
Шереметев Борис Петрович, боярин, фельдмаршал — 93, 180, 195, 201, 218, 227, 231, 240—246, 248, 251—253, 282, 311, 318.
Шереметев Василий Петрович, боярин — 108.
Шереметев Петр Васильевич, боярин — 206.
Шереметев Федор Петрович, боярин — 108.
Шигорин Петр, стрелец — 122.
Ширяев Маркел, офицер — 150—151.
Шишка Федор, астраханский стрелец — 319.
Шишкин Евтифей, помещик — 161—162.
Шмулов Агафон, солдат — 205.
Шоша Иессей (Иван), дьякон — 154, 155.

Щ

Щепотев Михаил, сержант Преображенского полка — 299.
Щербатый Юрий Федорович, кн окольничий — 39,217.
Щетинин Иван, подьячий — 241.
Щукин С., бобыль — 58.

Ю

Юрасов Яков, терский стрелец — 233.

Я

Яворский Стефан, митрополит — 128—129, 136—137, 139, 143—145, 155, 157.
Языков Матвей, солдат — 172.
Якимов Яков, астраханский стрелец — 228, 296.
Яковлев Василий, посадский человек — 242.
Яковлев Иван, астраханский стрелец — 252, 268, 273.
Яковлев, стольник — 187—188.
Якушка Дмитриев, см. Янсен Яков.
Ямин Кондратий, посадский человек — 146.
Янов, помещик — 170.
Янсен Яков, голландский матрос — 42—44, 216.
Ясаул Афанасий, см. Пескарев Афанасий.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

ГЛАВА I ОРГАНИЗАЦИЯ ПРЕОБРАЖЕНСКОГО ПРИКАЗА 8

ГЛАВА II ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ПРЕОБРАЖЕНСКОГО ПРИКАЗА 31

ГЛАВА III ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ БОЯР, СТРЕЛЬЦОВ, ДУХОВЕНСТВА И ДВОРЯН 69

ГЛАВА IV ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ КРЕСТЬЯН, СОЛДАТ И ПОСАДСКИХ ЛЮДЕЙ 165

ГЛАВА V ПРОЦЕСС УЧАСТНИКОВ АСТРАХАНСКОГО ВОССТАНИЯ 1705—1706 гг. 221

Приложения 294

Именной указатель 321

Нина Борисовна Голикова

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
ПРИ ПЕТРЕ I

*

Редактор **А. И. Шестова**
Технич. редактор **Г. И. Георгиева**

* * *

Сдано в набор 6/III 1957 г.
Подписано к печати 28/VIII 1957 г.
Формат 60 × 92/16 Объем: печ. л. 21,25
Учетно-издат. л. 22,07 Бум. л. 10,63
Л-108290 Изд. № 783
Заказ 473 Цена 14 р. 25 к.

* * *

Издательство Московского университета
Москва, Ленинские горы

*

Типография Издательства МГУ
Москва, Моховая, 9.

БИБЛИОТЕКА
УД ЦК КПСС

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
11	15	разнобразных	разнообразных
18	13	Преображеский	Преображенский
39	36	государство	государево
54	46	ст. 388	стб. 388
55	1	применяемого	применяемой
80	8	отправдывал	оправдывал
106	20	обудованных	оборудованных
106	41	приговарились	приговаривались
135	44	своения	своего
282	20	фельтьмаршала	фелтьмаршала
284	5	фельтмаршала	фелтьмаршала
305	38	она	они
333	10	солдат	стрелец
334	55—56	стрелец-пятидесятник	стрелец-пятисотник
335	53	нестор	Нестор

к зак. 473

14 р. 25 к.